

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2018 Т.9 № 2

COMPARATIVEPOLITICS.ORG

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

Russian Science Citation Index

WEB OF SCIENCE™

**U L R I C H ' S
P E R I O D I C A L S D I R E C T O R Y . T M**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google™
Scholar

J-Gate
INDEXED

OPEN ARCHIVES

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2018 • Т.9 № 2

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный и консультационный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель
науки РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.,
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.,
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа
«Юристъ», Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный
технический университет, Анкара, Турция

Александр Жебит, проф., Федеральный
университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро,
Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный университет

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,
Луисвилл, США

Акихиро Ивасита, проф., Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

В.Г. Ледаев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский
университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный
работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

С.И. Лунев, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

С.И. Лунев

В.Г. Ледаев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

В.В. Михеев, д.э.н., проф., академик РАН,
ИМЭМО РАН, Москва, Россия

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент

РАН, РГГУ, Москва, Россия

Е.В. Попов, LL.M. (Университет Эссекса), к.ю.н.,
доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический
университет, Пекин, Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой
экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,
Узбекистан

Чжао Хуашиэн, проф., Фуданьский университет,
Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаكلةва, д.полит.н., проф., МГИМО МИД
РФ, Москва, Россия

А.Ю. Шутков, д.и.н., проф., МГУ имени
М.В. Ломоносова, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,
Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №31

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 22,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 25.05.2018
Выход из печати: 01.06.2018
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2018
© Воскресенский А.Д., 2018
© Сравнительная политика, 2018
© Издательская группа «Юристъ», 2018

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2018 • Vol.9 № 2

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

Editorial and International Consultative Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far
Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Sergey I. Lunev

Valery G. Ledyayev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political
Science, Associate Professor

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor,
Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University,
Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor,
Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Profes-
sor, MGIMO University, Moscow, Russia

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing
Group "Yurist", Moscow, Russia

Ayse Dietrich, Professor, Middle East Technical University,
Ankara, Turkey

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de
Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin,
Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville,
Louisville, USA

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido,
Sapporo, Japan

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor,
Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO
University, Moscow, Russia

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor, MGIMO Uni-
versity, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Member,
Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and
International Relations, Moscow, Russia

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Efim I. Privovarov, Doctor of History, Professor, Correspond-
ing Member, Russian Academy of Sciences, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Es-
sex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing,
P.R. China

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD
(University of Manchester), Professor, Institute of World
Economy and International Relations, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World
Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent,
Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow
State University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate
Professor, Russian International Affairs Council, Moscow,
Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science,
Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Established in 2009
No.31 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing

Conventional printing sheet – 22,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 25 May 2018
Printed: 01 June 2018
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Voskressenski A.D., logo, 2018
© Voskressenski A.D., 2018
© Comparative Politics, 2018
© Publishing Group "Yurist", 2018

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

В.И. Коннов. Столкновение интересов научных элит в условиях глобализации

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Zoltán Szenes. The Western Balkans: Assessing the EU's Stabilization and Association Process

Ю.И. Надточей. Модели оборонной кооперации на северном и восточном фланге ЕС (опыт «Нордена» и Вишеградской группы)

В.А. Колосов. Трансформация трансграничных взаимодействий на российско-украинском пограничье после 2014 года

Н.В. Борисова. «Сила» территориальной автономии и языковая преференциальная политика в современном мире

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Norbert Kis. Anti-politics, Populism and Political Psychology

Б.Ф. Мартынов. Об «иррациональном» в политической науке и практике

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

В.М. Морозов, А.Б. Хачирова. Компаративный анализ акторности ХАМАС и Хизбаллы и перспективы их встраивания в мировой политический порядок

О.С. Пустошинская. Имидж Тюменской области в объективном и субъективном измерениях: компаративный анализ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Giovanbattista Varrichio. The Italian Geopolitical Code

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Vladimir I. Konnov. Collision of Interests within Scientific Elites: Globalisation Factor

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

17 Zoltán Szenes. The Western Balkans: Assessing the EU's Stabilization and Association Process

26 Yuriy I. Nadtochey. Defence Cooperation Models at the Northern and on the Eastern Flanks of the EU (Norden and Visegrad Group Experience)

41 Vladimir A. Kolosov. Transformation of Cross-Border Interactions on the Russian-Ukrainian Borderland after 2014

62 Nadezhda V. Borisova. "The Strength" of Territorial Autonomy and Language Preferential Policy in Contemporary World

DISCUSSION

83 Norbert Kis. Anti-politics, Populism and Political Psychology

93 Boris F. Martynov. On the "Irrational" in Political Science and in Political Practices

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

105 Vladimir M. Morozov, Aysha B. Khachirova. Hamas and Hezbollah as Actors: Comparative Analysis and Prospects of Integration in the World Order

114 Olga S. Pustoshinskaia. Image of the Tyumen Region in Objective and Subjective Measurements: A Comparative Analysis

RESEARCHERS' NOTES

133 Giovanbattista Varrichio. The Italian Geopolitical Code

REVIEWS

140 19th National Congress of the Communist Party of China: Internal and External Effects and Prospects of China's Reforms

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

В.Г. Дацышен. Как сравнительный анализ архивных источников и историографии дает возможность по новому понимать историю. Монография В.М. и М.В. Крюковых «КВЖД 1929: Взрыв и эхо». – М.: ИВ РАН, 2017.

М.Б. Башкиров, М.Ю. Велижанина. Настоящий Север, свободный и сильный

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научно-методический семинар «Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике»

ПАРТНЕРЫ

Журнал «Ценности и смыслы»

Журнал «Мировая экономика и международные отношения»

Дайджест новостей «Мосты»

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

159 Vladimir G. Datsyshen. How the Comparative Analyses of Archival Sources and Historiography Can Help for the New Understanding of History. "The Explosion and the Echo. CER 1929." Monograph by V.M. Kryukov AND M.V. Kryukov

168 Mikhail B. Bashkirov, Marina Yu. Velizhanina. The True North, Strong and Free

ACADEME

171 Methodology Seminar "World Comprehensive Regional Studies in Pedagogical Practice"

OUR PARTNERS

173 Journal "Values and Meanings" (Tsennosti i Smysly)

174 Journal "World Economy and International Relations"

174 "Bridges"

175 GUIDE FOR THE AUTHORS

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ НАУЧНЫХ ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Владимир Иванович Коннов

*Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 30 октября 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: В статье предлагается анализ противоречий, возникающих между учеными, ориентированными на глобальное научное поле, и исследователями, связанными преимущественно с контекстом национальной науки. Данные противоречия исследуются через призму теорий «академического капитализма», «глобального капитализма» и «национальных элит». В качестве основной предпосылки конфликта рассматривается столкновение интересов между учеными, которые ориентированы на выстраивание связей с инфраструктурой глобальной науки – университетами «мирового уровня», транснациональными корпорациями и наднациональными организациями, финансирующими научные исследования, – и учеными, нацеленными на расширение своих возможностей за счет внутренних, главным образом, государственных ресурсов. Анализ включает исторический обзор институциональных изменений в науке с конца 1940-х гг., в котором выделяются следующие ключевые этапы: разделение фундаментальной и прикладной науки в соответствии с новыми задачами научно-технического развития в 1940-50-е гг.; постепенное изменение отношения политиков к науке в 1960-70-е гг.; реформы в области регулирования университетской деятельности в 1980-е; формирование глобальных рынков научных исследований и образовательных услуг, начиная с 1990-х. Далее, в статье рассматриваются случаи, которые позволяют охарактеризовать интересы, служащие основой для формирования внутри научного сообщества фракций. В качестве такого рода случаев приводятся: функционирование двухуровневой системы финансирования научных исследований в ЕС; ситуация с доминированием англоязычных журналов в обороте научной печати; проведение политики, нацеленной на создание университетов «мирового уровня» в странах с развитыми научными традициями, существенно отличающимися от американских. Их анализ позволяет сделать вывод о внутреннем разделении научного сообщества на две основные фракции в зависимости от выбора локально или глобально ориентированной стратегии.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10282</i></p>
<p>Об авторе: к.соц.н., доцент, кафедра философии, МГИМО МИД России e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: академический капитализм; научная политика; научное сообщество; университеты мирового уровня; национальные научные фонды</p>	

Введение

За последнее десятилетие в политологической и социологической литературе произошел явный перелом в отношении к глобализации: если ранее она оценивалась преимущественно как прогрессивный, положительный процесс, то сейчас она чаще всего рассматривается как серия вызовов, создающих угрозы благополучию госу-

дарств. Эта перемена объясняется, прежде всего, серией глобальных по своей природе кризисных явлений, пришедшихся на последнее десятилетие. Это и резкие колебания цен на энергоресурсы, которые негативно отражаются на состоянии международных отношений и оказываются способны провоцировать конфликты в новых,

ранее не затронутых «нефтяными войнами» регионах¹. Это и расшатывание устоявшихся систем международного взаимодействия, которые, будучи не способны обеспечивать развитие сотрудничества в новых «постзападных» реалиях, не дают возможности их безболезненной замены и повышают риски возникновения острых конфликтов². Это и размывание всех основных идеологем, обеспечивавших интеграцию государств в ЕС, в частности («мультикультурализм», «федерализм», «социальное государство»), которые теперь не только не справляются с задачей консолидации обществ, но и зачастую работают против нее³.

Смена динамики, работающей преимущественно в направлении глобального объединения, разнонаправленным движением затрагивает и нации в целом, и те входящие в их состав группы, которые принято характеризовать как элиты – государственные, экономические, профессиональные. В настоящей статье рассматривается, как эти процессы отражаются на национальных научных элитах. Исследование следует традиции рассмотрения ученых в качестве коллектива, объединенного вокруг набора определенных норм и практик, которая основывается на работах Р. Мертон⁴ и представителей сложившейся под его влиянием школы социологии науки⁵, а затем получила

новое развитие благодаря работам Т. Куна⁶ и последовавшей за ним новой волны социологии науки⁷. В последние годы существенным дополнением к этой линии стали исследования, делающие акцент на экономических практиках ученых. Наиболее заметными среди них являются книги, представляющие теории «режим 2»⁸, «тройная спираль»⁹ и «академический капитализм»¹⁰.

Методология

Ключевым для настоящего исследования является теория академического капитализма. Ее авторы полагают основной тенденцией изменений современного научного сообщества распространение коммерческих практик. В этом смысле режим «академического капитализма» противопоставляется режиму «общественных благ», являвшемуся основным в 1940-80-х гг. и исходившему из того, что фундаментальная наука и высшее образование являются благами, которые не могут производиться на коммерческой основе. Перелом произошел в 1980-е. Знаковым моментом считается принятие в 1980 г. американского «Закона Бея-Доула», позволившего университетам присваивать себе права на исследовательские результаты, которые были получены за счет государственного

University Press, 1975; Storer, N.W. The Social System of Science. N.Y.: Holt, Rinehart & Wilson, 1966.

¹ Simoniya, N.; Torkunov, A. The European Union's Energy Security and Russia // *Social Sciences*, 2015, Vol. 46, Iss. 2, pp. 78-89.

² Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях постзападной международной реальности // *Сравнительная политика*. – 2017. – №2. – С. 37-57. [Voskressenski, A.D.; Koldunova, E.V.; Kireeva, A.A. Transregional'nye i regional'nye proekty v usloviakh postzapadnoi mezhdunarodnoi real'nosti (Transregional and Regional Projects in "Post-Western" International Reality) // *Sravnitel'naia politika (Comparative Politics Russia)*, 2017, No 2, pp. 37-57.]

³ Baykov, A. The Ideological Component in EU Evolution // *Social Sciences*, 2014, Vol. 45, Iss. 1, pp. 79-90.

⁴ Merton, R. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: The University of Chicago Press, 1973.

⁵ Hagstrom, W.O. The Scientific Community. Carbondale & Edwardsville: Southern Illinois

⁶ Кун Т. Структура научных революций. – М.: Издательство АСТ Ермак, 2003. [Kuhn, T. *Struktura nauchnykh revoliutsii. (Structure of Scientific Revolutions)*. Moscow: Izdatel'stvo AST Ermak, 2003.]

⁷ Knorr Cetina K. *Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge: Harvard University Press, 1999; Латур Б. Наука в действии. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. [Latour B. *Nauka v deistvii (Science in Action)*. Saint-Petersburg: European University in Saint-Petersburg, 2013.]

⁸ Nowotny, H.; Scott P.; Gibbons, M. *Rethinking Science: Knowledge in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity, 2001.

⁹ Etzkowitz, H.; Chunyan, Z. *The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation and Entrepreneurship*. New York: Routledge, 2017.

¹⁰ Slaughter, S.; Rhoades, L. *Academic Capitalism and the New Economy*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009.

финансирования, – в дальнейшем он послужил образцом для аналогичных законов по всему миру¹¹. За этим последовало скоротечная коммерциализация университетского сектора, важнейшей приметой которого стало выделение небольшого, но влиятельного класса «академических капиталистов», включавшего в себя ученых, которые смогли в полной мере воспользоваться новыми возможностями.

Положение этого класса может быть охарактеризовано с точки зрения теории «глобального капитализма»¹², которая акцентирует внимание на образовании особого «транснационального капиталистического класса»¹³. Новый класс «ученых-капиталистов» примыкает к этой группе – так, финский исследователь И. Кауппинен характеризует его как «информационную фракцию транснационального капиталистического класса»¹⁴. Данный подход позволяет сделать ряд обоснованных предположений относительно совпадения общественного положения и направленности интересов между обладателями «транснационального» и «академического» капитала, а также относительно состава и характеристик групп ученых, которые представляют противоположные интересы. Будучи нацеленной на характеристику группировки интересов в среде ведущих деятелей науки и их взаимоотношений с другими влиятельными общественными группами, статья также апеллирует к исследованиям национальных элит, в первую очередь, работам О.В. Гаман-Голутвиной¹⁵.

¹¹ Siepmann, T.J. The Global Exportation of the U.S. Bayh-Dole Act // *University of Dayton Law Review*, 2004, Vol. 30, Iss. 2, pp. 209-243.

¹² Robinson, W. A Theory of Global Capitalism. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004.

¹³ Sklair L. The Transnational Capitalist Class. New York: Wiley-Blackwell, 2000.

¹⁴ Kauppinen, I. Academic Capitalism and the Informational Fraction of the Transnational Capitalist Class // *Globalisation, Society and Education*, 2013, Vol. 11, No. 1, pp. 1-22.

¹⁵ Gaman-Golutvina, O. Elites and Leadership in Russian Politics // *The Ashgate Research Companion to Political Leadership*. Farnham: Ashgate, 2009. Pp. 267-286; Gaman-Golutvina, O. Russian Society and Elites in

Настоящее исследование исходит из гипотезы, согласно которой формирование внутри научного сообщества противостоящих друг другу групп находит отражение в различных оценках состояния глобализации в науке и образовании и перспектив его развития. Эти оценки не могут рассматриваться как самостоятельные достаточные причины конфликта внутри научного сообщества, однако способны указать на противоположные интересы, служащие их основой. Исследование включает два этапа: первый представляет собой исторический обзор, нацеленный на выявление ключевых интересов современных ученых, сложившихся во второй половине XX века, второй – анализ серии конфликтных ситуаций в научном сообществе Европы, которые анализируются именно как столкновение интересов. Понятие «интересы» в данном случае подразумевает осознаваемые возможности улучшения положения, которые доступны участникам определенной группы, благодаря ее общественному статусу. Несмотря на то, что данные возможности могут не соответствовать личностным мотивам участников группы, их реализация отвечает общим экономическим интересам группы.

Анализ

Предысторию современного состояния научного сообщества логично проследить с момента завершения Второй мировой войны. Безусловно, определяющее влияние на общественное положение ученых оказало создание атомной бомбы – оружия беспрецедентной мощи, которое появилось как прямое следствие открытий фундаментальной физики: между опубликованием модели атома и началом проектирования атомного взрывного устройства прошло менее 30 лет. В США этот результат, вместе с другими военными изобретениями – радаром, сонаром, медицинскими технологиями и др. – послужил резкому повышению статуса университетов, в которых традиционно были

1989-2009: Transformation Results and Future Perspective // *Historical Social Research*, 2010, Vol. 35, No. 2, pp. 41-53.

сосредоточены работы по «чистой науке»¹⁶. В представлении политиков сформировалось убеждение, что фундаментальные дисциплины, в первую очередь физика, несут в себе колоссальный потенциал создания новых технологий, реализация этого потенциала – вопрос времени, а главный риск – отстать в этой реализации от противника. Страх отставания особенно возрос после запуска советского спутника, продемонстрировавшего, что СССР является, по меньшей мере, равным, а то и превосходящим соперником в научно-технической сфере.

В эти же годы оформляется разделение научно-технической сферы на фундаментальные исследования, с одной стороны, и прикладные исследования и разработки – с другой. По мнению историка науки Дж. Криге, американцы рассматривали такой подход как способ «разделения труда»: США должны были сохранить полный контроль над технологическими разработками, в то время как фундаментально-научные проблемы могли разрабатываться совместно с европейскими союзниками¹⁷. Таким образом, фундаментальные исследования стали рассматриваться как та часть науки, которая может сохранять открытый, международный характер. Ее базой служили университеты, не подчиненные прямому правительственному контролю, в то время как прикладные исследования и разработки были сосредоточены в частных и правительственных исследовательских центрах, работавших в режиме секретности, который зачастую полностью исключал международное сотрудничество.

Следует отметить, что уже гонка ракетных технологий 1950-60-х гг. разворачивалась преимущественно в прикладном секторе и представляла собой в большей степени инженерное, чем фундаментально-научное соревнование. Скачок же, который был сделан от открытия структуры атома к созданию атомной бомбы, оставался факти-

чески уникальным историческим случаем. На протяжении 1960-х дистанция между фундаментальной наукой и военными разработками продолжала увеличиваться. Наиболее же тесно связанная с успехами военных лет физика высоких энергий, все в большей степени ассоциировалась с экспериментальными установками, становившимися все более дорогостоящими и при этом не обещавшими никаких прикладных результатов. В результате в 1970-е гг. со стороны политиков стали учащаться напоминания, что от ученых ждут практически значимых результатов, а в 1980-е с избранием Рейгана и утверждением консервативной рыночной идеологии, наука стала рассматриваться как источник новых продуктов, способных поддержать национальную конкурентоспособность¹⁸. Принятый в 1980 г. закон Бя-Доула находился в русле этой политики, пользовавшейся поддержкой в том числе и значительной части научного сообщества – активное участие в лоббировании закона приняли университетские администрации, заинтересованные в закреплении прав на доступные им исследовательские результаты¹⁹. Этот закон и нормативные акты, принятые по его образцу в других странах, существенно изменили ситуацию в университетах, заставив их прикладывать гораздо больше усилий к реализации коммерческого потенциала исследовательских работ. Результатом этого стало появление группы профессоромиллионеров, которые успешно реализовали права на свои изобретения и составили ядро нового «капиталистического» класса в университетах. В этот класс входят представители главным образом тех научных направлений, которые связаны с новыми высокотехнологичными производственными отраслями, прежде всего с информационно-коммуникационным сектором и с биотехнологиями. К ним примыкают ведущие сотрудники университетских администраций, а со стороны социогуманитарных наук –

¹⁶ Bush, V. *Science, the Endless Frontier. A Report to the President on a Program for Postwar Scientific Research*, July 1945. Washington D.C.: National Science Foundation, 1960.

¹⁷ Krige, J. *American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe*. Cambridge: M.I.T. Press, 2006.

¹⁸ Mann, A. *For Better or For Worse: The Marriage of Science and Government in the United States*. New York: Columbia University Press, 2001.

¹⁹ Neal, H.; Smith, T.; McCormick, J. *Beyond Sputnik: U.S. Science Policy in the 21st Century*. Michigan: University of Michigan Press, 2008.

специалисты, участвующие в формировании идеологии этого класса, объединенной под общей рамкой «экономики знаний».

Характерной чертой «академических капиталистов» является их связь именно с транснациональными корпорациями. В большинстве случаев реализовать сложные технологические усовершенствования или в полной мере осуществить программы, предлагаемые профессорами экономики или менеджмента, могли только крупнейшие компании, выстраивающие сложные производственные цепочки, и они же, как правило, выступали в роли главных игроков на транснациональном поле.

Принять участие в этом сотрудничестве могла лишь небольшая часть университетских ученых. Тенденцией же, затронувшей гораздо более широкий слой научного сообщества, стала коммерциализация самого высшего образования. Ее предпосылкой было сочетание устойчивого роста спроса на вузовские дипломы и государственной политики, нацеленной на внедрение рыночных механизмов, – возможно, главной мерой, принятой в рамках этой политики, стал переход от финансирования учебных мест в вузах к субсидированию студентов, которые получали право решать, какое учебное заведение получит выделенную на их обучение сумму²⁰.

В относительном выигрыше оказалось небольшое число ведущих университетов. Возможность перетекания государственных средств от менее успешных к более успешным вузам с одновременным ростом числа студентов обеспечили им новые возможности расширения. Одновременно сочетание процессов коммерциализации и глобализации в образовании поставило в преимущественное положение университеты англоязычных стран – преподавание на основном языке межнационального общения давало им существенное преимущество при выходе на глобальный рынок высшего образования.

Естественно, что в системе академического капитализма также выделяется группа тех, кому новые тенденции угрожают ухуд-

шением положения. В науке это касается ученых, работающих над исследованиями, результатом которых невозможно придать форму интеллектуальной собственности. В системе высшего образования в проигрышном положении оказываются вузы, имеющие локальное значение в пределах своего региона и не готовые конкурировать с международными лидерами. Если же речь идет о неанглоязычных странах, то дополнительные сложности могут возникнуть у тех учебных заведений, которые не готовы перейти на английский язык – причем проигрыш от новой ситуации ощущается тем острее, чем сильнее научная традиция данной культуры – так особенно остро эта проблема воспринимается в таких странах, как Франция и Италия, которым принадлежат старейшие университеты Европы²¹. Что же касается сфер преподавания, то эта ситуация невыгодна специальностям, не связанным с новой глобальной экономикой.

Группа выигравших значительно уступает группе проигравших по численности, но пользуется поддержкой правительств и крупных корпораций. И. Каупинен характеризует ее как «информационную фракцию транснационального капиталистического класса». В этом он следует теории глобального капитализма В. Робинсона, в рамках которой транснациональный капиталистический класс определяется как группа, контролирующая транснациональный экономический капитал, и подразделяется на три фракции – промышленную, коммерческую и финансовую²². По мнению Каупинена, к ним необходимо добавить информационную, состоящую из «экономических акторов, для которых производство и продажа знание-емких товаров и/или интеллектуальной собственности, и/или транснационализация различных видов исследований и разработок являются ключевыми областя-

²⁰ Cohen, A.; Kisker, C. *The Shaping of American Higher Education*. San Francisco: Jossey-Bass, 2009.

²¹ Shin J.C., Kehm B. *The World-Class University in Different Systems and Contexts* // Shin J., Kehm B. (eds.) *Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition*. London: Springer, 2013. Pp. 1-13.

²² Robinson, W. *A Theory of Global Capitalism*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004.

ми предпринимательской деятельности»²³. Производственной базой данной фракции, к которой относятся в том числе и задействованные в этих процессах университетские ученые, выступает интеллектуальная собственность, востребованная транснациональными корпорациями. С точки зрения последних, «исключительные права обеспечивают временные ограниченные монополии (подразумевающие монопольную прибыль), а с другой стороны – работа преподавательского состава все чаще рассматривается как экономный способ аккумулировать интеллектуальную собственность»²⁴.

Определяющая характеристика этой группы – в том, что она контролирует особый вид капитала, расположенный в условном транснациональном пространстве – в глобальном торговом поле, в международных финансовых центрах, в офшорной экономике и т.д. Это положение вполне может приводить к конфликтам с национальным капиталом, связанным с определенными государствами. Учитывая это, включение в перечень основных документов ВТО Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г., расширившее возможности защиты исключительных прав на глобальном уровне, значительно усилило положение информационной фракции.

Разделение на транснациональный и национальный классы, в определенном смысле повторяет линию раздела национальных элит. Условно его можно провести, исходя из отношения элитных групп к государству: глобально ориентированная элита заинтересована в устранении государственных барьеров и регулировании в пользу расширения глобального рынка, а локально ориентированная, напротив, зависит от сохранения и усиления роли государства, которое защищает ее на внутреннем рынке, поддерживает – на зарубежных, или же, в принципе, выступает основным партнером, как это, например, происходит с производителями вооружений. При этом речь не может идти о

разделении в соответствии с секторами экономики: например, компании ресурсодобывающего сектора могут в некоторых ситуациях выступать как сторонники ослабления государства, что позволяет им максимально реализовать ренту от продажи ресурсов на глобальном рынке²⁵, и как сторонники его усиления, в том случае если оно субсидирует дорогостоящую добычу, гарантирует закупку продукции, обеспечивает постройку новых коммуникаций или оказывает другие виды содействия.

Аналогичное разделение можно наблюдать и в научных элитах. К локально ориентированной стратегии тяготеют исследовательские центры, финансово зависимые от государства, а также университеты, получающие основное финансирование из государственного бюджета, преподавание в которых осуществляется на национальном языке и которые не имеют перспектив успешного участия в международной конкуренции. Глобально ориентированная же стратегия характерна для университетов «мирового уровня», способных работать на английском, пользующихся популярностью у зарубежных студентов и ведущих исследования, которые представляют интерес для транснациональных корпораций.

Столкновение двух стратегий является одной из ключевых проблем построения Европейского исследовательского пространства (ЕИП) – структуры, в рамках которой должны быть согласованы и объединены в общую систему все инструменты финансирования научных исследований, существующие в Европе. Начало формирования ЕИП заложили рамочные программы научно-технологического развития, реализуемые Европейской комиссией с 1984 г. Круг целей каждой из программ формировался при участии представителей производственного и научного секторов стран – членов Европейских сообществ, впоследствии – членов ЕС, которые, благодаря этому, получали дополнительные возможности финансирования исследовательских работ, в то время как

²³ Kauppinen, I. Academic Capitalism and the Informational Fraction of the Transnational Capitalist Class // *Globalisation, Society and Education*, 2013, Vol. 11, No. 1, pp. 1-22.

²⁴ Ibid. P. 6.

²⁵ Gaman-Golutvina, O. Russian Society and Elites in 1989-2009: Transformation Results and Future Perspectives // *Historical Social Research*, 2010, Vol. 35, No. 2, pp. 41-53.

контроль над научно-исследовательскими комплексами и их бюджетами сохранялся на национальном уровне.

Ситуация стала меняться с принятием Седьмой рамочной программы, в которой появился раздел «Идеи», предусматривавший финансирование «передовых исследований» (*frontier research*). Разъяснение этой категории содержалось в решении Совета ЕС, касавшемся данного раздела: «Термин “передовые исследования” подразумевает новое понимание фундаментальных исследований. С одной стороны, он указывает на то, что фундаментальные исследования, как научные, так и технологические, имеют критическое значение для экономического и социального благополучия, с другой – что исследования на границе современного понимания мира и за ней являются предпрятиями, по определению связанными с риском, осуществляемыми на новых и наиболее сложных направлениях науки и характеризующимися отсутствием барьеров между дисциплинами»²⁶.

Из этого следовало, что Европейская комиссия может, в принципе, участвовать в любой научной работе, не опираясь на поддержку национальных организаций. Дальнейшее расширение роли наднациональных организаций в поддержке науки состоялось с появлением Европейского исследовательского совета (ЕИС) – организации, специально созданной для финансирования «передовых» научных проектов²⁷.

Как отмечает швейцарский политолог Д. Браун, возникновение самостоятельных европейских институтов поддержки науч-

ных исследований может привести к конкуренции между ними и национальными организациями. Прежде всего, она может развернуться вокруг ведущих исследователей: если ЕИС, готовый предоставлять гранты, которые заметно превышают уровень финансирования, доступный на национальном уровне, сконцентрирует среди своих грантополучателей большинство ученых первого ряда, организации стран – членов ЕС могут оказаться в положении, когда они окажутся лишены возможности продемонстрировать собственную способность отбирать лучших исследователей, что может прямо сказаться на их финансировании. Более того, к сокращению их бюджетов политиков может подтолкнуть сам факт существования дополнительного источника средств на европейском уровне²⁸.

Следует учитывать, что и ЕИС, и основные национальные организации, финансирующие науку, управляются коллективными органами, в которые входят ведущие ученые, выступающие в качестве представителей науки в целом, и одна из главных функций таких организаций заключается в выражении коллективных интересов научного сообщества²⁹. Таким образом, трения между учреждениями, функционирующими на национальном и наднациональном уровне, по сути отражают столкновение интересов различных групп, представленных внутри научного сообщества. То, что приоритетом ЕИС является поддержка фундаментальных по содержанию исследований, которые одновременно способны иметь экономический эффект, указывает на его близость к глобально ориентированной группе. Именно она наиболее заинтересована в производстве знания, которое изначально

²⁶ Council decision of 19 December 2006 concerning the specific programme: “Ideas” implementing the Seventh Framework Programme of the European Community for research, technological development and demonstration activities (2007 to 2013) (2006/972/EC). Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/>

²⁷ Блинов А.Н., Талагаева Д.А. Научное сообщество как политический актор: роль международных научных объединений // *Полития*. – 2014. – № 1. – С. 174-183. [Blinov, A.N.; Talagaeva, D.A. Nauchnoe soobshchestvo kak politicheskii aktor: rol' mezhdunarodnykh nauchnykh ob'edinenii (Scientific Community as a Political Actor: The Role of International Scientific Insitutions) // *Politiia*, 2014, No. 1, pp. 174-183.]

²⁸ Braun, D. Actor Constellations in the European Funding Area // Wedlin L., Nedeva M. (eds.) *Towards European Science: Dynamics and Policy of the European Research Space*. Cheltenham: Edward Elgar, 2015.

²⁹ Коннов В.И. О государственных научных фондах // *Российский экономический журнал*. – 2009. – №6. – С. 95-101. [Konnov, V.I. O gosudarstvennykh nauchnykh fondakh (On State Science Foundations) // *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal (Russian Economical Journal)*, 2009, No. 6, pp. 95-101.]

но не закреплено за государственными или корпоративными структурами (рассматривается как фундаментальное, «открытое»), а с другой – обладает экономической ценностью – в дальнейшем такое знание может быть свободно реализовано в глобальном поле с помощью ТНК или университетов «мирового уровня».

Трения между различным образом ориентированными научными элитами возникают не только на уровне организаций, финансирующих науку, но также затрагивают и научные издания. Главной проблемой здесь оказывается преобладание среди ведущих международных изданий англоязычных журналов. Учитывая, что соотношение позиций в «поле науки»³⁰ зависит, в первую очередь, от статей в ведущих журналах, гегемония англоязычных изданий обеспечивает публикующимся в них авторам центральное положение, в то время как ученые, не готовые публиковаться на английском, оказываются вытеснены на второстепенные позиции. При этом главное направление распространения научных результатов идет из англоязычного центра к неанглоязычной периферии. Это прямо сказывается на уровне научного признания, главным индикатором которого признается цитирование: периферия много цитирует центр, центр же уделяет минимальное внимание периферии³¹.

Влияние английского языка проявляется также и в том, что исследователи, представляющие англоязычные страны, составляют большинство в редакционных коллегиях международных журналов и соответственно, их теоретические и методологические предпочтения играют определяющую роль при отборе материалов. Характерным также является то, что англоязычным авторам принадлежат главные теоретические публикации, в то время как авторы из неанглоязычных стран публикуют главным образом

эмпирические материалы, методология анализа которых, к тому же, чаще всего следует англоязычным, главным образом, американским источникам. Как отмечают И.А. Истомин и А.А. Байков: «Многие авторы, прежде всего европейские, которым так же, как и российской обществоведческой школе, присущ, скорее, дискурсивный стиль изложения научных результатов, признают, что фактически сложилась монополия англосаксонских журналов на методологию научной публикации в жанре статьи. Ученому-международнику не только из России, но и из Франции, Чехии, Венгрии, Германии сложно структурировать статью так, как это от него ожидают в англо-американских журналах: так писать у нас не учат ни в школе, ни в вузе»³².

Конфликт «мировых стандартов» и «национальных культур» можно наблюдать и в сфере организации вузовской работы. Модель университета «мирового уровня», которая служит образцом для научной политике практически всех стран, обладающих научным потенциалом, в сущности повторяет американскую университетскую модель. Ее главные особенности – формальная независимость университетов от центрального правительства и финансовая автономия. Отсутствие у федеральной власти в США полномочий по управлению образованием означало то, что она не занималась прямым финансированием университетов, вследствие чего им приходилось обеспечивать себя за счет иных источников. При этом следует учитывать, что значительный спрос на проведение исследовательских работ, возникший в условиях экономического бума конца XIX – начала XX в., а в дальнейшем – расширение деятельности благотворительных фондов владельцев крупнейших концернов Дж. Рокфеллера, Э. Карнеги и др.,

³⁰ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. [Bourdieu, P. *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki*. (Social Space: Fields and Practices). Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 2007.]

³¹ Canagrajah, A. A Geopolitics of Academic Writing. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.

³² Истомин И.А., Байков А.А. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. – 2016. – № 2. – С. 133. [Istomin, I.A.; Baikov, A.A. *Sravnitel'nye osobennosti otechestvennykh i zarubezhnykh nauchnykh zhurnalov* (Russian and International Publication Practices. A Comparative Study of IR Scholarly Journals) // *Mezhdunarodnye protsessy* (International Trends), 2016, No. 2, p. 133.]

вызванное введением налоговых льгот для благотворительных фондов, делали самообеспечение университетов вполне решаемой задачей. Таким образом, американская ситуация, с одной стороны вынуждала университеты следовать принципам независимости и конкуренции, с другой – характеризовалась условиями, в которых такая стратегия могла быть действительно успешной³³.

При переносе этих принципов в другие исторические и культурные контексты они способны порождать противоречия. Пример таковых – университетская реформа 2007 г. во Франции. Ее официально объявленной целью было создание «нового университета», обеспечивающего «равенство возможностей для всех». Эта формулировка, в целом характерная для эгалитаристских традиций французской политики³⁴, подразумевала неолиберальный по содержанию план: «Обеспечить равные возможности для всех должна была достаточно стандартная программа расширения рыночного и конкурентного компонентов в данном секторе, которая освободила бы университеты от контроля со стороны центрального правительства и подтолкнула бы их к основанной на результатах конкуренции за государственное финансирование»³⁵. Противоречие

между рыночным подходом и ценностями французской политической культуры давали о себе знать практически на всех этапах осуществления реформы: «Частые попытки со стороны государства апеллировать к традиционным республиканским ценностям, таким как «равенство возможностей», при проведении изменений в университетах, связанных с международной конкуренцией (которую, в принципе, можно охарактеризовать как злейшего врага этих ценностей) отражают очевидное напряжение и противоречия, связанные с попытками внедрить новые ценностные элементы во французское высшее образование»³⁶. В результате применение неолиберальной политики в пределах культуры, которой свойственны ценности, заметно отличающиеся от характерных для американской культуры, ведет к потере фокуса этой политики, которая, однако, не меняет ее принципиальной направленности и не решает проблему сопротивления значительной части научного сообщества.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие характерные проблемы, которые возникают внутри научных сообществ европейских стран – это столкновение интересов организаций, финансирующих научные исследования, которые расположены на национальном и наднациональном уровнях и, соответственно, отличаются по преимущественной ориентации – глобальной или локальной; это языковые и культурные аспекты, ставящие в неравное положение ученых из англоязычных стран и тех, которые используют английский язык в качестве основного рабочего, с одной стороны, и опирающихся на национальные языки и национальные культуры – с другой; и это затруднения, связанные с внедрением организационных моделей, ассоциирующихся с глобальной наукой, но имеющих американское происхождение.

Заключение

Нужно отметить, что этот набор проблем имеет прямое отношение к российскому научному сообществу. Россия принимает участие в отдельных элементах ЕИП и одно-

³³ Коннов В.И., Репина М.И. Эволюция моделей университетского управления от «studium generale» до «предпринимательского университета» // *Международные процессы*. – 2015. – № 1. – С. 35-47. [Konnov, V.I.; Repina, M.I. Evoliutsiia modelei universitetskogo upravleniia ot «studium generale» do «predprinimatel'skogo universiteta» (Evolution of University Management Models from «Studium Generale» to «Entrepreneurial University») // *Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)*, 2015, No. 1, pp. 35-47.]

³⁴ Романова М.Д. Влияние культурного контекста на формирование научной политики (опыт Франции) // *Полис*. – 2015. – № 5. – С. 119-129. [Romanova, M.D. Vliianie kul'turnogo konteksta na formirovanie nauchnoi politiki (opyt Frantsii) (Influence of Cultural Context on Formation of Science Policy (French Experience)) // *Polis*, 2015, No. 5, pp. 119-129.]

³⁵ Cremonini, L.; Bennworth, P.; Dauncey, H.; Westerheijden, D. Reconciling Republican 'Egalite' and Global Excellence Values in French Higher Education // Shin J., Kehm B. (eds.) *Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition*. London: Springer, 2013. P. 112.

³⁶ Ibid. P. 113.

времененно на равноправной с другими европейскими странами основе входит в Европейское пространство высшего образования. То, как проходил процесс присоединения, в целом отражает соотношение глобальной и локальной ориентации в российском университетском сообществе – к примеру, по характеристике К. Пурсиайнен и С.А. Медведева: «Основным противоречием современного мира является противоречие между силами глобализации (интеграция, гомогенизация, унификация) и силами идентичности, представленными различными национальными государствами, культурными сообществами и группами идентичности. Взаимосвязь этих двух сил отражается в отношении России к Болонскому процессу. С одной стороны, Болонский процесс – это проявление глобализации, и Россия заинтересована в использовании предоставляемых возможностей и глобальных перспектив. С другой стороны, России нужно сохранить свою культурную и образовательную идентичность: к примеру, многие из прославленных научных школ изучают, скорее, абстрактные и теоретические, нежели прикладные методы. Таким образом, структуру российских интересов и возможностей можно охарактеризовать внутренним напряжением между стандартизацией и традицией»³⁷. В этой характеристике речь идет, по сути, о том же противостоянии глобально и локально ориентированных групп. Этот же конфликт можно обнаружить и в подоплеке дискуссий о том, стоит ли руководствоваться в политике высшего образования международными университетскими рейтингами, о необходимости публиковаться в англоязычных журналах, об исследовательских стандартах в социогуманитарных науках и во многих других случаях.

³⁷ Пурсиайнен К., Медведев С.А. Болонский процесс, Россия и глобализация // Болонский процесс и его значение для России. Под ред. Пурсиайнена К., Медведева С.А. – М.: РЕЦЭП, 2005. – С. 26. [Pursiainen, K.; Medvedev, S.A. Bolonskii protsess, Rossiia i globalizatsiia (Bologna Process, Russia and Globalization) // Bolonskii protsess i ego znachenie dlia Rossii. Ed. by K. Pursiainen, S. Medvedev. Moscow: RETsEP, 2005. P. 26.]

Литература:

Блинов А.Н., Талагаева Д.А. Научное сообщество как политический актор: роль международных научных объединений // Полития. – 2014. – № 1. – С. 174-183.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007.

Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях постзападной международной реальности // Сравнительная политика. – 2017. – № 2. – С. 37-57.

Истомин И.А., Байков А.А. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. – 2016. – № 2. – С. 114-140.

Коннов В.И. О государственных научных фондах // Российский экономический журнал. – 2009. – № 6. – С. 95-101.

Коннов В.И., Репина М.И. Эволюция моделей университетского управления от «studium generale» до «предпринимательского университета» // Международные процессы. – 2015. – № 1. – С. 35-47.

Кун Т. Структура научных революций. – М.: Издательство АСТ Ермак, 2003.

Латур Б. Наука в действии. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

Пурсиайнен К., Медведев С.А. Болонский процесс, Россия и глобализация // Болонский процесс и его значение для России. Под ред. Пурсиайнена К., Медведева С.А. – М.: РЕЦЭП, 2005. – С. 17-28.

Романова М.Д. Влияние культурного контекста на формирование научной политики (опыт Франции) // Полис. – 2015. – № 5. – С. 119-129.

Baykov, A. The Ideological Component in EU Evolution // *Social Sciences*, 2014, Vol. 45, Iss. 1, pp. 79-90.

Braun, D. Actor Constellations in the European Funding Area // Wedlin L., Nedeva M. (eds.) *Towards European Science: Dynamics and Policy of the European Research Space*. Cheltenham: Edward Elgar, 2015.

Bush, V. *Science, the Endless Frontier. A Report to the President on a Program for Postwar Scientific Research, July 1945*. Washington D.C.: National Science Foundation, 1960.

Canagrajah, A. *A Geopolitics of Academic Writing*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.

Cohen, A.; Kisker, C. *The Shaping of American Higher Education*. San Francisco: Jossey-Bass, 2009.

Council decision of 19 December 2006 concerning the specific programme: “Ideas” implementing the Seventh Framework Programme of the European Community for research, technological development and demonstration activities (2007 to 2013) (2006/972/EC). Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/>

Cremonini, L.; Bennworth, P.; Dauncey, H.; Westerheijden, D. Reconciling Republican ‘Egalite’ and Global Excellence Values in French Higher Education // Shin J., Kehm B. (eds.) *Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition*. London: Springer, 2013. Pp. 99-124.

Etzkowitz, H.; Chumyan, Z. *The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation and Entrepreneurship*. New York: Routledge, 2017.

Gaman-Golutvina, O. Elites and Leadership in Russian Politics // *The Ashgate Research Companion to Political Leadership*. Farnham: Ashgate, 2009. Pp. 267-286.

Gaman-Golutvina, O. *Russian Society and Elites in 1989-2009: Transformation Results and Future Perspectives // Historical Social Research*, 2010, Vol. 35, No. 2, pp. 41-53.

Hagstrom, W.O. The Scientific Community. Carbondale & Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1975.

Kauppinen, I. Academic Capitalism and the Informational Fraction of the Transnational Capitalist Class // *Globalisation, Society and Education*, 2013, Vol. 11, No. 1, pp. 1-22.

Knorr Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999.

Krige, J. American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe. Cambridge: M.I.T. Press, 2006.

Mann, A. For Better or For Worse: The Marriage of Science and Government in the United States. New York: Columbia University Press, 2001.

Merton, R. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: The University of Chicago Press, 1973.

Neal, H.; Smith, T.; McCormick, J. Beyond Sputnik: U.S. Science Policy in the 21st Century. Michigan: University of Michigan Press, 2008.

Nelson, R. (ed.) National Innovation Systems. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Nowotny, H.; Scott P.; Gibbons, M. Rethinking Science: Knowledge in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity, 2001.

Robinson, W. A Theory of Global Capitalism. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004.

Shin J.C., Kehm B. The World-Class University in Different Systems and Contexts // Shin J., Kehm B. (eds.) Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition. London: Springer, 2013. Pp. 1-13.

Siepmann, T.J. The Global Exportation of the U.S. Bayh-Dole Act // *University of Dayton Law Review*, 2004, Vol. 30, Iss. 2, pp. 209-243.

Simoniya, N.; Torkunov, A. The European Union's Energy Security and Russia // *Social Sciences*, 2015, Vol. 46, Iss. 2, pp. 78-89.

Sklair, L. The Transnational Capitalist Class. New York: Wiley-Blackwell, 2000.

Slaughter, S.; Rhoades, L. Academic Capitalism and the New Economy. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009.

Storer, N.W. The Social System of Science. N.Y.: Holt, Rinehart & Wilson, 1966.

References:

Baykov, A. The Ideological Component in EU Evolution // *Social Sciences*, 2014, Vol. 45, Iss. 1, pp. 79-90.

Blinov, A.N.; Talagaeva, D.A. Nauchnoe soobshchestvo kak politicheskii aktor: rol' mezhdunarodnykh nauchnykh ob'edinenii (Scientific Community as a Political Actor: The Role of International Scientific Institutions) // *Politiia*, 2014, No. 1, pp. 174-183.

Bourdieu, P. Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki. (Social Space: Fields and Practices). Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 2007.

Braun, D. Actor Constellations in the European Funding Area // *Wedlin L., Nedeva M. (eds.) Towards European Science: Dynamics and Policy of the European Research Space*. Cheltenham: Edward Elgar, 2015.

Bush, V. Science, the Endless Frontier. A Report to the President on a Program for Postwar Scientific Research, July

1945. Washington D.C.: National Science Foundation, 1960.

Canagrajah, A. A Geopolitics of Academic Writing. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.

Cohen, A.; Kisker, C. The Shaping of American Higher Education. San Francisco: Jossey-Bass, 2009.

Council decision of 19 December 2006 concerning the specific programme: "Ideas" implementing the Seventh Framework Programme of the European Community for research, technological development and demonstration activities (2007 to 2013) (2006/972/EC). Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/>

Cremonini, L.; Bennworth, P.; Dauncey, H.; Westerheijden, D. Reconciling Republican 'Egalite' and Global Excellence Values in French Higher Education // Shin J., Kehm B. (eds.) Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition. London: Springer, 2013. Pp. 99-124.

Etzkowitz, H.; Chundayan, Z. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation and Entrepreneurship. New York: Routledge, 2017.

Gaman-Golutvina, O. Elites and Leadership in Russian Politics // *The Ashgate Research Companion to Political Leadership*. Farnham: Ashgate, 2009. Pp. 267-286.

Gaman-Golutvina, O. Russian Society and Elites in 1989-2009: Transformation Results and Future Perspectives // *Historical Social Research*, 2010, Vol. 35, No. 2, pp. 41-53.

Hagstrom, W.O. The Scientific Community. Carbondale & Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1975.

Istomin, I.A.; Baikov, A.A. Sravnitel'nye osobennosti otechestvennykh i zarubezhnykh nauchnykh zhurnalov (Russian and International Publication Practices. A Comparative Study of IR Scholarly Journals) // *Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)*, 2016, No. 2, pp. 114-140.

Kauppinen, I. Academic Capitalism and the Informational Fraction of the Transnational Capitalist Class // *Globalisation, Society and Education*, 2013, Vol. 11, No. 1, pp. 1-22.

Knorr Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999.

Konnov, V.I. O gosudarstvennykh nauchnykh fondakh (On State Science Foundations) // *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal (Russian Economical Journal)*, 2009, No. 6, pp. 95-101.

Konnov, V.I.; Repina, M.I. Evoliutsiia modelei universitetskogo upravleniia ot «studium generale» do «predprinimatel'skogo universiteta» (Evolution of University Management Models from «Studium Generale» to «Entrepreneurial University») // *Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)*, 2015, No. 1, pp. 35-47.

Krige, J. American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe. Cambridge: M.I.T. Press, 2006.

Kuhn, T. Struktura nauchnykh revoliutsii. (Structure of Scientific Revolutions). Moscow: Izdatel'stvo AST Ermak, 2003.

Latour B. Nauka v deistvii (Science in Action). Saint-Petersburg: European University in Saint-Petersburg, 2013.

Mann, A. For Better or For Worse: The Marriage of Science and Government in the United States. New York: Columbia University Press, 2001.

Merton, R. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: The University of

Chicago Press, 1973.

Neal, H.; Smith, T.; McCormick, J. Beyond Sputnik: U.S. Science Policy in the 21st Century. Michigan: University of Michigan Press, 2008.

Nelson, R. (ed.) National Innovation Systems. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Nowotny, H.; Scott P.; Gibbons, M. Rethinking Science: Knowledge in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity, 2001.

Pursiainen, K.; Medvedev, S.A. Bolonskii protsess, Rossiia i globalizatsiia (Bologna Process, Russia and Globalization) // Bolonskii protsess i ego znachenie dlia Rossii. Ed. by K. Pursiainen, S. Medvedev. Moscow: RETsEP, 2005. Pp. 17-28.

Robinson, W. A Theory of Global Capitalism. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004.

Romanova, M.D. Vliianie kul'turnogo konteksta na formirovanie nauchnoi politiki (opyt Frantsii) (Influence of Cultural Context on Formation of Science Policy (French Experience)) // Polis, 2015, No. 5, pp. 119-129.

Shin J.C., Kehm B. The World-Class University in

Different Systems and Contexts // Shin J., Kehm B. (eds.) Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition. London: Springer, 2013. Pp. 1-13.

Siepmann, T.J. The Global Exportation of the U.S. Bayh-Dole Act // University of Dayton Law Review, 2004, Vol. 30, Iss. 2, pp. 209-243.

Simoniya, N.; Torkunov, A. The European Union's Energy Security and Russia // Social Sciences, 2015, Vol. 46, Iss. 2, pp. 78-89.

Sklair, L. The Transnational Capitalist Class. New York: Wiley-Blackwell, 2000.

Slaughter, S.; Rhoades, L. Academic Capitalism and the New Economy. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009.

Storer, N.W. The Social System of Science. N.Y.: Holt, Rinehart & Wilson, 1966.

Voskressenski, A.D.; Koldunova, E.V.; Kireeva, A.A. Transregional'nye i regional'nye proekty v usloviakh postzapadnoi mezhdunarodnoi real'nosti (Transregional and Regional Projects in "Post-Western" International Reality) // Sravnitel'naiia politika (Comparative Politics Russia), 2017, No.2, pp. 37-57.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-5-16>

COLLISION OF INTERESTS WITHIN SCIENTIFIC ELITES: GLOBALISATION FACTOR

Vladimir I. Konnov

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history: Received: 30 October 2017 Accepted: 11 April 2018</p>	<p>Abstract: In the article the author analyzes conflicts arising between scientists aiming at participation in the global science field and scientists who are predominantly tied to the context of national science. These conflicts are examined via “academic capitalism”, “global capitalism” and «national elites» theories. The article considers collision of interests between scientists oriented towards connections with the infrastructure of the global science, including world class universities, multinational corporations and supranational research funding institutions, and scientists aimed at expanding by use of local, mainly state resources. The analysis includes a historical overview of institutional changes in science since late 1940s with emphasis on the following stages: division of basic and applied science in accordance with new tasks of scientific and technological development in 1940-50s; gradual transformation of relations between science and politics in 1960-70s; university reforms in the 1980s; emergence of global markets of research and educational services beginning the 1990s. Following this overview, the article examines three cases, which allow to characterize interests, serving as a basis for fractions within the scientific community. They are the functioning of a two-tier system of research funding in the EU; dominance of English language journals in the scientific press; implementation of policy aimed at building of world class universities in countries with developed research cultures, which differ from the American research culture. This examination leads us to a conclusion that the scientific community is internally divided in accordance with choice of locally or globally oriented strategy.</p>
<p>About the author: Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, MGIMO University e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru</p>	<p><i>Acknowledgments:</i> The article is prepared with support of Russian Science Foundation, Project No.16-18-10282</p>
<p>Key words: academic capitalism; science policy; scientific community; world class universities; national science foundations</p>	

Для цитирования: Коннов В.И. Столкновение интересов научных элит в условиях глобализации // Сравнительная политика. – 2018. – № 2. – С. 5-16.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-5-16

For citation: Konnov, Vladimir I. Stolknovenie interesov nauchnykh elit v usloviakh globalizatsii (Collision of Interests within Scientific Elites: Globalisation Factor) // Comparative Politics Russia, 2018, No. 2, pp. 5-16.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-5-16

THE WESTERN BALKANS: ASSESSING THE EU'S STABILIZATION AND ASSOCIATION PROCESS

Zoltán Szenes

National University of Public Service, Budapest, Hungary

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 16 December 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 21 April 2018</p>	<p>Abstract: The Stabilization and Association Process (SAP) launched by the EU in the aftermath of Kosovo war in 1999 has created a new policy environment for the Western Balkans countries. In exchange for EU assistance, prospect of EU accession, and continuation of preferential access to EU markets, these countries have to upgrade their institutions and governance to European standards and engage in mutual regional cooperation including other Stability Pact member – countries. The 2003 European Council in Thessaloniki reaffirmed that all SAP countries were potential candidates for EU membership. In July 2017 the EU Trieste Balkans Summit discussed the status of the SAP and unanimously reaffirmed the importance of providing the European perspective of the Western Balkans. The essay examines of the current status of SAP in the Western Balkans countries (WB6) based on the Copenhagen political, economic and legislature criteria using the international data bases. It argues that among the criteria, the political requirements are the most important as they lay down the framework and administrative and institutional capacity to develop stable democracy and market economy. It concludes that EU SAP has remained consistently linked to compliance with the Copenhagen criteria but the Regional Cooperation Council countries have to create a positive environment for the WB6 to fulfill these European standards.</p>
<p>About the author: Professor, PhD, Department of International Security Studies, Faculty of International and European Studies, National University of Public Service, Hungary</p> <p>e-mail: szenes.zoltan@uni-nke.hu</p>	
<p>Key words: Western Balkans; EU; stabilization and association process; Triest Western Balkans Summit; conditionality</p>	

Introduction

On 12 July, 2017 the European Union (EU) organized a summit for the Western-Balkan countries in Trieste.¹ The main subject of the 4th meeting of the Berlin initiative² was

to discuss the possible opportunities for making the joining of the Western-Balkan countries to the EU faster. According to the EU, for the growth of the region, the growth of economy is essential, as this can ensure political stability and development. The Balkans Summit suggested to implement the new infrastructural, transport and energy industrial projects. For the explanation is used the EU principle of conditionality which is widely discussed in the literature.³ The principle

¹ The 2017 Trieste Western Balkans Summit included the Heads of Government, Foreign Ministers and the Ministers of Economy of Albania, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, the former Yugoslav Republic of Macedonia, Montenegro, Serbia, as well as Austria, Croatia, France, Germany, Slovenia, United Kingdom and representatives of the European Union and the International Financial Institutions. Western Balkans Ministers of Transport also met together with Italian and EU Institutions. Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-1938_en.htm

² The Berlin Initiative was launched in August 2014 as a top-level forum for Western Balkans Governments, chambers of commerce and civil society. The Berlin Process involves six EU member states and six Western Balkan Countries

³ Anastasias, Othon. The EU's Political Conditionality in the Western Balkans: Towards a more Pragmatic Approach // *Southeast European and Black Sea Studies*, 2008, Vol. 8, Iss. 4, pp. 365-367; Pippin, Christian. The Rocky Road to Europe: the EU's Stabilization and Association Process for the Western Balkans and the Principle of Conditionality // *European Foreign Affairs Review*, 2004, no. 9, pp. 219-245; Schimmelfennig, Frank. EU Political Accession Conditionality after 2004 Enlargement: Consistency and Effectiveness //

of conditionality formulates the ability of the EU to influence aspiring member states to make the necessary reforms in order to meet the membership requirements. The paper is examining how has the Stabilization and Association Process been going on in the Western Balkans and what is the chance to accelerate this process by the decisions of the Trieste Summit. It is also the intention to assess whether this principle is the really key tool at the disposal of the EU to encourage and ensure compliance regarding the enlargement programme. The analysis focuses only on those six countries of the Western-Balkan (Albania, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Macedonia, Montenegro and Serbia or WB6) that took part in the Trieste summit.

The status of the Euro-Atlantic integration in the Western Balkans

Since the end of the Balkans War (1991-1999) the Euro-Atlantic integration of the region has achieved significant outcome: Slovenia and Croatia have become NATO (2004, 2009) and EU (2004,2013) members, Kosovo was declared an independent country in 2012 and all Western-Balkan countries have been nominated as potential member states of the European Union (See Table 1) From the point of view of military security, the situation is also favorable: all countries, except Kosovo, where NATO KFOR (Kosovo Force)⁴ is operating, cooperate officially with the North Atlantic Treaty Organization (NATO) in a form of Partnership for Peace (PfP).⁵ Montenegro became the 29 member of NATO in 2017, Macedonia and Bosnia and Herzegovina both enjoy a Membership Action Plan (MAP)⁶

Journal of Public Policy, 2008, Vol. 15, Iss. 6, pp. 918-937; Wakelin, Elise. EU Conditionality: An Effective Means for Policy Reform?/E-International Relations, Nov 12, 2013. Mode of access: <http://www.e-ir.info/2013/11/01/eu-conditionality-an-effective-means-for-policy-reform/>

⁴ The Kosovo Force (KFOR) has been a NATO peace support operation in Kosovo since 1999 based on the UN Security Council Resolution 1244. Mode of access: <http://jfcnaples.nato.int/kfor>

⁵ The Partnership for Peace (PfP) is a programme of practical bilateral cooperation between individual Euro-Atlantic Partner countries and NATO. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50349.htm

⁶ The Membership Action Plan (MAP) is a NATO programme of advice, assistance and practical

status and want to join NATO. Despite the good results, however, the atmosphere is still often explosive, the revival of nationalism and ethnic tensions make the situation tough and the traditional backwardness in fields of democracy, economy and security in the region is a quite serious problem.

Table 1

The Integration Results of the six Western-Balkan Countries (2017)

Country / IO	EU			NATO	
	Application	Candidate	SAA	Membership	Partnership
Albania	2009	2014		2009	
Bosnia and Herzegovina	2016	Potential 2008	2015		PfP 2006 MAP 2010
Kosovo	2014	Potential 2009	2016		
Macedonia	2004	2005			PfP 1995 MAP 1999
Montenegro	2008	2010	2010-	2017	
Serbia	2009	2012	2013-		PfP 2006 IPAP 2016

Sources: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/countries/check-current-status_en#pc & <http://www.natolibguides.info/Balkans>

The crimes and actions committed in the Yugoslavian war in 1990, the close past and its impact on society all make the situation grave. The stabilization and growth are hindered by the enormous geopolitical importance of the Balkan region, as the area makes up a major part of a Macro region that includes the Black Sea, the Caucasus, the Caspian Sea, Central Asia and the northern parts of the Middle East. These regions all belong to different regional security complex, the European, the Post-Soviet and the Middle East,⁷ thus creating a zone of the great power race. In the power race West and East compete, on one side the EU, the NATO and the USA are involved, whereas on the other side Russia, Turkey, certain Islamic countries and as an economic power China are the members

support tailored to the individual needs of countries wishing to join NATO. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_37356.htm

⁷ Buzan, Barry; Weaver, Ole. *Regions and Powers. The Structure of International Security.* Cambridge University Press, 2003.

participating. For the EU / NATO the Balkan region means opportunities and hazards alike. The geographical closeness is favorable for the extension of European stability to the East, it increases the number of alliances and their power and it promotes the influence of them. The Balkan is of key importance for the EU in respect of energy as it can provide supply directions which can diversify the energy supply opportunities of the continent. That is the reason why both the EU and the NATO would like to improve their influence in the region. From the Balkan countries, Bulgaria, Croatia and Romania have become NATO and EU members, while Albania and Montenegro are NATO members. The politics of Serbia is quite controversial as it would like to become an EU member, but also it signed a free trade agreement with Moscow in 2013. Belgrad is not planning to become a NATO member although it joined the so-called Individual Partnership Action Plan (IPAP, 2016)⁸ agreement. However, it also became an observer member of The Collective Security Treaty Organization (CSTO),⁹ lead by Russia in 2013.

The great power states with interest in the region of course do not want to lose their traditional influence or their language, cultural and religious bounds. Thus Russia supports Serbia directly and the Serbian minorities, but it also does its best to decrease the Western influence. Turkey would also like to keep their influence in the Western Balkans, because of

historical reasons and its muslim population. As 23% of Balkan population is muslim (sunni islam) by religion,¹⁰ Saudi Arabia and the United Arab Emirates are also active countries in the region. Although the United States of America is not as active in the region as it used to be in the 1990s, their political and military presence is still an important stabilizing factor.¹¹ The geopolitical interest of the EU is supported by security reasons too as the Balkan is the main direction for the refugees and migration from the Middle East. Among the Bosnian, Albanian and Kosovo population the terrorist organization, called the Islamic State, has also got an influence. That is why the EU is interested in further stabilization and associations as they can promote the peace in the Western Balkans, its stability and economic growth and they can also lead it to the full membership. As the Trieste summit has shown, the Western-Balkan countries want to join the European Union but they are not satisfied with the speed of the process, its dimension and with the amount of help. According to a poll conducted in 2016, called the Balkan Barometer, 39% of population and 54% of enterprises support EU membership, but only 26% of people believe this will never happen.¹²

Although the discontent of these countries may be understandable, the candidates for the EU membership need to meet the Copenhagen accession criteria.¹³ It took 10 years to take Albania to the list of potential future member states, whereas in case of Montenegro this was 9

⁸ Individual Partnership Action Plan (IPAP) is open to countries that have political will and ability to deepen their relationship with NATO. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49290.htm

⁹ The Collective Security Treaty Organization (CSTO), formed under the framework of the Commonwealth of Independent States, serves as a mutual defense alliance among Russia, Belarus, Armenia and the Central Asian states except Turkmenistan. The Eurasian Economic Community comprises a similar grouping of states but focuses on economics, including the creation of a common market, border security standards, a customs union, standardized currency exchange and joint programs on social and economic development. Both of these organizations are strongly supported by Russia and capitalize on residual political, economic, and bureaucratic linkages among the members. http://www.odkb.gov.ru/start/index_aengl.htm

¹⁰ Kovács, Mária. Erősödő radikalizmus a Balkánon (Increasing Radicalism in Balkans). *Magyar Nemzet Online* (Hungarian Nation Online), 2015. május 8. Mode of access: <https://mno.hu/kulfold/erosodo-radikalizmus-a-balkanon-1285309>

¹¹ Bugajski, Janusz. Frontline Vulnerability. The Strategic Case for the Western Balkans. Centre for European Policy Analysis. Transition Brief No.4. January 2017.

¹² Balkan Barometer 2016. Infographics, Pocket edition. Survey, 10 Nov 2016. Mode of access: <http://www.rcc.int/pubs/39/balkan-barometer-2016-infographics-pocket-edition>

¹³ The accession criteria, or Copenhagen criteria (1993) are the essential conditions all candidate must satisfy to become a member state. Mode of access: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/glossary/terms/accession-criteria_en

years, for Serbia 6 years. Bosnia and Herzegovina and Kosovo both got the title of the potential member after 9 years. These criteria include (1) the specification of political conditions, such as stable democratic institutions, law and order and the protection of human and minority rights, (2) economic conditions (market economy based on competition), (3) the introduction and adoption of membership changes and undertaking of political, economic and financial objectives. As the countries of Balkan are each in different situation from this respect, they consequently get entitled for the membership in different times. Since the integration process strongly depends on the individual growth of each country, it is impossible to standardize it or to decide common deadline for all.

The candidate countries must adopt and carry out all the EU regulations (these are regarded as community achievements), they must identify with the goals of the EU, its programs and its plans. The European Commission regularly gives reports about the progress in the region, however, all important decisions are made by the European Council unanimously from the beginning of negotiations to their end. Finally the Accession Treaty must be approved by the European Parliament and the Council before the ratification of all contracting states. On the other hand, the EU provides different support to the candidates and potential candidate countries, including financial support, in form of different programmes, which are accepted by the six Balkan countries, so that they can carry out the necessary reforms.

The hard political requirements

The accession political criteria include stability of institutions guaranteeing democracy, the rule of law, human rights and respect for and protection of minorities. The completion of the Copenhagen political criteria is a slow process in the region. According to a report by Freedom House in 2017, it is only Serbia where democracy has been achieved and practiced, although the freedom of the media is limited there too. In the rest of the countries (See Table 2), the situation of human rights and political democracy is middle-sized (although in Bosnia and Herzegovina it has decreased compared with the situation in 2016), nonetheless, these index numbers play

important roles when the political conditions are assessed. Kosovo is somewhere between democracy and autocracy (52), so are Bosnia and Herzegovina (55) and Macedonia (57), while the situation in Albania (68) and Montenegro (69) is improving. All in all, however, the reports of Freedom House have recorded a decrease in democracy in the past six years, which holds the process of stabilization and association back.

Table 2

Freedom Status of the Six Balkan Countries (2017)

Country / Ratings	Numerical*			Descriptive	
	PR	CL	Aggregate score	Freedom status	Freedom of the Press
Albania	3	3	68	partly free	partly free
Bosnia and Herzegovina	4	4	55	partly free	partly free
Kosovo	3	4	52	partly free	partly free
Macedonia	4	3	57	partly free	partly free
Montenegro	4	3	69	partly free	partly free
Serbia	3	2	76	free	partly free

* PR and CL stand for political rights and civil liberties, respectively. In the numerical assessment 1 represents the most free, and 7 the least free rating. A larger aggregate score indicates a greater level of freedom

Source: <https://freedomhouse.org/report/fiw-2017-table-country-scores>

The decrease in the status of democracy is proved by other index numbers too. According to the Transparency International report on perception index made in 2016, the six Balkan countries belong to the most corrupt states in Europe. Albania and Bosnia and Herzegovina were rated 83, Macedonia 90, whereas Kosovo 95 in the list.¹⁴ The international evaluation is supported by regional polls (Balkan Barometer 2016) too: 54% of population believe that the political institutional network and politicians are the most corrupt there, 78% said that the administration of justice is not independent from political influence, 71% do not trust the public prosecutor and law court and 82% think that law and regulations are not put into practise fairly and equally. The problems

¹⁴ Transparency. Mode of access: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016

of regional democracy are a regularly returning topic of the international media.¹⁵ Demonstrations against the government that sometimes last for several months in Macedonia, as well as increased tensions and conflicts between Macedonian and Albanian nationalities show the image of a disintegrated country to the world. In the past two years the crowd of demonstrating and rebelling people attacked the buildings of government in Sarajevo and Skopje. Journalists complain in Serbia that the media enjoyed more freedom in Milosevic's age than today.¹⁶ A regular practice has been in Kosovo parliament to explode tear granades during the meetings of the parliament. Although the EU together with international non-governmental organizations (NGO), like for example Transparency International, have launched numerous democracy improving and corruption reducing programmes in Balkan since 2014, the results are unsatisfactory. Achieving the necessary political criteria is still pending and require more political efforts from the governments of the Western Balkans countries.

Improving economy

It is not exclusively the completion of political requirements that seems to be tough to the six Balkan countries. It is also a hard work indeed to meet the economic requirements, which include a function market economy and the capacity to cope with competition and market forces. Although the „Connectivity Programme” for the aspiring countries is supported by 71% of population and 51% of businesses, the rate of trade in the region has just increased by 17% since 2010.¹⁷ The economic growth has improved

in the past years, the six country is still fighting with the consequences of the recession of the 2008 economic crisis. The economic growth increased in 2016 and the improved economic performance boosted the macroeconomic index numbers about inflation, deficit and investments, the situation of sovereign debt became stable (except in Montenegro) (See Table 3)

Table 3

Economic development of the six-country region (2016)

Indicators/ Country	ALB	BiH	KOS	MKD	MNE	SRB
GDP growth (%)	3.2	2.8	3.6	2.4	2.1	2.8
Inflation rate (%)	1.3	-1.4	0.3	-0.2	-0.2	1.2
Fiscal balance (percent of GDP)	-2.2	-0.6	-1.3	-2.6	-3.7	-1.4
External Debt (percent of GDP)	75.5	76.2	33.7	74.1	161.1	77.4
FDI inflows (percent of GDP)	7.1	-1.2	4.0	3.6	10.0	5.5
Trade and services balance (percent of GDP)	-18.2	-17.4	-30.3	-14.7	-23.9	-7.6
Unemployment (%)	15.2	25.4	32.9	23.7	17.8	15.3
Youth unemployment (%)	28.9	54.3	57.7	48.3	37.4	37.2
Remittance inflows (percent of GDP)	7.2	8.2	11.6	2.1	3.1	5.5
GDP per capita, PPP	11276	11034	3646	13583	16195	14047
Poverty rate at US\$ 5/day, PPP (% of population)	45.5	n.a.	n.a.	30.7	12.8	13.6

Source: *Western Balkans, Regular Economic Report No.11. Faster Growth, More Jobs. World Bank Group, Spring 2017. Mode of access: <http://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/western-balkans-regular-economic-report;http://pubdocs.worldbank.org/en/310431491458109659/WBRER-11-v6.pdf>*

The projects of infrastructure, increasing investments, low raw material prices and increasing profits have supported a small decrease in the situation of unemployment, increase of wages and social expenses. However, neither external nor internal lack of balance have disappeared, the lack of structural reforms, poverty and unemployment, the management of the future and improvement of public services all require a well-functioning government. 68% of population in the region expects from the governments to manage unemployment, 55% expect a growth in economy, whereas 89% of the people expect their own government and international communities to reduce the gap between the rich and the poor.

¹⁵ Balkans Struggling on Human Rights: Amnesty Report. Balkan Transnational Justice, 24 Feb 2016. Mode of access: <http://www.balkaninsight.com/en/article/balkan-still-lags-behind-human-right-protection-02-24-2016>

¹⁶ Ördögh, Tibor. Szerbia mint konszolidált demokrácia?(SerbiaasaConsolidatedDemocracy?)/ *Mediterrán és Balkáni Fórum* (Mediterran and Balkan Forum), X. évf. (Volume X), 2016, 1-2. szám (Iss. 1.2), p. 35. Mode of access: http://www.mbforum.hu/wp-content/uploads/2016/12/41_Mediterr%C3%A1n-%C3%A9s-Balk%C3%A1n-F%C3%B3rum_X_1_2_1.pdf

¹⁷ Regional Cooperation Council SEE2020. Connectivity Paper. P. 2. Mode of access: <http://www.rcc.int/flagships/1/connectivity>

An unchanged problem is the constant poor balance of the trade and service traffic (only 37% of companies in Balkan produce for export), which is between 15-30% in the countries. The walls of protectionism are knocked down only very slowly, though the population is in favour of international competition. The mismanagement of unemployment among young people is a hot issue as it is double of average and is between 29-55% in the countries. There is a slow decrease in proportion of those who live in poverty (between 13-45%), and 43% of population plan to leave the country to work abroad because of the unpromising future. Within these conditions populist and nationalist ideas can easily emerge as well as national and religious tensions.

As a consequence the governments of the region have a big responsibility if they want to see the public support in domestic and international policy as a privilege, to join the current national tasks to the reforms of the EU and to carry out the necessary structural changes. The positive prospects of the countries in the region on mid-term need to be joined by the theory and practise of good governing. The political problems between the countries of the region (war crime, border conflicts, refugees, ethnical differences, organised crime etc.) can all disturb the completion of the most important governmental tasks, weaken the cooperation and destroy the political trust needed for capital investments. The Trieste summit make decisions about new goals, it wants to improve regional cooperation and launches programmes between the countries. The Regional Cooperation Council (RCC), which operates in Sarajevo, is in charge of supporting the integration efforts of those countries in the region, which are not EU or NATO members. RCC controls the improvement of relationships within the region, the innovations of energy sector and infrastructure, the cooperation between the institutions of justice and domestic affairs and the creation of human resource. The Sarajevo Center has developed the plan of a regional economic area, which was approved by the Trieste summit. The general structure of WB6 and CEFTA will be applied for the implementation of the Regional Economic Area Plan, as well as their methods and solutions, which will be monitored by RCC.

Slow negotiations about the *acquis communautaire*

The third package of the Copenhagen Criteria system represents the *acquis* which is the body of common rights and obligations that is binding on all the EU member states. It is constantly evolving and comprises political objectives, legislation, the Common Foreign and Security Policy and international agreements. The situation of the countries in this area is different depending on how suitable they are for joining the EU or the NATO. Montenegro is in the best position in the association process as it joined NATO in 2017 and became a candidate for the EU membership after four years in 2010.¹⁸ Podgorica started the economic and trade relationship with the EU in 2008 and begun the Stabilization and Association Agreement (SAA) negotiations in 2012. Although the EU has opened 27 chapters in 2016,¹⁹ only two: science and research, education and culture have been completed so far, whereas the hardest ones, like products and services, free flow of human workforce, competition policy, economic and fiscal policy, regional policy, environment protection, structure of institutions, domestic affairs are all to be tackled with. The situation of this country however is quite controversial: as for the economic achievement it belongs to weaker countries and negotiations about the most important issues of the constitutional state, like freedom and security, law enforcement etc. are making a very slow progress. The status of Montenegro justifies the idea that for the Balkan countries the stabilization and association agreements process mean a rocky road.

Maybe Serbia could become an EU member first, however the Serbian divided talks and policy, such as parallel EU ambitions and stronger relationship with Russia, as well as the Serbian policy about Kosovo have a significant impact on the progress. Serbia applied for

¹⁸ Montenegro and the EU. European External Action Service, 06/06/2017. Mode of access: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/27529/montenegro-and-eu_en

¹⁹ European Union. Mode of access: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20170328-negotiations-status-montenegro.pdf>

the EU membership in December 2009 and got a candidate status in March 2012. Due to the Belgrade-Pristina negotiations by the EU, Serbia could achieve a significant progress, and Belgrad got the SAA status in 2013. During the negotiations that started in 2014, 14 chapters have been opened, two of which, science and education have been closed.²⁰ In the 35th specific chapter of normalizing the Kosovo relationships interim benchmarks were achieved in 2015.

The EU maturity of the other countries is varied and it needs many more years before they can achieve real success. Albania and Macedonia are already candidate countries, however both countries deal with serious political problems. Tirana got the candidate status in 2014, but SAA negotiations can only start after a progress in five essential fields defined by the EU, which are human rights, democracy, justice reform issues.²¹ The situation of Macedonia is even more complicated. Skopje has been a candidate since 2005 and the EU Committee suggested to launch SAA negotiations as early as 2009. Initially debates with Greece about the name issue, later the political instability of the country made the progress harder. In the summer of 2015 an agreement was created between the EU and Skopje (the Przino Four-Party agreement) about the necessity of introducing political reforms. These reforms however have failed to become implemented.²² Possibilities for further negotiations will only occur after solving the political crisis. Macedonia now is optimistic that the new government will reignite the reform process, though much work remains to be done. One issue to be overcome is the name dispute with neighbouring Greece. The discussion now is going with UN mediation and it is believed the dispute could be solved within the next six

month.²³ If the talks ends successfully it would then clear the way for the country to join NATO in 2018-2019 as well as finally start accession talks with the EU.

The two potential candidate countries, Bosnia and Herzegovina and Kosovo are facing similar problems. Sarajevo signed the stabilization and association agreement in 2008 but it became applicable only in 2015 because of the political and justice problems. The EU addressed the insufficient governing practise which resulted in poverty rebellions in 2014. Brussels also criticized Sarajevo about the ignorance of human rights. The country did not respect the decision of the European Committee about Human Rights 2009 in the so-called Sejnic-Finci case and guided the state authorities not to discriminate national minorities in the constitution about elections. The country applied for a NATO membership in 2016, but the broken country is supposed to produce a significant improvement in the field of government before the beginning of further negotiations.²⁴ New reform plans are needed, the structure of constitution should be changed entirely so that they could meet the requirements of the union. The EU keeps supporting the efforts of Sarajevo by providing support through the EU Mission (275 people) and EUFOR/ALTHEA Operation (600 soldiers).

Like Bosnia and Herzegovina, Kosovo is also a country with European perspectives, as it declared its independence in 2008. The situation of Pristina is even more complicated than the one of Bosnia, as its independence has not been admitted by five EU countries: Cyprus, Greece, Romania, Slovakia and Spain. From WB6 Bosnia and Herzegovina also did not recognise the country. The SSA was signed in 2016 which

²⁰ European Union. Mode of access: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20160301-serbia-state-of-play.pdf>

²¹ Joint Statement following the 13th meeting of the Stabilization and Association Council between the Former Yugoslav Republic of Macedonia and the EU. European Council, Press Release, 18/07/2017. Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/07/18-eu-fyrom/>

²² European Union. Mode of access: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/countries/detailed-country-information/bosnia-herzegovina_en

²³ UN Envoy Hopeful on Macedonia „Name” Agreements. BalkanInsight, 18 Jan. 2018. Mode of access: <http://www.balkaninsight.com/en/article/un-envoy-hopeful-on-macedonia-name-agreement-01-17-2018>

²⁴ Kemenszky, Ágnes. Bosznia- Hercegovina, a mozaikosra töredezett állam (Bosnia and Herzegovina: the Mosaic Country). *Mediterrán és Balkáni Fórum*, X. évfolyam (Vol. X), 2016. 1-2. szám (Iss.1-2) Mode of access: http://www.mbforum.hu/wp-content/uploads/2016/12/41_Mediterr%C3%A1ln-%C3%A9s-Balk%C3%A1n-F%C3%B3rum_X_1_2_1.pdf

is widely supported by EULEX mission (800 people).²⁵ The EU assist the former Yugoslavian member country to adopt and implement the acquire and cooperates in this work with the UN (UNMIK) and Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) missions. For the military security of the country NATO KFOR with 4,300 members is responsible. Political changes have a huge impact on the stabilization and association process in Kosovo too, like the respect of the results of political elections, the results of the negotiations with Belgrade and the restructuring of security forces in Kosovo.

Conclusions

It is evident that the European and Transatlantic integration of the Western-Balkan is a long and hard struggle, which does not just depend on the intention of the EU and international communities. On the contrary, the progress of SAP depends on the commitment of the countries involved, on good governing conditions, economic growth and appropriate democratic atmosphere. With the Trieste Balkan Summit the EU confirmed its alignment to support the European integration of the Western-Balkan again, as it did 15 years ago during the Thessaloniki Summit in Greece, and provide further assistance to the countries of the region with their efforts about economic growth, stronger democracy and security. It wishes to be a „bridge” which brings the opponent parties closer and create an area for shared cooperation as this is the only opportunity for future security. The EU would like to create a regional economic area similar to the one of Central European Free Trade Agreement (CEFTA), which can increase the regional trade and investments between the countries involved as well as help creating the Western-Balkan customs union. However, according to Brussels, creating political stability, the solution of conflicts, the discussion of disputed problems as well as the maintenance of peace in society are all necessary conditions. As a consequence, developing plans and measurements for increased security and trust and the acceleration

of a Stability and Association Agreement (SAA) are all major parts of understanding. To implement these plans, Brussels also urges the issues of improved democracy, appropriate governing, strong law and order and fight against corruption. Securing territorial integrity is also a vital factor for regional cooperation, as this creates the condition for mass-migration management, fight against terrorism, extremism and radicalism and can support coordinated actions against international crime. We cannot overestimate the transformation power of the EU and NATO but both power – in light of principle of Conditionality – balancing on the rope. However, the recent drawbacks in negotiations of the EU with the WB6 shows that the EU policy has remained consistently linked to compliance with the Copenhagen criteria in the target countries. And the same time, is is also clear that EU should create a positive international environment for futher enlargement. EU Commission President Juncker in his „State of Union” address²⁶ on September 13,2017, that the EU is maintaining the credible enlargement perspectives for the Western Balkans and set the year of 2025 as the deadline for the next EU anlargement round.

References:

- Anastasicas, Othon.* The EU's Political Conditionality in the Western Balkans: Towards a more Pragmatic Approach // *Southeast European and Black Sea Studies*, 2008, Vol. 8, Iss. 4, pp. 365-367.
- Bugajski, Janusz.* Frontline Vulnerability. The Strategic Case for the Western Balkans. Centre for European Policy Analysis. Transition Brief No.4. January 2017.
- Buzan, Barry; Weaver, Ole.* Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003.
- Kemenczky, Ágnes.* Bosnia-Hercegovina, a mozaikosra töredezett állam (Bosnia and Herzegovina: the Mosaic Country). *Mediterrán és Balkáni Fórum*, X. évfolyam (Vol. X), 2016. 1-2. szám (Iss.1-2) Mode of access: http://www.mbforum.hu/wp-content/uploads/2016/12/41_Mediterr%C3%A1n-%C3%A9s-Balk%C3%A1n-F%C3%B3rum_X_1_2_1.pdf
- Kovács, Mária.* Erősödő radikalizmus a Balkánon (Increasing Radicalism in Balkans). *Magyar Nemzet Online* (Hungarian Nation Online), 2015. május 8. Mode of access: <https://mno.hu/kulfold/erosodo-radikalizmus-a-balkanon-1285309>

²⁶ President Jean- Claude Juncker's State of the Union Adress 2017. European Comission, Brussels, 13. Sept. 2017. Mode of access: https://europa.eu/newsroom/events/president-junckers-state-union-speech-2017_en

²⁵ European Union. Mode of access:https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/countries/detailed-country-information/kosovo_en

Ördögh, Tibor. Szerbia mint konszolidált demokrácia? (Serbia as a Consolidated Democracy?), *Mediterrán és Balkáni Fórum* (Mediterran and Balkan Forum) X. évf. (Volume X), 2016. 1-2. szám (Iss, 1.2), p. 35. http://www.mbforum.hu/wp-content/uploads/2016/12/41_Mediterr%C3%A1n-%C3%A9s-Balk%C3%A1n-F%C3%B3rum_X_1_2_1.pdf

Pippan, Christian. The Rocky Road to Europe: the EU's Stabilization and Association Process for the Western Balkans and the Principle of Conditionality // *European Foreign Affairs Review*, 2004, no. 9, pp. 219-245.

President Jean- Claude Juncker's State of the Union Adress 2017. European Comission, Brussels, 13. Sept. 2017. Mode of access: https://europa.eu/newsroom/events/president-junckers-state-union-speech-2017_en

Schimmelfennig, Frank. EU Political Accession Conditionality after 2004 Enlargement: Consistency and Effectiveness // *Journal of Public Policy*, 2008, Vol. 15, Iss. 6, pp. 918-937.

Wakelin, Elise. EU Conditionality: An Effective Means for Policy Reform? / *E-International Relations*, Nov 12, 2013. Mode of access: <http://www.e-ir.info/2013/11/01/eu-conditionality-an-effective-means-for-policy-reform/>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-17-25>

ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ: АНАЛИЗ ПРОЦЕССА СТАБИЛИЗАЦИИ И АССОЦИИАЦИИ ЕС

Золтан Зенеш

Национальный университет государственной службы, Будапешт, Венгрия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 16 декабря 2017 <i>Принята к печати:</i> 21 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: Процесс стабилизации и ассоциации (SAP), запущенный ЕС после войны в Косово в 1999 году, сформировал систему политических условий для стран Западных Балкан. В обмен на помощь, перспективы вступления в ЕС и продление преференциального доступа на рынки ЕС эти страны должны модернизировать свои институты и систему госуправления в соответствии с европейскими стандартами и участвовать в региональном сотрудничестве, в том числе с другими странами-участницами Пакта стабильности. В 2003 году в Салониках Европейский Совет подтвердил, что все страны, участвующие в Процессе стабилизации и ассоциации, являются потенциальными кандидатами на членство в ЕС. В июле 2017 года на саммите ЕС в Триесте обсуждался статус Процесса (SAP) для Западных Балкан, который был единогласно поддержан. В принятом документе рассматривается текущий статус SAP в этих странах (WB6), основанный на политических, экономических и законодательных Копенгагенских. В нем утверждается, что среди критериев наиболее важны политические требования, поскольку они устанавливают общие направления реформирования, расширяют административный и институциональный потенциал для развития стабильной демократии и рыночной экономики. В нем делается вывод о том, что SAP и впредь будет основан на системе копенгагенских критериев, и странам регионального сотрудничества необходимо создать благоприятные условия для того, чтобы реализовать у себя эти европейские стандарты.</p>
<p>Об авторе: Профессор, PhD, Кафедра исследований проблем международной безопасности, Факультет международных отношений и европейских исследований, Национальный университет государственной службы Венгрии e-mail: szenes.zoltan@uni-nke.hu</p>	
<p>Ключевые слова: Западные Балканы; ЕС; процесс стабилизации и ассоциации; саммит в Триесте; политическая обусловленность</p>	

Для цитирования: Szenes, Zoltán. The Western Balkans: Assessing the EU's Stabilization and Association Process // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 17-25.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-17-25

For citation: Szenes, Zoltán. The Western Balkans: Assessing the EU's Stabilization and Association Process // *Comparative Politics Russia*, 2018., No. 2, pp. 17-25.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-17-25

МОДЕЛИ ОБОРОННОЙ КООПЕРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ И ВОСТОЧНОМ ФЛАНГЕ ЕС (ОПЫТ «НОРДЕНА» И ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ)

Юрий Иванович Надточей

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 19 февраля 2017 <i>Принята к печати:</i> 18 января 2018</p>	<p>Аннотация: В статье проводится сопоставление двух моделей субрегионального сотрудничества в области обороны, примененными на практике странами Северной и Центральной Европы. Выделены критерии сопоставления основных черт, определяющих общие характеристики развития оборонных инициатив, выдвигаемых такими субрегиональными сообществами как Вишеградская группа и Северо-европейское оборонное сообщество (NORDEFSCO). В частности, прослежен процесс развития оборонных контактов между странами входящими в эти группировки на протяжении последних двух десятилетий. Описаны конкретные проекты взаимодействия в данной области на современном этапе, успешные и неуспешные примеры совместной работы военных и военно-промышленных кругов из вишеградских и северо-европейских стран. Определены его наиболее проблемные и перспективные сферы. Внимание также уделено процессу взаимной увязки европейской и евроатлантической интеграции, с одной стороны, и субрегиональным форматам сотрудничества – с другой. Отмечается, что субрегиональные оборонные проекты и программы не в состоянии конкурировать с проектами ЕС и НАТО и в настоящее время являются скорее дополнением к последним. В то же время, намечившиеся центробежные процессы внутри Европейского Союза, равно как и нарастающий в странах Запада евроскептицизм, способны стимулировать различные малые формы оборонного сотрудничества. В условиях возросшей неопределенности и неуверенности в перспективах «большой» европейской интеграции такие проекты «малой» регионализации имеют определенные шансы на успех.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., доцент, кафедра мировых политических процессов, МГИМО МИД России e-mail: ynadtochey@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Норден; Северная Европа; Скандинавия; NORDEFSCO; Вишеградская группа; субрегиональные группировки; оборонное сотрудничество; НАТО; боевые группы ЕС</p>	

Европейские субрегиональные группировки, такие как Бенилюкс, или Центрально-европейская инициатива, давшие своим странам-участникам немало выгод от сотрудничества в области экономики, науки и социальных контактов, все активнее фокусируются на проблематике безопасности и обороны. Страны, находящиеся в соседстве, активизируют свое участие в процессах «локальной» регионализации, намереваясь таким образом извлечь из нее новые выгоды, связанные с собственной защитой (в до-

полнение к уже полученным от членства в ЕС и НАТО).

Причины, объясняющие такое стремление к сотрудничеству в субрегиональных рамках могут быть разделены на несколько групп:

Первая группа – сугубо финансовая: непростая экономическая ситуация, обусловленная кризисом в ЕС на рубеже 2000-2010 годов побудила европейские государства искать новые способы бюджетной экономии, находить пути повышения обороноспособ-

ности при все более сокращающихся затратах на военные нужды.

К *второй группе* следует отнести общую ситуацию в области военной безопасности в Европе, заметно ухудшившуюся в связи конфликтом на Юго-Востоке Украины и новым витком напряженности между Россией и Западом в лице НАТО.

Наконец, *третья и относительно новая группа* причин связана с развитием центральных тенденций внутри европейских и евро-атлантических структур безопасности, нарастающим евроскептицизмом и антиатлантизмом внутри отдельных стран Европейского союза и за его пределами. Феномен британского Брексита и победа на американских президентских выборах Д. Трампа порождает у малых стран Европы – особенно находящихся на восточной окраине ЕС – опасения насчет возможного снижения гарантий их безопасности со стороны крупнейших стран континента, а также США.

Например, в граничащих с Россией или находящихся в непосредственной близости от нее странах Северной Европы набирает обороты дискуссия по вопросу о необходимости укрепления сотрудничества в оборонном секторе. При этом дело не ограничивается исключительно риторикой – Финляндия, Швеция, Норвегия, а также страны Балтии активно работают над вполне конкретными задачами углубления и расширения начатой еще в 90-х годах оборонной, а то и военной кооперации¹.

Так называемая «ресекуритизация», о которой все чаще стали говорить западные эксперты², не обошла стороной и другое

субрегиональное объединение – Вишеградскую группу. Ее члены, прежде всего Польша, настаивают на развитии многостороннего внутрigrуппового диалога в области безопасности, включая оборонную компоненту.

Обе упомянутые организации выступили своего рода локомотивами сотрудничества в оборонной сфере, при этом избрав разные модели его развития. Каждая из них имеет общие и особенные черты и заслуживает отдельного рассмотрения. В то же время более обстоятельный анализ обеих моделей требует выделения опорных критериев сравнения или набора сближающих (разъединяющих) позиций, определяющих возможность (невозможность) развития оборонного сотрудничества между конкретными странами. Британский исследователь Ж. Ховорт и французский политолог А. Панниер выделили в качестве таких пунктов: масштабы и рамки политического вовлечения, когнитивные аспекты (общее восприятие вызовов и угроз и средств противодействия им), организационную структуру сотрудничества, материальные аспекты (наличие общих материальных интересов к сотрудничеству).

Для целей данной статьи представляется возможным использовать указанные критерии, как наиболее важные с точки зрения сравнительного анализа двух моделей оборонного взаимодействия в рамках сообщества Северной Европы (именуемого также Норден) и Вишеградской группы (*далее V4*). Первое из них создало проект Северного оборонного сотрудничества (NORDEFCO), в то время как второе также углубляет кооперацию в этой области, негласно именуемую VIDEFCO³.

Предпосылки субрегиональной кооперации

Сопоставление моделей сотрудничества в рамках упомянутых организаций предполагает обращение к истории их возникновения, которая, в свою очередь, позволяет проследить логику развития оборонных инициатив как в североевропейском субрегионе, так и в Центральной Европе.

³ Аббревиатура расшифровывается как *Visegrad Defence Cooperation*.

¹ Для целей настоящей статьи представляется необходимым разграничить понятия оборонное и военное (военно-политическое) сотрудничество, поскольку акцент в ней будет сделан на взаимодействие не сфере выработки общей стратегии, военного планирования и т.д., а на материально-технических вопросах сотрудничества, обусловленных сугубо практическими нуждами кооперирующихся стран.

² Kaljurand, R.; Mälksoo, M. From De-Securitisation to Re-Securitisation: Sub-Regional Multilateralism Around the Baltic Sea. International Centre For Defence Studies. Mode of access: <http://www.digar.ee/arhiiv/nlib-digar:237888>

Оборонные проекты Северных стран имеют достаточно долгую традицию, восходящую еще к планам создания Скандинавского оборонительного союза (1948) – аналога «северного НАТО». Несмотря на провал этих планов и последующего раскола Северных стран на две группы: блоковые (вошедшие в НАТО Данию, Норвегию и Исландию) и нейтральные (Швецию и Финляндию), страны относящиеся к обеим группам сформировали подобие скандинавского сообщества безопасности (*Nordic Balance*). Учитывая стратегическое значение Скандинавии в годы «холодной войны», цель такого сообщества состояла в сохранении своего рода «самобытности» североευропейского субрегиона и в его защите от избыточного вмешательства со стороны сверхдержав в лице США и СССР.

После распада биполярности скандинавская кооперация в области безопасности получила новый импульс. В связи с геополитической неопределенностью, установившейся в зоне Балтийского и Баренцева морей, страны Северной Европы активизировали внутрорегиональное взаимодействие. Прежде всего, оно распространялось на относительно деполитизированные сферы и было направлено на достижение синергетического эффекта от сотрудничества в области материально-технической базы и логистической системы вооруженных сил. Скандинавы наладили механизм обмена национальными планами закупки и обслуживания некоторых видов вооружений и военной техники, инициировав специальную программу *NORDAC* (1994)⁴.

К 1997 году оборонное сотрудничество в рамках Нордена вышло на новые рубежи с подключением к нему Северного Совета и выдвиганием задач по участию скандинавских стран в миротворческих операциях за рубежом. В 2000 году для этих целей было учреждено так называемое «Северное соглашение по координации ради поддержки мира» (*NORCAPS*) и создана Северная бригада миротворческих сил⁵.

⁴ The Basics About NORDEFECO. Mode of access: <http://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco>

⁵ Ibid.

Путь к оборонному сотрудничеству, проделанный странами Вишеградской группы, оказался более тернист. На первый взгляд, восточноевропейские государства, входящие в это субрегиональное сообщество (Польша, Чехия, Венгрия, Словакия) обладали важным преимуществом перед североευропейскими партнерами из NORDEFECO – наличием опыта военной политической интеграции в рамках ранее существовавшей Организации Варшавского договора. Однако в политических условиях постбиполярной Европы этот опыт, с одной стороны, не был учтен должным образом, а с другой не мог служить основой для решения принципиально новых задач по углублению субрегионального оборонного сотрудничества. В частности, странам «четверки» пришлось фактически с нуля выстраивать систему горизонтальной оборонной кооперации, отсутствовавшую в советский период по причине приоритетности для каждой из соцстран военных связей именно с СССР, а не с ближайшими союзниками по центральноевропейскому региону⁶.

С распадом ОВД как структуры задававшей общую рамку и стандарты военного планирования, подготовки личного состава, систему материально-технического снабжения изменились и вся военно-политическая философия стран Центральной и Восточной Европы. Их переход к новой модели военного строительства после распада соцлагеря был изначально нацелен на демонтаж советских принципов военно-технической и военно-политической кооперации. В условиях рыночных реформ, приватизации и конверсии, участникам группы пришлось заново выстраивать систему госзакупок, решать вопросы привлечения иностранного капитала в ВПК и сверять компас своих проектов в области обороны с курсом на интеграцию в НАТО. Подобная смена одной формы блоковой солидарности (социалистической) на другую (атлантическую) изначально не способствовала развитию собственной внутри-

⁶ Rieker, P.; Terlikowski, M. The Limits and Achievements of Regional Governance in Security: NORDEFECO and the V4 // *PISM Policy Paper*, No. 25, August 2015. Mode of access: https://www.pism.pl/files/?id_plik=20209

региональной кооперации, а сам потенциал сотрудничества между участниками Вишеградской группы по военной линии (не считая их взаимодействия в рамках НАТО) во многом оставался недооцененным вплоть до начала XXI века.

Со вступлением в НАТО все четыре страны сочли миссию группы почти завершенной и почти всецело сконцентрировались на участии в оборонных планах альянса. Не случайно, что первый обмен оборонными планами и планами по закупкам вооружений между странами-участниками V4 состоялся только в феврале 2013 года, что было намного позднее аналогичных контактов установленных между скандинавскими странами⁷.

Принимая во внимание относительно скромные успехи оборонного сотрудничества V4, важно в то же время отметить, что его североευропейский «собрат» в лице NORDEFSCO также пока не привел к результатам, на которые рассчитывали его создатели. «Чувствительность» и национальная замкнутость сферы обороны – в отличие от глубоко интернационализированной области экономики – не позволила вывести оборонное сотрудничество на заданную проектную мощность.

Два пути оборонной идентичности

Относительно низкий удельный вес оборонного компонента в общем комплексе интеграционных связей внутри Нордена и V4 не в последнюю очередь может быть объяснен сложным и противоречивым процессом формирования общей идентичности стран входящих в обе группировки (когнитивный аспект).

Причины такой медлительности кроются в исторически сложившихся особенностях взаимоотношений между соседствующими странами как североευропейского, так и центральноевропейского субрегионов. Несмотря на многие различия между ними, общей чертой сообществ Нордена и Више-

града является фактор пребывания в их составе лидирующей силы – Польши и Швеции, соответственно. Причем обе они явно не подпадают под критерии «малых стран», традиционно обладают более высоким уровнем политических амбиций и более плотно вовлечены в процессы субрегионального строительства, пытаются проецировать «мягкую гегемонию» на своих небольших соседей. Последние образуют своего рода пояс безопасности, повышающий чувство защищенности от внерегиональных вызовов и угроз. И хотя к ним у Польши и Швеции разный порог чувствительности – что обусловлено их историей и географией – обе страны обладают стратегической культурой основанной на обостренном восприятии международной нестабильности не только вблизи, но и вдали от собственных границ.

Эта особенность самовосприятия, в некотором роде коренящаяся еще в великодержавном прошлом Стокгольма и Варшавы, контрастирует со стратегическими культурами малых стран Северной и Центральной Европы. Последние не склонны к избыточной вовлеченности в международные дела, с осторожностью относятся к оборонным инициативам своих более сильных соседей, но в то же время крайне нуждаются в сотрудничестве с ними. Именно этим обстоятельством объясняется факт появления NORDEFSCO как норвежской, а не шведской инициативы. В соответствии с предложенным в 2009 году министром иностранных дел Т. Норвегии Столтенбергом планом, был выделен целый ряд направлений оборонного сотрудничества, а сам план в итоге лег в основу меморандума о взаимопонимании между пятью скандинавскими странами и заложил основу для NORDEFSCO⁸.

Отсутствие общего видения угроз и вызовов характерно для участников скандинавского формата оборонного сотрудничества. Страны Скандинавии в отличие, например, от государств Балтии, являющихся странами-членами НАТО и однозначно

⁷ Budapest Joint Statement of the Visegrád Group Heads of Government on Strengthening the V4 Security and Defence Cooperation. October 14, 2013 Budapest. Mode of access: <http://www.visegradgroup.eu/about/cooperation/defence>

⁸ Memorandum of Understanding between the All Five Nordic Nations on the Establishing of NORDEFSCO. Signed November 4, 2009. Mode of access: <http://www.fmn.dk/nyheder/Documents/NORTAT-MoU-dec-2013.pdf>

сделавших выбор в пользу территориальной обороны, не выработали единую линию защиты от реальных или потенциальных источников опасностей. Финляндия и отчасти Норвегия больше сконцентрированы на вопросах обороны собственных национальных территорий, нежели Швеция, Дания или Исландия, уделяющих особое внимание безопасности принадлежащих им отдаленных арктических территорий⁹.

Подобная проблема «асимметричного членства», тем не менее, не стала непреодолимым препятствием на пути к межскандинавскому сотрудничеству. Страны Нордена оказались в состоянии вынести «за скобки» проблему отсутствия единой стратегической культуры, определив цели сотрудничества и разработав инструментарий для их достижения.

Ключом к решению проблемы дефицита идентичности в сфере безопасности стала максимальная деполитизация оборонного сотрудничества. Технократическая модель управления исключила из него сферу высокой политики (военной политики), сделав упор на практические стороны кооперации. Тем самым сообщество Нордена обошло наиболее острые углы проблемы дискриминации и блоковости (по принципу членства в НАТО или же нейтралитета). Ключевой принцип NORDEFECO – проекты развиваются только тогда, когда они не ставят под угрозу основные интересы национальной безопасности и стратегические ориентиры стран-участниц. В такой модели взаимодействие носит сугубо добровольный характер, а сами страны участницы изначально отвергли возможность трансформации NORDEFECO в организацию коллективной обороны (военного союза) с системой взаимных военно-политических обязательств. Эта оценка подтверждается тем фактом, что, несмотря на многочисленные доводы экспертов в пользу усиления политической составляющей в деятельности организации, ее участницы не стремятся к созданию системы совместного военного планирования,

многонациональных воинских формирований или военной специализации по образцу существующей в блоке НАТО. Даже совместное заявление пяти министров обороны стран Северной Европы о более тесном сотрудничестве в ответ на действия России в Украине, сделанное ими в мае 2015 года, не обозначило переход деятельности NORDEFECO в политическое русло: страны попросту увеличили диапазон и масштаб существующих проектов и поиск новых областей сотрудничества¹⁰.

Однако чисто политические выгоды для отдельных стран-участниц NORDEFECO от использования его механизмов все же есть. Об этом свидетельствуют приоритеты нейтральных стран Скандинавии (Финляндии и Швеции), которые пытаются предотвратить риски самоизоляции в области военной безопасности в натоцентричной Европе и потому поддерживают самые разные структуры, выступающие связующим звеном между ними и странами-членами альянса (Норвегией, Данией)¹¹.

Становление центральноевропейского формата оборонного сотрудничества происходило несколько иным путем. С одной стороны, участницы V4, вступив в ряды НАТО, формально сняли для себя проблему выработки общей стратегической культуры: членство в альянсе обеспечило им групповую оборонную идентичность – атлантическую.

Однако это не освободило их от необходимости выбирать общий ориентир взаимодействия в сфере безопасности и обороны на субрегиональном уровне. Участникам V4 долгое время не удавалось выработать концептуальную основу отношений в этой области, а само оборонное сотрудничество, в

⁹ Båtora, J.; Haaland, M. J. Regional Security Integration: Nordic and Visegrád Approaches. Working Papers of the Institute of European Studies and International Relations Bratislava. 2011, Iss. 2, pp. 3-25.

¹⁰ Rieker, P.; Terlikowski, M. Trudna Współpraca w Regionie: NORDEFECO i V4. In: Polityka Bezpieczeństwa Polski i Norwegii w Wymiarze Narodowym, Regionalnym i Europejskim. Report. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, Norweski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, wrzesień 2015. Mode of access: https://www.pism.pl/files/?id_plik=20456

¹¹ Dahl, A. NORDEFECO and NATO: “Smart Defence” in the North // *NATO Research Paper*, No. 101, May 2014, p. 3.

отличие от NORDEFCO оставалось больше политико-декларативным, нежели техническим и практико-ориентированным. Взаимодействие долгое время характеризовалось ситуативностью и во многом зависело от активности стран-председателей группы, ежегодно сменяющих друг друга и предлагающих партнерам собственные рецепты взаимодействия в области безопасности и обороны. Только в 2014 году, с принятием двух важных документов «Долговременным видением стран V4 по углублению оборонного сотрудничества» и «Рамками продвинутого сотрудничества по оборонному планированию» сотрудничество обрело более осмысленную концептуальную основу.

Весьма показательной в этой связи, представляется реакция отдельных стран V4 на многочисленные кризисные ситуации – от войн на территории бывшей Югославии до конфликта на Юго-востоке Украины. В то время как в иерархии угроз Венгрии кризисы на Балканах традиционно занимают едва ли не центральное место, ее партнеры по V4 не уделяют балканской проблематике столь пристального внимания. Будапешту стоило немалых усилий подключить их мероприятиям по усилению венгерско-сербской границы в целях пресечения массового наплыва беженцев из стран Африки и Ближнего Востока.

Для Польши география угроз простирается к Востоку от Одера и связана скорее с Россией, нежели с конфликтами в ближневосточном регионе. Однако попытки Варшавы мобилизовать V4 на анти-российской основе не встречают должной поддержки со стороны других стран-участниц группы, также являющихся членами НАТО¹².

В целом же, хотя странам четверки и удалось наладить устойчивый уровень военно-политических консультаций, создав своего рода «вишеградский кокус» внутри альянса, они не всегда подходили к обсуж-

дению злободневных для Брюсселя вопросов с единых позиций. Причем первый же тест на солидарность, странам V4 пришлось проходить сразу же после вступления в альянс в 1999 году. Он продемонстрировал разную степень чувствительности отдельных представителей «четверки» к военным действиям с участием войск и сил НАТО и, как следствие, разный уровень оказываемой силам альянса поддержки¹³.

Симптоматичным примером низкой внутренней когерентности сообщества V4, в этой связи, следует считать фактическое отсутствие у его участников каких-либо форматов совместного применения войск в миротворческих и иных операциях. Это явно отличает их в невыгодную сторону от стран Нордена, располагавших, как уже упоминалось, достаточно продвинутой системой координации в сфере миротворчества (*NORDCAPS*), позволившей скандинавским миротворцам принимать участие в различных операциях по поддержанию мира – от Балкан (Босния, Косово) до Африки (Чад).

Достаточно отметить, что в составе ведомых США или НАТО многонациональных контингентах в Афганистане и Ираке страны участницы V4 также действовали независимо друг от друга и не задействовали механизмы группы.

В то же время, справедливости ради следует отметить, что сфера совместных военных операций в целом остается не слишком сильной стороной сотрудничества и стран Северной Европы. Например, последние, располагая собственной боевой группой ЕС (*EU Nordic Battle Group*), не смогли задействовать ее на практике во время проведения военной кампании НАТО в Ливии в 2011 году¹⁴.

¹² Cunningham, B. Visegrad's Illusory Union // *Politico*, 16.09.2016. Mode of access: <http://www.politico.eu/article/poland-hungary-czech-republic-slovakia-visegrads-illusory-union-bratislava-summit-eu-migration-orban-fico-sobotka-szydlo/>

¹³ Во время операции против Сербии. Например, Венгрия, в целом поддерживавшая агрессию и предоставившая воздушный коридор для союзной авиации, в то же время отказалась направлять в Косово свой военный контингент.

¹⁴ Louati, C. Military Intervention in Libya: Where Is ESDP? *Novelle Europe*. April 20, 2011. Mode of access: <http://www.nouvelle-europe.eu/en/military-intervention-libya-where-esdp>

Материальная основа сотрудничества

В связи с тем, что отсутствие единой системы стратегических оценок угроз характерно как для участников NORDEFSCO, так и V4, обе организации сталкиваются со схожими проблемами внутренней когерентности. Они порождены неодинаковыми потребностями разных стран-участниц касаясь области обороны и, как следствие, разными запросами на материально-техническую базу. Различия в оборонных доктринах стран-соседей, неидентичные принципы оборонных расходов, коллизии в законодательстве, негативно влияют на процессы субрегиональной кооперации и в конечном итоге тормозят ее.

Когда речь идет об обороне, дают о себе знать различия как потребностей, так и возможностей конкретных стран-участниц NORDEFSCO или V4. Это выражается, в первую очередь, в бюджетных ассигнованиях на военные нужды, которые являются самым красноречивым показателем реальных потенциалов каждой скандинавской или центральноевропейской страны.

Проблема несоответствия военных расходов между пятью государствами Нордена отражается на их сотрудничестве не столь критично. За исключением Исландии, затраты которой не превышают 0,2% от ВВП, остальные страны северного субрегиона тратят на военные нужды в диапазоне от 1,2 до 1,3%¹⁵. Однако даже такая однородность оборонных потенциалов скандинавских стран, на первый взгляд открывающая новые горизонты для сотрудничества в теории, не может скрыть пока что более чем скромные достижения на практике. Значительная часть совместных проектов, запланированных скандинавами еще в конце 1990-х – начале 2000-х годов либо осталась на бумаге, либо была свернута на начальной стадии реализации.

¹⁵ Конкретно на 2015 год для Исландии эта цифра составила 0,21% от ВВП, Швеции – 1,09 ВВП, Норвегии – 1,39, Дании – 1,19, Финляндии – 1,3. *The Military Balance 2016*. London: IISS, 2016. Pp. 484-485.

В силу различных технических требований к модели военно-транспортного вертолета одного производителя (NH-90), Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия не смогли реализовать «стандартный вертолетный проект». В результате каждая из стран предпочла решать вопросы закупки вертолетной техники самостоятельно. Аналогичным образом скандинавские страны поступили и в отношении самолетов-истребителей, которые изначально также планировалось закупать на совместной основе. Соседи Швеции – Дания и Норвегия, отклонив предложения Стокгольма о продаже им истребителей JAS-39 Gripen, предпочли заключить сделку с американской компанией «Локхид Мартин» о приобретении самолетов F-35¹⁶.

Неудачи постигли скандинавов и в области оборонно-производственной кооперации, что не позволило им добиться снижения затрат на производство дорогостоящей продукции военного назначения. В частности, Дания, Швеция и Норвегия не смогли успешно завершить планы по разработке и производству подводных лодок «Викинг», а сотрудничество по созданию минометной системы *AMOS* (Швеция, Финляндия) и артиллерийской системы *Archer* (Швеция, Норвегия) оказалось весьма затруднено по причине несогласованности многих вопросов между разработчиками¹⁷.

Это обстоятельство, вместе с тем, не мешает процессу слияний и поглощений скандинавских фирм-производителей вооружений, чему также способствуют механизмы NORDEFSCO. Организация установила тесные контакты с Совместной группой по сотрудничеству в оборонной промышленности (*Joint Nordic Defense Industry Cooperation Group*), которую возглавляют национальные военно-промышленные ассоциации Швеции, Финляндии, Норвегии

¹⁶ O'Dwyer, G. Pan-Nordic Fighter Solution / *Defense News*, 28 April, 2008. Mode of access: <http://www.defensenews.com/story.php?i=3505502>

¹⁷ Jarvenpaa, P. Nordic Defence Cooperation: NORDEFSCO and Beyond. In: *Northern Security and Global Politics: Nordic-Baltic Strategic Influence in a Post-Unipolar World*. N.Y., Routledge, 2014. P. 148.

и Дании¹⁸. Такое взаимодействие уже принесло результаты: в 2016 году норвежская компания *Kongsberg Defence & Aerospace (KDA)* приобрела 49,9% акций крупнейшей финской военно-промышленной компании *Patria Oyj*. В результате сделки было создано предприятие с годовым оборотом в 1,6 триллиона долларов¹⁹.

В областях не связанных с разработкой вооружений и техники усилия NORDEFCO оказались более продуктивными, что подтверждается продолжающейся работой над проектом в области совместной закупки боеприпасов для различных видов оружия, а также некоторых видов техники. В частности, между Швецией и Норвегией реализуется совместный контракт по приобретению военных грузовиков немецкой фирмы *Rheinmetall MAN*²⁰. Развивается и взаимодействие в области подготовки личного состава, учений, логистики и транспорта. Важным достижением здесь является Северное тактическое авиатранспортное взаимодействие *Nordic Tactical Air Transport (NORTAT)*, которое предполагает совместное использование воздушных судов и экипажей. Уделяется внимание и принципиально новым сферам сотрудничества, в первую очередь мероприятиям в области киберзащиты.

Сообщество V4, в свою очередь, не может пока рассчитывать на достижения демонстрируемые участниками NORDEFCO. Уже много лет странам «четверки» приходится решать проблему польского военного превосходства над другими участниками группы. В то время как Варшава уже выделяет на оборону более 2% от ВВП (что соответствует требованиям НАТО), ее соседи – Будапешт и Прага расходуют на анало-

гичные нужды в 2 раза меньше – около 1%. Затраты Братиславы лишь немногим превышают эту цифру и составляют 1,0%²¹.

В связи с тем, что продукция мощного ВПК Польши не может найти достаточного количества потребителей в лице партнеров по V4, польские политики и военные время от времени ставят под сомнение целесообразность дальнейшего оборонного сотрудничества в рамках группы. Объясняется такая позиция не только сложным процессом гармонизации планов по совместным закупкам и эксплуатации военной техники между всеми членами группы, но и традиционными протекционистскими соображениями²².

Традиционно лидирующей в сообществе V4 Польше весьма непросто задавать «золотой стандарт» оборонного сотрудничества своим партнерам, что доказывается на примере ограниченного экспорта польских вооружений в соседние страны и весьма скромные результаты военно-технического сотрудничества с ними в целом. На протяжении последних десятилетий страны V4 предпринимали неоднократные попытки исправить ситуацию за счет выдвижения новых инициатив в области оборонной кооперации, однако большинство из них не увенчались успехом. Даже факт оснащенности всех четырех стран советской военной техникой не способствовали нахождению общей основы для взаимодействия. Большинство проектов модернизации устаревших вооружений не были доведены до конца, включая реализацию соглашения по модернизации вертолетов Ми-24, заключенного в 2002 году. Предполагалось, что польскими предприятиями будет модернизировано около 100 вертолетов для соседних стран-партнеров, однако вскоре последние отказались от проекта²³.

¹⁸ O'Dwyer, G. Industry Consolidates As Nordic States Unify On Defense. DefenceNews, November 11, 2016. Mode of access: <http://www.defensenews.com/articles/industry-consolidates-as-nordic-states-unify-on-defense>

¹⁹ Ibid

²⁰ Tomkins, R. Sweden Follows Norway in Signing Joint Agreement for Rheinmetall MAN Trucks / United Press International. Mode of access: http://www.upi.com/Business_News/Security-Industry/2014/05/28/Sweden-follows-Norway-in-signing-joint-agreement-for-Rheinmetall-MAN-trucks/4861401308460/

²¹ The Military Balance 2016. London: IISS, 2016. Pp. 484-485.

²² Доля иностранных инвестиций в польском ВПК всего 20% и по сравнению с другими странами V4 он более монополизирован. См.: Zetocha, K. V4 Countries and Cooperation in Defence Industry. Mode of access: <http://cenaa.org/analysis/v4-countries-and-cooperation-in-defence-industry/>

²³ Khol, R. Policies of the Visegrad Countries Towards CFSP/ESDP // Working Paper 3/2003. Institute of International Relations, Prague,

Новые перспективы развития военно-технических связей открылись только в 2009 году, в связи с учреждением четырех рабочих групп, координируемых каждой из стран-участниц V4. В качестве ключевых сфер деятельности этих групп были обозначены: защита от оружия массового уничтожения (Чехия), проект «Солдат XXI век» (Польша), модернизация ПВО (Словакия) и стратегические транспортные перевозки (Венгрия). Сотрудничество приняло характер консультаций, обмена информацией, гармонизации национальных правил и работы над концептуальными документами, однако не вылилось в практическую деятельность. По оценкам экспертов, это произошло не только в силу дефицита у партнеров политической воли и отсутствия доверия в вопросах размещения производственных мощностей за рубежом из соображений безопасности. Что более важно, страны руководствовались социально-политическими соображениями, поддерживая протекционистские меры (обеспечение занятости в оборонной промышленности)²⁴. Так, в 2014 году, Польша заявила о выходе из программы по разработке мобильного радара ПВО²⁵, которую она намеревалась осуществить со своими соседями по группе, и тем самым поставила под вопрос дальнейшие планы V4 по созданию общей системы

ПВО²⁶. В свою очередь, Словакия в 2016 году отказалась от закупки польского бронетранспортера *Scipio (Rosomak)*, сделав ставку на разработку БТР собственного производства²⁷.

Однако, если военно-технические проекты V4 не принесли существенной добавленной стоимости, то сотрудничество стран группы в области подготовки и повышения квалификации военных кадров представляется экспертам более перспективным треком совместной работы²⁸. В основном оно концентрируется вокруг пока единственного успешного проекта – Вишеградской боевой группы ЕС, а его сердцевиной призвана стать так называемая платформа военного образования (*Visegrad Group Military Educational Platform*). Она призвана задать общие стандарты подготовки солдат и офицеров стран V4 и способствовать оперативной совместимости войск и сил, синергии подходов к дальнейшему оборонному взаимодействию внутри группы. И хотя конкретные результаты такой подготовки – дело будущего и их еще предстоит оценить, группа экспертов V4 разработала так называемую интегрированную матрицу оборонных потенциалов, в соответствии с которой выделила пять наиболее перспективных областей взаимодействия (ядерная, химическая, биологическая защита; ПВО, совместная группа логистической поддержки, подготовка и обучение, тактическая подготовка спецназа)²⁹.

August 2003. P. 25. Mode of access: <https://www.files.ethz.ch/isn/31620/Policies%20of%20the%20Visegrad%20Countries%20towards%20CFSP-ESDP.pdf>

²⁴ W Regionie Siła? Stan i Perspektywy Współpracy Wojskowej Wybranych Państw Obszaru od Morza Bałtyckiego do Morza Czarnego. Raport OSW. Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia. Warszawa, 2012. P. 57. Mode of access: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/w_regionie_sila_1.pdf

²⁵ Об это сообщила влиятельная британская газета *Financial Times*. См.: Foy, H. Poland to Withdraw From Visegrad Defence Radar Project // *Financial Times*, September 14, 2014. Mode of access: <https://www.ft.com/content/27f4138a-3be3-11e4-a6ce-00144feabdc0>. Позже польские официальные лица опровергли подобную информацию. См.: Palowski, J. Visegrad Group 3D Radar? Poland is Still in the Game // *Defence*. September 16, 24, 2014. Mode of access: <http://www.defence24.com/125661,visegrad-group-3d-radar-poland-is-still-in-the-game>

²⁶ Air Defence in Benelux and Visegrad: New Dilemmas Call for More Trust Among Nations. European Liberal Forum Seminar Report. August 10, 2015. Mode of access: <https://fnf-europe.org/2015/08/10/air-defence-in-benelux-and-visegrad-new-dilemmas-call-for-more-trust-among-nations/>

²⁷ Wilk, R. Slovakia Backing Out of Scipio 8x8 Purchase // *IHS Jane's Defence Weekly*. July 26, 2016. Mode of access: <http://www.janes.com/article/62665/slovakia-backing-out-of-scipio-8x8-purchase>

²⁸ Šuplata, M.; Nad', J. Military Training and Education: An Opportunity for V4 Co-operation. GLOBSEC Policy Institute. November 5, 2014. Mode of access: <http://www.cepolicy.org/publications/military-training-and-education-opportunity-v4-co-operation>

²⁹ Report of the Slovak Presidency of the Visegrad Group. July 2014 – June 2015. Mode of access: <http://www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports>

Организационные модели сотрудничества

Для реализации задач в выделенных приоритетных областях, как NORDEFECO, так и V4 располагают соответствующими организационно-управленческими структурами, анализ которых также позволяет дать оценку эффективности деятельности обеих организаций. Постоянная работа таких управленческих структур обеспечивает непрерывный процесс принятия решения, управления осуществляемыми проектами и программами, а также мониторинг эффективности их реализации.

Более внушительные достижения NORDEFECO на пути структуризации сотрудничества превратили ее в образец для подражания со стороны других субрегиональных сообществ. Еще до создания организации скандинавское оборонное сотрудничество сопровождалось постепенной структуризацией в связи с появлением так называемых «Северных структур совместной поддержки» (*NORDSUP*) и появлением общего координационного органа – управляющего комитета. С появлением непосредственно NORDEFECO организация обрела двухуровневую структуру. Первый, политический уровень представлен Политическим управляющим комитетом (*Policy Steering Committee*), в котором страны участницы представлены политическими управляющими (*Policy Directors*). Второй уровень – военно-координационный комитет, состоящий из высших офицеров, представляющих главы оборонных ведомств³⁰.

Командная же структура управления в NORDEFECO отсутствует, вся деятельность осуществляется на согласительной основе, а сам формат сотрудничества по своей сути представляет собой скорее форум или же субрегиональный кластер сотрудничества, а не классическую международную организацию³¹. Однако на деле взаимодействие в ну-

три этого форума редко затрагивает всех пятых участников. Любой из них сохраняет за собой право выхода или неучастия в том или ином проекте организации, оставляя возможность своим партнерам продолжить начатое сотрудничество³².

Согласованные и принятые к исполнению программы и проекты реализуются на регулярной основе национальными командными структурами стран-участниц, из числа которых избирается так называемая ведущая нация (*framework nation*). Например, страны-участницы могут разделить между собой обязанности, если речь идет о реализации совместных программ военной подготовки или установить общий план учений, выполнение которого будет осуществляться участницами на ротационной основе³³.

Преимуществом организационной структуры NORDEFECO является наличие механизма обратной связи – “*bottom-up*” между нижним (экспертным) и верхним (политическим) уровнями принятия решений. На практике экспертные группы осуществляют концептуальные работы по выявлению наиболее перспективных областей сотрудничества, оценивают условия, необходимые для запуска совместных проектов и, наконец, пути их реализации. После разработки конкретных технико-экономических обоснований рабочими группами, результаты работы выносятся на обсуждение Верховным органом, который принимает окончательное решение о запуске конкретного проекта или о его переносе на более поздний срок.

В отличие от NORDEFECO, возникшей на основе трех параллельных проектов, управленческая модель V4/VIDEFECO развивается как более целостный механизм, отличительной чертой которого, по мнению экспертов, является большая централиза-

³⁰ The Basics About NORDEFECO. Mode of access: <http://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco>

³¹ Saxi, H.L. Nordic Defence Cooperation After the Cold War. The Norwegian Institute for Defence Studies / *Oslo Files*, No. 1, March 2011. P. 30. Mode of access: <https://brage.bibsys.no/xmlui/bitstream/handle/11250/99335/SAXI,%20>

[Nordic%20defence%20Cooperation%20after%20the%20Cold%20War%20\(2011\).pdf?sequence=1](http://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco)

³² Ibid. P. 19.

³³ The Basics About NORDEFECO. Mode of access: <http://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco>

ция³⁴, хотя на деле недостаточная глубина институционализации характерна и для него.

Взаимодействие по всем сферам сотрудничества осуществляется на политико-стратегическом уровне Верховным органом (*Senior Body*) на уровне госсекретарей министерств обороны стран-участниц. Ему подчиняется Группа планирования (*V4 Planning Group*), состоящая из управляющих по оборонному планированию. На нижнем административно-техническом уровне располагаются Рабочие группы (*working teams*), в состав которых входят гражданские и военные эксперты. Регулярность встреч на разных уровнях (главы государств, правительства, министры иностранных дел и обороны) обеспечивает необходимый мониторинг выполнения достигнутых договоренностей и при необходимости корректировку направления совместной деятельности³⁵. Однако это обстоятельство пока не позволяет говорить об успешности V4 в деле копирования структуры NORDEFECO, что обусловлено не только причинами временного отставания в развитии первой организации от последней, но и политической ангажированностью центральноевропейского оборонного сообщества в целом. В последнее время оно все чаще проявляется в завуалированных попытках Польши трансформировать группу в субрегиональный квази-военный союз на антироссийской основе. Начиная с 2015 года, некоторые эксперты стали говорить о вероятном наращивании сотрудничества стран Центральной Европы в связи с «быстро ухудшившейся международной обстановкой», предсказывая дальнейшую милитаризацию V4 и ее натоцентричную направленность³⁶. Однако это лишь один

из возможных сценариев дальнейшего развития оборонного трека V4, который может не стать реальностью из разногласий между участниками группы, для большинства из которых совместные оборонные проекты это, прежде всего, способ бюджетной экономии. К тому же политическая и стратегическая «стерильность» такой экономико-ориентированной модели взаимодействия, ее технократическая сущность не ограничивает взаимодействие какими-либо географическими или блоковыми рамками, позволяя подключаться заинтересованным партнерам из других соседних регионов.

Опыт межрегионального взаимодействия

«Открытая архитектура» NORDEFECO, позволившая его участникам установить взаимодействие с заинтересованными странами не из Северной Европы, стала для V4 образцом для подражания. В результате обе субрегиональные организации активно укрепляют сеть оборонных контактов, простирающуюся от Балтийского до Черного морей. Ее участниками являются как страны Балтии (Латвии, Литвы, Эстонии), так и Восточной Европы (Украина, Молдавия), связанные со своими скандинавскими или вишеградскими партнерами множеством тесных уз.

Еще с учреждением в 1992 году Северо-Балтийского сотрудничества (*Nordic-Baltic Cooperation – NB8*) установился политический диалог и практическое взаимодействие между Скандинавскими и Балтийскими государствами по широкому кругу вопросов представляющих взаимный интерес. С начала 2011 года страны Балтии получили при NORDEFECO особый статус, который выводит их за рамки просто наблюдателей и

the V4 Training and Exercise Strategy), который фактически является конкретным средством реализации обязательств стран V4 перед НАТО в ходе саммита альянса в Уэльсе в том же году. См.: Hilde, P. V4 Defence Cooperation and Ukraine: What Opportunities May be Drawn from the Nordic Experience? // *Regional Defense Cooperation: Lessons from Norden and Visegrad. Seminar Report. Institute of European Studies and International Relations, Comenius University in Bratislava, December 2015. P. 29.*

³⁴ Rieker, P.; Terlikowski, M. The Limits and Achievements of Regional Governance in Security: NORDEFECO and the V4 // *PISM Policy Paper*, No. 25, August 2015. Mode of access: https://www.pism.pl/files/?id_plik=20209

³⁵ Framework for Enhanced Visegrad Defence Planning Cooperation. Visegrad, March 14, 2014. Mode of access: (Annex A and B) <http://www.visegradgroup.eu/about/cooperation/defence>

³⁶ В апреле 2015 года министры обороны V4 одобрили специальный «План действий обороны Вишеградской группы и стратегию учений» (Action Plan of the Visegrad Group Defence and

фактически превращает в ассоциированных участников организации. По итогам встречи политических управляющих Северо-Балтийской обороны (*The Nordic-Baltic Defense*), состоявшейся в Осло в 2014 году, было принято решение по дальнейшему развитию Северо-Балтийской инициативы наращивания потенциалов (*Nordic-Baltic Capacity Building Initiative*)³⁷. Помимо этого, Швеция обратилась к NORDEFSCO с предложением изучить возможность создания совместной северо-балтийской боевой группы, потенциал которой мог бы быть задействован различными международными организациями³⁸.

В похожем ключе действовала и V4, инициировавшая собственную программу межрегионального сотрудничества V4 plus. Она позволила присоединиться к оборонным программам «четверки» таким сопредельным странам как Австрия, Словения и Украина. А многоканальный характер взаимодействия с наиболее близкими для стран V4 партнерами (Германией и Австрией), в свою очередь, также вылился в реализацию различных совместных проектов, главным из которых стало создание боевой германско-австрийской боевой группы ЕС, заступившей на дежурство в 2012 году³⁹.

³⁷ Конкретно она направлена на формирование групп специалистов в области военного планирования, которые смогут принимать участие в операциях по кризисному урегулированию по эгиде ООН, НАТО или ЕС, в частности оказывать помощь в подготовке и консультировании военных из других стран-партнеров НАТО (Грузии и Украины). В 2016 году Дания заявила о приоритетности Инициативы в рамках своего председательства в NORDEFSCO. См.: Programme of the Danish NORDEFSCO Chairmanship 2016. Mode of access: <http://www.fmn.dk/nyheder/Documents/programme-of-the-danish-nordefco-chairmanship-2016.pdf>

³⁸ Opitz, Chr. Potential for Nordic-Baltic Security Cooperation. Shared Threat Perception Strengthens Regional Collaboration. German Institute for International and Security Affairs // *SWP Comments*, No. 40. August, 2015. Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2015C40_opt.pdf

³⁹ Jiříčková, A. Defence Cooperation of the V4+. Association for International Affairs. Prague, 2015. Mode of access: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2016/03/V4_I.pdf

Особым образом развивалось сотрудничество между NORDEFSCO и отдельными странами-участницами Вишеградской группы, изначально не подразумевавшее институционального взаимодействия между организациями как таковыми. Многостороннему сотрудничеству в рамках V4, отдельные ее участницы предпочитали двусторонние проекты со отдельными странами Северной Европы. Однако объективные потребности углубления контактов между северо-европейскими и центральноевропейскими странами способствовали установлению не только межрегиональных, но и межорганизационных связей. В декабре 2015 года, представители NORDEFSCO приняли участие в совместном заседании с представителями V4, обсудив возможности дальнейшего взаимодействия⁴⁰. В дополнение к этим контактам интенсифицируется многосторонний диалог и по линии «Вишеградская четверка + Североевропейско-Балтийская восьмерка» (*V4+NB8*), участниками которого выступают скандинавские и вишеградские государства. В апреле 2016 году на встрече в Юрмале, 12 министров иностранных дел стран Северной и Центральной Европы, а также Балтии подтвердили намерение развивать программы, нацеленные на укрепление обороноспособности ЕС и НАТО⁴¹. При этом отношения между субрегиональными группами с этими обеими панъевропейскими организациями развивается по принципу сообщающихся сосудов – такие инициативы как «умная оборона» НАТО (*Smart Defence*) или «совместное аккумулирование и использование» ЕС (*Pooling and Sharing*) нахо-

⁴⁰ V4 Trust –the Czech Presidency of the Visegrad Group (2015-2016) February 2016. P. 9. Mode of access: https://think.visegradfund.org/wp-content/uploads/Think-Visegrad_Czech-V4-Presidency-Mid-term-review.pdf

⁴¹ V4+NB8: Three Important Regional Groups on Pan-European Challenges. Ministry of Foreign and European Affairs of the Slovak Republic. 22.04.2016. Mode of access: https://www.mzv.sk/web/en/news/current_issues/-/asset_publisher/1rJ2tDuQdEKp/content/v4-nb8-tri-vyznamne-regionalne-skupiny-o-celoeuropskych-vyzvach/10182?_101_INSTANCE_1rJ2tDuQdEKp_redirect=%2Fweb%2Fen%2Fnews%2Fcurrent_issues%3Frok%3D2016%26mesiac%3D3

дят отражение в конкретных мероприятиях уже в рамках субрегиональных оборонных сообществ. В свою очередь, последние имеют возможности подвести собственные оборонные проекты под флаг ЕС или НАТО, придав им более высокий статус.

Однако баланс между центробежными и центростремительными процессами внутри европейского (или еще шире – евроатлантического) сообщества безопасности будет определять и отношения между различными субрегиональными группировками внутри ЕС с одной стороны, и Евросоюзом как единым целым – с другой. Хотя перспектива развития «малых форм» интеграции – альтернативной ЕС пока не просматривается и выглядит весьма гипотетической, отдельные субрегиональные группировки европейских стран теоретически могут начать зондаж такой возможности в случае дальнейшей фрагментации европейского пространства безопасности и эрозии традиционных структур его скрепляющих (т.е. ЕС и НАТО). Как показывает пример нейтральных Швеции или Финляндии, отнюдь не спешащих укрепить ряды НАТО посредством своего вступления в блок даже на фоне украинского кризиса, или той же Польши, отвергнувшей в июле 2016 идею более тесного политического союза в рамках ЕС, такой вариант развития событий не следует полностью сбрасывать со счетов.

* * *

Оборонное сотрудничество в рамках субрегиональных организаций или групп в Европе представляет собой относительно новый и пока еще недостаточно исследованный феномен. В то же время, на сегодняшний день очевидно, что его возникновение обусловлено целым комплексом причин и рядом факторов: прежде всего экономических. Политические причины, вызванные изменением общей ситуации в области европейской безопасности, включая конфликты и кризисы, также влияют на процессы субрегиональных оборонных инициатив, но менее выражены. Однако такое влияние все же существует и оно не только не способствует углублению единства между странами входящими в те или иные субрегиональные группы, но и способно разобщить их.

Как показывает пример NORDEFCO и V4, страны, создавшие эти сообщества, пытаются избегать политизации сферы оборонного сотрудничества, вынося его за скобки собственно военной политики и политики в сфере безопасности. Эти две области, по-прежнему, остаются прерогативой деятельности НАТО и отчасти ЕС.

В сложившейся на евро-атлантическом пространстве системе разделения труда между различными типами международных организаций, субрегиональным группировкам досталась роль своего рода кластеров локальной оборонной кооперации. Они объединяют близкие, не только с географической, но и с социально-экономической и культурной точек зрения страны, тесно связанные между собой сетью разнообразных отношений и порой воспринимающих себя в качестве «сообществ безопасности». Начав сотрудничество в областях далеких от безопасности, эти группы со временем встали и на путь освоения совместных оборонных проектов. И хотя их реализация принесла пока сравнительно скромные плоды, такое сотрудничество продолжает развиваться, охватывая все новые сферы. Как NORDEFCO, так и V4 могут считаться наглядными примерами субрегионального управления процессами оборонного взаимодействия, если не на политическом, то, по крайней мере, на техническом и управленческом уровнях и заслуживают более пристального внимания как объекты для дальнейшего наблюдения и анализа.

Литература / References

- Air Defence in Benelux and Visegrad: New Dilemmas Call for More Trust Among Nations. European Liberal Forum Seminar Report. August 10, 2015. Mode of access: <https://fnf-europe.org/2015/08/10/air-defence-in-benelux-and-visegrad-new-dilemmas-call-for-more-trust-among-nations/>
- Bátora, J.; Haaland, M.J. Regional Security Integration: Nordic and Visegrád Approaches. Working Papers of the Institute of European Studies and International Relations Bratislava. 2011, Iss. 2, pp. 3-25.
- Budapest Joint Statement of the Visegrád Group Heads of Government on Strengthening the V4 Security and Defence Cooperation. October 14, 2013 Budapest. Mode of access: <http://www.visegradgroup.eu/about/cooperation/defence>
- Cunningham, B. Visegrad's Illusory Union // Politico, 16.09.2016. Mode of access: <http://www.politico.eu/article/poland-hungary-czech-republic-slovakia-visegrads->

illusory-union-bratislava-summit-eu-migration-orban-fico-sobotka-szydlo/

Dahl, A. NORDEFECO and NATO: "Smart Defence" in the North // *NATO Research Paper*, No. 101, May 2014, pp. 1-11.

Foy, H. Poland to Withdraw From Visegrad Defence Radar Project // *Financial Times*, September 14, 2014. Mode of access: <https://www.ft.com/content/27f4138a-3be3-11e4-a6ce-00144feabdc0>

Hilde, P. V4 Defence Cooperation and Ukraine: What Opportunities May be Drawn from the Nordic Experience? // *Regional Defense Cooperation: Lessons from Norden and Visegrad*. Seminar Report. Institute of European Studies and International Relations, Comenius University in Bratislava, December 2015.

Jarvenpaa, P. Nordic Defence Cooperation: NORDEFECO and Beyond. In: *Northern Security and Global Politics: Nordic-Baltic Strategic Influence in a Post-Unipolar World*. N.Y., Routledge, 2014.

Jiríková, A. Defence Cooperation of the V4+. Association for International Affairs. Prague, 2015. Mode of access: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2016/03/V4_I.pdf

Kaljurand, R.; Mälksoo, M. From De-Securitisation to Re-Securitisation: Sub-Regional Multilateralism Around the Baltic Sea. *International Centre For Defence Studies*. Mode of access: <http://www.digar.ee/arhiiv/nlib-digar:237888>

Khol, R. Policies of the Visegrad Countries Towards CFSP/ESDP // Working Paper 3/2003. Institute of International Relations, Prague, August 2003. P. 25. Mode of access: <https://www.files.ethz.ch/isn/31620/Policies%20of%20the%20Visegrad%20Countries%20towards%20CFSP-ESDP.pdf>

Louati, C. Military Intervention in Libya: Where Is ESDP? *Nouvelle Europe*. April 20, 2011. Mode of access: <http://www.nouvelle-europe.eu/en/military-intervention-libya-where-esdp>

Memorandum of Understanding between the All Five Nordic Nations on the Establishing of NORDEFECO. Signed November 4, 2009. Mode of access: <http://www.fmn.dk/nyheder/Documents/NORTAT-MoU-dec-2013.pdf>

O'Dwyer, G. Industry Consolidates As Nordic States Unify On Defense. *DefenceNews*, November 11, 2016. Mode of access: <http://www.defensenews.com/articles/industry-consolidates-as-nordic-states-unify-on-defense>

O'Dwyer, G. Pan-Nordic Fighter Solution / *Defense News*, 28 April, 2008. Mode of access: <http://www.defensenews.com/story.php?i=3505502>

Opitz, Chr. Potential for Nordic-Baltic Security Cooperation. Shared Threat Perception Strengthens Regional Collaboration. German Institute for International and Security Affairs // *SWP Comments*, No. 40. August, 2015. Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2015C40_opt.pdf

Palowski, J. Visegrad Group 3D Radar? Poland is Still in the Game // *Defence*. September 16, 24, 2014. Mode of access: <http://www.defence24.com/125661,visegrad-group-3d-radar-poland-is-still-in-the-game>

Programme of the Danish NORDEFECO Chairmanship 2016. Mode of access: <http://www.fmn.dk/nyheder/Documents/programme-of-the-danish-nordefeco-chairmanship-2016.pdf>

Report of the Slovak Presidency of the Visegrad Group, July 2014 – June 2015. Mode of access: <http://www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports>

Rieker, P.; Terlikowski, M. The Limits and Achievements of Regional Governance in Security: NORDEFECO and the V4 // *PISM Policy Paper*, No. 25, August 2015. Mode of access: https://www.pism.pl/files/?id_plik=20209

Rieker, P.; Terlikowski, M. Trudna Współpraca w Regionie: NORDEFECO i V4. In: *Polityka Bezpieczeństwa Polski i Norwegii w Wymiarze Narodowym, Regionalnym i Europejskim*. Report. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, Norweski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, wrzesień 2015. Mode of access: https://www.pism.pl/files/?id_plik=20456

Saxi, H.L. Nordic Defence Cooperation After the Cold War. The Norwegian Institute for Defence Studies / *Oslo Files*, No. 1, March 2011. P. 30. Mode of access: [http://brage.bibsys.no/xmlui/bitstream/handle/11250/99335/SAXI,%20Nordic%20defence%20Cooperation%20after%20the%20Cold%20War%20\(2011\).pdf?sequence=1](http://brage.bibsys.no/xmlui/bitstream/handle/11250/99335/SAXI,%20Nordic%20defence%20Cooperation%20after%20the%20Cold%20War%20(2011).pdf?sequence=1)

Šuplata, M.; Nad, J. Military Training and Education: An Opportunity for V4 Co-operation. GLOBSEC Policy Institute. November 5, 2014. Mode of access: <http://www.cepolicy.org/publications/military-training-and-education-opportunity-v4-co-operation>

The Military Balance 2016. London: IISS, 2016. Pp. 484-485.

Tomkins, R. Sweden Follows Norway in Signing Joint Agreement for Rheinmetall MAN Trucks / *United Press International*. Mode of access: http://www.upi.com/Business_News/Security-Industry/2014/05/28/Sweden-follows-Norway-in-signing-joint-agreement-for-Rheinmetall-MAN-trucks/4861401308460/

V4 Trust – the Czech Presidency of the Visegrad Group (2015-2016) February 2016. P. 9. Mode of access: https://think.visegradfund.org/wp-content/uploads/Think-Visegrad_Czech-V4-Presidency-Mid-term-review.pdf

V4+NB8: Three Important Regional Groups on Pan-European Challenges. Ministry of Foreign and European Affairs of the Slovak Republic. 22.04.2016. Mode of access: https://www.mzv.sk/web/en/news/current_issues/-/asset_publisher/lrJ2tDuQdEKp/content/v4-nb8-trivyznamne-regionalne-skupiny-o-celo-euro-pskych-vyvzavach/10182?_101_INSTANCE_lrJ2tDuQdEKp_redirect=%2Fweb%2Fnews%2Fcurrent_issues%3Frok%3D2016%26mesiac%3D3

Wilk, R. Slovakia Backing Out of Scipio 8x8 Purchase // *IHS Jane's Defence Weekly*. July 26, 2016. Mode of access: <http://www.janes.com/article/62665/slovakia-backing-out-of-scipio-8x8-purchase>

Zetocha, K. V4 Countries and Cooperation in Defence Industry. Mode of access: <http://cenaa.org/analysis/v4-countries-and-cooperation-in-defence-industry/>

DEFENCE COOPERATION MODELS AT THE NORTHERN AND ON THE EASTERN FLANKS OF THE EU (NORDEN AND VISEGRAD GROUP EXPERIENCE)

Yuriy I. Nadtochey

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 19 February 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 18 January 2018</p>	<p>Abstract: The article compares two subregional cooperation formats in the field of defense, which were organized by the Nordic and Central European countries – the Visegrad Group and the Nordic Defense Community (NORDEFECO). In order to determine the features of these two formats a number of criteria were identified. The development of defense contacts between the countries within these two subregional groupings over the past of two decades has been traced. In particular, up-to-date specific projects of cooperation have been described, successful and unsuccessful examples have been given and the most sensitive and promising areas have been drawn. The article also focuses on two overlapping trends – European and Euro-Atlantic integration, on the one hand, and sub-regional cooperation, on the other. It is important to underline that sub-regional defense projects and programs are not able to contend with the EU and NATO projects and most likely to complement, rather than compete them. At the same time, emerging centrifugal tendencies within the European Union, as well as the growing euroscepticism in Western countries, are able to stimulate a variety of sub-regional forms of defense cooperation. In the face of increased uncertainty and lack of confidence in «big» European integration such «small» subregional defence projects have some chance to succeed.</p>
<p>About the author: Candidate of History, Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University</p> <p>e-mail: ynadtochey@yandex.ru</p>	
<p>Key words: Norden; Nordic Countries; Scandinavia; NORDEFECO; Visegrad Group; Subregional Groupings; Defence Cooperation; NATO; EU Battle Groups</p>	

Для цитирования: Надточей Ю.И. Модели оборонной кооперации на северном и восточном фланге ЕС (опыт «Нордена» и Вишеградской группы) // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 26-40.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-26-40

For citation: Nadtochey, Yuriy I. Modeli oboronnoi kooperatsii na severnom i vostochnom flange ES (opyt «Nordena» i Vishegradskoi gruppy) (Defence Cooperation Models at the Northern and on the Eastern Flanks of the EU (Norden and Visegrad Group Experience)) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 26-40.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-26-40

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ 2014 ГОДА

Мария Владимировна Зотова

*Институт географии РАН,
Москва, Россия*

Владимир Александрович Колосов

*Институт географии РАН,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> <i>Принята к печати:</i></p>	<p>Аннотация: В статье исследовано влияние политического кризиса между Россией и Украиной на развитие и взаимодействие регионов российско-украинского пограничья. Кратко анализируются предпосылки, которые привели к затяжному политическому конфликту между двумя государствами. Изучена динамика основных социально-экономических показателей приграничных регионов. Установлено, что градиенты между соседними регионами двух стран на всех участках пограничья существенно усилились. Наиболее резкие градиенты в 2016 г. были выявлены на участках границы между Белгородской и Харьковской, Ростовской и Донецкой областями. Проведен анализ состояния приграничных взаимодействий и адаптации хозяйства и социальной сферы к изменившимся условиям на пяти ключевых участках пограничья. Выявлено, что несмотря на препятствия и сложности социальные взаимодействия, хотя и заметно ослабевают, до конца не прекращаются, что сохраняет возможности для возобновления сотрудничества при благоприятных условиях.</p>
<p>Об авторах: <i>М.В. Зотова</i>, к.г.н., старший научный сотрудник, Лаборатория геополитических исследований, Институт географии РАН e-mail: zotova@igras.ru <i>В.А. Колосов</i>, д.геогр.н., профессор, заместитель директора и заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН; заведующий кафедрой географии мирового хозяйства, Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова e-mail: vladimirkolosov@gmail.com</p>	<p>1 марта 2018 27 апреля 2018</p>
<p>Ключевые слова: Россия; Украина; кризис; пограничье; социально-экономические контрасты; приграничное сотрудничество; экономические связи</p>	<p><i>Работа выполнена в Институте географии РАН при поддержке гранта РНФ «Российское пограничье: вызовы соседства» №14-18-03621</i></p>

Российско-украинские отношения были сложными и нестабильными с первых дней после распада Советского Союза. Воссоединение Крыма с Россией и появление нового закрытого государственного рубежа, гражданская война в Донбассе стали новыми вызовами, радикально трансформировавшими обстановку в российско-украинском пограничье. Сокращение связей с Украиной существенно повлияло на хозяйство и повседневную жизнь населения приграничных районов России.

Приграничные территории России и Украины исторически тесно связаны друг с другом. С одной стороны, эти территории

несколько раз меняли государственную принадлежность, входили в состав одной или нескольких стран, с другой, эти территории многие годы развивались в составе Российской империи, а затем Советского Союза. Советский период был отмечен для них интенсивной социально-экономической модернизацией. В рамках единого государства они встраивались в общегосударственные кооперационные цепочки без учета внутренних (ныне государственных) границ¹.

¹ Багалий Д.І. Історія Слобідської України. – Харків: Дельта, 1993. [Bagalij, D.I. Istorija Slobids'koї Ukraїni (History of Slobodskoy Ukraine). Har'kiv: Del'ta, 1993.]

Украинцы – близкородственный русским народ, в течение многих веков живший в одном с ними государстве. Их объединяют общая коллективная память, менталитет и традиции, тесно сросшиеся национальные культуры, унаследованные от недавнего прошлого экономические связи и, наконец, на индивидуальном уровне – семейные узы, существующие между миллионами людей. Поэтому разрыв между Украиной и Россией, как это часто бывает между близкими родственниками, оказался очень болезненным.

Настоящая статья посвящена влиянию кризиса в отношениях между двумя странами на взаимодействия между их приграничными районами, экономику и социальную сферу российского порубежья. В первой части статьи кратко анализируются предпосылки, которые привели к затяжному политическому конфликту между двумя государствами. Во второй части рассматривается специфика соседства и социально-экономические градиенты между соседними территориями двух стран. Затем проводится анализ состояния приграничных взаимодействий и адаптации хозяйства и социальной сферы к изменившимся условиям на пяти ключевых участках пограничья, соответствующих его природно-морфологическим различиям и характеру освоения.

Политические, исторические и этнокультурные особенности развития приграничных регионов России и Украины

Динамика российско-украинских отношений напрямую связана с путями государственного и национального строительства в обеих странах, отражающими сложную иерархию территориальных идентичностей. Внешняя политика Украины до недавнего времени была прямым проявлением дуализма украинских экономических, культурных и политических структур. Поиск геополитической ориентации Украины составлял неразрывную часть строительства национальной идентичности и был тесно переплетен с ключевыми проблемами украинской государственности, политических и экономи-

ческих реформ². Экономические факторы толкали Украину к востоку, а политические и «идеологические» факторы, связанные с задачами государственного строительства, – к западу. Эти противоречия можно рассматривать как конфликт между задачами национального и государственного строительства и ограничениями экономического развития³. Украинская этническая и политическая идентичность сильнее в западных регионах, а интеллектуальный потенциал и отрасли высокой технологии сконцентрированы преимущественно на востоке.

В условиях социально-культурной поляризации между востоком и западом страны (в реальности культурные различия в стране несут гораздо более сложный характер) среди украинской политической элиты еще в начале 1990-х гг. возобладало мнение, что Украина станет современным государством только тогда, когда в обществе будет достигнута определенная культурно-языковая однородность. Опасаясь раскола страны по региональным разломам⁴, украинские идеологи и государственные деятели взяли курс на строительство политической идентичности, объединяющей всех граждан независимо от их этнической, языковой, конфессиональной и региональной принадлежности, на основе украинской национальной (чаще именно западноукраинской) культуры, исторических представлений и стереотипов. Всякое государство, подчеркивали многие авторы, нуждается в особой системе нацио-

² D'Anieri, P.; Kravchuk, R.; Kuzio, T. *Politics and Society in Ukraine*. Boulder, CO: Westview Press, 1999; Kuzio, T. *Ukraine. State and Nation Building*. New York: Routledge, 1998.

³ Лапкин В.В. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – №4. – С. 54-64. [Lapkin, V.V. *Problemy nacional'nogo stroitel'stva v polijetnicheskikh postsovetskih obshhestvakh: ukrainskij kazus v sravnitel'noj perspektive* (Problems of National Construction in Polyethnic Post-Soviet Societies: Ukrainian Case in Comparative Perspective) // *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2016, No. 4, pp. 54-64.]

⁴ Субтельный О. *Украина: история*. – Киев: Лыбидь, 1994. [Subtel'nyj, O. *Ukraina: istorija* (Ukraine: History). Kiev: Lybid', 1994.]

нальных мифов, символов и представлений, поэтому господствующая украинская историография является не националистической, но национальной. Главным способом укрепления общей политической идентичности и построения независимой Украины как нового крупного европейского государства стала известная в истории «оппозиционная» модель – противопоставление России⁵.

Предлагаемая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея» основывалась на представлении, что украинцы – европейский народ, всегда тяготевший к передовым странам Европы, насильственно отторгнутый от них после присоединения к России⁶. Отрицание культурного единства восточных славян, хотя и с некоторыми колебаниями, задолго до нынешнего кризиса закономерно привело к принятию «западной» геополитической доктрины и признанию НАТО гарантом национального суверенитета и безопасности. В связи с этим наследие почти трех с половиной столетий имперского и советского периодов истории стало рисоваться исключительно в черном цвете⁷. Поскольку украинская идентичность противопоставляется русской и «малороссийской» (идентичности русскоязычных и русифицированных украинцев), то из этого

следует необходимость сокращения социальной и культурной дистанции между регионами, строительства централизованного, унитарного государства, в котором вопросы образования и культуры решаются главным образом в столице⁸. Национальные стереотипы обязательно включают образы пространства: разные районы государства получают своего рода коды, и многие из них становятся национальными символами, рассматриваемыми как колыбель государственности, очаги национального сознания и борьбы за независимость. На географические образы опираются проекты государственного строительства, внешнеполитические стратегии (например, присоединения к НАТО или ЕС).

Современная «национальная идея» предполагает коренной пересмотр символического восприятия территории Украины и ее границ как органической части идентичности. В советский период главным регионом Украины был Восток. Причины этого – и экономические, и идеологические: высокая концентрация рабочего класса, который рассматривался как опора советской власти, средоточие крупнейших предприятий центрального подчинения, стратегически важных для всей страны, интернациональный состав населения, распространение русского языка. Множество выходцев с Востока постоянно пополняло ряды высшего советского партийного и военного руководства, интеллектуальную элиту, творческую интеллигенцию. Напротив, Запад, до Второй мировой войны никогда не входивший в состав общего с Россией государства, воспринимался как сельская, аграрная, сравнительно чуждая периферия и ассоциировался с «бандеровщиной» – партизанской борьбой против советской власти в первые послевоенные годы⁹.

⁵ Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014-2020 гг. Отв. ред. В.И. Пантин и В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. [Vnutripoliticheskie processy v Rossii i Ukraine i perspektivy rossijsko-ukrainskih otnoshenij v period 2014-2020 (The Internal Political Processes in Russia and Ukraine and the Prospects for Russian-Ukrainian Relations in 2014-2020). Ed. by V.I. Pantin, V.V. Lapkin. Moscow: IMEMO RAN, 2014.]

⁶ Wilson, A. The Ukrainians: Unexpected Nation. New Haven and London: Yale University Press, 2015.

⁷ Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 5. – С. 50-67. [Vendina, O.I.; Kolosov, V.A.; Popov, F.A.; Sebentsov, A.B. Ukraina v politicheskom krizise: obraz Rossii kak katalizator protivorechij (Ukraine in the Political Crisis: the Image of Russia as a Catalyst for Contradictions) // *Polis. Political Studies*, 2014, No 5, pp. 50-67.]

⁸ Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia? / Stoklosa K., Besier G. (Eds.). London and New York: Routledge, 2016. Pp. 234-258.

⁹ Западные окраины Российской империи: монография / Л.А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. – М.: НЛЮ, 2006. [Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii: monografija (Western Suburbs of the Russian Empire) / L.A. Berezhnaja and oth.; Ed. by M.

Однако в годы независимости Запад, наоборот, стал рассматриваться как колыбель национально-освободительного движения и истинно украинской идентичности, оплот демократизации, обеспечивающий наряду со столицей социальный прогресс и желанное сближение с Европой, а жители Востока – русифицированными и одуроченными коммунистической, а позже российской пропагандой, малообразованными «ватниками», не помнящими родства. Их позиция интерпретировалась как препятствие европеизации и демократической трансформации страны, русский язык же стал символом прокоммунистической ориентации и ностальгии по советскому прошлому¹⁰.

На Востоке приверженцы концепции единства трех восточнославянских народов полагали, что за много веков совместной жизни в рамках одного государства произошло естественное тесное взаимопроникновение родственных украинской и русской культур, сближение идентичностей русских и украинцев – по крайней мере, жителей Востока страны. Согласно такой позиции, в ходе «столкновения цивилизаций» общее русско-украинское культурно-лингвистическое пространство было расколото внешними силами, стремящимися изменить геокультурный «код» украинского народа, превратить Украину в периферию глобального Запада. Орудием этих сил стал радикальный украинский национализм в его галицийской версии. Именно Западная Украина, далекая периферия Запада – «чужая» в украинском государстве¹¹.

Жителям Востока была близка идея федерализации Украины как средства учета различных интересов регионов и отражения их ярко выраженной культурной специфики. Население Востока волновал не столько статус русского языка¹² и не столько пропо-

ведуемая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея», сколько ее принципиальный антироссийский компонент, навязываемое представление о неполноценности, культурной периферийности и зависимости «насильственно русифицированных» территорий от «национально сознательного» Запада. Важнейшую роль в расколе сыграли глубокие различия в коллективной исторической памяти и ценностях Востока и Запада. Жители Востока воспринимали себя как не жертвы советского строя, установленного «чужаками» из России, но как активные творцы истории коммунистического периода, хранили память не только о его провалах и несчастьях, но и достижениях, отстаивая право на собственную интерпретацию недавнего прошлого¹³, тем более, что экономический и интеллектуальный потенциал, уровень благосостояния на Востоке был выше.

Культурный и политический раскол между Востоком и Западом усугублялся конфликтом между региональными элитами, оспаривавшими контроль над центральными институтами власти. Представляющие разные части страны партии в значительной мере монополизировали поддержку избирателей в районах, на которые

более высокого статуса и изменение практики «украинизации». В конце президентства В. Ющенко советы таких крупных городов, как Харьков, Донецк, Днепр (тогда Днепропетровск), Одесса, Луганск, Николаев, Севастополь проголосовали за реализацию прав, предусмотренных ратифицированной Украиной Европейской хартией региональных языков или языковых меньшинств (в данном случае – использования русского языка в разных сферах деятельности), за что подверглись преследованиям прокуратуры, инициировавшей отмену соответствующих решений в судебном порядке.

¹³ Zhurzhenko, T. *The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine*, in Hurd M., ed. *Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe*. Eslöv: Gondolin, 2006. Pp. 57-87; Zhurzhenko, T. *Identity in the Ukrainian-Russian Borderlands*, in Bacas J.L. and Kavanagh W., eds., *Asymmetry and Proximity in Border Encounters*. Oxford: Berghahn, 2013. Pp. 193-214.

Dolbilov, A. Miller. Moscow: NLO, 2006.]

¹⁰ Рябчук М. Две Украины // Независимая газета. № 45 (216). 6 марта 1992. [Rjabchuk M. *Dve Ukrainy (Two Ukraines)* // *Nezavisimaja gazeta*, No 45 (216). March 6, 1992.]

¹¹ Алексеев В.Г. Бегот от Европы? – Харьков: Факт, 2008. [Alekseev V.G. *Begom ot Evropy? (Running from Europe?)*. Kharkiv: Fakt, 2008.]

¹² Однако большинство жителей Востока ранее всегда выступало за придание русскому языку

они опирались: в Донбассе большинство избирателей голосовало сначала за компартию, затем за Партию регионов. Политическая поляризация консервировала мифы и стереотипы, усиливая культурную изоляцию Востока и Запада. По данным луганских социологов, в 2007 году 54% жителей Луганска никогда не были в западной части страны, и в то же время 65% львовян не были в Донбассе¹⁴.

События 2014 г. глубоко трансформировали общественное мнение на Украине. С одной стороны, они вызвали де-факто сецессию части территорий Донецкой и Луганской области, а с другой – сильно способствовали консолидации украинской политической нации. Национализм – одна из главных форм территориальной идеологии и основа государственного строительства. Он всегда предполагает борьбу за территорию или защиту прав на нее. Общественные представления о «коренном населении» и его культуре, безопасности государства, предполагаемых или реальных внешних угрозах, исторические мифы и стереотипы определяют отношение людей к конкретной границе¹⁵.

Морфология и градиенты российско-украинского пограничья

Нынешняя граница между Россией и Украиной на большей части своего протяжения очень «молода» и в своем нынешнем виде возникла только в XX веке. В результате длительного развития в рамках одного государства приграничные регионы России и Украины до сих пор характеризуются смешанным этническим составом населения.

¹⁴ Скоркин К. Элиты и контрэлиты Донбасса. Как сформировалось руководство ДНР-ЛНР / Московский центр Карнеги 19.01.2018. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/75294> [Skorkin, K. Elity i kontrolity Donbassa. Kak sformirovalos' rukovodstvo DNR-LNR (Elites and Counter-Elites of Donbass. How the Leadership of the DNR and the LNR Was Formed) // *Moskovskij centr Karnegi*, 19.01.2018. Mode of access: <http://carnegie.ru/commentary/75294>]

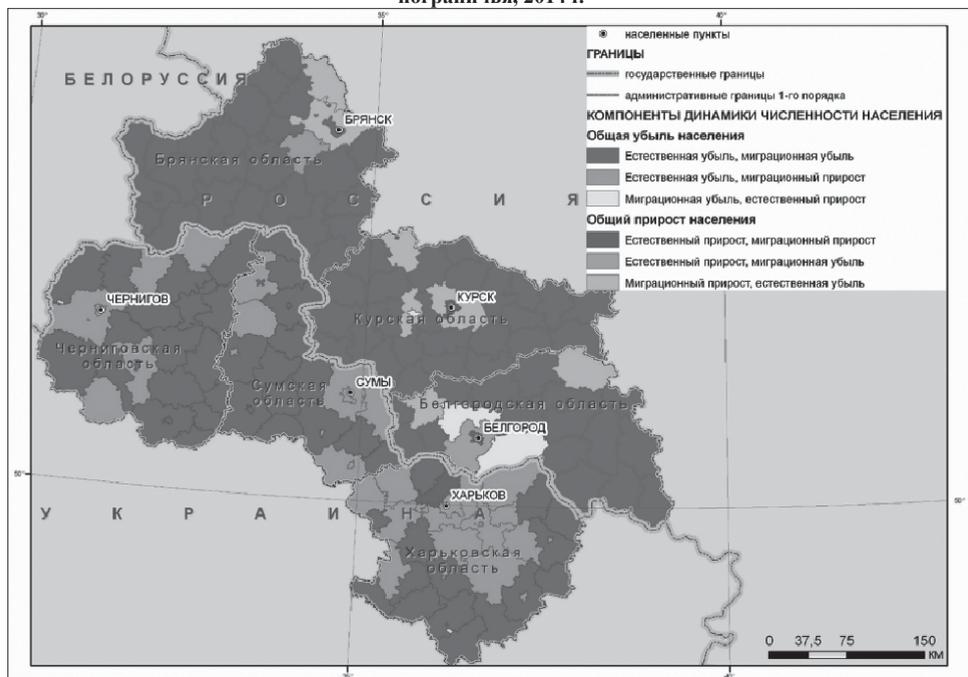
¹⁵ Paasi, A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York: John Wiley, 1996.

Границы между русскими и украинцами здесь весьма размыты. Сложился целый спектр региональных форм идентичности населения. Внутригосударственные различия в идентичности жителей на Украине были значительно сильнее межгосударственных в ее восточном и северном пограничье. Хотя в целом, по данным переписей населения, во всех приграничных регионах преобладает титульный этнос, доля русского населения в приграничных украинских областях больше, чем украинского – в российских. Так, доля тех, кто назвал себя украинцем в регионах российского пограничья не превышает 3% (максимум приходится на Белгородскую, Воронежскую и Ростовскую области). В украинской части пограничья наибольшая доля русских – в Донецкой, Луганской и Харьковской областях (25-40%), а в Крыму накануне присоединения к России они преобладали (58%). В северо-западной части пограничья этническая контрастность границы выражена значительно сильнее, чем в юго-восточной. Доля украинцев на границе падает более значительно, чем русских, однако существенная часть жителей российских приграничных территорий имеет украинские корни.

В связи с активными миграционными процессами, но особенно благодаря изменениям идентичности доля титульных народов в населении приграничных регионов постоянно увеличивается. Исследования показывают, что в пограничье все чаще в это понятие вкладывается национально-гражданский смысл. Иными словами, люди считают себя русскими, потому что родились и выросли в России, а украинцами, потому что являются гражданами Украины. На сегодняшний день в Украине под влиянием украинизации образования и административной сферы самоидентификация части жителей приграничья, особенно происходящих из смешанных браков, изменилась с русской на украинскую.

Сложность этнокультурной ситуации в российско-украинском пограничье обусловлена и неравномерностью освоения территории русскими и украинцами. Среди городского населения Юго-Восточной Украины, составлявшего абсолютное большинство жителей, русский язык всегда преобладал,

Компоненты изменения численности населения
в регионах российско-украинского
пограничья, 2014 г.

Picture 1. Components of population change in the regions of the Russian-Ukrainian borderlands, 2014

а в населении многих промышленных городов, получивших развитие в советские годы, особенно в Донбассе, большую часть составляли русские. С российской стороны, несмотря на процессы ассимиляции украинцев, ускорившиеся после ликвидации в 1938 г. сталинским режимом украинских национальных районов, оно сохранило самобытность благодаря особенностям регионального самосознания, говора (суржик) и материальной культуры.

В последние годы на российско-украинской границе отчетливо проявляется фундаментальный природный, социально-экономический и исторический градиент «северо-запад – юго-восток», определяющий дифференциацию пограничья¹⁶. Естественным следствием уста-

новления государственной границы между бывшими советскими республиками стала асинхронность общественных процессов на единой в прошлом территории, проявляющаяся и на межгосударственном, и на региональном уровне. Поэтому различия, существовавшие между соседними территориями в советский период, подверглись значительной трансформации и углубились.

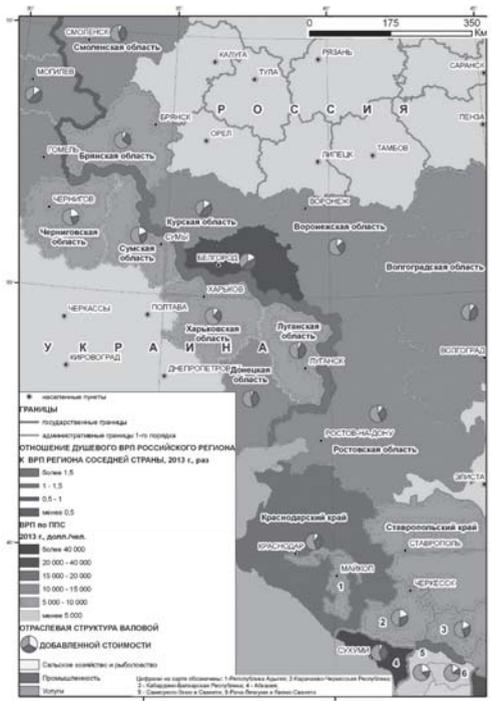
Территория приграничных регионов России существенно больше, чем прилегающих украинских, но по численности населения они сопоставимы: с украинской стороны в приграничных областях на начало 2017 г. проживало 12,3 млн человек, с российской – 12,8 млн. Общий фон социальных и экономических процессов в российско-украинском пограничье – демографический кризис. В то же время в украинском приграничье демографические показатели в целом хуже, чем в российском, особенно в Черниговской области, в которой

¹⁶ Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. Под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. – М.: Новый хронограф. 2011. [Rossijsko-ukrainskoe pogranch'e: dvadcat' let razdelennogo edinstva (Russian-Ukrainian Borderlands: Twenty Years of Divided

Unity). Ed. by V.A. Kolosov and O.I. Vendina. Moscow: Novyj hronograf. 2011.]

Рис. 2

**ВРП на душу населения
в регионах российско-украинского
пограничья, 2013 г.**

Picture 2. GRP per capita in the regions of the Russian-Ukrainian borderland, 2013.

превышение смертности над рождаемостью на 1000 жителей исчислялось в 2014 г. двузначной цифрой (-10,2). На демографическую ситуацию в пограничной зоне в равной степени влияют низкая рождаемость и высокая смертность (См. Рис. 1). Первый фактор имеет большее значение в юго-восточной, более урбанизированной части пограничья, второй – в западной, более сельской.

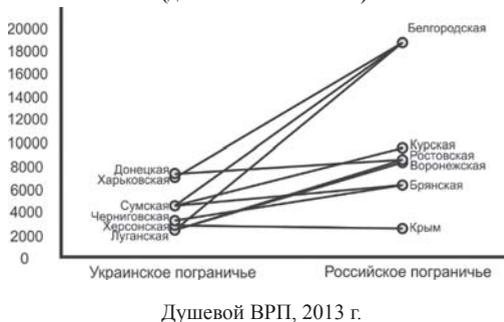
Разрыв между Россией и Украиной в социально-экономических показателях на всех участках пограничья существенно углубился (См. Рис 2, 3). Если в 2013 г. пограничные области имели сопоставимые показатели душевого ВРП – в российских регионах он составил около 130 млрд долларов, в украинских – порядка 100 млрд, то в 2015 г. разница между ними в среднем выросла в 1,5–2,5 раза. Во многом это связано с обвалом экономики Донецкой и Луганской областей¹⁷. По официальным данным, ВРП Донецкой области в 2015 г. по сравнению с 2013 г. уменьшился в 2,2 раза, Луганской – в 3,6 раза.

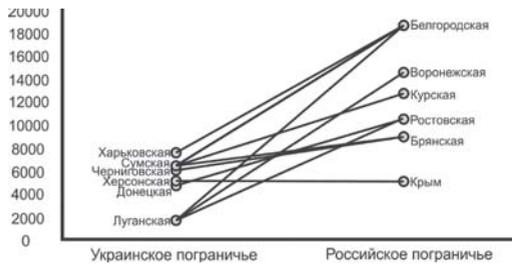
Наиболее резкие контрасты в 2016 г. были характерны для участков российско-украинской границы между Белгородской и Харьковской, Ростовской и Донецкой областями. По уровню душевого ВРП, доходам и уровню безработицы превосходство российских областей достигает уже 2,5 раз (См. Рис. 3). Наименьшие градиенты остались на севере пограничья, где не отличающиеся динамичным развитием Брянская и Курская области граничат с Черниговской и Сумской. Невелики различия и на новом участке российско-украинского пограничья между Республикой Крым и Херсонской областью. Хотя темпы роста ВРП Крыма после присоединения к России возросли, экономика республики пока не восстановилась до уровня 2013 г.

¹⁷ Точно оценить масштабы сокращения численности населения и падения производства на территории ЛНР и ДНР практически невозможно: информация Национальной службы статистики Украины приводится без выделения данных по ДНР и ЛНР, а в самих непризнанных республиках официальные статистические данные не публикуются.

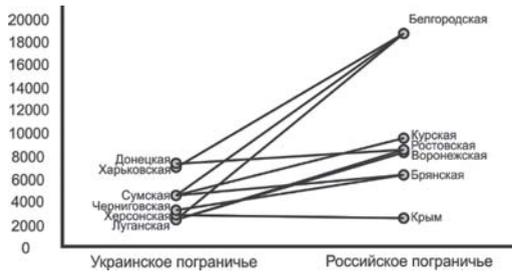
Рис. 3.

**Соотношение основных
социально-экономических показателей
между регионами российско-украинского
пограничья
(долл. США по ППС)**

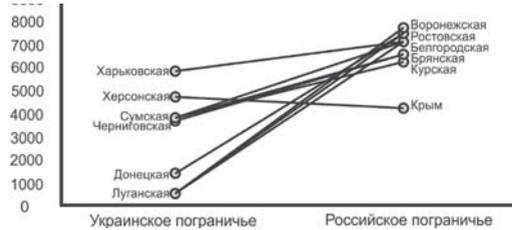

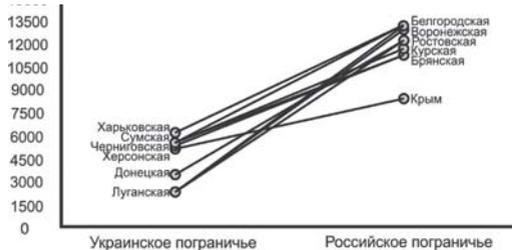
Душевой ВРП, 2015 г.

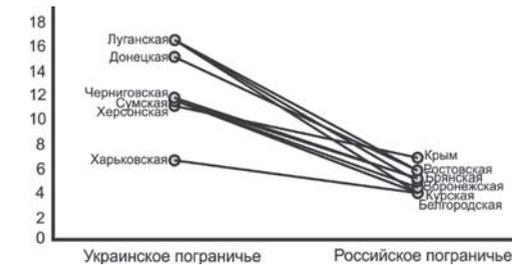
Душевое промышленное производство, 2015 г.

Розничный товарооборот на душу населения, 2016 г

Душевые доходы по ППС, 2015 г.

Уровень безработицы по MOT, 2016 г., %

Picture 3. The ratio of basic socio-economic indicators between the regions of the Russian-Ukrainian borderland

Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017)

По объемам промышленного производства в 2013 г. многие украинские пограничные регионы относились к наиболее развитым в своей стране, превосходя российские. Донецкая область в Украине была ярко выраженным промышленным лидером. По данным на 2012 г., в ней было произведено 17,3% промышленной продукции страны (См. Таб. 1). Суммарно на приграничные с Россией регионы в 2013 г. приходилось порядка 32% промышленной продукции Украины. Промышленное производство в Донецкой области уменьшилось за 2013-2016 гг. вдвое, в Луганской – в 4,2 раза. Доля всего пограничья в промышленном производстве Украины сократилась к 2016 г. до 23,7%. Среди российских приграничных регионов по объему промышленного производства лидирует Ростовская область, но ее доля в общероссийском показателе в 2016 г. составляла лишь 1,5%. За ней следуют Белгородская, Воронежская и Курская области, однако их суммарная доля в промышленном производстве России невелика – в 2016 г. лишь 4,3%.

Если российские приграничные регионы уступают украинским по роли в промышленности своей страны, то по производству сельскохозяйственной продукции некоторые из них занимают в России уникальное место. Ростовская, Белгородская и Воронежская области в 2015 г. по общему объему сельскохозяйственной продукции находились соответственно на втором, третьем и пятом местах в стране. Общий валовой сбор зерна в российском пограничье, в которое входят основные зернопроизводящие регионы страны, более чем вдвое превысил аналогичный показатель по пяти украинским регионам. На украинские приграничные области приходилось около четверти сельскохозяйственного производства страны; наибольшим его объемом отличалась Харьковская область.

Таблица 1

Основные экономические показатели приграничных областей России и Украины*

Страна, регион	Валовой региональный продукт по ППС				Промышленное производство по ППС			
	2013	2013	2015	2015	2013	2015	2013	2015
	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране
Россия	2 785 799	100	2 709 904	100	2 130 294	100	2 046 742	100
Брянская обл.	11 302	0,4	11 254	0,4	6 640	0,3	7 437	0,4
Курская обл.	13 982	0,5	13 980	0,5	11 073	0,5	10 270	0,5
Белгородская обл.	29 299	1,1	28 616	1,1	27 257	1,3	27 215	1,3
Воронежская обл.	31 498	1,1	34 319	1,3	16 589	0,8	18 698	0,9
Ростовская обл.	47 252	1,7	48 855	1,8	32 192	1,5	31 226	1,5
Республика Крым	10 351	0,4	3 418	0,2
Украина	408 000	100	373 392		362 843	100	298 369	100
Черниговская обл.	6 494	1,6	6 625	1,8	5 029	1,4	4 728	1,6
Сумская обл.	7 172	1,8	7 152	1,9	6 426	1,8	6 293	2,1
Харьковская обл.	22 860	5,6	22 728	6,1	20 981	5,8	19 201	6,4
Луганская обл.	14 766	3,6	7 387	2,0	19 469	5,4	3 925	1,3
Донецкая обл.	44 192	10,8	28 231	7,6	59 121	16,3	29 866	10,0
Херсонская обл.	5 565	1,4	5 471	1,5	2 916	0,8	2 924	1,0

Table 1. The main economic indicators of the border regions of Russia and Ukraine
 Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017)

* Показатели по Украине за 2015 г. включают данные по предприятиям, которые представляют сводные отчеты (без деления по регионам).

По сопоставимым социальным показателям впереди, как правило, российские регионы. Среднемесячная номинальная начисленная зарплата по ППС в 2016 г. была в среднем по России почти в 1,5 раза выше, чем в Украине (соответственно, 931 и 696 долларов). Однако, во всех российских регионах вдоль границы с Украиной ее уровень не достигал и ¼ среднего по стране (в Белгородской области – 74,8%). Украинские пограничные области, наоборот, относятся в своей стране к регионам с относительно высокой заработной платой (кроме Херсонской и Черниговской областей), что несколько смягчает градиент в уровне оплаты труда между двумя странами (См. Таб. 2). Более низкий уровень материальной обеспеченности населения украинских областей влияет и на более низкий по сравнению с российскими приграничными областями розничный товарооборот и меньшие объемы платных услуг населению. Уровень безработицы, исчисленный по методике МОТ, заметно выше

в украинском приграничье. В 2016 г. наибольшим из пограничных регионов он был в Луганской и Донецкой областях. Максимальные показатели в российском приграничье в 2016 г. были зафиксированы в Республике Крым (7,2%) и Ростовской области (6,1%). В остальных областях уровень безработицы был ниже среднего по своим странам.

Таблица 2

Основные социальные показатели приграничных областей России и Украины в 2015 г.¹⁸

Страна, регион	Средняя номинальная начисленная заработная плата		Розничная торговля на душу населения, руб	Безработица по МОТ, %
	долл.	в % от средней по стране		
Россия	1342	100	7416	5,6

¹⁸ Национальная служба статистики Украины приводит за 2015 г. данные без учета части «зоны проведения антитеррористической операции».

Страна, регион	Средняя номинальная начисленная заработная плата		Разницная торговля на душу населения, руб	Безработица по МОТ, %
	долл.	в % от средней по стране		
Брянская обл.	855	63,7	6981	4,6
Курская обл.	943	70,3	6337	4,2
Белгородская обл.	1004	74,8	7022	4,1
Воронежская обл.	982	73,2	7839	4,5
Ростовская обл.	986	73,5	7673	6,1
Республика Крым	885	65,9	4452	7,2
Украина	798	100	4319	9,1
Черниговская обл.	627	78,5	3869	10,7
Сумская обл.	656	82,2	3839	10,1
Харьковская обл.	703	88,1	5840	7,1
Луганская обл.	947	81,7	732	15,6
Донецкая обл.	652	118,7	1524	13,8
Херсонская обл.	594	74,4	4698	10,2

Table 2. The main social indicators of the border regions of Russia and Ukraine in 2015
 Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017)

Политический кризис в отношениях сильно повлиял на динамику взаимного товарооборота между. За 2013-2016 гг. *внешнеторговый оборот* между Россией и Украиной сократился более чем в 4 раза. В 2016 г. доля Украины во внешней торговле с Россией составила всего 2,2% (в 2013 г. – 5,0%). Импорт уменьшился более существенно (в 4 раза), чем экспорт (в 3,8 раза). Это связано в том числе со взаимными продовольственными санкциями – запретами на ввоз из соседней страны многих видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в частности, молока и молочных изделий, мяса и мясной продукции, соков и детского питания, а также ряда кондитерских изделий, алкоголя).

Товарная структура российского импорта из Украины в 2016 г. была представлена главным образом оксидом алюминия (8%), турбореактивными двигателями (7%) и электроэнергией (5%), товарная структура экспорта в Украину – нефтью и нефтепродуктами (15%), аммиаком (13%) и каменным углем (9%)¹⁹. Доля Украины в россий-

ской внешней торговле за период с 2013 по 2016 гг. уменьшилась с 4,7 (5-е место) до 2,8% (13-е место)²⁰.

Хотя физические объемы внешней торговли всех российских приграничных регионов с Украиной сократились в 2016 г. на 50-70% по сравнению с докризисным 2013 г., она остается важным торговым партнером всех российских приграничных регионов (См. Таб. 3). В абсолютном выражении товарооборот с Украиной наиболее значителен в Белгородской области (в 2016 г. – 1038 млн долларов). Украина – ведущий внешнеторговый партнер Курской области (17,2% оборота) и занимает третье место во внешнеторговом обороте Ростовской и Брянской областей.

В конце 2016 г. во всех приграничных областях начался бурный *компенсационный рост торговли* между Россией и Украиной, продолжившийся в 2017 гг. (за январь-октябрь 2017 г. – на 23% в годовом выражении). Особенно сильно он проявился в Ростовской области, экспорт которой на Украину вырос в 2016 г. на 45% по сравнению с предыдущим годом и достиг исторического максимума²¹.

2016 г. / Федеральная таможенная служба. Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976&limitstart=50 [Vneshnjaja trgovlja Rossijskoj Federacii po osnovnym stranam za janvar'-dekabr' 2016 (Foreign Trade of the Russian Federation by Major Countries for January-December 2016 / Federal Customs Service). Mode of access: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976&limitstart=50]

²⁰ Анализ взаимной торговли России и Украины за 2015 год / Экспортеры России, 21.09.2016. Режим доступа: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4770/> [Analiz vzaimnoj trgovli Rossii i Ukrainy za 2015 god 21.09.2016 (Analysis of the Mutual Trade of Russia and Ukraine for 2015, 21.09.2016). Mode of access: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4770/>]

²¹ Экспорт товаров из Ростовской области в Украину достиг исторического максимума. Политика не помешала торговле // DonNews, 17.06.2017. Режим доступа: http://www.donnews.ru/Eksport-tovarov-iz-Rostovskoy-oblasti-v-Ukrainu-dostig-istoricheskogo-maksimuma_29987 [Eksport tovarov iz Rostovskoy oblasti v Ukrainu dostig istoricheskogo

Таблица 3

**Внешнеторговые связи приграничных
российских регионов**

Страны и регионы	Внешнеторговый оборот, млн долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн долл.	Доля Украины, %	Внешнеторговый оборот, млн долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн долл.	Доля Украины, %	Динамика внешнеторгового оборота с Украиной, (2016 г. к 2013 г.), %
	2013			2016			
Россия	842233,4	39603,5	5	467752,8	10231	2,2	26
Брянская обл.	1594,7	203,7	13	794,3	75,8	10	37
Курская обл.	1359,3	436,2	32	888,4	152,6	17	35
Белгородская обл.	7352,7	3998	54	3584,2	1037,7	29	26
Воронежская обл.	2740,8	697	25	1965,6	300,7	15	43
Ростовская обл.	9995,0	1999	20	7710,0	1025,4	13	51

Table 3. Foreign trade relations of Russian border regions
Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017)

В этом, безусловно, сказалось соседство области с ДНР и ЛНР, торговля с которыми отдельно не учитывается.

Современные приграничные взаимодействия между регионами российско-украинского пограничья

События 2014–2015 гг. и охлаждение взаимоотношений Киева и Москвы привели к усилению барьерной функции границы и как следствие снижению интенсивности приграничных контактов и сокращению потока населения через границу. Для посещения Украины российским гражданам необходимо прохождение биометрического контроля (с 1 января 2018 г.), наличие биометрического международного паспорта, приглашения²² и заполненной не менее чем за 30 дней в режиме онлайн

на английском или украинском языке анкеты (с 1 марта 2015 г.), в то время как украинские граждане могут посещать Россию по внутреннему паспорту.

В результате усложнения процедуры прохождения таможенного и пограничного контроля украинской стороной число пересечений российско-украинской границы физическими лицами через автомобильные (АПП) и железнодорожные пропускные пункты (ЖДПП) в 2015 г. по сравнению с 2013 г. снизилось почти вдвое (См. Рис. 4).

Максимальное сокращение потока за 2014 г. произошло в Брянской и Белгородской области на наиболее загруженных пропускных пунктах: АПП «Троебортное~Бачевск» на трассе М-3 Москва – Киев (на 60%) и «Гоптовка–Нехотеевка» на транзитной трассе М-2 «Крым» (на 30%), а также ЖДПП «Долбино – Казачья Лопань» на железнодорожной ветке Москва-Харьков-Симферополь (на 85%), через которые в 2013 г. проходило более 60% автомобильного и 80% железнодорожного пассажиропотока на данном отрезке границы.

На российско-украинской границе из 62 установленных пропускных пунктов (ПП) на конец 2016 г. де-факто действующими оказалось только 11 международных ав-

maksimuma. Politika ne pomeshala torgovle (The Export of Goods from the Rostov Region to Ukraine Reached a Historic High. Politics Did not Prevent Trade) // DonNews, 17.06.2017, Mode of access: http://www.donnews.ru/Eksport-tovarov-iz-Rostovskoy-oblasti-v-Ukrainu-dostig-istoricheskogo-maksimuma_29987

²² Стоимость такого приглашения («бизнес» по их изготовлению на территории Украины и доставке в РФ уже налажен) составляет приблизительно 500–650 рублей.

Динамика пересечений российско-украинской границы физическими лицами через автомобильные и железнодорожные пункты пропуска в 2010–2014 гг., тыс.

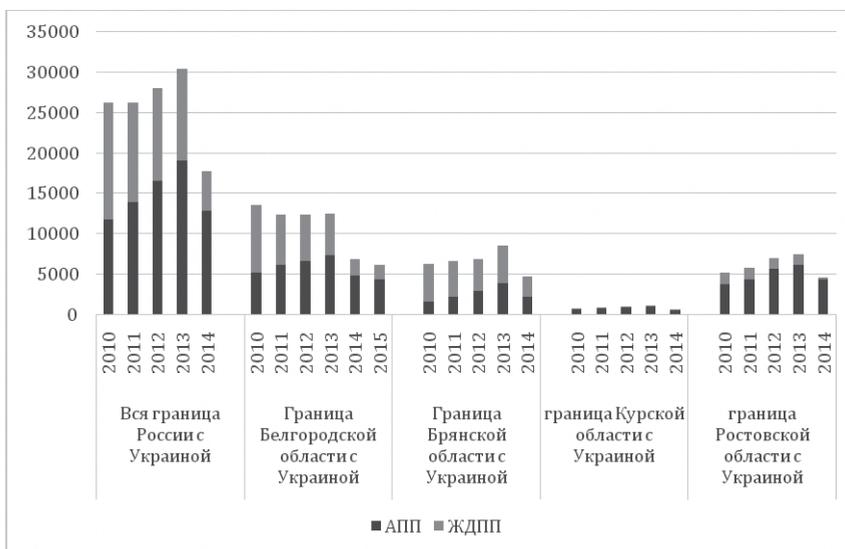

Рис. 4. Dynamics of crossings of the Russian-Ukrainian border by individuals through road and rail checkpoints in 2010-2014

Источник: Официальный сайт Федерального Агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации. Режим доступа: www.rosgranita.ru

томобильных и 2 железнодорожных, через которые осуществлялось движение поездов. Юридически существуют также 7 двусторонних АПП, однако движение российских граждан через них фактически невозможно, так как они не подключены к компьютерной базе для проверки нотариально заверенных приглашений, необходимых для пересечения украинской границы. Через них могут проходить только граждане Украины, поэтому вследствие низкой загруженности (40-60 чел. в сутки) ДАПП были переведены на временный режим работы. Также не могут учитываться международные воздушные пункты пропуска, формально существующие в аэропортах региональных центров приграничных регионов (Белгород, Курск, Брянск, Воронеж, Ростов-на-Дону), но не используемые для пересечения российско-украинской границы в связи с тем, что прямое авиасообщение с Украиной было полностью отменено в конце 2015 г. Из нескольких десятков поездов дальнего следования, следовавших в 2013 г. из России на Украину, на начало 2017 г. осталось

лишь 8 (из Москвы в Харьков (с прицепными вагонами на Полтаву и Сумы), Кривой рог, Киев, Кишинев, Львов, Одессу, Николаев и Хмельницкий).

В то же время, между соседними городами приграничных областей сохранилось регулярное автобусное сообщение. В связи с этим перевозки пассажирским автотранспортом в 2015 г. практически не сократились по сравнению с 2014 г. Это связано также и с появлением частных перевозчиков – украинских граждан на маршрутах с украинскими номерными знаками, осуществляющих полуплегальную перевозку пассажиров. Широкое распространение получили нерегулярные рейсы до российских пропускных пунктов Нехотеевка, Грайворон и Шебекино. Частные маршрутные такси, как правило, не пересекают границу и довозят пассажиров только до пункта пропуска, где люди пересекают границу пешком, по другую сторону их уже ждет другое такси. Этой услугой пользуются преимущественно граждане Украины.

Рассмотрим более детально состояние приграничных взаимодействий и механизмы адаптации хозяйства и социальной сферы в кризисный период на пяти ключевых участках пограничья, соответствующих его природно-морфологическим различиям и характеру освоения: 1) Брянская – Черниговская области; 2) Курская – Сумская области; 3) Белгородская – Харьковская области; 4) Воронежская и Ростовская области – непризнанные ЛНР и ДНР; 5) новый участок российско-украинского пограничья Республика Крым – Херсонская область.

1. Уникальность пограничья **Брянской (РФ), Черниговской (Украина) и Гомельской (Беларусь) областей** – соприкосновение трех стран. Это наиболее «глухой» и безлюдный участок пограничья. На сотрудничестве между тремя странами сильно сказывалась асимметрия и нестабильность межгосударственных отношений. Состояние хозяйства соседних регионов определяется их принадлежностью к разным государственным экономическим пространствам. Черниговская область стала одним из слаборазвитых и депрессивных регионов Украины. Включение ее северных районов, в том числе у белорусской границы поблизости от Гомеля, в число территорий приоритетного развития с инвестиционными льготами не дало ощутимых результатов. Брянская область также принадлежит к депрессивным и дотационным регионам, по уровню жизни – одна из худших в Центральном федеральном округе. Уровень зарплат здесь один из самых низких в России, велика безработица. Объем инвестиций, привлеченных в регион, скромнен.

Экономические отношения областей на этом участке пограничья не отличались особой интенсивностью еще в советское время. Эти регионы практически не имели кооперационных связей и в основном обменивались готовой продукцией промышленного и сельскохозяйственного назначения. После появления границ и таможенного регулирования некоторые крупные предприятия так и не смогли приспособиться к новым условиям хозяйствования: одни прекратили существование, другие превратились в конкурентов как на внутренних, так и внешних рынках.

Несмотря на слабость экономических взаимодействий, соседние области трех стран явились инициаторами многих гуманитарных инициатив в сфере приграничного сотрудничества. Проведение совместных мероприятий разного масштаба и контакты в сфере культуры стали одним из основных видов приграничных связей на этом участке. За более чем 25-летнюю историю взаимодействия между приграничными областями и районами России, Белоруссии и Украины было заключено свыше 30 двусторонних и многосторонних соглашений, создавших нормативно-правовые основы сотрудничества в разных сферах.

В Брянской области заключены соглашения с 22 регионами Украины, включая трехсторонние, которые формально действуют, но фактически перестали выполняться. Отношения с Брянской областью разорвала только Сумская область. С 2014 г. украинские представители не участвуют в мероприятиях на российской стороне. Остановлена работа еврорегиона «Днепр». Число совместных трехсторонних культурных мероприятий сократилось с 30 в 2015 г. до 22 в 2016. В 2016 г. по инициативе украинской стороны разорваны также побратимские связи между Черниговом и Брянском.

В то же время неформальные и личные связи с украинской стороной в целом сохранились, особенно между приграничными селами и районами. Продолжают проводиться совместные семинары, традиционные встречи писателей, художников, деятелей культуры, на которые украинские представители приезжают как частные лица. Остаются и повседневные контакты. Украинцы часто торгуют на рынках Брянской области молоком, сигаретами и салом, заезжая со стороны Белоруссии.

2. На **Курско-Сумском участке** граница преимущественно проходит по отдаленной от городских центров сельской местности. Демографическая ситуация крайне неблагоприятна с обеих сторон. Коммуникации между регионами довольно слабые. Автомобильные дороги на российской стороне модернизированы, в то время как большинство участков на украинской стороне по-прежнему требуют реконструкции.

Прямые экономические связи и торговля между районными центрами Сумской области (Ахтырка, Глухов, Конотоп, Путивль, Шостка) и ближайшими городами России (Льгов, Суджа, Коренево, Рыльск) отсутствовали на протяжении всего постсоветского периода. Приграничная кооперация не сложилась ни в производственной сфере, ни в малом и среднем бизнесе. Сумские предприятия в связи с их специализацией, если и работали на российский рынок, то исключительно на дальний. Хозяйственный комплекс Сумской области был ориентирован в большей степени на Киев и Харьков, а Курской – на Москву. Поэтому каких-либо кардинальных изменений за последние годы в экономических отношениях двух регионов не произошло.

После кризиса 2014 г. контакты официальных лиц Сумской области с российскими соседями практически прекратились. Украинские представители перестали принимать участие в совместных мероприятиях, в том числе в Курской Коренской ярмарке, на которой до 2014 г. ежегодно насчитывалось до 300 украинских участников. Прекратилась деятельность еврорегиона «Ярославна». Крестный ход с Пряжевской иконой Божьей Матери в Мирополье с 2015 г. перестал проходить по территории Украины.

3. Наибольшей активностью приграничных контактов в постсоветский период характеризовался **Белгородско-Харьковский участок пограничья**, отличавшийся уникальным сорасположением областных центров. До середины 2000-х гг. и в начале текущего десятилетия развитие приграничного сотрудничества было одним из приоритетов местного руководства на всех уровнях²³.

²³ Колосов В.А., Криндач А.Д. Российско-украинское пограничье (южная часть): идентичность и современная ситуация / Приграничные районы и приграничное сотрудничество. Под ред. Л.Б. Вардомского. – М.: ИМЭПИ РАН. 2000. – С. 95-121. [Kolosov, V.A.; Krindach, A.D. Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e (juzhnaja chast'): identichnost' i sovremennaja situacija (Russian-Ukrainian Borderlands (Southern Part): Identity and the Current Situation) / Prigranichnye rajony i prigranichnoe sotrudnichestvo. Ed. by L.B. Vardomskogo. Moscow: IMEPI RAN, 2000. Pp. 95-121.]; Колосов В.А., Кирю-

После событий 2014 г. совместные мероприятия здесь, как и на других участках, были заморожены, хотя соглашения о сотрудничестве официально не расторгались. Только в 2016 г. некоторые районы украинского пограничья стали выступать за расторжение соглашений побратимских связей на местном уровне. До последнего времени продолжался лишь мониторинг состояния реки Северский Донец в рамках международных обязательств (проект TACIS «Управление трансграничным речным бассейном реки Северский Донец»)²⁴.

Вплоть до кризиса 2014 г. трансграничные экономические связи Белгородской области с соседними украинскими областями также были весьма тесными. Экономика восточных областей Украины была интегрирована с российским промышленным комплексом. В советское время сложились производственные цепочки между предприятиями по обе стороны границы. Между многими крупными предприятиями Харькова («Турбоатом», «Завод имени Малышева», «Хартрон» и др.) были налажены научно-техническое сотрудничество и кооперационные производственные связи с партнерами в России и странах СНГ²⁵. Разрыв этих связей

хин А.М. Приграничное сотрудничество в российско-украинских отношениях // *Politia*. – 2001. – №1. – С. 141-165. [Kolosov, V.A.; Kirjuhin, A.M. Prigranichnoe sotrudnichestvo v rossijsko-ukrainskih otnoshenijah (Cross-Border Cooperation in Russian-Ukrainian Relations) // *Politia*, 2001, No. 1, pp. 141-165.]

²⁴ Кирюхин А.М. Развитие приграничного сотрудничества между Украиной и Российской Федерацией в контексте европейской интеграции // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 4 (17). – С. 121-128. [Kirjuhin, A.M. Razvitie prigranichnogo sotrudnichestva mezhdU Ukrainoj i Rossijskoj Federaciej v kontekste evropejskoj integracii (Development of Cross-Border Cooperation between Ukraine and the Russian Federation in the Context of European Integration) // *Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija*, 2012, No. 4 (17), pp. 121-128.]

²⁵ Голиков А.П., Черномаз П.А. Украинско-российский еврорегион «Слобожанщина» как форма межрегиональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. – 2014. – №2. – С. 85-98. [Golikov, A.P.; Chernomaz, P.A. Ukrainsko-rossijskij evroregion «Slobozhanshchina»

был одним из главных факторов резкого падения производства на этих заводах.

Однако, несмотря на препоны и напряженные отношения между двумя странами, некоторые предприятия продолжают до сих пор сотрудничать с российской стороной. Харьковский машиностроительный завод «ФЭД» поставляет в Россию рулевые приводы, объединение «Коммунар» – устройства терморегулирования остекления кабины пилотов и другое оборудование, Агрегатное конструкторское бюро – гидравлические агрегаты для вертолетов «Ансат» и Ми-38. Вагоноремонтные предприятия и депо Белгородской области пока еще получают украинские комплектующие.

Важным аспектом сегодняшнего трансграничного экономического взаимодействия стал начавшийся после событий 2014 г. переход бизнеса, преимущественно малого и среднего, из приграничных регионов Украины (Харьковской, Луганской, Донецкой области) в Россию (преимущественно в Белгородскую область). Он представлен главным образом производством офисной мебели, пищевых продуктов (кондитерская продукция), строительными и ювелирными предприятиями, некоторыми отраслями сектора услуг. Действуют и несколько крупных предприятий, возникших благодаря инвестициям из Харьковской области – «БелЮжкабель», «Пластикс-Групп» и «Экотон» в Белгороде, Оскольский подшипниковый завод «ХАРП» в Старом Осколе²⁶.

как forma mezhregional'noj integracii (Ukrainian-Russian Euroregion «Slobozhanschina» as a Form of Inter-Regional Integration) // Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija, 2014, No. 2, Pp. 85-98.]

²⁶ Заяц Д.В., Зотова М.В., Туров Н.Л., Ключников М.И. Кризис российско-украинских отношений: последствия для трансграничных взаимодействий в Белгородской области // Известия. Серия географическая. – 2017. № 5. – С. 43-57. [Zayats, D.V.; Zotova, M.V.; Turov, N.L.; Kljuchnikov, M.I. Krizis rossijsko-ukrainskih otnoshenij: posledstviya dlja transgranichnyh vzaimodejstvij v Belgorodskoj oblasti (The Crisis of Russian-Ukrainian Relations: Implications for Cross-Border Interactions in the Belgorod Region) // *Izvestija. Serija geograficheskaja*, 2017, No. 5, pp. 43-57.]

Эти тенденции вызваны стремлением украинских предпринимателей сохранить российский рынок. Кроме того, Россия может стать зоной диверсификации рисков для украинского бизнеса, сыграть роль «тихой гавани», где украинский капитал не будет столь сильно зависеть от политической ситуации, как на Украине. Эти предприятия в будущем могут способствовать возобновлению полномасштабного трансграничного экономического сотрудничества.

Тесные взаимосвязи, сложившиеся между жителями Харьковской и Белгородской областей, также претерпели значительную трансформацию. До недавнего времени Харьков выполнял для Белгородчины функцию культурного центра. После начала кризиса поток белгородских туристов полностью сошел на нет. Интенсивность неформальных контактов заметно снизилась. С 2014 г., по оценкам местных экспертов, около 80% пересекающих границу составляют граждане Украины, которые едут в Россию на заработки, к родственникам, а также за более дешевым бензином. Привлекательность области для украинских трудовых мигрантов обусловлена приграничным положением и стабильной экономической ситуацией. Число официально зарегистрированных мигрантов из Украины увеличилось в Белгородской области за 2010-2015 г. с 1,2 тыс. чел. до 5,9 тыс. (число нелегальных трудовых мигрантов, по данным местной администрации, в 4 раза выше).

4. Юго-западный участок российско-украинской границы проходит по некогда единому Донецкому угольному бассейну. Многие предприятия, расположенные в приграничье, имели хозяйственные и кооперационные связи. Население поддерживало тесные родственные и дружеские отношения. Изменение геополитической обстановки обернулось амбивалентными последствиями для локальных агентов трансграничных взаимодействий. Образование ДНР и ЛНР, военные действия вблизи российских границ и прием многочисленных беженцев в 2014 г. резко изменили характер соседства на этом участке. В отличие от других участков границы с Украиной здесь не были редуцированы социальные и экономические

взаимодействия, напротив, потоки товаров и людей после 2014 г. возросли. Благодаря особым отношениям России с ДНР и ЛНР местные пункты пропуска не были закрыты, и жители непризнанных республик могут пересекать российскую границу по внутренним паспортам. Чтобы реализовывать свою продукцию на российском рынке, отдельные предприятия ДНР и ЛНР, открыли филиалы и производственные площадки в Ростовской области. В ее приграничных городах и районах крупные торговые сети быстро построили новые супер- и гипермаркеты в расчете на потребителей из ДНР и ЛНР; оживилась торговля на оптовых базах Таганрога и Ростова-на-Дону. Многочисленные родственные, этнокультурные, исторические и хозяйственно-трудовые отношения по-прежнему способствуют восприятию соседей как «своих», а государственной границы как политического недоразумения.

Резко изменились конфигурация пассажирских сообщений и логистические схемы, используемые хозяйствующими агентами. Разрушение в ходе военных действий аэропорта в Донецке привело к заметному увеличению пассажирооборота ростовского аэропорта, достигшего трехмиллионной отметки. Отменены поезда, следовавшие через территорию Украины. В 2017 г. завершилось строительство обхода украинской территории на основном железнодорожном ходе Москва – Ростов (участок Миллерово – Журавка). Из существовавших прежде международных автобусных маршрутов сохранились в основном транзитные и те, что соединяют города Ростовской области с ДНР и ЛНР. Появились частные перевозчики, компенсировавшие сокращение транспортного сообщения между регионами. Автобусы, следующие в города остальной Украины, а также грузовые перевозчики вынуждены делать большой крюк по трассе М4 через Белгород и Харьков. Для доставки внешнеторговых грузов вместо украинских портов Николаева и Одессы используют перегруженные российские – Новороссийск, Порт-Кавказ, Ростов и др.

По мнению властей российского Донецка, расположенного на границе с ЛНР, соседство с беспокойными и дестабилизи-

рованными районами оказывает преимущественно негативное воздействие – дополнительные нагрузки на жилой фонд и транспортную инфраструктуру, милитаризация района и ухудшение инвестиционного климата. Для бизнеса ситуация оказалось не столь однозначной. Предприятия легкой промышленности, ставшие градообразующими после закрытия угольных шахт, почти не почувствовали изменений, поскольку работают в основном на российском рынке и не зависят от поставок сырья и компонентов из Украины. В то же время малый и средний бизнес – второе ключевое звено экономики города – отреагировал на появившийся в ЛНР спрос на товары и услуги. В городе открылись новые гостиницы и кафе, аптеки, банкоматы, несколько крупных сетевых магазинов, автозаправочные станции, сервисы по оформлению экспортно-импортных операций, и др. Чтобы реализовывать свою продукцию на российском рынке, отдельные предприятия ДНР и ЛНР, открыли филиалы и производственные площадки в Ростовской области. Из-за усиления контроля в приграничной полосе, дефицита украинских товаров в ЛНР и открытия магазинов беспошлинной торговли привлекательность занятия контрабандой на границе существенно снизилась.

5. Новый участок российско-украинского пограничья **между Крымом и Херсонской областью** заметно отличается от других участков самой высокой степенью барьерности и полным отсутствием какого-либо взаимодействия. Хотя Украина считает Крым «временно оккупированной территорией», многочисленные изменения в украинском законодательстве де-факто сделали новую границу межгосударственной.

Пересечение границы с Украиной через сухопутные пункты пропуска Перекоп – Чаплинка, Армянск – Каланчак, Джанкой – Чонгар возможно только по украинским паспортам и на автомобилях с украинскими номерами. Регулярное железнодорожное и автомобильное сообщение прекращено с конца декабря 2014 г. Связь с материковой Россией с начала 2015 г. осуществляется только через Керченскую переправу, в результате чего значительно увеличились

затраты времени и средств на транспортировку грузов и пассажиров. Конфигурация единой транспортной системы, соединяющей Украину и Россию, деформирована, изменен характер движения, нарушены прямые связи.

В то же время, по данным Крымской таможни, в 2016 г. через северный Крым границу пересекли почти 3 млн человек и более 522 тыс. легковых автомобилей. Основной целью остаются поездки к родственникам. По оценкам местных властей, в 2016 г. порядка 550 тыс. граждан Украины приехало в Крым также с туристическими целями. Кроме того, у многих украинцев в Крыму остался бизнес или недвижимость. Транспортный бизнес довольно быстро адаптировался к новым условиям. Широкое распространение получила следующая схема: рейс до российской границы осуществляется крымским перевозчиком, пассажиры пешком пересекают российскую и украинскую границы, затем рейс до ближайшей станции украинским перевозчиком.

Крымские промышленные предприятия испытывают трудности в связи с потерей традиционных рынков сбыта и нарушением производственных связей. В результате прекращения поставок из Украины сырья и комплектующих в первую очередь пострадали предприятия химической промышленности «Крымский Титан» и «Крымский содовый завод», расположенные в приграничных городах Армянск и Красноперекопск. Сырье на «Красный титан» ныне поступает из Индии, Шри-Ланки и по-прежнему из Украины, но через материковую Россию, что приводит к удорожанию продукции. Экономическая блокада полуострова и санкции негативно сказались также на работе машиностроительных предприятий, вызвав сокращение производства. Тем не менее, трудности с доставкой товара из России стимулировали местное сельскохозяйственное производство. Вместе с тем, сложности включения региона в общероссийское экономическое и политическое пространства выявили уникальную адаптивность населения, решавшего свои проблемы путем продления украинских паспортов, временной регистрации на территории Херсонской области, получения

пенсий как в России, так и на Украине, регистрации автомобилей одновременно в обеих странах и т.п.

Локальный малый и микро-бизнес в крымском пограничье пережил глубокий экономический шок, вызванный сменой норм хозяйственной деятельности, разрывом финансовых и товарно-сбытовых связей. Можно выделить несколько стратегий приспособления к новой реальности. Часть бизнеса, ориентированного на локальный рынок, выведена из тени и получила стимул к развитию. Это касается, во-первых, личных подсобных хозяйств (ЛПХ), часто имеющих товарный характер. Для них появление границы означало ослабление конкуренции с соседними регионами Украины и доминирование на собственном рынке. Во-вторых, местный рынок арендного жилья и гостиничных услуг переживает бум спроса со стороны растущих военных гарнизонов Джанкоя и Армянска. В-третьих, получила развитие сфера потребления и социальных услуг, ориентированная на платежеспособный спрос «нового» населения (военнослужащие и их семьи) и его более высокие запросы к качеству сервиса. Другая часть бизнеса стала ориентироваться на обслуживание границы, поддержание трансграничных транспортных контактов с помощью схем, обходящих украинскую блокаду, дорожный сервис и, наконец, обеспечение крымского населения привычными продуктами с Украины за счет мелких партий.

Заключение

Политический кризис в российско-украинских отношениях, начавшийся в 2014 г., серьезным образом трансформировал трансграничные взаимодействия, привел к усилению барьерных функций на всем протяжении российско-украинской границы и сокращению трансграничных потоков населения. Снизилась интенсивность приграничных взаимодействий по всем направлениям – институциональному, инфраструктурному, гуманитарному и экономическому. Несмотря на то, что двусторонние соглашения о приграничном сотрудничестве между всеми приграничными регионами юриди-

чески не расторгнуты, их действие фактически приостановлено, диалога между сторонами нет. Программы приграничного сотрудничества – результат многолетней деятельности по согласованию интересов двух стран в приграничной зоне – полностью свернуты. Трансграничные транспортные связи России и Украины ныне переживают период глубокого упадка. Их интенсивность и регулярность уменьшилась в несколько раз. Пассажирский поток через российско-украинскую границу сократился почти вдвое. За 2013-2016 гг. в 2-4 раза уменьшился и внешнеторговый оборот российских приграничных регионов с Украиной.

Тем не менее, трансграничные взаимодействия полностью не прекратились: сохраняются, хотя и в гораздо меньших масштабах, сотрудничество в сфере культуры, неформальные и родственные контакты, усилились трудовые миграции, в том числе нелегальные, из Украины в приграничные российские регионы.

Население и хозяйство приграничных регионов России и Украины постепенно адаптируется к новым условиям взаимодействия. Там, где возможно (в первую очередь, в институциональной и образовательной сферах), российские регионы переориентируются на сотрудничество с Белоруссией. В свою очередь, малые и средние предприятия из приграничных регионов Украины (Харьковская, Луганская, Донецкая области) открывают представительства или полностью переводят производство в соседние российские области с целью сохранить российский рынок сбыта и диверсифицировать риски. Эти предприятия могут заложить основу возобновления в будущем полномасштабного трансграничного экономического сотрудничества.

В наибольшей мере привычный уклад жизни близких к границе городов и районов был нарушен в Белгородской и Ростовской областях, где исторически поддерживались разносторонние связи с соседями. Многие субъекты экономической деятельности были вынуждены искать новые рынки сбыта, источники сырья и комплектующих изделий, логистические решения. Были приняты меры по укреплению безопасности погра-

ничья, сказавшиеся на повседневной жизни людей.

Изменение геополитической обстановки обернулось противоречивыми последствиями для локальных агентов трансграничных взаимодействий. В российском Восточном Донбассе внешние воздействия наложились на тройной кризис, который был вызван переходом к рыночной экономике, глубокой структурной перестройкой хозяйства в связи с закрытием шахт и образованием государственной границы с Украиной, отрезавшей регион от традиционных партнеров. Крайняя неопределенность перспектив отношений между Россией и Украиной, будущего ДНР и ЛНР ограничивает деятельность властей и экономических агентов, лишая их возможности выстраивания долгосрочных планов.

Вопреки ожиданиям экономического коллапса в результате практически полного разрыва торговых и производственных связей с Украиной, многие отрасли экономики Крыма в большей или меньшей мере адаптировались к новым условиям (торговля, транспорт, сельское хозяйство, туристско-рекреационный комплекс). Значительные риски сохраняются только для работы машиностроительных и химических предприятий. Часть проблем этих отраслей связана с хроническим недофинансированием со стороны украинского государства, с санкциями, затрудняющими выход на внешние рынки, получение современных технологий и инвестиций, а также периферийностью региона и высокими транспортными издержками. Нарушение привычных связей, введение антироссийских санкций в совокупности со сложностями включения нового региона в общероссийское экономическое и политическое пространства выявило уникальную адаптивность населения к резким изменениям в его жизни и высокую гибкость местной власти.

Литература:

Алексеев В.Г. Бегот от Европы? – Харьков: Факт, 2008.

Багалій Д.І. Історія Слобідської України. – Харків: Дельта, 1993.

Вендіна О.І., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б. Україна в політичному кризисі: образ Рос-

сии как катализатор противоречий // *Polis. Political Studies*. – 2014. – № 5. – С. 50-67.

Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь-декабрь 2016 г. / Федеральная таможенная служба. Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfeeds&view=category&id=125&Itemid=1976&limitstart=5

Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014-2020 гг. Отв. ред. В.И. Пантин и В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2014.

Голиков А.П., Черномаз П.А. Украинско-российский еврорегион «Слобожанщина» как форма межрегиональной интеграции // *Евразийская экономическая интеграция*. – 2014. – № 2. – С. 85-98.

Западные окраины Российской империи: монография / Л.А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. – М.: НЛЮ, 2006.

Заяц Д.В., Зотова М.В., Туров Н.Л., Клjučников М.И. Кризис российско-украинских отношений: последствия для трансграничных взаимодействий в Белгородской области // *Известия. Серия географическая*. – 2017. – №5. – С. 43-57.

Кирюхин А.М. Развитие приграничного сотрудничества между Украиной и Российской Федерацией в контексте европейской интеграции // *Евразийская экономическая интеграция*. – 2012. – № 4 (17). – С. 121-128.

Колосов В.А., Кирюхин А.М. Приграничное сотрудничество в российско-украинских отношениях // *Politia*. – 2001. – № 1. – С. 141-165.

Колосов В.А., Криндач А.Д. Российско-украинское пограничье (южная часть): идентичность и современная ситуация / Приграничные районы и приграничное сотрудничество. Под ред. Л.Б. Вардомского. – М.: ИМЭПИ РАН. 2000. – С. 95-121.

Крылов М., Гриценко А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. – 2012. – № 2. Режим доступа: http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2012/05/journal/krylov_gritsenko.pdf

Лапкин В.В. Проблемы национального строительства в политэтических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – №4. – С. 54-64.

Пантин В.И., Лапкин В.В. «Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины) // *Полис. Политические исследования*. – 2015. – №5. – С. 75-93.

Регионы России социально-экономические показатели 2017. Статистический сборник – Москва, 2017.

Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. Под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. – М.: Новый хронограф. 2011.

Рябчук М. Две Украины // *Независимая газета*. № 45 (216). 6 марта 1992.

Скоркин К. Элиты и контрэлиты Донбасса. Как сформировалось руководство ДНР-ЛНР / Московский центр Карнеги 19.01.2018. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/75294>

Статистичний збірник «Регіони України» 2017. Київ. 2017.

Субтельный О. Украина: история. – Киев: Лыбидь, 1994.

Экспорт товаров из Ростовской области в Украину достиг исторического максимума. Политика не помешала торговле // *DonNews*, 17.06.2017. Режим доступа: http://www.donnews.ru/Ekспорт-tovarov-iz-Rostovskoy-oblasti-v-Ukrainu-dostig-istoricheskogo-maksimuma_29987

D'Anieri, P.; Kravchuk, R.; Kuzio, T. Politics and Society in Ukraine. Boulder, CO: Westview Press, 1999.

Kuzio, T. Ukraine. State and Nation Building. New York: Routledge, 1998.

Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia? / Stoklosa K., Besier G. (Eds.). London and New York: Routledge, 2016. Pp. 234-258.

Paasi, A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York: John Wiley, 1996.

Wilson, A. The Ukrainians: Unexpected Nation. New Haven and London: Yale University Press, 2015.

Zhurzhenko, T. The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine, in Hurd M., ed. *Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe*. Eslöv: Gondolin, 2006. Pp. 57-87.

Zhurzhenko, T. Identity in the Ukrainian-Russian Borderlands, in Bacas J.L. and Kavanagh W., eds., *Asymmetry and Proximity in Border Encounters*. Oxford: Berghahn, 2013. Pp. 193-214.

References:

Alekseev, V.G. Begom ot Evropy? (Running from Europe?) Kharkiv: Fakt, 2008.

Bagalij, D.I. Istorija Slobids'koï Ukraïni (History of Slobodskoy Ukraine). Har'kiv: Del'ta, 1993.

Vendina, O.I.; Kolosov, V.A.; Popov, F.A.; Sebentsov, A.B. Ukraina v politicheskom krizise: obraz Rossii kak katalizator protivorechij (Ukraine in the Political Crisis: the Image of Russia as a Catalyst for Contradictions) // *Polis. Political Studies*, 2014, No 5, pp. 50-67.

Vneshnjaja trgovlja Rossijskoj Federacii po osnovnym stranam za janvar'-dekabr' 2016 (Foreign Trade of the Russian Federation by Major Countries for January-December 2016 / Federal Customs Service). Mode of access: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfeeds&view=category&id=125&Itemid=1976&limitstart=50

Vnutripoliticheskie processy v Rossii i Ukraine i perspektivy rossijsko-ukrainskih otnoshenij v period 2014-2020 (The Internal Political Processes in Russia and Ukraine and the Prospects for Russian-Ukrainian Relations in 2014-2020). Ed. by V.I. Pantin, V.V. Lapkin. Moscow: IMEMO RAN, 2014.

Golikov, A.P.; Chernomaz, P.A. Ukrainsko-rossijskij evroregion «Slobozhanshhina» kak forma mezhhregional'noj integracii (Ukrainian-Russian Euroregion «Slobozhanshhina» as a Form of Inter-Regional Integration) // *Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija*, 2014, No. 2, Pp. 85-98.

Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii: monografija (Western Suburbs of the Russian Empire) / L.A. Berezhnaja and oth.; Ed. by M. Dolbilov, A. Miller. Moscow: NLO, 2006.

Zayats, D.V.; Zotova, M.V.; Turon, N.L.; Ključnikov, M.I. Krizis rossijsko-ukrainskih otnoshenij: posledstvija

dlja transgranichnyh vzaimodejstvij v Belgorodskoj oblasti (The Crisis of Russian-Ukrainian Relations: Implications for Cross-Border Interactions in the Belgorod Region) // *Izvestija. Serija geograficheskaja*, 2017, No. 5, pp. 43-57.

Kirjuhin, A.M. Razvitie prigranichnogo sotrudnichestva mezhdju Ukrainoj i Rossijskoj Federaciej v kontekste evropejskoj integracii (Development of Cross-Border Cooperation between Ukraine and the Russian Federation in the Context of European Integration) // *Evrasijskaja jekonomicheskaja integracija*, 2012, No. 4 (17), pp. 121-128.

Kolosov, V.A.; Kirjuhin, A.M. Prigranichnoe sotrudnichestvo v rossijsko-ukrainskih otnoshenijah (Cross-Border Cooperation in Russian-Ukrainian Relations) // *Politia*, 2001, No. 1, pp. 141-165.

Kolosov, V.A.; Krindach, A.D. Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e (juzhnaja chast'): identichnost' i sovremennaja situacija (Russian-Ukrainian Borderlands (Southern Part): Identity and the Current Situation) // Prigranichnye rajony i prigranichnoe sotrudnichestvo. Ed. by L.B. Vardomskogo. Moscow: IMEPI RAN, 2000. Pp. 95-121.

Krylov, M.; Gritsenko, A. Regional'naja i jetnokul'turnaja identichnost' v rossijsko-ukrainskom i rossijsko-beloruskom porubezh'e: istoricheskaja pamjat' i kul'turnye transformacii (Regional and Ethnocultural Identity in the Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian Borderlands: Historical Memory and Cultural Transformations) // *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*, 2012, No. 2. Mode of access: http://journal-labirint.com/shhp-content/uploads/2012/05/journal-krylov_gritsenko.pdf

Lapkin, V.V. Problemy nacional'nogo stroitel'stva v polijetnicheskikh postsovetских obshhestvah: ukrainskij kazus v sravnitel'noj perspektive (Problems of National Construction in Polyethnic Post-Soviet Societies: Ukrainian Case in Comparative Perspective) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2016, No. 4, pp. 54-64.

Pantin, V.I.; Lapkin, V.V. «Etnopoliticheskie i jetnosocial'nye processy na postsovetском prostranstve (na primere Rossii, Belorussii, Kazahstana i Ukrainy)» ("Ethnopolitical and Ethnosocial Processes in the Post-Soviet Space (on the Example of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2015, No. 5, pp. 75-93.

Regiony Rossii social'no-jekonomicheskie pokazateli 2017 (Regions of Russia Socio-Economic Indicators 2017). Moscow, 2017.

Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e: dvadcat' let razdelenennogo edinstva (Russian-Ukrainian Borderlands: Twenty Years of Divided Unity). Ed. by V.A. Kolosov and O.I. Vendina. Moscow: Novyj hronograf. 2011.

Rjabchuk M. Dve Ukrainy (Two Ukraines) // *Nezavisimaja gazeta*, No 45 (216). March 6, 1992.

Skorkin, K. Elity i kontrelity Donbassa. Kak sformirovalos' rukovodstvo DNR-LNR (Elites and Counter-Elites of Donbass. How the Leadership of the DNR and the LNR Was Formed) // *Moskovskij centr Karnegi*, 19.01.2018. Mode of access: <http://carnegie.ru/commentary/75294>

Statisticheskij zbirnik «Regions of Ukraine» 2017 (Statistical Publication "Regions of Ukraine" 2017). Kiev. 2017

Subtel'nyj, O. Ukraina: istorija (Ukraine: History). Kiev: Lybid', 1994.

Eksport tovarov iz Rostovskoj oblasti v Ukrainu dostig istoricheskogo maksimuma. Politika ne pomeshala

torgovle (The Export of Goods from the Rostov Region to Ukraine Reached a Historic High. Politics Did not Prevent Trade) // *DonNews*, 17.06.2017. Mode of access: http://www.donnews.ru/Eksport-tovarov-iz-Rostovskoy-oblasti-v-Ukrainu-dostig-istoricheskogo-maksimuma_29987

D'Anieri, P.; Kravchuk, R.; Kuzio, T. Politics and Society in Ukraine. Boulder, CO: Westview Press, 1999.

Kuzio, T. Ukraine. State and Nation Building. New York: Routledge, 1998.

Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia? / Stoklosa K., Besier G. (Eds.). London and New York: Routledge, 2016. Pp. 234-258.

Paasi, A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York: John Wiley, 1996.

Wilson, A. The Ukrainians: Unexpected Nation. New Haven and London: Yale University Press, 2015.

Zhurzhenko, T. The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine, in Hurd M., ed. Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe. Eslöv: Gondolin, 2006. Pp. 57-87.

Zhurzhenko, T. Identity in the Ukrainian-Russian Borderlands, in Bacas J.L. and Kavanagh W., eds., *Asymmetry and Proximity in Border Encounters*. Oxford: Berghahn, 2013. Pp. 193-214.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61>

TRANSFORMATION OF CROSS-BORDER INTERACTIONS ON THE RUSSIAN-UKRAINIAN BORDERLAND AFTER 2014

Maria V. Zotova

*Institute of Geography of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Vladimir A. Kolosov

*Institute of Geography of Russian Academy of Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 1 March 2018</p> <p><i>Accepted:</i> 27 April 2018</p>	<p>Abstract: The article examines the impact of the political crisis between Russia and Ukraine on the development and interaction of the regions of the Russian-Ukrainian borderlands. The backgrounds that lead to the political conflict between the two states are briefly analyzed. Changes in socioeconomic indicators of the neighboring regions are evaluated, as well as the state of cross-border interactions and adaptation of the economy and social sphere to the changed conditions in five key areas. It was established that the gradients between the neighboring regions in all parts of the Russian-Ukrainian borderland increased significantly. The sharpest gradients in 2016 were identified on the border sections between the Belgorod and Kharkov regions, Rostov and Donetsk regions. At the same time, economic and social interactions, though weakened, do not cease completely and retain the potential opportunity for restoring cooperation, given favorable conditions arise.</p> <p><i>Acknowledgements:</i> The study was realized in the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences and was supported by the grant of Russian Science Foundation, project No. 14-18-03621</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Maria V. Zotova</i>, Candide of Geography, Senior Research Fellow, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: zotova@igras.ru</p> <p>Vladimir A. Kolosov, Dr. of Geography, Professor, Deputy Director and Head of Laboratory for Geopolitical Research, Institute of Geography of RAS; Head of Department for Geography of World Economy, Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: vladimirkolosov@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>Russia; Ukraine; borderland; crisis; socioeconomic gradients; economic ties; cross-border cooperation</p>	

Для цитирования: Зотова М.В., Колосов В.А. Трансформация трансграничных взаимодействий на российско-украинском пограничье после 2014 года // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 41-61.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61

For citation: Zotova, Maria V.; Kolosov, Vladimir A. Transformatsiia transgranichnykh vzaimodeistvii na rossiisko-ukrainskom pogranich'e posle 2014 goda (Transformation of Cross-Border Interactions on the Russian-Ukrainian Borderland after 2014) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 41-61.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61

«СИЛА» ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ И ЯЗЫКОВАЯ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Надежда Владимировна Борисова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 марта 2018 <i>Принята к печати:</i> 27 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: Язык является одновременно одним из существенных факторов, имеющих отношение к структурным характеристикам этнических территориальных автономий, и объектом преференциальной политики в отношении как этнических территориальных автономий (со стороны национального правительства), так и в отношении этноязыковых миноритарных групп, проживающих в границах подобных автономий (со стороны регионального правительства). В статье ставится вопрос о соотношении, с одной стороны, политического веса этнической территориальной автономии, а, с другой, масштаба и институционализированности языковой преференциальной политики, проявляющейся в силе языкового территориального режима. В результате количественного корреляционного анализа (28 случаев) и сравнительного анализа четырех отдельных случаев этнических территориальных автономий (Воеводина в Сербии, Уэльс и Шотландия в Великобритании и Страна Басков в Испании) были выявлены факторы структурного и контекстуального характера, обуславливающие или нарушающие связи между «силой» этнической территориальной автономии и масштабом и институционализированностью языковой преференциальной политики. К структурным факторам отнесены особенности этнической структуры сообщества и «веса» в ней этноязыковых меньшинств. Размер этноязыкового меньшинства обуславливает политическую силу и ресурсы возможных субъектов языковых требований (партий, общественных этнических советов, НГО), успешность конвертации последний в институционализированный политический курс. К контекстуальным – роль исторического и политического контекста формирования этнической территориальной автономии и институционализации языковой преференциальной политики. Объяснена логика взаимовлияния этих факторов.</p> <p><i>Исследование выполнено в Пермском государственном национальном исследовательском университете за счет гранта Российского научного фонда: проект №15-18-00034 “Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств” (рук. Панов П.В.)</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет e-mail: borisova_nv@psu.ru</p>	
<p>Ключевые слова: этническая территориальная автономия; языковая преференциальная политика; этноязыковое меньшинство; языковой территориальный режим</p>	

Преференциальная политика является реализацией принятого публично-правового решения, которое фиксирует особые институциональные преференции (гарантии и предпочтения) для этнической территориальной автономии (ЭТА) в целом, а также для отдельных титульных и нетитульных этнических групп внутри нее. Преференции как объект подобной политики могут касаться очень широкого спектра вопросов, что позволяет разделить их на четыре основных

группы: 1) преференции, непосредственно связанные с этнической спецификой региона – прежде всего, язык и религия; 2) преференции в плане участия ЭТА в принятии решений на общенациональном уровне; 3) преференции ЭТА в сфере полномочий в самоуправлении; 4) преференции релевантные для компактно проживающих в ЭТА этнических групп, направленные на обеспечение гарантий доступа к власти (на общенациональном и региональном уровнях).

Такой широкий спектр приложения преференциальных политик может иметь разную конфигурацию в различных автономиях и зависеть как от ее структурных характеристик (демографических, экономических, лингвистических и др.), так и контекстуальных условий ее создания и функционирования. Речь идет, как минимум о таких условиях как: характер национального политического режима, условия возникновения и дальнейшей институционализации ЭТА, наличие *kin-state*, которое является одним из агентов продвижения или требований преференций для этнической группы.

Одной из наиболее доступных и масштабных с точки зрения охвата анализируемых существующих в современном мире территориальных автономий, включающих в том числе и выделенные на основе этнического признака, является база *Regional Autonomy Index*¹. Данные, содержащиеся в данной базе позволяют оценивать «вес» институциональных и финансовых преференций, которые получают автономии как в сфере общенациональной политики, так и самоуправления. Однако эта база, равно как и многие иные исследования, посвященные содержанию и конфигурации преференциальных политик в отношении ЭТА², специальным образом не учитывают преференции в области языка. Вместе с тем, язык выступает и как один из существенных факторов, имеющих отношение к структур-

ным характеристикам ЭТА, и как объект преференциальной политики. Такое амбивалентное положение языка обусловлено тем, что, как пишет Р. Брубейкер, «язык <...> является универсальным и всеобъемлющим средством социальной жизни (в ее публичной и приватной ипостасях); он создает и поддерживает непосредственную среду общественного дискурса, правительства, администрации, права, судов, образования, медиа, топонимики в сообществе». Это означает, что «публичная жизнь как таковая не может быть алигвальной»³. Эта мысль Брубейкера находит подтверждение в практике функционирования ЭТА в различных странах мира, где языковая преференциальная политика в отношении как этнических территориальных автономий (со стороны национального правительства), так и в отношении этноязыковых миноритарных групп, проживающих в границах ЭТА (со стороны регионального правительства), оказывается широко распространенной. В связи с этим возникает вопрос о том, как соотносятся сила автономии (по версии RAI) и масштаб и институционализированность языковой политики? Иными словами, исследовательская гипотеза может быть сформулирована следующим образом: чем выше уровень и сила автономии, тем больше масштаб и институционализированность языковой политики, проявляющиеся в силе языкового территориального режима.

Теория и методы. Под языковой политикой в настоящем исследовании понимается политика (как система мер и действий), направленная на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. К. Уильямс справедливо указывает на то, что объем, содержание и период осуществления языковой преференциальной политики зависят от комбинации следующих трех важнейших факторов: 1) политический контекст определения, реализации и коррекции языковых стратегий (политических курсов); 2) отношения между политиками, чиновниками и группами интересов и 3) роль законодательных реформ,

¹ The Regional Authority Index (1950-2010).

² Ilievski, Z.; Wolff, S. Ethnic Conflict Regulation as Institutional Design: The Case of the Western Balkans. Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Ethnic%20Conflict%20Regulation%20as%20Institutional%20Design.pdf>; Complex Autonomy Arrangements in Western Europe. A Comparative Analysis of Regional Consociationalism in Brussels, Northern Ireland and South Tyrol / Autonomy, Self-Governance, and Conflict Resolution: Innovative Approaches to Institutional Design in Divided Societies / ed. Weller Marc and Wolff Stefan. Routledge, 2005; Cederman, L.-E. [et al.] Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? // *American Political Science Review*, 2015, No. 2(109), pp. 354-370.; Wolff, S. Complex Power-Sharing and the Centrality of Territorial Selfgovernance in Contemporary Conflict Settlements // *Ethnopolitics*, 2009, No. 1 (8), pp. 27-45.

³ Brubaker, R. Language, Religion and the Politics // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 1 (19), pp. 1-20.

судебной практики в контексте защиты или модификации языковых стратегий⁴.

Следует согласиться с Э. Лю в том, что признание языка означает наделение правами его носителей⁵. Речь идет, прежде всего, о том, что институционализация такого права обеспечивает как выживание, так и воспроизводство сообщества. Но воспроизводство сообщества (группы, меньшинства), отличающееся от иных в языковом отношении, возможно только в том случае, если языковая преференциальная политика обеспечивает не просто возможность изучения языка меньшинства и право говорения на нем в частной жизни, но 1) организует комплексное школьное образование на языке меньшинства, который, таким образом, является средством обучения⁶ и 2) вводит язык как средство коммуникации в публично-правой сфере и практиках администрирования. Преференции в сфере языка (в том числе наделение его статусом официального) могут быть институционализированы и гарантированы как национальной конституцией, специальным национальным законом, так и субнациональными (региональными) или локальными нормативно-правовыми актами. Институционализация языковой преференциальной политики, в свою очередь, формирует (устанавливает) языковой территориальный режим (ЯТР), как элемент ЭТА.

В исследовательской литературе широко используется понятие “языковой режим”⁷, но

сколько-нибудь единого конвенционального подхода к его определению не выработано. Исследователи, как правило, связывают языковой режим с практикой функционирования политических институтов и процедур в политике. Так, например, интересным представляется подход, предложенный Линдой Кардинал, которая, в частности, уточняет, что «формируемый в контексте властных отношений, политики перераспределения и установления гегемонии языковой режим имеет три измерения: функциональное, символическое и политико-правовое»⁸. Здесь следует, по-видимому, уточнить, что функциональное измерение, как правило, касается языкового планирования, в котором можно выделить три группы решений относительно языка: 1) решения относительно норм и правил используемого сообществом языка; 2) решения относительно статуса языка сообщества; 3) решения относительно организации системы преподавания и изучения языка. Первая группа решений чаще всего связана с решениями относительно грамматики и лексики языка. Такого рода решения не столь часто имеют сколько-нибудь политическое влияние. Хотя именно в ряду таких решений оказываются реформы языка, включающие, например, смену алфавита⁹ или разрешение параллельного использования в письменной речи двух алфавитов¹⁰. Подобные реформы, безусловно, имеют политическое содержание и последствия. Собственно, решения относительно статуса языка, а также организации системы его преподавания и изучения оказываются политически релевантными, поскольку являются одновременно как содержанием, так и предметом языковой по-

⁴ Williams, C. *Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies*, 2013, No. 1 (23), p. 102.

⁵ Liu, A. *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. P. 12.

⁶ Brubaker, R. *Language, Religion and the Politics // Nations and Nationalism*, 2013, No. 1(19), p. 8.

⁷ Liu, A. *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015; Agarin T. *Flawed Premises and Unexpected Consequences: Support of Regional Languages in Europe // Nationalism and Ethnic Politics*, 2014, No. 3(20), pp. 349-369.; Cardinal, L. *Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012; Pool, J. *Language Regimes and Political Regimes / Language Policy and Political Development / ed. by Weinstein Brian*. Norwood, New Jersey: Ablex, 1990.

⁸ Cardinal, L. *Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012. P. 4.

⁹ Так, например, это случилось в Молдавии, которая перешла с кириллицы на латиницу, а входящее в ее состав Приднестровье сохранило кириллический алфавит.

¹⁰ В Автономном крае Воеводина в Сербии в 15 муниципалитетах разрешено использование как латиницы, так и кириллицы в письменной речи на сербском языке. Более подробно см: *Languages and Alphabets in the Official Use in the Statutes of Cities and Municipalities of the Autonomous Province of Vojvodina*. 15 February 2011. Mode of access: <http://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php>

литики. «Символическое измерение языкового режима, – считает Кардинал, – проявляется в свойственных ему репрезентациях и символах, в то время как политико-правовое в институционализированных правилах, требованиях и нормативном признании практик использования языка членами сообщества в различных сферах жизнедеятельности сообщества»¹¹.

Понятие «языковой территориальный режим» является еще менее определенным. Так, Р. Брубейкер, используя его в одной из своих работ применительно к характеристике сложившейся в Квебеке практики реализации языковой политики¹², не дает ему определения. Определение понятия ЯТР требует обращения к типологии языковых режимов, предложенной Э. Лю, которая наряду с иными типами языковых режимов выделяет “*power-sharing*” языковой режим. Этот тип режима представляет особый интерес в контексте настоящего исследования в силу того, что для него свойственно правовое признание как равнозначных нескольких языков вне зависимости от того, является ли группа-носитель языка миноритарной или же доминирующей в этнической структуре сообщества¹³. Иными словами, институционализация этого типа режима увязана с формированием политических институтов “*power-sharing*”, как основополагающего элемента ЭТА.

Таким образом, ЯТР представляет собой систему специальных институциональных соглашений по вопросам использования языка, которые устанавливают образцы взаимодействий между членами регионального (территориального) сообщества¹⁴. Для типологизации ЯТР используются два его измерения: *глубина* и *универсальность* регулирования вопросов использования языка на разных аренах обще-

ственных и межличностных взаимодействий, наиболее важными из которых являются образование и управление¹⁵. Комбинируя эти два измерения, можно выделить два полюса спектра вариаций языковых территориальных режимов: «сильные» и «слабые» режимы. Набор возможных решений относительно использования языка в публично-правовой сфере широк: обязательное использование или опциональное право использования миноритарного языка в области государственного управления (например, в формате публикации нормативно-правовых актов на языке меньшинства), судопроизводства, охраны правопорядка и т.п. Такова же логика и для сферы образования: преподавание родного для меньшинства языка как предмета или обучение на этом языке; на уровне начальной школы (и даже дошкольного образования) или средней и даже университета.

Настоящее исследование выполнено на основе корреляционного анализа и качественных описаний отдельных случаев ЭТА (метод case-study). Данные собраны и проанализированы в рамках исследовательского проекта «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (грант РФ № 15-18-00034). В ходе реализации проекта его участниками была создана база данных (ERAD¹⁶), которая содержит информацию о 134 ЭТА из 35 стран мира. Ее принципиальное отличие от иных подобных баз заключается в том, что в нее включены и закодированы в т.ч. и данные относительно реализации языковой преференциальной политики и статуса языка меньшинства, образующего ЭТА.

¹¹ Cardinal, L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // *Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012. P.4.

¹² Brubaker, R. Language, Religion and the Politics // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 1(19), p. 9.

¹³ Liu, A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. P.15.

¹⁴ Borisova, N.; Sulimov, K. Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // *Nationalities Paper*, 2018, Vol. 46, No. 3, pp. 358-373.

¹⁵ Данная типология была предложена в соавторстве с К.А. Сулимовым в рамках доклада «The Institutionalization of Language Policy in Polylingual Ethnic Territorial Autonomies», представленного на Всемирном конвенте Ассоциации по изучению национализма (The Association for the study of Nationalities 2016 World Convention) в г. Нью-Йорке (США) в апреле 2016 г.

¹⁶ ERAD. База данных. URL: <http://identityworld.ru/index/database/0-21> (дата обращения 08.08.2016)

Институциональная и политическая сила
ЭТА и ЯТР

ЭТА	Индекс RAI			Индекс предпочтений в области языка			
	Индекс самоуправления	Индекс участия в решениях центрального правительства	Интегрированный индекс RAI	Статус языка	Язык в системе образования	Язык как инструмент преподавания	Сила ЯТР
Фландрия, Бельгия	14	10	24	3	2	1	6
Валлония, Бельгия	14	5	19	3	2	1	6
Федерации Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина	14	4	18	3	2	1	6
Республика Сербска, Босния и Герцеговина	16	4	20	3	2	1	6
Квебек, Канада	18	6,5	24,5	3	2	1	6
Юра, Швейцария	18	8,5	26,5	3	2	1	6
Южный Тироль в Трентино Альто Адидже, Италия	13	4	17	1	2	1	4
Воеводина, Сербия	8	4,5	12,5	1	2	1	4
Страна Басков, Испания	11	10,5	21,5	1	1	1	3
Каталония, Испания	14	9,5	23,5	1	1	1	3
Галисия, Испания	14	9,5	23,5	1	1	1	3
Наварра, Испания	15	10,5	25,5	1	1	1	3
Корсика, Франция	10	2,5	12,5	0	1	0	2
Валле де' Аоста, Италия	15	4	19	1	2	1	4
Уэльс, Великобритания	9	6	15	1	2	1	4
Северо-Карибский Автономный регион, Никарагуа	11	7	18	1	1	1	3
Южно-Карибский Автономный регион, Никарагуа	11	7	18	1	1	1	3
Ачех, Индонезия	12	4	16	0	0	0	1
Фриули Венеция Джулия, Италия	15	4	19	0	1	0	1
Сардиния, Италия	15	4	19	1	1	0	2
Сабах, Малайзия	15	8	23	0	1	0	1
Саравак, Малайзия	15	8	23	0	1	0	1
Минданао, Филиппины	11	3	14	1	0	0	1

ЭТА	Индекс RAI			Индекс предпочтений в области языка			
	Индекс самоуправления	Индекс участия в решениях центрального правительства	Интегрированный индекс RAI	Статус языка	Язык в системе образования	Язык как инструмент преподавания	Сила ЯТР
Северная Ирландия, Великобритания	12	6	18	0	1	1	2
Шотландия, Великобритания	14	6	20	1	1	1	3
Папуа, Индонезия	11	3	14	0	0	0	0
Сицилия, Италия	15	4	19	0	0	0	0
Нгабе Бугле, Панама	6	6	12	0	1	0	1

Table 1. Institutional and Political Strength of Ethnic Territorial Autonomy & Linguistic Territorial Regime
 Источники: Regional Authority Index. Mode of access: http://www.unc.edu/~gwmarks/data_ra.php; данные автора

Поскольку уровень и сила автономии в рамках данного исследования оцениваются исходя из данных RAI, то в выборку попали только 28 этнических территориальных автономий из 15 стран, включенных в RAI и где в результате сбора данных выявлены и зафиксированы случаи реализации языковой преференциальной политики (см. Таб. 1).

Во всех отобранных случаях ЭТА имеет преференции, непосредственно связанные с этнической спецификой региона, которая, в свою очередь, связана с языком. ЭТА обладают соответствующими языковыми преференциями (придание языку титульной этнической группы официального статуса, включение в программы школьного образования, как минимум, дисциплин по изучению языке титульной национальности и т.п.). «Сила» преференций в использовании «своего» языка зависит, в первую очередь, от такого фактора как доля титульной этнической группы в составе населения ЭТА (например, Каталония или Страна Басков в Испании или Квебек в Канаде). В отдельных случаях, когда этническим идентификатором ЭТА выступает, прежде всего, религия, а не язык или не только язык, преференции для ЭТА в этой сфере касаются преимущественно религиозного исповедания, правда это оказывается актуальным лишь при нали-

чии государственной религии / церкви (например, Саравак, Сабах в Малайзии, Ачех в Индонезии).

В RAI максимально возможный уровень автономии (самоуправление + участие в работе центрального правительства) у ЭТА составляет 27. В нашей выборке ЭТА с таким уровнем автономии нет. Самым большим уровнем автономии обладает швейцарская Юра (26,5), а самым маленьким – Нгабе Бугле в Панаме (12).

Данные, касающиеся силы языковой преференциальной политики в ЭТА были закодированы по трем параметрам. Измерение «универсальности» образования на языке титульной для ЭТОЙ этноязыковой группы оценивается посредством выделения двух вариантов: факультативное (1) или обязательное (2) изучение языка титульной группы. «Глубина» через различение систем изучения языка как предмета (0) и системы, когда язык является и предметом, и как инструментом обучения (1). Статус языка титульной группы в ЭТА оценивался как 0, если этот язык не имеет официального статуса; 1 – его статус закреплён на уровне региона; 2 – на общенациональном уровне; и 3 – статус языка закреплён как на уровне ЭТА, так и общенациональном.

Корреляционный анализ. В предложенной выборке наибольший интегрированный индекс силы и институционализированности языковой преференциальной политики (6), безусловно соответствующий сильному ЯТР, мы видим в случаях бельгийских Фландрии и Валлонии, обоих энтитетов Боснии и Герцеговины; канадского Квебека и Швейцарской Юры. Бельгия, Босния и Герцеговина, Канада и Швейцария являются федерациями. При этом в случае еще двух федераций – Индонезии и Малайзии – этот интегрированный индекс имеет минимальное значение, что, впрочем, может быть объяснено как характером политического режима, сложившегося в данных политиях, так и тем, что для обеих стран более важными и политизированными оказываются преференции для этноязыковых меньшинств в области религии, а не языка.

А вот в случае с ЭТА в составе децентрализованных унитарных государств наблюдается куда большее разнообразие. Интегрированный индекс силы и институционализированности языковой преференциальной политики варьируется от 4 в Южном Тироле (Трентино Альто Адидже в Италии), Валле де'Аоста (Италия), Воеводине (Сербия) и Уэльсе (Великобритания) до 1 в Сардинии (Италия) и Нгабе Бугле (Панама). Эти автономии объединяет не только то, что они являются частью децентрализованных унитарных государств, но и то, что процессы децентрализации, частью которых является и институционализация преференциальной языковой политики, в них были сопряжены с процессами послевоенного регулирования (Южный Тироль; Воеводина) и/или установления поставторитарного политического порядка (Воеводина, испанские регионы, панамская Нгабе Бугле).

Корреляционный анализ (см. Таб. 2), направленный на выявление связи между силой этнической территориальной автономии (интегрированный индекс RAI) и силой языкового режима, на примере 28 случаев показывает наличие незначительной положительной корреляции (корреляция Пирсона равна 0,362). При этом, положительная зависимость между официальным статусом языка этнического меньшинства и

индексом самоуправления выше и является значимой: корреляция Пирсона составляет 0,452. Наличие второй выявленной корреляции указывает на то, что наделение ЭТА правом и компетенциями самоуправления в различных сферах (от культурной политики и судопроизводства до налогообложения и внешней политики) сопровождается, как минимум, признанием за языком этнической титульной группы статуса официального не только в пределах ЭТА, но и на национальном уровне.

Таблица 2

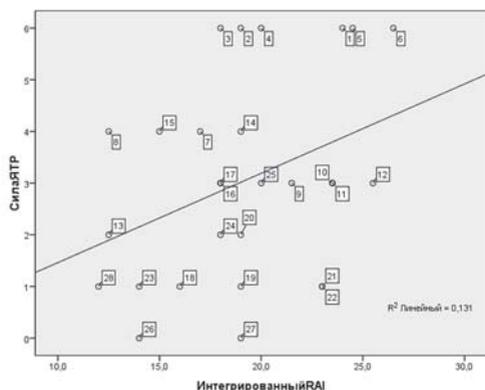
Корреляционный анализ связи между силой этнической территориальной автономии и силой языкового режима

		Интегрированный индекс RAI	Индекс самоуправления (Self Rule)	Индекс участия (Shared Rule)
Сила ЯТР	Корреляция Пирсона	,362	,343	,208
	Знч.(2-сторон)	,059	,074	,288
	N	28	28	28
Статус языка	Корреляция Пирсона	,413*	,452*	,170
	Знч.(2-сторон)	,029	,016	,388
	N	28	28	28
Язык в системе образования	Корреляция Пирсона	,236	,222	,138
	Знч.(2-сторон)	,227	,256	,483
	N	28	28	28
Язык как инструмент преподавания	Корреляция Пирсона	,340	,140	,405*
	Знч.(2-сторон)	,082	,486	,036
	N	27	27	27

Table 2. Correlation analysis of the relationship between the strength of ethnic territorial autonomy and the power of the language regime

Коэффициент детерминации (линейный R2) составляет 0,131 и указывает, как это видно в диаграмме рассеивания (см. Диаграмму 1), на наличие относительной положительной корреляции и позволяет выявить как наиболее типичные, так и отклоняющиеся случаи.

Диаграмма 1

При этом, наибольший разброс типичных и отклоняющихся случаев опять-таки характерен для группы ЭТА, входящих в состав децентрализованных государств. Case-study двух типичных (Шотландия в Великобритании и Страна Басков в Испании) и двух отклоняющихся случаев (Воеводина в Сербии и Уэльс в Великобритании) позволит объяснить логику зависимости силы институционализированности языковой политики от уровня автономии этнического региона.

Страна Басков. Испания в силу своего исторического развития в этнолингвистическом отношении гетерогенна, что в XX периодически веке актуализировало вопрос об автономии регионов и территориальной целостности страны. Первая попытка урегулирования этого вопроса была предпринята в период Второй республики (1931-1939): тогда Кагалония, Страна Басков и Галисия запустили легальный процесс создания независимых от центра автономных образований¹⁷. Однако установление диктаторского режима генерала Франко в 1939 г. фактически заморозило этот процесс, символическим выражением чего стала позиция Фран-

ко: «Лучше красная Испания, чем Испания раздробленная»¹⁸. Политическая трансформация, последовавшая за падением режима Франко, ознаменовалась принятием в 1978 году новой национальной конституции, которая закрепила унитарный характер государства, но при этом гарантировала право на существование автономий для этнических групп и региональных сообществ Испании. Фрага Ирибарне, один из авторов конституции 1978 года, отмечал, что «была предпринята попытка не допустить ни унитарное устройство, ни федерализм, а найти между ними золотую середину для того, чтобы территориальная целостность государства была сохранена»¹⁹. Тогда же, в конце 1970-х гг., региональные (баскский, каталанский и галисийский) языки были признаны в качестве официальных региональными статутами. Рост требований регионализма был обусловлен процессами демократизации, успешный характер которой оказался увязанным с решением дилеммы «автономия – территориальная целостность». Институционализированная конституцией 1978 г. испанская модель «государства автономий» стала рецептом решения этой дилеммы. Частью этой модели стала лингвистическая концепция «территориального билингвизма», суть которой в следующем: «все языки, отличные от испанского, признаются официальными в тех областях, где на них разговаривают, а правительства этих двуязычных областей наделяются всеми полномочиями для решения вопросов языковой политики в своих регионах»²⁰.

Все испанские регионы в нашей выборке имеют интегрированный индекс RAI чуть выше среднего (см. Таб. 1). При этом у Страны Басков он несколько ниже, чем у соседей: регион обладает наименьшим объемом полномочий в самоуправлении (11), в то время как у Наварры этот показатель соот-

¹⁷ Региональная политика стран ЕС / отв. ред. А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 82. Режим доступа: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/10.5_kuznetsov.pdf [Regional'naja politika stran ES (Regional Policy in the EU) / Ed. by A.V. Kuznetsov. Moscow: IMEMO RAN, 2009. P. 82. Mode of Access: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/10.5_kuznetsov.pdf]

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Волкова Г.И. Процесс федерализации Испании // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – №6. – С. 78. [Volkova, G.I. Process federalizacii Ispanii [Federalization in Spain] // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2011, No. 6, p. 78.]

²⁰ Vilarrubias, M. Un nuevo actor lingüístico en España // *El Pais*. 20 Abril 2015.

ветствует 15, а у Галисии и Каталонии – 14. Причина – в том, что финансовые и налоговые полномочия принадлежат не правительству Страны Басков в целом, а каждой из трёх провинций (Алава, Бискайя, Гипускоа), входящих в состав Страны Басков²¹.

Эксперты отмечают, что Страна Басков наряду с Каталонией являются наиболее продвинутыми в плане институционализации и развития языковой политики²². При этом, в отличие от каталанского в Каталонии, баскский в Стране Басков является фактически миноритарным: на нем говорят порядка 20% населения Эускади²³.

Важным периодом в истории Страны Басков стала первая треть XX в. Именно тогда активно развивалось баскское «движение возрождения», участниками которого были поэты, музыканты, журналисты, художники, католические священники, учителя, ратовавшие в том числе и за возрождение Эускади. Тогда же была создана «*Euskaltzaindia*» (1920) – Королевская Академия баскского языка – организация, поддерживающая раз-

витие этнического языка²⁴. Ее возглавил активный участник баскского ренессанса священник Айтель (*Aitzel*). Баскские националисты настаивали на том, что этнический язык группы должен стать основным языком публично-правового общения и социальной сферы в регионе, что требовало серьезной реформы языка, которую в логике Кардинал следует понимать, как функциональное измерение ЯТР. Только через последовательное на создание билингвальной системы образования, как полагали Айтель и его соратники, возможно возрождение и воспроизводство баскского языка²⁵. Эти идеи были актуализированы и в пост-франкистский период. Уильямс указывает на то, что схожие требования в этот же период можно найти в Каталонии, Ирландии и Уэльсе²⁶.

У правительства Страны Басков были особые стимулы для институционализации языковой политики и стандартизации баскского языка. В условиях деятельности сильных и крайне активных террористических организаций (*ETA*) перед региональным правительством стояла задача борьбы с ними. Для этого было необходимо формирование и развитие соответствующих лингвистических компетенций у сотрудников органов власти и правоохранительных органов. Статутом об автономии Страны Басков (1981 г.), Законом «О стандартизации баскского языка» №10 от 24 ноября 1982 г., а также Законом «О полиции» была создана и введена в действие система обучения сотрудников полиции автономии баскскому языку на двух уровнях: 1) базовый уровень (обязательный для всех сотрудников, требует владения разговорной речью басков) и 2) продвинутый (подразумевает хорошее знание письмен-

²¹ Экономическое соглашение Басков и Испании имеет свою историю: в 1876 г. Король Испании Альфонсо XII отменив основные баскские фуэросы (военные, налоговые и таможенные льготы и привилегии), сохранил за тремя баскскими провинциями фискальную автономию (в 1878 г. это право оформилось новым документом – исторически первым экономическим соглашением). В период диктатуры Франко для Бискайи и Гипускоа экономическое соглашение было отменено, а для Алавы оно продолжало действовать, как плата диктатора за его поддержку, которую провинция оказала Франко в период мятежа. В пост-франкистский период в 1979 г. экономическое соглашение было возобновлено со всеми тремя провинциями: финансовая и налоговая власть принадлежит не правительству Страны Басков в целом, а каждой из трёх провинций, входящих в состав Страны Басков.

²² Поггесчи Дж. Языковые права в Испании / Пер. с англ. М.М. Красновой // Федерализм: Российское и международное измерения. – Казань, 2004. Вып. 1. [Poggeschi, Dzh. Jazykovye prava v Ispanii / Transl. by M. M. Krasnova (Language Rights in Spain) // Federalizm: Rossijskoe i mezhdunarodnoe izmerenija. Kazan', 2004. Iss. 1.]

²³ Ibid.

²⁴ Эускалцаиндия: Академия баскского языка // Герника. – 2011. – № 1. [Jeuskalcaindija: Akademiya baskskogo jazyka (Euskaltzaindiak: The Academy for the Basque Language) // *Gernika*. 2011. No. 1.]

²⁵ Cardinal, L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // *Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012.

²⁶ Williams, C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // *Regional and Federal Studies*, 2013, No. 1 (23). P.105.

го языка и требуется агентам, отвечающим за подготовку и издание документов)²⁷.

В области судопроизводства региональное правительство в результате переговоров с судебным департаментом испанского правительства в 1998 г. подписало соглашение, регламентирующее практику использования баскского языка в судах и судебном процессе. В том же году правительство автономии приняло ввел в действие «План стандартизации использования баскского языка в государственном управлении на период 1998-2002 гг.». Эти и иные решения ЭТА в области языкового планирования и политики нередко оспаривались (как это было и в случае Каталонии) центральным правительством в Верховном Суде.

В настоящее время баскский стандартизирован. Создано и работает Консультативное агентство по баскскому языку, которое ответственно за поддержание регионального языка. Активно работают общественные организации, которые при поддержке специальных программ регионального правительства реализуют инициативы по продвижению баскского языка в публичном пространстве улиц²⁸.

Следует отметить, что языковая политика в стране Басков оказывалась в повестке не только националистов, но и социалистов, чьими усилиями в 1982 г. этот язык приобрел статус официального регионального языка,

а система образования в регионе стала организовываться, как и в Каталонии преимущественно по билингвальному принципу посредством введения трех моделей обучения: 1) на баскском языке + испанский как предмет; 2) на испанском языке + баскский как предмет; 3) предметы из цикла точных наук на испанском + предметы гуманитарного цикла на баскском. В частных школах разрешены программы обучения только на испанском языке при отсутствии баскского как предмета²⁹.

Шотландия. Регионы в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии не отличаются по уровню возможностей участия в государственном управлении (у всех трех – 6). В нашей выборке это средний уровень. Но есть серьезные различия в объеме полномочий в самоуправлении: высокий (14) у Шотландии, чуть ниже (12) в Северной Ирландии и еще ниже (10) у Уэльса. Этот показатель свидетельствует о продвинутой исполнительной деволюции, в которой безусловным лидером является Шотландия, в то время как в качестве «ведомого» и «догоняющего» региона выступает Уэльс. В Северной Ирландии более важным было преодоление внутрорегионального конфессионального конфликта, потому деволюция в этом случае не решала, в первую очередь, в отличие от Шотландии, вопросы финансовой/экономической автономии. Вместе с тем, наличие открытого конфликта и фактического *kin-state* как участника согласительного процесса, обусловили похожесть моделей деволюции в Шотландии и Северной Ирландии: делегирование и законодательных полномочий через распределение предметов ведения и полномочий на исключенные, зарезервированные и переходящие.

²⁷ Поггесчи Дж. Языковые права в Испании / Пер. с англ. М. М. Красновой // Федерализм: Российское и международное измерения. – Казань, 2004. Вып. 1. [Poggeschi, Dzh. Jazykovye prava v Ispanii / Transl. by M. M. Krasnova (Language Rights in Spain) // Federalizm: Rossijskoe i mezhdunarodnoe izmerenija. Kazan', 2004. Iss. 1.]

²⁸ Например, проект «Рассказчик» (более подробно см.: Для популяризации баскского языка в общественных местах реализуется инициатива «Рассказчик» // *Герника* 2010. – №4. Режим доступа: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/276-espazio-publikoetan-euskara-sustatzera-bideratutako-kontalaria-egitasmoa-martxan-da> [Dlja populjarizacii baskskogo jazyka v obshhestvennyh mestah realizuetsja iniciativa «Rasskazchik» // *Gernika*, 2010, No. 4. Mode of access: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/276-espazio-publikoetan-euskara-sustatzera-bideratutako-kontalaria-egitasmoa-martxan-da>]

²⁹ Мустафина Д. Основные направления языковой политики в регионах европейских государств (на примере автономий в Испании) // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2010. – №29. – С. 108. [Mustafina, D. Osnovnye napravlenija jazykovej politiki v regionah evropejskih gosudarstv (na primere avtonomij v Ispanii) (Main Directions in the Regions of the European Countries (Autonomies in Spain)) // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 29, p. 108.]

Шотландия получила расширенные права в фискальных полномочиях, что было обусловлено преимущественно сильными экономическими позициями региона при относительной слабости его культурных/языковых требований. Хотя первые манифестации языковых требований современных шотландцев восходят еще к 1970-м гг., когда были созданы первые общественные организации по продвижению и защите скотс, как регионального языка (издание словаря скотс, разработка образовательных программ для носителей скотс и др.).³⁰ Но эти требования наталкивались на два, по-видимому, важных препятствия. Во-первых, скотс является экстреминоритарным языком (по данным переписи 2011 г. на нем говорят более или менее активно около 1%, проживающих в Шотландии. Во-вторых, идут дискуссии о том, считать ли скотс диалектом или же языком.

Так или иначе, доминирующим и официальным языком Шотландии является английский (93% шотландцев постоянно используют английский (2011)), а шотландский диалект (скотс) и гаэльский язык являются миноритарными³¹, статус которых разный. Практически с первых лет работы Шотландского парламента (Акт о Шотландии 1997 г.) в его составе создана и работает специальная межпартийная группа по вопросам скотс, которому Вестминстер не оказывает поддержку: в 2001 г. Великобритания ратифицировала «Европейскую хартию национальных языков и языков меньшинств». Руководствуясь частью II Хартии она рассматривает скотс как важный элемент культурного наследия, в то время как гаэльский в соответствии с частью III Хартии ею признается как миноритарный региональный язык, требующий специальной государственной

поддержки³². Эксперты отмечают, что отсутствие у скотс официального статуса не способствует стандартизации процесса и институционализации практики преподавания скотс в средней школе³³. Как правило, в учебные планы включены дисциплины по шотландской литературе, но не скотс. Более продвинутой в этом отношении оказывается ситуация в шотландских вузах, образовательные программы которых предлагают более широкий спектр курсов не только по шотландской истории или культуре, но и шотландскому языку. В конце 2000-х по мере роста электорального влияния «Шотландской национальной партии» вопрос о статусе скотс вошел в региональную повестку. Например, «12 февраля 2010 года опубликован доклад рабочей группы шотландского парламента по пропаганде шотландской литературы, отражающий основные направления политики в этой области»³⁴.

В отличие от скотс, гаэльский язык получил официальный статус в 2005 г., когда был принят Акт о гаэльском языке в Шотландии (*The Gaelic Language (Scotland) Act 2005*). Однако серьезные меры по его поддержке в Шотландии предпринимались задолго до этого. Так, «в соответствии с Актом об образовании в Шотландии 1980 г. гаэльский язык был введен в учебные планы тех школ, которые расположены в населенных пунктах с преимущественно гаэльско-говорящим населением, <...> а в 2000 г. был издан Акт о стандартах школьного образования в Шотландии, обязавший местные администрации отчиты-

³⁰ Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, 2010, Iss. IV, pp. 45-58.

³¹ Григорьева П.В. Язык в национальной системе образования (на примере языковой ситуации в Шотландии) // Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 10. [Grigor'eva, P.V. Jazyk v nacional'noj sisteme obrazovanija (na primere jazykovej situacii v Shotlandii) (Language in National Educational System: Language Situation in Scotland) // *Sociosfera*, 2010, No. 1, p. 10.]

³² Тузлаева Е. Парадигма и типологические особенности языковой ситуации в современной равнинной Шотландии // Вестник Самарского государственного университета. 2013. №106(5). С. 92 [Tuzlaeva E. Paradigma i tipologicheskie osobennosti jazykovej situacii v sovremennoj ravninnoj Shotlandii // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. №106(5). S. 92.]

³³ Григорьева П.В. Язык в национальной системе образования (на примере языковой ситуации в Шотландии) // Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 10. [Grigor'eva, P.V. Jazyk v nacional'noj sisteme obrazovanija (na primere jazykovej situacii v Shotlandii) (Language in National Educational System: Language Situation in Scotland) // *Sociosfera*, 2010, No. 1, p. 10.]

³⁴ Ibid. С. 11.

ваться о мерах по продвижению гаэльского языка»³⁵. Акт 2005 г. учредил комитет по развитию гаэльского языка. В компетенции комитета входят вопросы планирования программ и мероприятий, направленных на его развитие. Еще в начале 1990-х гг., до принятия этого акта, в Шотландии в рамках политики по сохранению культуры было принято решение о радиовещании на гаэльском языке (*The Broadcasting Act (S 183-A), membership of the Gaelic Media Service*). В продолжение этой практики с 2007 г. вещает независимый телевизионный канал³⁶. Однако, следует отметить, что несмотря на эти и другие меры доля носителей гаэльского языка в современной Шотландии ничтожно мала: по данным переписи 2011 г. она составляет меньше 1%³⁷ и несколько уменьшилась по сравнению с 2001 г., когда национальной переписью был зафиксирован показатель в 1,2%³⁸.

Уэльс. В Уэльсе, самом бедном регионе Соединенного королевства, была реализована «исполнительная деволюция» (в соответствии с Уэльским Актом 1998 г. учрежденная Ассамблея Уэльса получила преимущественно исполнительные, а не законодательные полномочия³⁹). Процесс де-

волюции в Уэльсе был запущен в результате реформ правительства Тони Блэра в конце 1990-х гг. С. Коданева приводит такое высказывание министра иностранных дел Великобритании: «Отражая разнообразие частей, составляющих Соединенное Королевство, деволюция служит гарантией будущего»⁴⁰. Характеризуя процесс деволюции в отношении Уэльса, И. Бусыгина отмечает, что «в отличие от Шотландии, Уэльс не требовал полной независимости или даже серьезной политической автономии, так что по отношению к этому региону реализуется наиболее «мягкий» вариант деволюции, основная идея которого заключается в выравнивании прав при сохранении Уэльса как части британской политической структуры»⁴¹.

Рост валлийского регионализма был сопряжен с развитием региональных требований шотландцев и движением за независимость ирландцев. В 1925 году была создана

законодательством, законодательством ЕС (Ст. 106-107 Уэльского Акта 1998)

³⁵ Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, 2010, Iss. IV, p. 48.

³⁶ Асиновский А.С. Государства и их языки (Опыт России и европейских стран в области языкового строительства и языковой политики). Аналитическая записка. Режим доступа: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article> [Asinovskij, A.S. Gosudarstva i ih jazyki (Opyt Rossii i evropejskih stran v oblasti jazykovogo stroitel'stva i jazykovoj politiki). Analiticheskaja zapiska (Official Language (Language Building and Language Policy: Experience of Russia and European Countries)). Mode of access: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article>]

³⁷ Language. Maps and Charts / Scotland's Census – 2011. Mode of access: <http://www.scotlandscensus.gov.uk/>

³⁸ Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, 2010, Iss. IV, p. 48.

³⁹ Ассамблея могла разрабатывать и принимать подзаконные нормативно-правовые акты, направленные на исполнение и, если необходимо, уточнение и детализацию законов, принятых национальным парламентом в отношении Уэльса в соответствии с Вестминстерским

⁴⁰ Цит. по: Коданева С.И. О'Коннор С.Д. Страны с меняющимся государственным устройством: федерализм и деволюция на рубеже перехода к новому тысячелетию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел правоведения. – М., 2002. – №4. – С. 25. [Kodaneva, S.I.; O'Konnor, S.D. Strany s menjajushhimsja gosudarstvennym ustrojstvom: federalizm i devoljucija na rubezhe perehoda k novomu tysjacheletiju (Changing State Systems: Federalism and Devolution at the Beginning of XXI) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 4. Gosudarstvo i pravo: RZh/RAN. INION. Centr social'nyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel pravovedenija. Moscow: 2002. No. 4, p. 25.]

⁴¹ Бусыгина И. Регионализация в странах Западной Европы: Великобритания и Франция в сравнительной перспективе // Казанский федералист. – 2007. – № 1-2. Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/> [Busygina, I. Regionalizacija v stranah Zapadnoj Evropy: Velikobritanija i Francija v sravnitel'noj perspektive (Regionalization in West European Countries: Comparative Analysis of Great Britain and France) // *Kazanskij federalist*, 2007, No. 1-2. Mode of access: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/>]

Валлийская Национальная партия, одним из результатов политической деятельности которой стала институционализация поддержки валлийской культуры и языка. Например, первая школа, которая начала преподавание на валлийском языке, была основана в 1939 г. в валлийском г. Аберистуит. Следует отметить, что политика Лондона в отношении образования на валлийском языке в XIX в. была дискриминационной. Во второй половине 1840-х гг. по инициативе депутата Уильяма Уильямса британское правительство командировало в Уэльс комиссию, которая представила отчет о том, что образование в Уэльсе плачевно, поскольку ведется на валлийском языке. Валлийцы – народ бесчестный, умственно отсталый и блудливый, говорящий на диком языке и исповедующий мрачную религию⁴². «Для улучшения ситуации нужно повсеместно внедрять английский язык», – указала комиссия в своем отчете⁴³. Одним из неизбежных результатов этого доклада было его влияние на самосознание валлийцев, которые «начали верить, что их социальный статус и благополучие могут быть улучшены только через образование и умение говорить и общаться на английском языке»⁴⁴. Английский на протяже-

нии нескольких столетий дискриминировал валлийский, вытесняя его на периферию. Как и гальего в Галисии (Испания), валлийский язык в Уэльсе был языком периферии и долгое время олицетворял непрестижный социальный статус.

В 1993 г. был принят Акт о валлийском языке⁴⁵, который наделил валлийский язык равным с английским статусом во всех сферах общественной жизни Уэльса. То, что институционализировал Акт о валлийском языке 1993 г., было если не избыточным, то достаточным и дало свои плоды настолько, насколько вообще возможно восстановление языковой культуры дискриминируемой и ассимилируемой в течение столетия и более.

Коренные жители Уэльса – валлийцы, сохранившие свою самобытность и культуру, и частично родной язык (на юге и севере преимущественно говорят по-английски). Согласно национальной переписи населения 2011 г. 66% жителей Уэльса идентифицируют себя как валлийцы⁴⁶. При этом в Ронда Кинон Таве и Мертир Тидвиле самый большой процент резидентов, идентифицирующих себя как валлийцы (73% в обоих случаях). Официальный язык – английский. При этом его статус как государственного языка не устанавливается специальными законодательными актами. В то же время региональные языки, такое признание получили. Согласно Акту о валлийском языке⁴⁷ валлийский язык во всех сферах общественной жизни Уэльса уравнивается в правах с английским. Этим же Актом был учрежден *Валлийский Языковой Совет*. Деятельность Совета финансируется из государственного и направлена на продвижение валлийского языка и культуры в Уэльсе. Кроме того, совет получил право мониторинга деятельности местных органов власти по защите/использованию валлийского языка в официальном делопроизводстве, создании условий

⁴² Кобрин К. О национальной гордости валлийцев: рецензия на книгу Geraint H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context. St. Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm> [Kobrin, K. O nacional'noj gordosti vallijcev: recenzija na knigu Geraint H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context (On National Dignity of the Welsh: Book Review: Geraint, H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context. St. Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. 42 p.). Mode of access: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm>]

⁴³ Отчет был представлен в трех томах в синей обложке и получил в дальнейшем неофициальное название «Предательство синих книг» (The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales. Mode of access: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/>)

⁴⁴ The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales. Mode of access: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/>

⁴⁵ Welsh Language Act 1993. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>

⁴⁶ Census Gives Insights into Characteristics of the Population in Wales. Mode of access: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/mro/news-release/census-21---wales/census-gives-insights-into-characteristics-of-the-population-in-wales.html>

⁴⁷ Welsh Language Act 1993. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>

для обучения языку школьников. По результатам мониторинга Совет представляет доклад на имя министра по делам валлийской культуры и наследия в Ассамблее Уэльса. В 2008 г. решением Ассамблеи Уэльса был инициирован и запущен проект по продвижению валлийского языка в частном секторе (*Investing in Welsh Schemes*). В 2012 г. Совет прекратил свою деятельность, а вместо него была введена должность Валлийского языкового комиссара⁴⁸. Последний глава Совета объяснял прекращение деятельности институции сокращением финансирования⁴⁹. И хотя оценка пессимистична, «в настоящее время в Уэльсе насчитывается более 440 начальных школ и 50 средних школ, преподавание в которых проводится полностью или преимущественно на валлийском языке. Также в Лондоне существует школа, занятия в которой проводятся тоже на валлийском языке. В университетах и колледжах по всему Уэльсу некоторые курсы преподаются на валлийском языке. Кроме того, существует много курсов валлийского языка для взрослых»⁵⁰.

Реализуемая в течение 20 лет региональная языковая политика (направленная на развитие обучения в школах валлийскому языку, радио- и телевидению, изданию прессы на этом языке, дала свои плоды. Так, знание валлийского языка различно в разных возрастных группах. Если в группе 45-49 лет около 80% не знают валлийского языка, то, например, в возрастной группе 10-14 лет таковых только 47%⁵¹. И хотя большая часть территорий Уэльса являются преимущественно англоговорящими, в западных регионах, в

частности, Ангси, Гвидене, доминирует валлийский язык, а в Гламоргане и Ронда Кинон Таве на валлийском говорят и пишут свободно до трети населения. Данные переписи 2011 г. свидетельствуют о доминировании в Уэльсе валлийской идентичности.

В 2000-е годы языковая политика стала одним из основных пунктов повестки дня, ведущих в политическом пространстве Уэльса партий – Лейбористской и Плейд Камри, что нашло отражение в практике межпартийного сотрудничества. В 2007 г. эти партии после выборов в Ассамблею Уэльса сформировали парламентскую коалицию, которая была оформлена специальным межпартийным соглашением 27.06.2007 г. Документ получил название «Один Уэльс: прогрессивная повестка для правительства Уэльса»⁵². Обозначая документ как «повестка», участники коалиции сформулировали главный ее пункт – «Совместное обязательство (на основе ст.3 и ст.4 Уэльского Акта 2006) приступить к подготовке референдума по вопросу о расширении законодательных полномочий Ассамблеи и провести его в срок до истечения полномочий Ассамблеи третьего созыва»⁵³. Пункты повестки для Уэльса, обозначенные в Соглашении тематически совпадают с перечнем исполнительных компетенций, которыми была наделена Ассамблея по Уэльскому Акту 1998 г. Среди них и вопрос о валлийском языке, как «языке всех тех, кто живет в Уэльсе»: «... Валлийский язык – часть нашего общего национального наследия, идентичности и общественного блага. Мы будем добиваться того, чтобы как можно больше людей, молодых и старых, могли выучить валлийский язык. Мы будем поощрять знание языка для процветания его во всем Уэльсе. <...> Мы будем добиваться укрепления законодательных компетенций в области языковой политики, разработки специальной программы мер, которая позволит усилить официальный статус валлийского языка наравне с английским (в том числе и на уровне ЕС), обеспечить защиту языковых прав в области предоставлении услуг, а также добиваться

⁴⁸ Welsh Language Board head Meirion Pryds Jones in crisis claim. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-17002698>

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Валлийский язык / Лингвистическая энциклопедия. Mode of access: <http://linguapedia.com.ua/writing/welsh.html> [Vallijskij jazyk (Welsh) / Lingvisticheskaia jenciklopedija. Mode of access: <http://linguapedia.com.ua/writing/welsh.html>]

⁵¹ 2011 Census: Welsh Language Skills by Local Authority, Gender and Detailed Age Groups. Mode of access: <https://stats.wales.gov.uk/Catalogue/Welsh-Language/WelshLanguageSkills-by-LocalAuthority-Gender-DetailedAgeGroups-2011Census>

⁵² One Wales: A Progressive Agenda for the Government of Wales. 27th June 2007.

⁵³ Ibid. P. 6.

создания должности Валлийского языкового комиссара»⁵⁴.

Преференциальные политики в отношении Уэльса вплоть до последнего времени не касались сфер бюджетной, фискальной политики, а также законодательного процесса (интегрированный индекс RAI – 15). Наибольшие права и преференции регион получил в области языковой политики (Акт о валлийском языке 1993 г.) и регулировании МСУ, вплоть до реформирования (Уэльский Акт 1998, Уэльский Акт 2006). Однако в результате референдума 2011 года были значительно расширены законодательные полномочия Ассамблеи, что выразилось в институционализации права региона принимать законы в 20 предметных областях без согласования с Вестминстером. В настоящее время, в продолжении решения референдума 2011 г. ведутся дискуссии о расширении налоговых полномочий региона, а также прав на заимствования. Решение о размере налогов должно быть принято на региональном референдуме (в планах референдум на 2018 г.).

Воеводина. Воеводину по данным RAI отличает один из самых низких в нашей выборке интегрированный индекс (12,5). Воеводина по сравнению с другими территориями Сербии отличается крайне неоднородным этническим составом населения. По данным национальной переписи 2011 г.⁵⁵ доминирующей этнической группой являются сербы (66,76% от общего числа проживающих на территории Воеводины граждан). Вторая по численности группа – венгры (13%), третья – цыгане (7,64%). На территории автономного края проживают кроме сербов и венгров: албанцы, бошняки, болгары, буневцы, влахи, горанцы, македонцы, муслиманы⁵⁶, немцы, словаки, словенцы, русины, русские, украинцы, румыны, цыгане и др. (всего 26 этнических групп). Сербы сохраняют свое доминирующее положение

во всей, кроме Косово и Метохии, Сербии, являясь титульной нацией. Это означает, что выделить титульную миноритарную этническую группу в Воеводине затруднительно. Это, а также данные экспертных интервью⁵⁷ указывают на то, что отнесение Воеводины в *этническом* территориальным автономиям является условным.

Исторически выделение Воеводины как автономии было связано с политикой Австрийской империи во второй половине XIX века, когда в 1960-х гг. Вена, идя на уступки этно-региональным освободительным движениям и требованиям интеллигентов (в том числе и сербам, составлявшим большинство в Воеводине) фактически наделила *Сербскую* Воеводину автономией в составе Венгрии. Однако в результате пост-имперского переустройства в межвоенный период, а в дальнейшем и после II Мировой Войны Воеводина стала частью Югославии, а ее этнический состав, оставаясь гетерогенным, перестал отличаться от этнического состава Сербии в целом, поскольку сербы в крае являлись доминирующей этнической группой. Более того, наделение Воеводины статусом автономного края в период правления Б. Тито было сугубо политическим решением, не связанным с политикой преференций. Эксперты отмечают, что это было создание «автономии Сербов против сербов»⁵⁸: иными словами, решение Тито было обусловлено задачей ослабления сербов в составе Югославии⁵⁹.

Преференциальные политики в отношении современной Воеводины не касаются сфер бюджетной, фискальной политики, а также законодательного процесса – того желаемого воеводинскими политиками объема полномочий, который край имел, будучи в составе Югославии⁶⁰. Преференции (в фор-

⁵⁴ Ibid. P. 34.

⁵⁵ Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia / 2011 Census. Belgrade: Statistical Office of the Republic of Serbia, 2012. Book 1.

⁵⁶ Сербы предпочитают называть бошняков (боснийцев) муслиманами, указывая тем самым на их религиозную принадлежность.

⁵⁷ Серия экспертных интервью была проведена в сентябре 2016 г. в Белграде и Нови Саде.

⁵⁸ Интервью №5 (15.09.2016).

⁵⁹ Сербские историки и социологи рассматривают проект сложноустроенной и многоуровневой федерализации Югославии с выделением в составе субъектов автономий – Воеводины и Косова – как следствие задачи политического ослабления Сербии как союзной республики и сербов как этнической группы.

⁶⁰ Интервью №8 (16.09.2016).

мате возможностей) не выходят за пределы политики в области сохранения языка и культуры (Ст. 12 Конституции Сербии).

Венгры с 1994 г. боролись за возможность создания многоуровневой этнической автономии, предлагая в качестве практического решения защиты прав этнических меньшинств создания консультативных органов. Созданный в 1999 г. Альянсом воеводинских венгров «Этнический совет венгров Воеводины» стал прототипом для законодательного решения 2009 г. относительно институционализации этнических советов. Т. Паргер отмечает⁶¹, что ряд решений и предложений, которые были приняты венгерским этническим советом в период с 2002 по 2010 гг. были поддержаны на законодательном уровне Ассамблеей Воеводины: был составлен и утвержден список венгерских топонимов для городов, поселков и деревень, где большинство составляют этнические венгры, был создан венгерский педагогический колледж в Субботице как филиал университета г. Нови Сад. Политическим проводником предложений Этнического совета венгров на республиканском уровне начиная с 2008 г. был «Альянс воеводинских венгров». Когда в результате парламентских выборов Альянс стал парламентской партией, предложения Этнического совета венгров о законодательном расширении прав этнических советов вошли в повестку Скупщины Сербии, а в 2009 г. был принят закон «О советах этнических меньшинств»⁶².

Советы этнических меньшинств являются выборными на 4 года органами самоуправления, которые правомочны действовать в области культуры, образования, информирования и официального использования языков и алфавитов этнических меньшинств (ст.2). Эксперты отмечают, что члены этнических советов «работают “профессиональ-

ными венграми” или “словаками”»⁶³. Закон об этнических советах создал особую систему самоуправления для этнических меньшинств, институционально закрепив для них возможность через системы советов реализовывать свои права в области культуры, образования, средств массовой информации и официального использования языка. Советы носят консультативный характер, но при этом играют важную роль для поддержания национально-культурной автономии этнических меньшинств на территории как Сербии, в целом, так и Воеводины, в частности. Деятельность советов финансируется из государственного бюджета, но при этом они могут получать финансирование от иностранных и международных источников⁶⁴. Например, Венгрия и Румыния в качестве kin-states выступают через свои фонды в качестве доноров для соответствующих этнических советов в Сербии⁶⁵.

В соответствии с §1 ст. 24 Статута АК Воеводины сербский язык и кириллица являются официальными языком и алфавитом делопроизводства в крае. Кроме того, этим же правом на территории края обладают: венгерский, словацкий, хорватский, румынский и русинский языки и используемые ими алфавиты⁶⁶. Однако на муниципальном уровне список языков, используемых в официальном делопроизводстве, шире.

Сербия ратифицировала Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств. В соответствии с ней, а также национальной конституцией и региональным статутом «Правительство Воеводины ответственно за обеспечение официального

⁶³ Интервью №5 (15.09.2016).

⁶⁴ Например, албанские и бошняцкие советы финансово поддерживаются МИД Королевства Норвегия. (National Minorities Councils in Serbia / TransConflict. Mode of access: <http://www.transconflict.com/approach/programmes/institutions/nmc-serbia/>)

⁶⁵ Purger, T. Ethnic Self-Governance in Serbia: The First Two Years of the National Minority Councils // *International Relations Quarterly*, 2012, Vol. 3, No. 2, p. 2.

⁶⁶ Vojvodina Basic Facts [Official site of Province of Vojvodina]. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina>

⁶¹ Purger, T. Ethnic Self-Governance in Serbia: The First Two Years of the National Minority Councils // *International Relations Quarterly*, 2012, Vol. 3, No. 2, p. 4.

⁶² Law on the National Councils of National Minorities // Official Gazette of the RS. №72/2009, 20/2014 – the Decision of the Constitutional Court and 55/2014. Mode of access: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/etext.php?ID_mat=207&PHPSESSID=60jvmmt681o04ff839psef46u1

использования сербского языка (на кириллице и/или латинице), венгерского, словацкого, хорватского, румынского и др. языков этнических меньшинств, проживающих в крае. Члены правительства имеют право пользоваться родным языком в ходе выполнения своих должностных обязанностей как в устной, так и письменной форме»⁶⁷. Статут Воеводины фактически реализует положения Закона о защите прав и свобод этнических меньшинств Республики Сербия (2009, решение Конституционного суда 2014 г.)⁶⁸. Поддержка культуры и языков этнических меньшинств осуществляется через систему образования: в соответствии со ст. 13 Статута АК граждане имеют право получить образование на родном для них языке. Экспертные интервью, а также наблюдение свидетельствуют о том, что эта правовая норма реально реализуется в повседневной практике в муниципалитетах Воеводины. Беседы с жителями преимущественно словацкого по своему составу городка Бачка Петровац, а также сербско-венгерского Темерина подтверждают это. В школах либо выделяются отдельные классы для сербов и словаков, либо работают две отдельные школы. Однако тенденции глобализации, а также предпочтительные карьерные стратегии являются стимулом выбирать сербские классы или школы, если в будущем родители для своего ребенка определяют место получения профессионального или высшего образования Сербии («на врача или ветеринара выучиться можно только на сербском»⁶⁹). Если же родители, отдавая ребенка в среднюю школу выбирают обучение на миноритарном языке, то, как правило, в качестве желаемого ориентира выступает возможность получения высшего образования в *kin state*. Госу-

дарство в Сербии гарантирует и финансово обеспечивает языковые права этнических меньшинств. Например, на философском факультете университете Нови Сада есть несколько языковых кафедр, на каждой из которых работает по 10-12 преподавателей, обучающихся фактически по 2-3 студента. Для сравнения, на кафедре истории или социологии при таком же численном составе преподавателей обучается несколько десятков студентов⁷⁰.

Важным представляется то, что в случае Сербии преференциальная языковая политика не является локализованной, т.е. направленной и действенной в отношении конкретной территории. Она реализуется в отношении этнических сообществ, представители которых проживают в разных территориях страны, в том числе и в АК Воеводина. Но актуализация и институционализация этой политики стали важной частью процесса институционального оформления Воеводины как территориальной автономии с полиэтническим содержанием, где гарантировано сохранение и выживание любой, даже самой маленькой, этнической группы. При этом агентом институционализации языковой политики стали, прежде всего, венгры как первые в Воеводине среди этнических меньшинств.

* * *

Типичные случаи с точки зрения проверяемой в настоящем исследовании зависимости между силой ЯТР и уровнем самостоятельности ЭТА – Страна Басков и Шотландия – свидетельствуют о том, что актуализация борьбы за язык этнического меньшинства в условиях регионализации может носить вспомогательный, второстепенный и даже периферийный по отношению к иным регионалистским требованиям характер. Пример Страны Басков показывает, что требования стандартизации миноритарного языка, а также его продвижение в публично-правовом и образовательном пространствах в условиях, когда группа носителей языка по своим размерам является относительно небольшой, находят признание со стороны центра под влияни-

⁶⁷ Government of the Autonomous Province of Vojvodina. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/government-autonomous-province-vojvodina>

⁶⁸ Languages and Alphabets in the Official Use in the Statutes of Cities and Municipalities of the Autonomous Province of Vojvodina / Provincial Secretariat for Education, Regulations, Administration and National Minorities – National Communities. Mode of access: <http://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php>

⁶⁹ Интервью №7 (15.09.2016).

⁷⁰ Интервью №5 (15.09.2016); интервью №8 (16.09.2016).

ем сопутствующих факторов: аналогичных требований иных регионов (например, Каталонии), задачи борьбы с радикальными террористическими организациями. В свою очередь в Шотландии языковые требования Шотландии в отношении скотс не являлись и не являются центральными в пакете регионалистских манифестаций в условиях, когда доля реальных носителей миноритарных языков крайне низка. Получается, что и в этом случае преференциальная языковая политика также не играла и не играет сколь-нибудь самостоятельной роли с точки зрения продвижения деволюции и усиления региональной автономии.

В Уэльсе, в отличие от Шотландии, ситуация совершенно иная. Относительно слабая (в рамках нашей выборки) автономия сопровождается крайне институционализированной, эффективной языковой политикой, в результате которой формируется сильный языковой режим. При этом, субъектами этой политики выступали не только авторы регионального уровня, но и Вестминстер в лице лейбористов, чьи электоральные интересы стимулировали поиск партнеров для коалиции на региональном уровне и выбора «политически» безопасной сферы приложения преференциальной политики – языка. Еще одним фактором силы и успешности языковой политики в этом случае при относительной слабости автономии выступает этнолингвистическая структура Уэльса: все-таки носителей валлийского языка (в относительных цифрах) несравнимо больше, чем в Шотландии.

Представляется, что сила ЯТР, сложившегося в Воеводине, с одной стороны, обусловлена традициями уважения и поддержки языковой, культурной и религиозной самобытности, восходящей ко временам как Австро-Венгерской империи, так и коммунистической эпохе Б. Тито⁷¹. Но, с другой, ограничена доминантным положением сербов как титульной группы на территории всей Сербии (за исключением Косова) и крайне полиэтничной и даже мозаичной структурой самой Воеводины, где самое крупное этноязыковое меньшин-

ство – венгры – политическую силу получают только, будучи в составе коалиций с общенациональными сербскими партиями. При этом традиции и институционально оформленные правила и механизмы защиты прав этноязыковых меньшинств не распространяются исключительно на автономию и политически ее, в общем-то, не усиливают. Эти обстоятельства, по-видимому, и ставят Воеводину в ряд нетипичных случаев.

Анализ отдельных, как типичных, так и отклоняющихся случаев, показывает, наряду с выявленной в результате корреляционного анализа общей тенденцией (связь между силой автономии и глубиной / универсальностью языкового территориального режима) институционализация, последовательность и масштаб языковой преференциальной политики определяют факторы контекстуального и структурного порядка. В первом случае речь идет, например, об исторических традициях (традиция обеспечения культурных и языковых прав этнических меньшинств в Воеводине, как части Австро-Венгрии или Югославии) и конкретной политической ситуацией, в которой происходит институционализация ЭТА (регионалистский дискурс для Уэльса был преимущественно внешним, задаваемым Шотландией, Северной Ирландией, а институционализация языковых преференций и прав стали результатом этнической мобилизации внутри региона и электоральной коалиционной стратегии лейбористов). В этих условиях влияние ратификации национальными правительствами «Европейской хартии национальных языков и языков меньшинств» являющейся внешним институциональным требованием усиливает языковую преференциальную политику. Но не менее значимыми являются и структурные факторы. Прежде всего, речь идет об этнической структуре ЭТА: размер этноязыкового меньшинства обуславливает политическую силу и ресурсы возможных субъектов языковых требований (партий, общественных этнических советов, НГО), успешность конвертации последних в институционализированный политический курс.

⁷¹ Интервью №5-6 (15.09.2016); интервью №7-11 (16.09.2016); интервью №12 (17.09.2016).

Литература:

Асиновский А.С. Государства и их языки (Опыт России и европейских стран в области языкового строительства и языковой политики). Аналитическая записка. Режим доступа: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article>

Бусыгина И. Регионализация в странах Западной Европы: Великобритания и Франция в сравнительной перспективе // Казанский федералист. – 2007. – № 1-2. Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/>

Волкова Г.И. Процесс федерализации Испании // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 6. – С. 78.

Григорьева П.В. Язык в национальной системе образования (на примере языковой ситуации в Шотландии) // Социосфера. – 2010. – № 1.

Для популяризации баскского языка в общественных местах реализуется инициатива «Рассказчик» // Герника. – 2010. – №4. Режим доступа: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/276-espazio-publikoetan-euskara-sustatzera-bideratutako-kontalaria-egitasmoa-martxan-da>

Кобрин К. О национальной гордости валлийцев: рецензия на книгу Geraint H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context. St.Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm>

Коданева С.И. О'Коннор С.Д. Страны с меняющимся государственным устройством: федерализм и деволюция на рубеже перехода к новому тысячелетию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел правоведения. – М., 2002. – № 4.

Мустафина Д. Основные направления языковой политики в регионах европейских государств (на примере автономии в Испании) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 29.

Поггесци Дж. Языковые права в Испании / Пер. с англ. М. М. Красновой // Федерализм: Российское и международное измерения. – Казань, 2004. Вып. 1.

Региональная политика стран ЕС / отв. ред. А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 82. Режим доступа: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/10.5_kuznetsov.pdf

Тузлаева Е. Парадигма и типологические особенности языковой ситуации в современной равнинной Шотландии // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 106(5).

Эускалцайндия: Академия баскского языка // Герника. – 2011. – № 1.

2011 Census: Welsh Language Skills by Local Authority, Gender and Detailed Age Groups. Mode of access: <https://stats.wales.gov.uk/Catalogue/Welsh-Language/WelshLanguageSkills-by-LocalAuthority-Gender-DetailedAgeGroups-2011Census>

Agarin, T. Flawed Premises and Unexpected Consequences: Support of Regional Languages in Europe // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2014, No. 3(20), pp. 349-369.

Borisova, N.; Sulimov, K. Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // *Nationalities Paper*, 2018, Vol. 46, No. 3, pp. 358-373.

Brubaker, R. Language, Religion and the Politics // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 1(19), pp. 1-20.

Cardinal, L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // *Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012.

Cederman, L.-E. [et al.] Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? // *American Political Science Review*, 2015, No. 2(109), pp. 354-370.

Census Gives Insights into Characteristics of the Population in Wales. Mode of access: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/mro/news-release/census-21---wales/census-gives-insights-into-characteristics-of-the-population-in-wales.html>

Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia / 2011 Census. Belgrade: Statistical Office of the Republic of Serbia, 2012. Book 1.

Complex Autonomy Arrangements in Western Europe. A Comparative Analysis of Regional Consociationalism in Brussels, Northern Ireland and South Tyrol / Autonomy, Self-Governance, and Conflict Resolution: Innovative Approaches to Institutional Design in Divided Societies / ed. Weller Marc and Wolff Stefan. Routledge, 2005.

ERAD Database. Mode of access: <http://identityworld.ru/index/database/0-21>

Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // The Annual of Language & Politics and Politics of Identity, 2010, Iss. IV, pp. 45-58.

Government of the Autonomous Province of Vojvodina. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/government-autonomous-province-vojvodina>

Ilievski, Z.; Wolff, S. Ethnic Conflict Regulation as Institutional Design: The Case of the Western Balkans. Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Ethnic%20Conflict%20Regulation%20as%20Institutional%20Design.pdf>

Languages and Alphabets in the Official Use in the Statutes of Cities and Municipalities of the Autonomous Province of Vojvodina / Provincial Secretariat for Education, Regulations, Administration and National Minorities – National Communities. Mode of access: <http://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php>

Law on the National Councils of National Minorities // Official Gazette of the RS. №72/2009, 20/2014 – the Decision of the Constitutional Court and 55/2014. Mode of access: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/etext.php?ID_m at=207&PHPSESSID=6ojvmmmt68lo04ff839psef46ul

Liu, A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.

National Minorities Councils in Serbia / TransConflict. Mode of access: <http://www.transconflict.com/approach/programmes/institutions/nmc-serbia/>

One Wales: A Progressive Agenda for the Government of Wales. 27th June 2007.

Pool, J. Language Regimes and Political Regimes / Language Policy and Political Development / ed. by Weinstein Brian. Norwood, New Jersey: Ablex, 1990.

Purger, T. Ethnic Self-Governance in Serbia: The First Two Years of the National Minority Councils // *International Relations Quarterly*, 2012, Vol. 3, No. 2, p. 4.

The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales. Mode of access: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/>

Vilarrubias, M. Un nuevo actor lingüístico en España // El País. 20 Abril 2015.

Vojvodina Basic Facts [Official site of Province of Vojvodina]. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina>

Welsh Language Act 1993. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>

Welsh Language Board head Meirion Pryor Jones in crisis claim. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-17002698>

Williams, C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // *Regional and Federal Studies*, 2013, No. 1 (23).

Wolff, S. Complex Power-Sharing and the Centrality of Territorial Self-governance in Contemporary Conflict Settlements // *Ethnopolitics*, 2009, No. 1 (8), pp. 27-45.

References:

2011 Census: Welsh Language Skills by Local Authority, Gender and Detailed Age Groups. Mode of access: <https://stats.wales.gov.uk/Catalogue/Welsh-Language/WelshLanguageSkills-by-LocalAuthority-DetailedAgeGroups-2011Census>

Agarin T. Flawed Premises and Unexpected Consequences: Support of Regional Languages in Europe // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2014, No. 3(20), pp. 349-369.

Asinovskij, A.S. Gosudarstva i ih jazyki (Opyt Rossii i evropejskih stran v oblasti jazykovogo stroitel'stva i jazykovoj politiki). Analiticheskaja zapiska (Official Language (Language Building and Language Policy: Experience of Russia and European Countries)). Mode of access: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article>

Borisova, N.; Sulimov, K. Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // *Nationalities Paper*, 2018, Vol. 46, No. 3, pp. 358-373.

Brubaker, R. Language, Religion and the Politics // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 1(19), pp. 1-20.

Busygina, I. Regionalizacija v stranah Zapadnoj Evropy: Velikobritanija i Francija v sravnitel'noj perspektive (Regionalization in West European Countries: Comparative Analysis of Great Britain and France) // *Kazanskij federalist*, 2007, No. 1-2. Mode of access: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/>

Cardinal, L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // *Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012.

Cederman, L.-E. [et al.] Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? // *American Political Science Review*, 2015, No. 2(109), pp. 354-370.

Census Gives Insights into Characteristics of the Population in Wales. Mode of access: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/mro/news-release/census-21---wales/census-gives-insights-into-characteristics-of-the-population-in-wales.html>

Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia / 2011 Census. Belgrade: Statistical Office of the Republic of Serbia, 2012. Book 1.

Complex Autonomy Arrangements in Western Europe. A Comparative Analysis of Regional Consociationalism in Brussels, Northern Ireland and South Tyrol / Autonomy, Self-Governance, and Conflict Resolution: Innovative Approaches to Institutional Design in Divided Societies / ed. Weller Marc and Wolff Stefan. Routledge, 2005.

Dlja popularizacii baskskogo jazyka v obshhestvennyh mestah realizatsija iniciativa «Rasskazchik» («The Narrator»: Public Initiative for the Basque Language Popularization) // *Gernika*, 2010, No. 4. Mode of access: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/276-espazio-publikoetan-euskara-sustatzera-bideratutako-kontalaria-egitasmoa-martxan-da>

ERAD Database. Mode of access: <http://identityworld.ru/index/database/0-21>

Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, 2010, Iss. IV, pp. 45-58.

Government of the Autonomous Province of Vojvodina. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/government-autonomous-province-vojvodina>

Grigor'eva, P.V. Jazyk v nacional'noj sisteme obrazovaniya (na primere jazykovoj situacii v Shotlandii) (Language in National Educational System: Language Situation in Scotland) // *Sociosfera*, 2010, No. 1.

Ilievski, Z.; Wolff, S. Ethnic Conflict Regulation as Institutional Design: The Case of the Western Balkans. Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Ethnic%20Conflict%20Regulation%20as%20Institutional%20Design.pdf>
Jeuskalcajndija: Akademija baskskogo jazyka (Euskaltzaindiak: The Academy for the Basque Language) // *Gernika*, 2011, No. 1.

Kobrin, K. O nacional'noj gordosti vallijcev: recenzija na knigu Geraint H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context (On National Dignity of the Welsh: Book Review: Geraint, H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context. . St.Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. 42 p.) Mode of access: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm>

Kodaneva, S.I.; O'Konnor, S.D. Strany menjajushhimsja gosudarstvennym ustrojstvom: federalizm i devoljucija na rubezhe perehoda k novomu tysjacheletiju (Changing State Systems: Federalism and Devolution at the Beginning of XXI) // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 4. Gosudarstvo i pravo: RZh/RAN, INION. Centr social'nyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel pravovedenija. Moscow: 2002. No. 4.*

Law on the National Councils of National Minorities // Official Gazette of the RS. №72/2009, 20/2014 – the Decision of the Constitutional Court and 55/2014. Mode of access: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/etext.php?ID_m at=207&PHPSESSID=60jvmmt68lo04ff839psef46u1

Liu, A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.

Mustafina, D. Osnovnye napravlenija jazykovoje politiki v regionah evropejskih gosudarstv (na primere avtonomij v Ispanii) (Main Directions in the Regions of the European Countries (Autonomies in Spain)) // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 29.

National Minorities Councils in Serbia / *TransConflict*. Mode of access: <http://www.transconflict.com/approach-programmes/institutions/nmc-serbia/>

One Wales: A Progressive Agenda for the Government of Wales. 27th June 2007.

Poggeschi, Dz. Jazykovye prava v Ispanii / Transl. by M. M. Krasnova (Language Rights in Spain) // *Federalizm: Rossijskoe i mezhdunarodnoe izmerenija. Kazan'*, 2004. Iss. 1.

Pool, J. Language Regimes and Political Regimes / Language Policy and Political Development / ed. by Weinstein Brian. Norwood, New Jersey: Ablex, 1990.

Purger, T. Ethnic Self-Governance in Serbia: The First Two Years of the National Minority Councils // *International Relations Quarterly*, 2012, Vol. 3, No. 2, p. 4.

Regional'naja politika stran ES (Regional Policy in the EU) / Ed. by A.V. Kuznecov. Moscow: IMEMO RAN, 2009. Mode of Access: http://mgimo.ru/files/2/y11_2013/243404/10.5_kuznetsov.pdf

The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales. Mode of access: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/>

Tuzlaeva, E. Paradigma i tipologicheskie osobennosti jazykovoj situacii v sovremennoj ravninnoj Shotlandii (Paradigm and Typiligical Features of Language situation in Lowland Scotland) // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, № 106(5).

Vilarrubias, M. Un nuevo actor lingüístico en España // *El País*. 20 Abril 2015.

Vojvodina Basic Facts [Official site of Province of Vojvodina]. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina>

Volkova, G.I. Process federalizacii Ispanii [Federalization in Spain] // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2011, No. 6.

Welsh Language Act 1993. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>

Welsh Language Board head Meirion Pry Jones in crisis claim. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-17002698>

Williams, C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // *Regional and Federal Studies*, 2013, No. 1 (23).

Wolff, S. Complex Power-Sharing and the Centrality of Territorial Selfgovernance in Contemporary Conflict Settlements // *Ethnopolitics*, 2009, No. 1 (8), pp. 27-45.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-62-82>

“THE STRENGTH” OF TERRITORIAL AUTONOMY AND LANGUAGE PREFERENTIAL POLICY IN CONTEMPORARY WORLD

Nadezhda V. Borisova

Perm State University, Perm, Russia

<p>Article history: Received: 1 March 2018 Accepted: 27 April 2018</p>	<p>Abstract: A language is one of the significant factors that determine the structural characteristics of ethnic territorial autonomies. At the same time it is the object of preferential language policy that conducted by both national and regional governments. The article focuses on the question about the interrelation between the strength of autonomy and the scope of language preferential policy institutionalization. Last one is manifested in the weight of linguistic territorial regime. As a result of correlation analysis (the sample includes 28 cases) and comparative-oriented case-study analysis of Wales and Scotland in UK, Basque Country in Spain and Vojvodina in Serbia the structural and contextual factors causing or violating links between the strength of autonomy and the scope of language preferential policy institutionalization were identified. The features of the community’ ethnic structure and ethno-linguistic minority share are the structural factors. The size of minority share affects the strategy and resources of the political actors who able to manifest language requirements and to convert it into institutionalized language policy. These actors are political parties, ethnic councils and NGO. The historical background and political context of ethnic territorial autonomy formation and language preferential policy institutionalization constitute the second group of factors. The logic of interrelation of both groups of factors is explained.</p> <p><i>Acknowledgments: The article is prepared with support of Russian Science Foundation, Project No. 15-18-00034</i></p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Political Science Department, Perm State University e-mail: borisova_nv@psu.ru</p>	
<p>Key words: ethnic territorial autonomy; language preferential policy; ethno-linguistic minority; linguistic territorial regime</p>	

Для цитирования: Борисова Н.В. «Сила» территориальной автономии и языковая преференциальная политика в современном мире // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 62-82.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-62-82

For citation: Borisova, Nadezhda V. «Sila» territorial’noi avtonomii i iazykovaia preferentsial’naia politika v sovremennom mire (“The Strength” of Territorial Autonomy and Language Preferential Policy in Contemporary World) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 62-82.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-62-82

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-83-92>

ANTI-POLITICS, POPULISM AND POLITICAL PSYCHOLOGY

Norbert Kis

*National University of Public Service,
Budapest, Hungary*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">2 December 2017</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">15 April 2018</p>	<p>Abstract: This article gives voice to pondering the dramatic changes in the Western politics of our era. The crisis of democracy, the spread of populism and the progression of national right-wing ideologies are the key headings of the analyses that research the phenomenon of, and deep social and even socio-psychological reasons for, the political reactions of Western societies. It assumes that the increasing anti-political attitude of the Western societies is shaped by two psychological factors: the burnout of Western people (their unhappiness) and Western people's increasing fear. As for our hypothesis, Western voters' psychic condition is deteriorating through a synergy of several "traps". These are (a) the trap of improving well-being (luxury trap), (b) the technological trap and (c) the biological paradox. Western people have reached the psychological tipping point these decades and have been looking for fast, radical and plausible politics. At this point the national political-based, in every sense protectionist, i.e., protective politics promising cultural identity and at the same time individual identity is successful. All these are a comeback to pre-modern political culture where the promises are guaranteed by the leader to make the public happy personally and through his charisma.</p>
<p>About the author: Professor of Law, National University of Public Service, Hungary; Dean, Faculty of Public Governance and Administration; Member of the Governing Board of European Institute of Public Administration, Maastricht.</p> <p>e-mail: kis.norbert@uni-nke.hu</p>	
<p>Key words: populism; anti-politics; political psychology; sociopsychology; democracy; nationalism; protectionism; Western society</p>	

The twilight of the old politics?

This article gives voice to pondering the dramatic changes in the politics of our era. Every generation considers the history of their own era unique and exceptional, so nowadays from a tight historical perspective, we could even speak about a *change in the political era*. The crisis of democracy, the spread of populism and the progression of national right-wing ideologies are the key headings of the analyses that research the phenomenon of, and reasons for, the political reactions of Western societies. Economic studies, as well as the study of political and social sciences, make every effort to prove how statistical data and mega-trends shape the politics of the Western world. What have Western people turned into? Ecce Homo!

„We are transferring power from Washington, D.C., and giving it back to you, the people. [...] The establishment protected itself, but not the citizens of our country”¹ These were, among others, the main messages of the most important political action of our present, the inauguration speech of the newly elected US President (20th January 2017). Messages that emphasize that there is a *significant rearrangement occurring within the political map of the “Western world”*.² Since

¹ Inauguration speech of D. Trump, 20 January 2017, USA

² I use “Western world” and “Western people” in the civilizational and cultural terms followed by S.P. Huntington. According to Huntington

the 2008 global financial crisis the new political trend, the ideal of strong state governance, the previous decades' movement of liberal "governance" and the supranational financial and political governance have been decreasing. The narrative of the political sciences of the phenomenon is colorful. The *spread of right-wing ideals and populists* provides a popular framework of interpretation. The *weakening of liberalism and internationalism and, in opposition, the awakening of statehood and governance based on community and national ideas*, form a clear antinomy.³ The majority of opinions visioning the crisis of democracy is based on the identification of liberalism and democracy, in other words, it is the liberal left-wing monopolization of democracy.⁴ Liberal as the adjective of democracy is fading away, i.e. the strength of individual-centered politics placing security issues behind the rights to liberty is waning. Democracy works even without the dominance of liberal values, thus in the countries where the right-wing values of security and national community dominate.

Another narrative of the new trend nowadays indicates the *spread and danger of populism*. It is unnecessary to analyze the concept in order to identify this phenomenon when *politics makes simple and impressive statements referring to the people, the nation*. There is a growing demand for populism, that is, for strong, leading personalities who use everyday language. This means the success of *personality-based and emotional politics*,

the countries/peoples of the West are bound by the following criteria: religion, language, the separation of state and Church, the rule of law, social pluralism, representative bodies, and individualism. in *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (Budapest, Európa kiadó 2008. 223.)

³ According to Huntington the search for national identity, the strengthening of social and ethnic awareness and the revival of religion, "the return to holiness" become a worldwide phenomenon as an answer to globalization. In: Huntington, S.P. *The Clash of Civilizations*. New York: Simon&Schuster, 1997. According to Huntington the winning future political messages emphasize the protection of national community and identity, and the importance of sacredness.

⁴ Global Risks Report / WEF 2017. 12th ed. Part 2. Western Democracy in Crisis?

speech *criticizing politics* on behalf of the nation, and in the sense of social sciences, the non-conformist and radical speeches. As opposed to the liberal institution-based principle and party logic, *the role of the political personality is strengthening*. The astonishing intensity of the media and Internet-based communication have a major role in it, which brings the voters and politicians closer to each other.

In the 2016 US election the businessman, Donald Trump, who is considered populist by the mainstream media, won. Since 2010 a stable and strong religious-conservative course has been functioning in Hungary. The Polish government policy becomes ever increasingly identical to the Hungarian model. The 2017 Austrian parliamentary election pointed out the failure of liberal politics and the rise of radical forces. The 2016 British government crisis, the German elections and French primaries indicated that dramatic changes have started in the relationship of Western societies and politics. In the Netherlands and in Italy the rise of radical anti-migration political forces demonstrates the above-mentioned trends.

In the Western world the processes reflect a social reversal beyond right and left wing cyclic pole shifts. The extent of the instability of the old political forces is different by countries, however, the phenomena thereof can be sensed everywhere. The forces from different directions eroding the previous consensus on building the system are thriving. A fault line along Western democracies is being outlined, which seems to tilt the balance of Western political systems established after 1945. Consequently it would be a mistake to speak merely about the logical decrease of voters' confidence in the ruling parties and governments, and about the cycles of the democratic handover of power.

The question arises *whether it is enough to search for the reasons for the failure of the old politics with the old political way of thinking*. Most of the analyses look for the rational explanation of the changes in the usual way, *in the performance of governance and in economic statistics* from social sciences and economic points of view. According to this, the slowdown of economic growth, the development of public confidence in political and economic performance, and further objective reasons

such as the income situation, employment and welfare benefits, are the explanations for the changes.

The strength of the changes and their simultaneous emergence in the Western world indicate that it is worth searching for deep social and even *socio-psychological reasons that produce elemental effects and sociopsychological projections against politics*. There is no doubt that the *sociopsychological processes* have a rather limited statistical justification, thus even the world of science and political analyses handle them cautiously.

The revival of anti-politics

Anti-politics has been the trend of the Western world for the past years, where new political forces achieve success by *rejecting the "old politics", considered as the politics of the elite, and change the traditional political style and speech*. The new politics *positions itself as opposed to politics itself, and attacks the political elite* with strong emotional mobilization *on behalf of the public*. The old politics positioned itself as opposed to the opposing parties, whereas *the new politics appears as the anti-politics to politics, as the voice of the people*.

Anti-politics represents plain and confrontative speaking, which represents real interests bluntly in political communication. It "refers" to reality and considers *political correctness* as opposed thereto. The rejection of political correctness has become the "trade mark" of anti-politics in the media and everyday language, and in right-wing rhetoric the slogan of being engaged in politics for the people. There are few among the voters who know and understand what the concept of political correctness (PC for short), imported from the Anglo-Saxon political language, covers. We cannot speak about a novel phenomenon either since the right-wing parties have been using PC as an enemy topos for nearly two decades. The original meaning of PC is the *avoidance of plain speaking*. It was introduced ironically by left-wing and liberal culture, yet it stuck to them. They have become those "who avoid plain speaking". The anti-politics of today goes beyond this and considers PC

the language of the attacked political elite and even of the despised old politics, which "is not our language, not the language of the people". Politics is considered the field of the left-wing and other political opponents by anti-political communication and stigmatized them as corrupt, PC elite. Anti-politics determines itself as opposed to "those", i.e., PC, as the voice of the people. PC has become an enemy creating concept, and the enemy image has become an ever increasingly efficient means of political communication. The people's weakening sense of security awakens the ancient instinct of enemy suspicion, in which the effective message of "we" and "they" can be built up in "we-do-tell-the-truth-but-they-do-not".

The *rejection of the "regular" faces* shaping politics (the elite), the political-economic rationalities, and the *politics built on global openness and liberty ideals, and on the integrating and moderate topos* that can be called liberal, *is growing*. There is a growing demand in Western people for *new politics opposing political conventions*, for anti-politics. It values *being a political outsider* instead of the status of the insider elite. The strongest signal of this was the 2016 US presidential election, assuming that the voters valued the anti-political outsider candidate (Donald Trump) and the above non-conventional style. The anti-elite approach does not prevail in general but also as opposed to politics. If the people of the economic-financial elite can act as political outsiders they can win. This is reflected in President D. Trump as a person (USA) and the composition of his cabinet. Voters are more and more looking for non-conventional style and prefer the *nation and protection-based approach* to global openness. They value a security policy more than the right to liberty. Securitization has become a standard means of exercising power in the Western world.⁵

In anti-politics, voters appreciate a strong populist voice instead of moderateness, the *defensive national drift "towards themselves"* instead of inclusive humanism. Another driving engine of anti-politics is *social media*,

⁵ Tálás, Péter. A terrorveszélyhelyzet-diskurzus margójára (On the Sidebar of the Discourse of the Situation in Case of Terrorist Threat). SVKK Nézőpontok, 2016/1.

which rejects traditional political methods (mass media, billboards, leaflets) in the field of communication. Virtual space (cyber space) has become the campaign sites of elections. The young and the middle-aged are looking for their candidates here and this is the place where they communicate about political issues. While the conventional politics goes out in the streets and visits the television, anti-politics builds its own community in the cyber space and social media. Cyber space is becoming a field dominated by anti-politics.

The phenomenon of anti-politics indicates that it is not enough to attribute the voters' feelings on politics to the economic and social processes of politics, which also refer back to the performance of governance. Looking for the development of voters' confidence in the rationality of election pledges and the efficiency of their communication is not enough either. The anti-politics awakening in the Western world shows such strong social reactions that, without the examination of the sociopsychological sources, the real reasons for the phenomenon remain unclear.

The sociopsychological reasons for anti-politics

We assume that the anti-political attitude of the Western world is shaped by two psychological factors, which are closely related to each other. *On the one hand the burnout of Western people (their unhappiness), on the other hand Western people's increasing fear.*

It is about the phenomena of sociopsychology that *intensively search for political (politician's) reaction, support. Western people expect fast and tangible solutions to these psychological problems and real action and strength from politics.* "Being democratic" is not enough to gain the voters' confidence. Being correct, and conventional and rational argumentation, are insufficient for credibility. *Western people are looking for force and style with the ability to provide for individual security and individual happiness, i.e., for an originally new politics. Behind the political "earthquake" of the West, the complex mass psychological processes of modernity shall be explored.*

The unhappiness and fear of the Western people have always been present and affected political communication. Recently there has been more evidence on *the strengthening of the political role* of the two psychological problems. It is anti-politics that recognizes and uses *voters' psychological factors*. It recognizes that *the emotion-driven person expects emotional motivation from politics in particular*; and it is not sure that he is open to the economic and sociological argumentation of politics or reasons at all.

The unhappiness of Western people: expectations for miracles

Western people tend to reach the level of unhappiness and dissatisfaction with life, the projection of which to politics is becoming an increasingly important election factor. *They are impatiently waiting for political solutions to the improvement of their own personal happiness. They are expecting miracles from politics.* Politics has only recently been interested in measuring and evaluating happiness.⁶ These measurements increasingly provide opportunity for the issue whether the fetish of politics, *economic growth makes people really happy. Or as a paradox effect it makes them unhappier.*

As for our hypothesis, Western society is increasingly getting closer to the point of burnout, unhappiness is spreading at the rate of "well-being and financial development". The voters' psychic condition is deteriorating through a synergy of several "traps". These are (a) the trap of improving well-being (luxury trap), (b) the technological trap and (c) the biological paradox.

⁶ In 2011 the UN General Assembly adopted the proposal of Bhutan that in the global comparison indicating the development of certain countries GNH (Gross National Happiness) shall also be an indicator in addition to GDP or GNP. OECD has conducted the online survey on Better-Life indicator for several years, which measures life satisfaction and ranks the member states. The Hungarian CSO (Central Statistical Office) also measures life satisfaction. The UK Government started to intensively deal with the measurement of happiness (Office of National Statistics (ONS) in recent years. Happy Planet Index and The World Happiness Report operate a global indicator system and ranking.

The trap of improving well-being (luxury trap)

According to the law of nature every “improvement” faces barriers. This trap is also present for governments living in the collective myth of economic growth. Economic growth together with the increase of consumption, encounter the barrier of the limits of usable natural resources at a macro level.⁷ The measure for political and economic success is economic growth, the measure for individual success is the improvement of the level of the life circumstances of well-being. Many of those who are reading these lines work for their families’ income and financial growth, considering it partly a success and a goal. *As the unlimited increase of consumption is an evolutionary trap, so drives individual financial growth people in a dissatisfactory (unhappiness) spiral.*

The “compulsion” to accumulate and increase material goods can be dated from the millennia of the transition to the agricultural-production lifestyle of mankind (about 16-18 thousand BC). The transformation of nomadic-migrating (gatherer) lifestyle, settling down, production and the possibility of surplus production launched the historic spiral of accumulation and individual growth. Recently, it seems to accelerate dramatically.⁸ We always want more and better from every tangible asset. In 1960 there were somewhat more cars than thirty-thousand, whereas today it is three million with regard to the same population in numbers. That is, within nearly fifty years there has been a hundred times increase in the number of cars, while the population has not changed in numbers. We consider it natural and normal that the people’s basic effort is to establish a better financial quality of life: to be multifaceted, have a better house, better schools, better and more cars, better holidays, more and

better electronic goods. The list is unlimited. As the governments fetishize economic growth, so commercials fetishize consumption; excessive shopping has become equal to happiness. Those who lag behind in consumption have been challenged in their social status. Consequently we are under constant pressure.

Where is the trap? “One of history’s few iron laws is that luxuries tend to become necessities and to spawn new obligations.”⁹ It is more appropriate to speak about a relatively more comfortable and easier way of life instead of luxury, and we expect it from financial growth in particular. Every family member shall have a car, there shall be more television sets in the house, a child’s room is actually a toy shop, and everybody shall have more and better everything. *We always reach a level from which we do not want to step back because we get used to it and it becomes a basic necessity.* This however, drives people further, since, in order to maintain the basic necessity, even “to achieve growth”, we have to earn more income, i.e., we have to earn more and more and this is why we are working. *The spiral is faster and faster, the level of demand is growing, and the compulsion to earn and work more is increasing. This is the luxury trap, which burns out Western people* and drives them to dissatisfaction (unhappiness) and ultimately to depression. The person affected is often the last one who recognizes and admits it.

According to European statistics, depression has become second in the reasons for death among the total population, and suicide has become second in the reasons for death among the age group of young people. The number of those getting psychiatric treatment increased in every EU member state between 2008 and 2013.¹⁰

⁷ Global oil supplies are enough for about 40 years, gas for 150 years, coal for 400 years, source: Csizmadia, Norbert. Geo-moment. Budapest: L’Harmattan, 2016. P. 52.

⁸ At macro level: the growth in population doubled from 2.5 billion to 5.3 billion between 1950 and 1990, moreover it has increased by a further 2 billion for the past 25 years. A hundred years ago one hundred and twenty years were needed for a 1 billion growth; today the number of population is grown by 1 billion within thirteen years.

⁹ Harari, J.N. Homo Deus, Summary. Part 1. London: Harvill Secker, 2015. P. 89.

¹⁰ Source: Eurostat; The EU launched a joint action to improve mental health and wellbeing in 2013. The ever deteriorating statistics give a tell-tale sign: in the 1980s taking 1.000 marriages there were 346 divorces; in the 2000s taking 1.000 marriages there have been 562 divorces. According to the European statistics the age of getting married has been postponed year by year, there has been a decline in childbearing. In the 1970s each European country had a fertility rate above 2.0 (Eurostat), by now, with one exception,

If we accept the above diagnosis we have the basis for the assumption that *Western people are more and more exigent and impatient towards politics*. Consciously or unconsciously, they expect *strong, radical promises and fast solutions* to their problems that have never been solved by politics. Does politics make you happy? *The often disappointed and impatient waiting for happiness is open to anti-politics*, which is one of the psychological reasons for increasing radicalism.

Technological trap

We expect two things from the newest technologies: on the one hand *we should be able to perform faster and more efficiently* in the increasing work pace and under the pressure for production due to the luxury trap. On the other hand, *our life will become more comfortable, i.e., happier*. Paradox and trap, speed/efficiency and comfort are in contradiction. The technological boom and the digital revolution have sped up in the past 20 years to such an extent that if we look back at the daily use of technology in the 1980s the difference is dizzying. Nowadays we change technology in mobile phones, laptops, household appliances and in communication and data transmitting technologies every year. We have achieved by this that we feel we can solve more and more things simultaneously in less and less time (efficiency). At the same time, the price of this is that the work organization, including us as well, is totally adjusted to the pace of life of machines and networks. *We communicate in an ever increasing set of data being nearly constantly "online", we "recycle" the time we have saved in the system because the rat race is continuously going on*. We pay for the time we "have saved" with stress and slowly admit that we have made "Faust's deal" with technological development. It is not us who uses it but vice versa.

We struggle in the dual trap of the accumulation of material goods and the acceleration of technology: we have to work more and faster, and we have to lead a faster and more intensive life.

this rate has been below the above in every EU member state, and the once existing islands of joie de vivre, the Mediterranean countries have become record-holders (Spain, Italy, Portugal and Greece).

The accumulation of assets has been a phenomenon for a millennium, and technological development for a century. Yet the past 10-15 years have produced a boost of consumption and technological development, the psychological anomalies of which are emerging.¹¹ The summary of this can be that *Western people tend to feel mass burnout, i.e., unhappiness in the axes of the servitude of material growth and the compulsion for technological acceleration*. The projection of this is gradually emerging in the voters' increasingly radical political reactions and in the anti-politics reflecting thereto.

The pursuit of virtual happiness and visual experiences weakens the sense of reality and real human relationships. *Western people can rather "consume" politics only in virtual space through social media. Their expectations are becoming more and more unrealistic*, they need strong impulses and effects, the emotional manipulation of politics can prevail more efficiently.

Biological paradox

In L. Bunuel's legendary film "The Discreet Charm of the Bourgeoisie" (1972), a group would like to have dinner but they can never have the meal together. However hard they try they never succeed. The viewers and the film become increasingly tense. This paradox emerges in Western people's search for happiness. The paradox is that the more they wish and wait for happiness, the bigger failure they experience due to the lack of happiness. First of all they should understand what the object of their desire

¹¹ As the old saying goes, if you want to know what our life will be like 20 years from now look at how people live in Japan. In the Japanese society individual wellbeing and technological development are years before the Western world's development perspectives. In Japan loneliness is an endemic among young and middle-aged people. According to the 2011 survey of the Japanese Institute of Population Research 61% of men and 49% of women aged 18-34 do not live in relationships, most of them do not even wish to have a partner. 36% of the men and 39% of the women of this age group have never had sexual intercourse. *The new generation of Japan is burnt out to a frightening extent by growth spurts and the production compulsion for luxury trap, and the obsession with technology*.

is in order to know what they are looking for. *According to biological determination we cannot substantially influence our subjective well-being.*¹² Basically our bio-chemical characteristics determine our level of happiness (the complex system of nerves, neurons and synapses, and chemicals like dopamine, serotonin, oxytocin). We can go a bit higher or lower accordingly but the system is like an installed air conditioning. If we do not understand these characteristics of our own personality and pursue the conditions of a “happier” life, we only multiply our own failures. *We cannot change our level of happiness determined by bio-chemistry even if we try.* A paradox phenomenon: man strives for happiness. However great efforts he makes to improve his financial circumstances and use the newest info-communication technologies, he does not feel happier. He is becoming more and more frustrated if he does not recognize the value of what he has: something that is in his subjective attitude and in the necessary tangible assets. He is looking for more happiness but he does not find it because it does not exist anymore. Therefore he feels unhappy. We know a lot of recollections¹³ saying that the level of man’s happiness recovers quickly even under hopeless circumstances. However, there are few stories about anybody being permanently happy because of success and wealth.

In the approach of evolutionary psychology¹⁴ our chances to *live a happier life* is almost out of the question. Homo sapiens were engaged in hunting and gathering for nearly seventy-thousand years, man’s “mental model” has been conditioned for these success factors. The past hundred years have closed us in office rooms, where everything is done by machines instead of us. *All achievements have been taken away from the man of nature in an evolutionary scale at seconds, the psychic defects of which cause suffering to an ever increasing number of people.*

¹² Harari, J.N. Sapiens. Budapest: Animus, 2015. P. 343.

¹³ See about the world of Nazi camps: Frankl, Viktor E. Man’s Search for Meaning. Budapest: Kötet kiadó, 1996.

¹⁴ Barkow, Jerome; Cosmides, Ledal; Tooby, John. The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and The Generation of Culture. New York: Oxford University Press, 1992.

As opposed to the above, several excursions show the man of modern and post-modern times in an ideal of happiness. According to these the past decades have brought historic achievements in overcoming famine and illnesses and in preventing mass wars. In fact, today more people die of obesity than of famine and epidemic.¹⁵ Life expectancy is increasing and we fight “more peaceful” wars of new types than ever before in history. However, nobody will feel happier or unhappier as a result of these “improving” trends. Especially not in the Western world.

Fear and trembling

Another sociopsychological factor shaping the Western world’s anti-political feelings is *fear*. According to Bibó “it is the conscience of fear that is at the major, ultimate root of both politics and religion”.¹⁶ The natural source of fear-reactions is the everyday mass of stress, which causes anxiety and fear as the persistence of “our animal instinct”. The above analyzed feeling of burnout (unhappiness) also affects the spread of fear. The psychological imbalance and the problem of self-confidence weaken psychological resistance and decrease the sense of security. Western people’s fear is fueled by a “specter” that dwarfs all the monsters of evolution. These are *the media and the Internet*. There are factual (real) phenomena behind the increasing fear but they are exceeded by the effect of mass media, the new media (social media) and the Internet.

It is a fact that the *migration* coming from developing countries to the Western world is increasing, which shows a growing trend. *Terrorist attacks* are carried out with new methods and in places considered safe. *Extreme weather, natural disasters or water shortage* are in the first place of the list of global risks.¹⁷ However, the sense of fear based

¹⁵ Harari, J.N. Homo Deus, Summary. Part 1. London: Harvill Secker, 2015.

¹⁶ Works of I. Bibó: Bibó, István. Az európai társadalomfejlődés értelme (The Meaning of the Development of the European Society) / in Válogatott tanulmányok III. Budapest: Magvető, 1986; According to Bibó every thought related to politics assumes that the people are not in a healthy, balanced condition and this needs help.

¹⁷ WEF Global Risks Report 2017

on facts is made stronger by the wide variety of mass media, increased by “real time” reports and notorious replays, and the extreme flow of news and commentaries. *Manipulation with a political aim has long discovered the “voters’ fear”*, which is a fixed political target. Although mass media manipulates, it still has minimum ethical limits and control. However, *the new media and the Internet intensify fears and magnify the security risks in a non-controllable way and to a non-controllable extent.*

Today info-communication globalization also oppresses the ideologies of local communities, by which it dismantles the *personal identity* built on local bonds, which is the base for psychological security. During his seventy-thousand-year evolution, *Homo sapiens has lived in small communities* so far (which means the recent centuries), he does not have global or international archetypal experiences. *The value-neutral, interest-driven globalism and the supranational system development do not have an evolutionary history.* The new politics gains success by integrating into the virtual community and there it is *able to build a community and develop a system of values by its own national and cultural myths. The evolutionary scale is the local (small community) level. This is able to provide for the experience of belonging and identity through traditions, common beliefs and ideologies.* In Europe mass psychological trends of the search for national/local community politics can also be traced in the rejection of the EU, *in the growth of Euroscepticism.*¹⁸ The closed community experience, and inward-looking appreciate the politics that is able to strengthen the ideal of community, the myth of “we stick together because we belong together”. The community-building ability of politics, *the cultural self-definition, the sense of national identity, the strengthening of community and religious identity are the answers most often searched for by fear-driven Western people.*¹⁹

¹⁸ Marján, Attila; Buda, Lorina; Koller, Boglárka; Kovács, Attila; Molnár, Attila; Szenes, Zoltán; Szuhai, Ilona. *European Policy Overhaul* / in. Pro Publico Bono, 2015. V.2. Pp. 69-72.

¹⁹ Conventional analyses consider the “increasing national sentiment”, the politics built on identity and community a danger. WEF Global Risks Report 2017.

Questions

The timing of the ongoing turn in the political trend is explained by the fact that in the crossfire of the above analyzed several effects, *Western people have reached the psychological tipping point these years/decades* and have been looking for fast, radical and plausible politics. *At this point the national political-based, in every sense protectionist, i.e., protective politics promising cultural identity and at the same time individual identity (!) is successful. All these are a comeback to pre-modern political culture where the promises are guaranteed by the leader to make the public happy personally and through his charisma.* Democratic institutions have been functioning for two hundred years but they do not satisfy people’s expectations for miracles or demand for security per se, for example in the competition of parties. *The radical personalities criticizing or rejecting politics are expected to provide skills and performance beyond democracy (!), i.e., security and happiness.* Democracy could not prove historically to provide either one or the other for the people. Neither could politics or politicians. The rejection of the old politics is actually not anti-politics but a new politics, providing the experience of community, religious and cultural togetherness, promising defense and security, which makes politics on the basis of the voters’ real attitude.

We do not know how long the momentum and strength of the suddenly emerged, new political era will last. If the hypothesis of our analysis is correct, according to which the people expect to be provided with security, community feeling and identity, i.e., happiness by politics, anti-politics can be successful as long as it does not become conventional and discredited, i.e., the caricature of itself: it does not turn into politics. Quoting Harari’s book, the man of the future is the *Homo deus*.²⁰ It is doubtful whether there will be some politics that can satisfy the *Homo deus*, i.e., the man looking for happiness in the long run.

The narrative interpreting the new politics, which opposes politics, as the crisis of democracy and the emergence of populism, also witnesses

²⁰ Harari, J.N. *Homo Deus*. Part 1. London: Harvill Secker, 2015.

other dangers in the changes in voters' attitude. It witnesses danger in the success of national and community concepts, the importance of security and protectionism and in the emergence of a blunter, non-conventional political style. The priority of Western politics after 1945 has become the avoidance of armed conflicts. It is a question of whether the system of national values and protectionism of the new politics can be open enough for multilateral consensus; whether the risks of international conflicts are not increased by the inward-looking national politics; whether the new American doctrine "America First" or the bilateralism can mean lasting peace in the world.

The task of science is of course to give answers to the questions of life, but we do not know the answers to the above questions yet. Quoting Bibó, politics is the field of human life that most persistently withstands the possibility of becoming a science. ...the first steps of science can also be made in politics. Experiences can be collected, and these experiences can be organized, sorted and grouped. Organizing principles and overall concepts can be found on the bases of the experiences gained and the people shall be convinced thereof.²¹

²¹ Works of I. Bibó: Bibó, István. Az európai társadalomfejlődés értelme (The Meaning of the Development of the European Society) / in Válogatott tanulmányok III. Budapest: Magvető, 1986. P. 21.

References:

- Barkow, Jerome; Cosmides, Leda; Tooby, John.* The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and The Generation of Culture. New York: Oxford University Press, 1992.
- Bibó, István.* Az európai társadalomfejlődés értelme (The Meaning of the Development of the European Society) / in Válogatott tanulmányok III. Budapest: Magvető, 1986.
- Csizmádia, Norbert.* Geo-moment. Budapest: L'Harmattan, 2016.
- Frankl, Viktor E.* Man's Search for Meaning. Budapest: Kötet kiadó, 1996.
- Global Risks Report / WEF 2017. 12th ed. Part 2. Western Democracy in Crisis?
- Harari, J.N.* Homo Deus, Summary. Part 1. London: Harvill Secker, 2015.
- Harari, J.N.* Sapiens. Budapest: Animus, 2015.
- Huntington, S.P.* The Clash of Civilizations. New York: Simon&Schuster, 1997.
- Marján, Attila; Buda, Lorina; Koller, Boglárka; Kovács, Attila; Molnár, Attila; Szenes, Zoltán; Szuhai, Ilona.* European Policy Overhaul / in. Pro Publico Bono, 2015. V.2. Pp. 69-72.
- Tálas, Péter.* A terrorveszélyhelyzet-diskurzus margójára (On the Sidebar of the Discourse of the Situation in Case of Terrorist Threat). SVKK Nézőpontok, 2016/1.

АНТИПОЛИТИКА, ПОПУЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Норберт Киш

*Национальный университет государственной службы,
Будапешт, Венгрия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 2 декабря 2017</p> <p><i>Принята к печати:</i> 16 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: Автор статьи рассуждает о значительных переменах в западной политике нашей эпохи. Кризис демократии, распространение популизма и развитие правых идеологий являются ключевыми направлениями анализа, цель которого – объяснить феномен политических реакций в западных обществах, а также выявить глубокие социальные и социально-психологические причины явления. Предполагается, что растущие «анти-политические» тенденции в западных обществах формируются двумя психологическими факторами: психологической истощенностью человека (чувства несчастья) и его растущим страхом. В рамках этой гипотезы также предполагается, что психическое состояние избирателей в западных обществах ухудшается благодаря взаимноусилению нескольких «ловушек». Это (а) ловушка улучшения благосостояния («ловушка роскоши»), (б) технологическая ловушка и (в) биологический парадокс. Западные люди в последние десятилетия достигли психологического переломного момента в поисках политической модели, отличающейся быстротой реакции, радикализмом и транспарентностью. Многие процессы свидетельствуют о возвращении к культуре домодерна, где общество довольствуется обещаниями лидера и его харизмой.</p>
<p>Об авторе: Профессор, Национальный университет государственной службы, Венгрия; декан, Факультет государственного управления и администрации; член Совета управляющих Европейского института государственного управления, Маастрихт</p> <p>e-mail: kis.norbert@uni-nke.hu</p>	
<p>Ключевые слова: популизм; анти-политика; политическая психология; социопсихология; демократия; национализм; протекционизм; западное общество</p>	

Для цитирования: Kis, Norbert. Anti-Politics, Populism and Political Psychology // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 83-92.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-83-92

For citation: Kis, Norbert. Anti-Politics, Populism and Political Psychology // *Comparative Politics Russia*, 2018., No. 2, pp. 83-93.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-83-92

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-93-104>

ОБ «ИРРАЦИОНАЛЬНОМ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Борис Федорович Мартынов

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 24 декабря 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 марта 2018</p>	<p>Аннотация: В статье на основе анализа попыток предвидения глобальных политических сдвигов последних лет, делается вывод о несоответствии существующих методов политического анализа и прогнозирования складывающимся в мире реальностям. Изучение последних работ некоторых российских и зарубежных аналитиков утвердило автора в мысли о том, что сугубо рационалистический подход к постижению политической реальности, господствовавший со времен эпохи Возрождения, в значительной степени исчерпал себя. Вслед за российскими авторами В.Г. Барановским и А.Д. Богатуровым, он считает, что этот подход должен быть дополнен учетом элементов иррационального «природо-стихийного начала», которое воздействует на мир, используя элемент случайности. Суть такого подхода должна, по мнению автора, заключаться: 1) в признании нами недостаточности попыток сугубо рационального осмысления природы человека и его поведения в социальных средах; 2) в переносе центра тяжести в изучении наук о человеке с экономических на национально-этнические, культурологические и цивилизационные аспекты; 3) в более широком применении метода исторических аналогий для изучения всего комплекса проблем международных отношений. Линейный характер нашего прогнозирования в таком случае, скорее всего, пострадает. Однако это пойдет на пользу выработке стереоскопичного и комплексного представления о современном мире, которое столь необходимо в условиях роста общей непредсказуемости мировой политики и «неожиданного» для всех обострения таких глобальных проблем, как терроризм, незаконная миграция, сепаратизм и пр. Автор соглашается с мыслями некоторых западных ученых (Б. Як), которые одновременно призывают к необходимости научиться «правильно жить» с отдельными иррациональными проявлениями политической жизни (например, национализмом), путем поиска и акцентирования их «светлых» сторон и нивелирования «темных». Главным же резервом борьбы с проявлениями «темной» стороны иррационального начала в политике он считает более активное подключение к ней образования и культуры. Культура, как иррациональное начало со знаком «плюс» (включая и политическую культуру) должна, по его мнению, лежать в основе более активной и наступательной информационной стратегии России на международной арене. Переход к такой политике, по его мнению, сейчас является необходимым, поскольку «оборончество» в информационной сфере далее недопустимо.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., профессор, заведующий кафедры международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ e-mail: bfmartynoff@gmail.com</p>	<p>Ключевые слова: рациональные и иррациональные начала в сознании человека и в политических практиках; методы политического прогнозирования; информационная политика России</p>

Прочитав заголовок этой статьи, кто-то может найти в нем противоречие. За долгие годы, прошедшие с начала эпохи Просвещения, мы привыкли считать, что наука не может быть иррациональной, и мало того, что все иррациональное – *антинаучно*. Ни для кого, наверное, не секрет, что пытаюсь осмысливать социальную действительность, мы зачастую абстрагируемся от человеческой природы, в которой иррациональное

начало занимает почетное второе (а, бывает, что и первое!) место. Особенно этим «грешат» разработчики глобальных теорий, цель которых – «осчастливливать» человечество. Опираясь на *ratio*, они отвергают все иррациональное, как «недостойное внимания», либо «реакционное», не представляя себе негативных последствий, которые несет с собой подобная эксклюзивность. Ведь коль скоро у иррационального начала есть не

только «темная» сторона (такое чувство, как *любовь*, вряд ли можно подвергнуть математическому анализу), то из «светлого будущего» ими заведомо исключается и много хорошего.

Религии, духовности, культуре, когда она апеллирует не к «массам», а к Вечности, людям, когда они не «трава»¹, а хотят быть подобием Вечности, всему «несистемному», когда оно противоречит «системе» и т.д., в мире, который построен по рациональному ранжиру, просто не хватает места. Не в этом ли коренится слабость глобальных теорий, которые, не выдержав проверки временем, просто выходят из «моды»? Вчера это был марксизм, а сегодня – либерализм, построенный на не менее одностороннем, чем марксизм, схоластически-рациональном понимании действительности². На этой последней (хочется думать!) стадии попыток тотально рационализировать жизнь людей, поруганию начинают подвергаться даже те «светлые» стороны иррационального (например, понятия о чести и достоинстве, вечные представления о морали и нравственности), которые в свое время не решался отменить даже марксизм – ленинизм.

Речь в наши дни идет, однако, не столько о теории, сколько о практике. Ведь не только глобальные философско-этические системы, но и наше политическое прогнозирование, основанное на сугубо рациональных посылах, слишком часто оказывается не в силах отобразить богатство реальной

действительности. Запомнилась статья бывшего директора ЦРУ адмирала С. Тернера в журнале «Форин Афэйрс» за 1993-й год, где он распекал американское аналитическое сообщество, включая «Рэнд корпорейшн», за неспособность своевременно предвидеть распад СССР. А ведь, кажется, американские аналитики не вправе сетовать на недостаточное финансирование!

Но это лишь один пример. А сколько их можно привести в связи с не осмысленными нами до конца трагедиями современности! Со времени окончания эпохи биполярности «Черные лебеди» глобальной непредсказуемости (Нассим Талеб)³ стали вылетать с пугающей регулярностью. По справедливому утверждению В.А. Никонова, «количество фактов, приводящих к фундаментальным катаклизмам, не поддается оценке человеческим разумом, а множество из них навсегда остается просто неизвестными»⁴. Мы не устаем удивляться бессмысленности и жесткости деяний международных террористов и преступников всех мастей, зашкаливающему радикализму религиозных фанатиков, бездумному расходованию правительствами разных стран колоссальных средств на все новые виды вооружений в условиях деградации окружающей среды, климатических изменений, нищеты, голода и болезней огромных масс людей, и пр. Но при этом почему-то продолжаем считать, что изучение природы человека, как главного актора всех социальных трансакций, должно ограничиваться рациональным началом.

¹ Образное выражение А. Герцена («Былое и думы»). Иллюстрирует стремление одного из бывших руководителей российского Министерства образования воспитывать не «гениев», а «грамотных потребителей».

² В основу и того, и другого, изначально была заложена некая умозрительная моральная *презумпция* о человеке. Марксисты, вслед за Гоббсом, склоняются к тому, что человек по своей природе плох, и чтобы его исправить (создать «нового человека коммунистической формации») необходимо всевластие государства. Либералы же, вслед за Руссо (теория «благородного дикаря»), наоборот, считают, что человек по природе хорош, и лишь принуждение со стороны государства развило в нем отрицательные качества. Оба подхода являются по своей сути *квази* – рационалистическими, основанными не на опыте, а на *представлении*.

³ Этот неординарный автор определяет эффект появления «Черного лебедя» как событие, во-первых, «аномальное», во-вторых, «обладающее огромной силой воздействия» и, в третьих, как «заставляющее нас придумывать объяснения случившемуся уже после того, как оно случилось» (Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – Москва: КоЛибри, 2011. – 735 с. [Thaleb, N.N. Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti (The Black Swan. The Impact of Highly Improbable). Moscow: Ko libri, 2010. 735 p.]

⁴ Никонов В.А. Крушение России. 1917. – С. 11. Режим доступа: fictionbook.ru/static/trials/06/18/14/06181443,a4.pdf [Nikonov, V.A. Krushenie Rossii. 1917 (The End of Russia. 1917) P. 11. Mode of access: fictionbook.ru/static/trials/06/18/14/06181443,a4.pdf]

Какие-то из перечисленных выше явлений, конечно, должны осмысливаться исходя из привычных рационально-обоснованных критериев. Но отнюдь не все. Главари возникающих как грибы то тут, то там, террористических структур руководствуются, как правило, соображениями денег и власти. Но речь не о них, а о тех представителях низшего и среднего звена, которые считают для себя «счастьем» устроить теракт в людном месте где-нибудь в Париже или Брюсселе, включая вариант самоуничтожения. С позиции «чистого разума» (или так называемых «европейских ценностей») эти люди, казалось бы, получают все, о чем раньше могли только мечтать: гражданство ЕС и свободу перемещения по Европе, работу, собственный бизнес, воссоединение с семьями, обширные права и свободы, включая полную свободу исповедывать Ислам. При этом многие из современных молодых террористов родились в Европе и не испытали и доли тех лишений и унижений, которые выпали на долю их родителей. «Чистый разум» и наша привычка к поиску рациональных ответов с этим контингентом – увь! – не работают...

Попробуем разобраться. Пытаясь нащупать баланс рационального и иррационального в таком понятии, как «национализм», американский ученый Б. Як прибегает к определению «социальной дружбы». При этом, поскольку факт принадлежности человека к той или иной нации носит, по его мнению, «случайный» (факт рождения) характер, то и «единственный критерий этой социальной дружбы имеет субъективный характер». «Узы социальной дружбы, соединяющие нас друг с другом в жизни общества, – пишет он, – не являются иррациональными в смысле примитивной инстинктивной силы, ослепляющей и одолевающей рассудок. Но они и не рациональны – в том смысле, что своим происхождением они не обязаны расчету и выбору»⁵. Баланс рационального и иррационального в

содержании национализма у Б. Яка явно нарушается в пользу последнего.

К этому труду мы еще будем обращаться в связи с предпринятой ее автором смелой попыткой *онаучить* понятие «случайность» (глагол «детерминировать» здесь, по-видимому, неуместен). Действительно, многие моральные категории, представления о чести, достоинстве, свободе и пр. и даже понятия о любви и дружбе можно (если очень постараться!) объяснить рационально. Например: эволюцией неких примитивных императивов доисторического бытия (как постулируют некоторые экономисты, вполне заслуживающие определения «вульгарных») или какими-то химическими реакциями, которые протекают в организме человека (любовь – ?). Однако на пути тотального детерминизма встает *элемент случайности*, который своим активным и непредсказуемым действием на всех уровнях социального общения доказывает нам право иррационального начала не только легитимно со-существовать бок о бок с рациональным, но и активно претендовать на свое особое место при анализе социальной действительности.

Так что же такое случайность? По Б. Яку это «то, что навязывает себя нам, хотя легко могло бы быть иным»⁶. В этом «элегантном» определении присутствуют, как минимум, две важные мысли. Первая: человек отнюдь не «сам хозяин своей судьбы» и не «кузнец собственного счастья», во всяком случае, в той степени, как это было принято считать у нас ранее. Вторая: случайность *не фатальна* («легко могло бы быть иным»), что дает людям возможность без излишнего самообольщения намечать свои планы на жизнь и пытаться реализовывать их.

В 2010 году российские ученые В.Г. Барановский и А.Д. Богатуров впервые в отечественной политологии написали о том, что полная рациональность не способна дать исчерпывающую картину современного мира, и что от нее нужно отказаться в пользу некой «ограниченной рациональности». «Наряду с целенаправленными и продуманными действиями, предпринимаемыми под воздействием человеческого

⁵ Як Б. Национализм и моральная психология общества. Москва: Институт Гайдара, 2017. – С. 88, 102. [Yak, B. Natsionalizm i moral'naia psikhologiya obshchestva (Nationalism and the Moral Psychology of Community). Moscow, Institut Gaidara, 2017. P. 88, 102.]

⁶ Ibid. С. 36.

разума, на международную систему оказывает огромное влияние природно-стихийное начало, присущая мировой системе хаотичность развития, способная в любой момент «скорректировать» влияние человеческого разума, уничтожить плоды его упорядочивающих усилий. Если с человеческим разумом в науке сопрягается идея организации мира, то с понятием хаоса и стихии связывается представление о его самоорганизации, которая трактуется как результат нерациональных (возникших независимо от человеческого разума, но природных) воздействий»⁷.

Теория самоорганизации, предложенная этими российскими авторами, помогает не абсолютизировать рациональную предопределенность мирового развития, уделяя должное внимание фактору случайности. Последняя в контексте синергетики предстает не «стечением обстоятельств», плодом неадекватности или чьей-то ошибки, «а результатом влияния, исходящего из органики самой мировой системы, присущих ей колебаний (флуктуаций). Во многих случаях эти колебания в принципе не подлежат прогнозированию при нынешнем уровне наших знаний о природе хаоса и самоорганизации систем»⁸. То есть, все сказанное выше вполне можно было бы свести к одной простой формуле, которая была предложена еще Гёте: «Теория бледна, мой друг, а Древо Жизни пышно зеленеет».

Поистине, как часто новое является хорошо забытым старым! Но наша традиционная «слепота по отношению к случайности»⁹ в XX веке обернулась чудовищными трагедиями, а сегодня привела к тому, что получило определение «стратегии

ческой фривольности»¹⁰ – к готовности людей создавать рискованные ситуации в угоду сиюминутным интересам, основываясь на безответственности и самолюбии.

Когда историки, спорящие о причинах скатывания Европы к Первой мировой войне, сходятся во мнении: «события вышли из-под контроля», не означает ли это, что «природно-стихийное начало», исходя из соображений собственной логики, сумело скорректировать влияние человеческого разума и уничтожить плоды его упорядочивающих усилий? Сегодня мы не можем дать точный ответ на этот вопрос. Во всяком случае, война, сама эвентуальность которой отвергалась тогда большинством наблюдателей в силу рациональных мотивов¹¹, стала апофеозом иррационального. Кто хотя бы за месяц до событий августа четырнадцатого мог подумать, что образованная Европа, накопившая колоссальные материальные и культурные богатства и достигшая высот технократического развития, будет вскоре опутана колючей проволокой и изрезана линиями окопов? Считалось, что война продлится недолго, ну, от силы месяц-другой, и... одни уже видели себя торжественно вступающими в покоренный Париж, другие – марширующими с песнями по Унтерден-Линден.

Но ничего этого *не было*. А были четыре года систематического убийства людей, уничтожения материальных богатств и самого культурного слоя Европы, которая уверенно нисходила к временам варварства. Американский историк Э. Тэйлор писал: «В результате той войны обрушился не только старый мировой порядок, но и порядок

⁷ Барановский В.Г.; Богатуров А.Д. (Отв.ред.) Современные глобальные проблемы. – Москва: Аспект-пресс, 2010 – С. 19. [Baranovski, V.G.; Bogaturov, A.D. *Sovremennye globalnye problem (Modern Global Problems)*. Moscow: Aspectpress, 2010. P. 19.]

⁸ Ibid. С. 20.

⁹ Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – Москва: КоЛибри, 2011. – С. 15. [Thaleb, N.N. *Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti (The Black Swan. The Impact of Highly Improbable)*. Moscow: Ko libri, 2010. P. 15.]

¹⁰ Бордачев Т.В. Пушки апреля или Возвращение стратегической фривольности // Россия в глобальной политике. – 2017. – №3. – с. 24. [Bordachev, T.V. *Pushki april'ia ili vozvrasheniye srtategicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity)* // *Rossia v globalnoi politike*, 2017, Vol. XV, 3, P. 24.]

¹¹ Считалось, что количество материальных и культурных ценностей, накопленных народами Европы, их высокий культурный уровень и степень финансовой, экономической и политической взаимозависимости являются достаточной гарантией от развязывания войн и конфликтов.

в человеческих социумах и в умах людей. С исчезновением былых символов авторитета и власти на свет народилось поколение политических психопатов, одержимых духом протеста ради протеста, пусть даже против самих законов природы». Констатируя падение стандартов в искусстве, литературе, нравах и даже в моде, Э. Тейлор считал, что «связь между техническим прогрессом и улучшением природы человека оказалась подорвана»¹².

Тяготы и испытания, наступления которых никто не предвидел, положили начало цепочке событий, протянувшейся до наших дней. Но неистребимая вера людей во всемогущество разума, этакий «коллективный нарциссизм», до сих пор не позволяет прогнозировать развитие событий хотя бы на год вперед и адекватно оценивать уроки истории. В бытовом сознании неизбежно формируется этакий непреодолимый замкнутый круг случайностей с иллюзией «дежавю». Кто мог представить себе еще в 1990-м году, когда казалось, что перед нашей страной и всем миром открывается эра всеобщего благоденствия и равноправного сотрудничества, произойдут события, которые заставят вспомнить о миропорядке кануна Первой мировой? Поистине, недоучет «природно-стихийного начала» слишком часто заставляет нашу Историю выказывать свой «ироничный» (Э. Хобсбаум) характер. Сегодня нам кажется, что и победа Трампа, и «Брексит», и наступление исламского терроризма, и волны мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока, и нарастание сепаратистских и «европессимистических» настроений в Европе, и референдум в Каталонии, и пр., наряду с общим нарастанием напряженности в мировой политике, говорят о желании этого «начала» доказать нам необходимость пересмотра методов и способов оценки происходящих в мире процессов.

Но, что же, наконец, представляет собой это самое «природно-стихийное начало», и как нам постараться его определить? Ответа на этот вопрос требует унаследованная нами от предков привычка к рациональному мыш-

лению. Кое-что удастся прояснить, если дополнить это понятие синонимическим рядом: «Природа», «Рок», «Судьба», «Хаос», «Его Величество Случай», знаменитый «Русский Авоось» (так часто и подводивший, и выручавший нас в нашей истории!), и, наконец, – «Бог». Любой из нас, будь он хоть трижды атеист, хотя бы раз в жизни пенял на «судьбу», а с привычной, «бытовой» точки зрения между этими понятиями нет никакой практической разницы. Отметим вот еще что: атеизм вошел в моду в Европе и в России в конце XIX – в начале XX века. Сегодня на основе гораздо более широкой естественнонаучной базы он «почему-то» выходит из моды, когда мы становимся свидетелями почти повсеместного возрождения интереса к религии. Но стоит ли вообще пытаться «объять необъятное»?

Наверное, не стоит. Необходимо, однако, с учетом всех предыдущих «проб и ошибок» выработать некий новый, синергичный подход к понятию «здоровый смысл», дополнив его рациональную предопределенность допуском элемента иррационального. Пора согласиться с тем, что мы, похоже, уже и так давно усвоили *de facto*: «Природно-стихийное начало» способно действовать помимо нашей воли и в любой момент вносить коррективы в наши планы.

Уже упоминавшийся Б. Як призывает нас научиться «жить с национализмом». Он, по его мнению, неистребим, как неистребимо иррациональное в своей основе явление «социальной дружбы» внутри произвольно возникших «межпоколенческих сообществ»¹³. В целях преодоления его крайних проявлений (экстремизм, терроризм, внутри- и межгосударственные конфликты и войны) необходимо обратить внимание на

¹² Taylor, Ed. The Fall of Dynasties. The Collapse of the Old Order. New York: Yale University Press, 1963. P. 385.

¹³ В отличие от многих, Б. Як не склонен выпячивать лишь негативные стороны национализма. «Национализм может быть ответственен за один из самых ужасающих актов насилия в XX веке, но он же, как это было в случае Второй мировой войны, во многом и обеспечил ту энергию, которая позволила нам сокрушить их виновников». Як Б. Национализм и моральная психология общества. Москва: Институт Гайдара, 2017. – С. 484. [Yak, B. Natsionalizm i moral'naia psikhologiya obshchestva (Nationalism and the Moral Psychology of Community). Moscow, Institut Gaidara, 2017. P. 484.]

совершенствование «моральной психологии общества». В предлагаемом рецепте нет ничего сверхъестественного. Американский ученый не призывает вернуться в Средневековье и отдаться на волю Промысла Божия. Обращаясь, в основном, к либеральной аудитории, он советует ей отказаться от «диктатуры прав человека» в пользу естественно связанных с этими правами *социальных обязанностей*, иными словами – от излишнего *самолюбования и самоуверенности*, которые (подчас искусственно!) формировались в сознании людей на протяжении столетий, начиная с эпохи Возрождения. «Широко распространенное отождествление несправедливости с отрицанием права, выдает оскудение нашего понимания справедливости, когда частное средство осуществления справедливости (то есть права) подменило собой все понятие в целом»¹⁴.

Особый разговор о «поощрении чувства человечности и сострадания в противодействии фанатизму». Очевидно, что «оскудение» понимания справедливости, о котором говорит Б. Як, обязано своим существованием элементарному расчету («справедливо лишь то, что приносит мне пользу»). «Современным международным отношениям, с одной стороны, катастрофически не хватает нематериальных составляющих, способных играть роль стабилизаторов, а с другой, в избытке нематериальные факторы, способствующие раскачиванию ситуации. Главный вопрос – установление равновесия между силой, моралью и правом в политике. Сейчас это может выглядеть несколько наивно. Но «железа» хватает и так, а с уважением и легитимностью явные проблемы»¹⁵. Для исправления ситуации, очевидно, придется

вести в дело *чувственные* (т.е. иррациональные) понятия. Как иначе воспитать у людей качества человечности и сострадания? Взывать к их *ratio*, намекая на возможность некой компенсации в будущем (по принципу «*do ut des*») ¹⁶ бесполезно: человек, мыслящий рационально, всегда предпочитает «синицу в руках журавлю в небе». Наверное, поиск следует вести «от противного», стараясь в *синергично* сочетать рациональное и иррациональное начала в природе человека. Сделать это помогает культура.

Культуру не выбирают рационально: люди получают ее, как некую данность. Точно так же, как и нацию (этнос, народ) среди которых человеку суждено рождаться. Органичная связь культуры с «почвой» через элемент случайности не может вызывать сомнений. И то, и другое, лежит за пределами нашего инструментального планирования. Не удивительно, что культура где-то к началу XX в. выпала из мейнстрима социальных наук, превратившись в этакую «падчерицу» экономики¹⁷. «Культура, – считают голландские ученые Ш. Бегельсдаик и Р. Маселанд, – охватывает наследуемые обычаи и убеждения, которые определяются на коллективном уровне и могут быть с точки зрения индивида иррациональными». Она «живет собственной жизнью», но «там, где экономическая наука концентрируется на выборе индивида, культура включается в экономическую модель как данность... Интеграция культурных структур в теорию рационального выбора, принятую в экономическом образе мышления, осложняется»¹⁸.

Пытаясь осмыслить глобальное значение культуры, эти авторы приходят к важному выводу, который подтверждает

¹⁴ Як Б. Национализм и моральная психология общества. Москва: Институт Гайдара, 2017. – С. 484. [Yak, B. Natsionalizm i moral'naia psikhologiya obshchestva (Nationalism and the Moral Psychology of Community). Moscow, Institut Gaidara, 2017. P. 484.]

¹⁵ Бордачев Т.В. Пушки апреля или Возвращение стратегической frivolности // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 3. – с. 33. [Bordachev T.V. Pushki apreliya ili vozvrashchenie stratesicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity) // *Rossia v Globalnoi politike*, 2017, Vol. XV, No. 3, P. 33.]

¹⁶ «Я даю тебе, чтобы ты дал мне» (лат.)

¹⁷ Это было хорошо заметно на примере Советского Союза, где культура всегда финансировалась по «остаточному» принципу. Тем не менее, советская культура достигла в мире признанных высот, что еще раз подтвердило библейскую истину: «Не хлебом единым...».

¹⁸ Бегельсдаик Ш.; Маселанд Р. Культура в экономической науке. – М.: Институт Гайдара, 2016. – С. 358-359. [Beugelsdijk, S.; Maseland, R. *Kultura v ekonomicheskoi nauke* (Culture in Economics). Moscow: Institut Gaidara, 2016. PP. 358-359.]

правоту сторонников полицентричности. Они считают, что мир нельзя построить по одному социально-экономическому шаблону, поскольку связь между материальным доходом и *счастьем* обуславливается цивилизационно-культурной средой. Отсюда их вывод о том, что важность материального дохода в разных обществах неодинакова. «Если каждое общество со своим отчетливым набором предпочтений ведет себя согласно этим предпочтениям, то мы можем ожидать разных экономических результатов», – пишут Ш. Бегельсдаик и Р. Маселанд, при этом уровни субъективного благосостояния в этих обществах непременно будут разными¹⁹.

В далеком 1990-м году, в Майами, автор настоящей статьи познакомился с одним пожилым кубинским эмигрантом самой первой «антикастровской» волны. Эмигранты с Кубы превратили этот расположенный на болотах когда-то второсортный курорт в мощный экономический и транспортный центр юга США. Мой знакомый, очень богатый человек, мог бы считать свою жизнь олицетворением «американской мечты», но на вопрос, счастлив ли он, однозначно ответил – «Нет!». «Чтобы остаться на плаву, я должен каждый день вставать до рассвета и заниматься делами до полуночи. Я живу чужой жизнью!», – воскликнул он, еще раз подтвердив, что «богатые тоже плачут».

Опыт этого «кубиноамериканца», казалось, можно было бы экстраполировать на сегодняшнюю ситуацию с мигрантами в ЕС. Разница, однако, в том, что подавляющее большинство выходцев из стран Африки и Ближнего Востока в странах ЕС исключительно молоды. На их нежелание и порой неумение «жить чужой жизнью» дополнительно накладывается на присущую молодости страсть к героизму и стремление прославиться (Ф. Фукуяма в своей книге «Последний человек» обозначает это греческим словом *thymos* – «стремление к признанию»). Такая гремучая смесь, помноженная на генную память о веках неравноправия и лишений, при отсутствии веских духовных и культурных альтернатив, зачастую приводит многих из них к выбору радикального

modus vivendi. Стоит прислушаться к мнению Скотта Атрана – одного из тех американцев, которые считают, что правительство США недостаточно активно реагирует на пропаганду фундаментализма: «Мы постоянно слышим, что противоядием являются проповеди умеренного ислама. Я обращаюсь к членам Совета национальной безопасности: «У Вас есть дети? И как они реагируют на все умеренное?»».

Молодые члены разного рода бандформирований, революционных, террористических, экстремистских и пр. организаций, как правило, мало задумываются о возможном наказании, степени его тяжести, тяжелой участи своих потенциальных жертв и т.д. Такие мысли уступают место чувству солидарности юношей и девушек, их иррациональному желанию испытать что-то новое, доказать себе и окружающим свою смелость, последовательность, бескомпромиссность, лояльность по отношению к руководителям и пр. Этому во многом способствуют СМИ с их пропагандой девиантных поведенческих матриц: они героизируют преступное поведение как «смелое» и «оригинальное», создают шаблонные стереотипы благополучия, успеха и моды, приучают к мысли о безальтернативности силы в решении жизненных коллизий.

В свое время мы дали «рабочее» определение терроризма как *уголовного преступления в сфере политики, которое является превышением (зачастую многократным) меры необходимой самообороны со стороны отдельной личности, организованной структуры и/или государства (террористическое государство) во внутренней или внешней политике*²⁰. Любое превышение меры необходимой самообороны, с чьей бы то ни было стороны, безусловно, заслуживает наказания, жесткость которого должна

²⁰ Мартынов Б.Ф. (Отв. ред.) Трансграничный терроризм. Угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества. Латиноамериканский вектор. – М.: Наука, 2006. [Martynov, B.F. (ed.) Transgranichnyi terrorism. Ugrozy bezopasnosti I Imperativy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Latinoamericanskii vektor (Transnational Terrorism. Threats to the Security and the Imperatives of International Cooperation. Latin American Vector). Moscow: Nauka, 2006.]

¹⁹ Ibid. С. 367.

зависеть от степени тяжести совершенного преступления. Речь идет, однако, не о наказании, а о профилактике экстремизма. Никакие, даже самые жестокие наказания не способны погасить волну насилия в мире при отсутствии должных мер профилактики, которые невозможны без понимания глубинных причин всех составляющих насилия.

Аргентинский экономист Бернардо Кликсберг, автор вышедшей в Буэнос-Айресе в 2006 г. монографии «Преступность в Латинской Америке: мифы и реальность», пишет: «Вместо того чтобы раз за разом придумывать новые и все более жестокие методы воздействия на преступников, не лучше ли нам было бы поискать новое осмысление феномена преступности, которое принимало бы в расчет ее нынешний комплексный и многопрофильный характер?»²¹. Сказанное в 2006 году сегодня приумножило свою актуальность. После терактов, произошедших в Париже летом 2016 г., профессор Страсбургского Университета Ж. Бенсуссан написал на страницах газеты «Монд» о том, что «нам всем пора научиться мыслить по-новому и отказаться от старых привычек, которые в совокупности сводятся к примитивным рефлексам собаки Павлова»²².

* * *

В том сложном клубке мотиваций, которыми характеризуются современные образцы девиантного поведения, рациональному началу, на наш взгляд, отводится слишком много места. Противодействие рациональной мотивации преступников не составляет особого труда, потому что, во-первых, их намерения могут быть легко просчитаны, а, во-вторых, им можно противопоставить не менее рациональные средства противодействия: от разубеждения до карательной санкции. Проблема заключается в том, что иррациональное начало в поведении людей, их обществ и даже целых государств порой начинает довлеть над рациональным. Ранее доступные для логического осмысления поведенческие мотивы начинают уступать место алогичным. Сегодня нам все чаще при-

ходится сталкиваться с преступлением ради преступления и насилием ради насилия. Как отдельные люди, так и правящие элиты целых государств все чаще позиционируют собственные краткосрочные (личные, локальные, электоральные и пр.), заточенные на приобретение сиюминутных выгод интересы, над долгосрочными. Инструментами в их руках становятся чувства ненависти, месть, злобы, зависти, и т.д. Это стало особенно заметно в политике администрации США, которые любой ценой стремятся сохранить за Вашингтоном глобальное лидерство.

Некогда эмансипированные от «природно-стихийного начала» иррациональные побуждения в душе человека и ежедневно в той или иной форме транслируются им вовне в надежде обрести утраченное единство с *Целым*, либо избавиться от этого «комплекса». Неоднократные попытки людей загнать их в «подполье», отменить декретом и т.д. неизменно заканчиваются по сценарию: *вы его – в дверь, оно – в окно*. Вслед за Б. Яком, придется признать, что нам надо *научиться жить* с проявлениями иррационального на всех уровнях социального общения, включая и мировую политику. Это предъявляет дополнительные требования, как к методам нашего политического прогнозирования, так и к способам противодействия проявлениям «темной» стороны иррационального.

100-летию годовщина событий 1917 г. в России породила «бум» политического анализа. Говоря о причинах тех далеких событий, многие авторы отмечали роль резкого роста грамотности населения России на изломе веков. Британский исследователь Рой Бейнтон, например, привел такие статистические данные: Если в 1881 г. уровень грамотности в Британии составлял 84%, то в России – всего 11%. К 1917 г. эта цифра в среднем по России составляла уже 79%, причем среди жителей Петрограда она достигла 89%²³. Другой британский ученый, О. Фиджес, в этой связи отмечал следующее: «Когда взрослые вынуждены постигать азы образования, которым дети обучаются в школах, им, как правило, бывает трудно выйти за пределы самых простых,

²¹ Kliksberg, B.A. *Mitos y realidades sobre la criminalidad en América Latina*. Buenos Aires: Siglo, 2006. P. 17.

²² Le Monde. 25.07.2016

²³ Bainton, R. *1917 Russia's Year of Revolution*. London: Robinson, 2005. P. 89.

легких для понимания идей. Они видят мир в черно-белом свете, потому что усвоенные ими базисные, примитивные знания не позволяют раскрасить его в другие цвета. Марксизм в этом случае...предлагал единственное и простое решение всех проблем «капитализма», с которым им приходилось сталкиваться в быту, не давая возможности мыслить самостоятельно»²⁴. Полуграмотные, но уверенные в безошибочности своего *ratio* массы стали хорошим материалом для политических манипуляторов.

По мнению К.Б. Назаренко поголовная грамотность матросов, помноженная на скуку экипажей крупных кораблей, которые находились в «стратегическом резерве» или на длительном ремонте (среди них и знаменитый крейсер «Аврора»!), имела в годы Первой мировой войны катастрофические последствия для России²⁵. Служба на малых кораблях, считал этот автор, «значительно сильнее спланивала командный состав и матросов. К тому же аудитория у нелегального агитатора на крупном корабле шире («эффект толпы»), чем на небольшом, поэтому даже один-два члена революционной группы способны создать там ячейку сторонников и организовать выступление, пример чему – восстание на броненосце «Потемкин»²⁶. Таким образом, напрашивается вывод, что скука, породившая состояние «аномии» (Э. Дюркгейм) среди людей, которые без подсказки извне не способны сами разобраться в социальной действительности и подняться над «черно-белыми» формулами, становится идеальным стимулом для проявления «темной» стороны иррационального. Свидетельством этому – та поистине «звериная» же-

стокость, которой сопровождались массовые убийства матросами офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе в феврале-марте 1917 г. (всего погибло более 100 человек, включая 4-х адмиралов). Примерно то же самое происходило в Киле в ноябре 1918 г., когда немецкие матросы, устав от многомесячного безделья и скуки²⁷, встали во главе революционных событий в Германии. Разница была только в том, что пропагандой на кораблях германского флота занимались немецкие социал-демократы, которые отличались от большевиков гораздо меньшим радикализмом.

Некоторые элементы этих ситуаций можно экстраполировать на наши дни. Образование, не трансформированное в статус, скука и «вакуум в головах», помноженные на генную память, доставшуюся от предков, и на обиды недавнего времени, нежелание и/или неспособность жить «чужой жизнью» вне привычного цивилизационно-культурного ареала, потребность в мести, зависть, стремление выделиться, императивы социальной лояльности и «верности делу» (партии, футбольного клуба, радикального «гуру» и пр. и пр.) ежедневно и ежечасно порождают девиантное поведение в определенных возрастных и социальных стратах. Пытаясь рационально отделить одни проявления синергичных выбросов иррационального от других и прибегая для этого к шаблонным формулам, типа: «революции – от бедности», «фундаментализм – от недостатка мечетей», мы будем загонять проблемы вглубь.

Для человека неважно, от кого он, его близкие или знакомые могут претерпеть увечье или смерть: от рук леворадикального партизана из какой-нибудь «Сендеро луминосо»²⁸, экстремистски-настроенного

²⁴ Figes, O. A People's Tragedy. The Russian Revolution. 100th Anniversary Edition. London: The Bodley Head, 2017. P. 120.

²⁵ Балтийской флот в Октябрьской революции и гражданской войне. Партийное издательство. Москва-Ленинград, 1932., с. III. [Baltiiskiy flot v Oktiabr'skoi Revolutzii i Grazhdanskoi voine. Partiynoe izdatelstvo. Moskva-Leningrad, 1932, p. III]

²⁶ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917-1921. М.: Квадрига, 2011. – С. 127, 483. [Nazarenko, K.B. Flot, Revolutzia I vlast' v Rossii: 1917-1921 (Navy, Revolution and Power in Russia: 1917-1921). Moscow: Kvadriga, 2011. P. 127, 483.]

²⁷ После закончившегося, фактически, «вничью» Ютландского сражения с британским флотом (июнь 1915 г.), Вильгельм II, не желая больше рисковать основными кораблями своего флота, приказал им оставаться в гаванях.

²⁸ Хорошей иллюстрацией ущербности социально-экономических формул объяснения феномена терроризма стал факт существования леворадикальной террористической группировки Баадера-Майнхоф во вполне благополучной с экономической точки зрения ФРГ в 60-е – 70-е гг. прошлого столетия.

националиста, террориста или ошалевшего фаната какого-нибудь спортивного клуба. Нюансы и различия в их идеологиях, мотивациях и пр., разумеется, важны и аналитики обязаны принимать их во внимание. Однако это не отменяет собой того, что все рационально выстроенные идеологии так или иначе являются сопутствующим продуктом рвущейся к жизни «темной» стороны иррационального – продуктом, который призван морально его оправдать.

Суть предлагаемого нами нового подхода к осмыслению социально-политических реалий в своих наиболее общих чертах заключается в следующем: 1) необходимо признать недостаточность сугубо рационального подхода к осмыслению природы человека и его поведения в социальных средах; 2) центр тяжести в изучении природы человека следует перенести с экономических на национально-этнические, культурологические и цивилизационные аспекты; 3) необходимо более широко и конкретно применять метод исторических аналогий для изучения проблематики современных международных отношений.

Линейный характер нашего прогнозирования при выборе такого подхода, скорее всего, пострадает. Однако он будет способствовать выработке стереоскопичного и комплексного представления о мире в условиях роста непредсказуемости мировой политики и обострения глобальных проблем. «История не имеет линейного характера и не развивается последовательно из точки А в точку Б. Несмотря на неизбежное и необходимое для совершенствования аргументов умножение сущностей, базовые характеристики, описывающие природу отношений между народами, не так многочисленны. Это позволяет спокойно обращаться к опыту предыдущих столетий. Наша цель – изучить руины мировых порядков прошлого, чтобы понять, каким опытом необходимо воспользоваться, а каких ошибок избежать»²⁹.

²⁹ Бордачев Т.В. Пушки апреля или Возвращение стратегической frivolности // Россия в глобальной политике. – 2017. – №3. [Bordachev T.V. Pushki apreliya ili vozvrasheniye strtegicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity) // *Rossia v*

Упорство в применении старых методов приводит нас, подчас, к «кричащим» противоречиям. Например, одни весьма уважаемые авторы в аналитической работе говорят об отсутствии у них твердой уверенности в том, что «разумность истории возрастает». Однако всего несколькими строками ниже они буквально предписывают ей быть «разумной» и обязуются продолжать свои попытки «постичь происходящее разумно». Заявляя, что «любые исторические аналогии ущербны, а зачастую и опасны», что «в прошлом не найти ответов для будущего», сами эти авторы в своем небольшом труде приводят целых семь (!) исторических аналогий...³⁰.

Радикальная «переоценка ценностей» в стремлении противодействовать избытку агрессии, в том числе и на международной арене, невозможна без подключения «светлой» стороны иррационального, ибо «подобное познается (и излечивается!) подобным». Мы уверены в том, что культура, как иррациональное явление со знаком «плюс», способна перенастроить мозг человека. Что может отвлечь футбольного фаната от неистового поклонения любимому клубу или бандита от беззаветного служения его банде? Наверное, только то, что будет обладать большим ореолом престижности (культуры) в глазах окружающих. Поэтому нам не совсем понятен шаблонный подход наших СМИ к пропаганде ценностей образования и культуры. К сожалению, до последнего времени шаблонность была характерна и для нашей политической пропаганды, которая в условиях развернувшейся *de facto* информационной войны с Западом вынуждает Россию занимать позицию обороняющейся стороны.

Вспоминается фраза, сказанная В.В. Путиным в сентябре 2017 года: «Трудно иметь дело с теми, кто путает Австрию

globalnoi politike, 2017, Vol. XV, No. 3.]

³⁰ Как важно быть серьезным: мир на грани непоправимого // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». – Москва: октябрь 2017. 20 с. [Kak vazhno byt serioznym: mir nag rani nepopravimogo (How it is Important to be Serious: The World on the Verge of Uncorrectable) // Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valdai” (Report of the International Club “Valdai”). Moscow, 2017. 20 p.]

с Австралией!». Этот и другие упреки подобного рода в адрес американского истеблишмента со стороны нашего Президента, представляются мне первой с нашей стороны *адекватной* попыткой подключиться к российско-американскому диалогу с позиции «ценностей» – тех самых, которыми веками привык гордиться «цивилизованный Запад». Сегодня эти ценности, в духе которых воспитывались поколения европейских политиков и дипломатов: профессионализм, интеллигентность, эрудированность, уважительное отношение к нормам права и дипломатического протокола, высокий уровень общей культуры и т.д., все больше становятся не востребованы под влиянием «политкорректности» и довольно-таки своеобразных традиций американской дипломатии, с которыми, стиснув зубы, вынуждены мириться европейцы. Взаимное уважение – это сегодня «то, чего больше всего не хватает великим и просто крупным державам. Особенно это заметно на водоразделе Запад – остальной мир». При этом «установка на то, что наиболее надежным средством устранения противоречий является трансформация собеседника, делает дискуссию бесплодной, а дипломатию бессильной»³¹.

Пока арсенал нашей политической пропаганды, реализующейся по дипломатическим каналам, полнится, в основном, призывами, обращенными к рациональному началу. Помимо того, что рациональные аргументы успевают основательно «придаться», они далеко не всегда достигают до глубин человеческой психики. Не учитывают они и особенностей политической, в частности – *правовой* культуры наших оппонентов, а также специфики их исторического «взросления». Многократно повторяющиеся нами упреки США в нарушении международного права, в несоблюдении договоренностей, в применении «двойных стандартов» и пр. «не срабатывают» в силу *принципиального*

иного понимания этих материй в США. Источником «когнитивных диссонансов» в наших отношениях с этой страной следует искать не только и даже, наверное, не столько в экономике и политике, сколько в особенностях национальной психологии и истории двух наших народов.

Литература:

Барановский В.Г.; Богатуров А.Д. (Отв.ред.) *Современные глобальные проблемы.* – Москва: Аспект-пресс, 2010. – 349 с.

Бегельсдайт Ш.; Маселанд Р. *Культура в экономической науке.* – М.: Институт Гайдара, 2016. – 445 с.

Бордачев Т.В. *Пушки апреля или Возвращение стратегической фривольности // Россия в глобальной политике.* – 2017. – №3. – с. 23-34.

Как важно быть серьезным: мир на грани неоправимого // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». – Москва: октябрь 2017. 20 с.

Назаренко К.Б. *Флот, революция и власть в России: 1917-1921.* М.: Квадрига, 2011. – 483 с.

Никонов В.А. *Крушение России. 1917.* Режим доступа: fictionbook.ru/static/trials/06/18/14/06181443_a4.pdf

Мартынов Б.Ф. (Отв. ред.) *Трансграничный терроризм. Угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества. Латиноамериканский вектор.* – М.: Наука, 2006.

Талей Н.Н. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости.* – Москва: КоЛибри, 2011. – 735 с.

Як Б. *Национализм и моральная психология общества.* Москва: Институт Гайдара, 2017. – 517 с.

Bainton, R. *1917 Russia's Year of Revolution.* London: Robinson, 2005. 315 p.

Burley, M. *Blood and Rage. A Cultural History of Terrorism.* London: Harper Perennial, 2009. 581 p.

Figes, O. *A People's Tragedy. The Russian Revolution. 100th Anniversary Edition.* London: The Bodley Head, 2017. 923 p.

Kliksberg, B.A. *Mitos y realidades sobre la criminalidad en América Latina.* Buenos Aires: Siglo, 2006. 215 p.

Taylor, Ed. *The Fall of Dynasties. The Collapse of the Old Order.* New York: Yale University Press, 1963. 585p.

References:

Bainton, R. *1917 Russia's Year of Revolution.* London: Robinson, 2005. 315 p.

Baranovski, V.G.; Bogaturov, A.D. *Sovremennye globalnye problem (Modern Global Problems).* Moscow: Aspect-press, 2010. 349 p.

Beugelsdijk, S.; Maseland, R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke (Culture in Economics).* Moscow: Institut Gaidara, 2016. 445p.

Bordachev, T.V. *Pushki aprilii ili vozvrasheniye srategicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity) // Rossia v globalnoi politike,* 2017, Vol. XV, No. 3, pp. 23-34.

Burley, M. *Blood and Rage. A Cultural History of Terrorism.* London: Harper Perennial, 2009. 581 p.

Figes, O. *A People's Tragedy. The Russian Revolution. 100th Anniversary Edition.* London: The Bodley Head, 2017. 923 p.

³¹ Бордачев Т.В. *Пушки апреля или Возвращение стратегической фривольности // Россия в глобальной политике.* – 2017. – № 3. – с. 30. [Bordachev T.V. *Pushki aprilii ili vozvrasheniye srategicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity) // Rossia v globalnoi politike,* 2017, Vol. XV, No. 3, P. 30.]

Kak vazhno byt serioznym: mir nag rani nepopravimogo (How it is Important to be Serious: The World on the Verge of Uncorrectable) // Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" (Report of the International Club "Valdai"). Moscow, 2017. 20 p.]

Kliksberg, B.A. Mitos y realidades sobre la criminalidad en América Latina. Buenos Aires: Siglo, 2006. 215 p.

Martynov, B.F. (ed.) Transgraničniy terrorizm. Ugrozy bezopasnosti i Imperativy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Latinoamericanskii vektor (Transnational Terrorism. Threats to the Security and the Imperatives of International Cooperation. Latin American Vector). Moscow: Nauka, 2006.

Nazarenko, K.B. Flot, Revolutzia i vlast' v Rossii: 1917-1921 (Navy, Revolution and Power in Russia: 1917-1921). Moscow: Kvadriga, 2011. 483 p.

Nikonov, V.A. Krushenie Rossii. 1917 (The End of Russia. 1917). Mode of access: fictionbook.ru/static/trials/06/18/14/06181443_a4.pdf

Taylor, Ed. The Fall of Dynasties. The Collapse of the Old Order. New York: Yale University Press, 1963. 585p.

Thaleb, N.N. Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti (The Black Swan. The Impact of Highly Improbable). Moscow: Ko libri, 2010. 735 p.

Yak, B. Natsionalizm i moral'naia psikhologiya obshchestva (Nationalism and the Moral Psychology of Community). Moscow, Institut Gaidara, 2017. 735 p.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-93-104>

ON THE "IRRATIONAL" IN POLITICAL SCIENCE AND IN POLITICAL PRACTICES

Boris F. Martynov

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history: Received: 24 December 2017 Accepted: 11 March 2018</p>	<p>Abstract: The author, parting from the premise that the world political analysts failed to foresee some prominent political changes of the recent times, comes to the conclusion about the inadequacy of the existing methods of political analysis and forecasting. Some recent scientific works by Russian and foreign specialists made him think that a purely rationalist approach to the world studies, that has been used since the times of the Renaissance, partly exhausted itself. Along with the Russian authors Baranovski and Bogaturov, the Author thinks, that from now on our political analysis should be enriched by the introduction of some elements of a so called "natural – chaotic essence", which influences the world events through the element of "happening". The core of such an approach could include: 1) the recognition of a partial inadequacy of purely rationalist methods in our assessment of human nature and social phenomena; 2) the transference of the center of gravity in our social studies from economic to national-ethnic, culturological and civilizational aspects; 3) a wider use of historic analogies in the studies of all the problems of modern international relations. A linear character of our political forecasting will most evidently suffer because of that. Nevertheless, it would contribute to the elaboration of a more stereoscopic, complex view on the international relations as a whole and, particularly, on such problems as terrorism, illegal migration, separatism, and so on. The Author agrees with the thesis of some Occidental analysts (Bernard Yak, e.g.) that we should learn to "dutifully live" with certain irrational phenomena of political life (e.g. – nationalism), by purposely searching for and the accentuation of their "brighter" sides in the detriment of "dark" ones. The main prerequisite of such an accentuation, according to the Author, should be a wider use of education and culture. Culture, as a "positive" irrational actor (in all its demonstrations, including the <i>political</i> culture) should be seen as a promoter of a more active information strategy of Russia in the world arena. A shift for such a strategy is utterly necessary because a continuation of a "defensive" policy in this sphere can lead to significant losses</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, Professor, Head of Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University e-mail: bfmartynoff@gmail.com</p>	
<p>Key words: rational and irrational in human conscience and political practices; methods of political forecasting; information politics of Russia</p>	

Для цитирования: Мартынов Б.Ф. Об «иррациональном» в политической науке и практике // Сравнительная политика. – 2018. – № 2. – С. 93-104.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-93-104

For citation: Martynov, Boris F. Ob «irrational'nom» v politicheskoi nauke i praktike (On the "Irrational" in Political Science and in Political Practices) // Comparative Politics Russia, 2018, No. 2, pp. 93-104.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-93-104

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-105-113>

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ АКТОРНОСТИ ХАМАС И ХИЗБАЛЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ВСТРАИВАНИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Владимир Михайлович Морозов

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Айша Бекмуратовна Хачирова

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 8 января 2018 <i>Принята к печати:</i> 21 апреля 20187</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена проблеме негосударственных акторов в меняющейся политической системе мира. Рассматриваются ХАМАС и Хизбалла как наиболее крупные негосударственные акторы на Ближнем Востоке, обладающие значительным потенциалом с точки зрения влияния на ход региональных политических процессов, в том числе палестино-израильского урегулирования. На основе основных критериев «акторности», которые отмечали Р. Кохейн, Дж. Най и другие политологи, была предпринята попытка провести сравнительный анализ указанных движений для оценки степени и характера их акторности в регионе. После определения их значимости были рассмотрены методики внешнеполитического взаимодействия с этими политическими игроками и предложены стратегии включения ХАМАС и Хизбаллы в существующую региональную политическую систему. Были описаны негативный и позитивный сценарии развития ситуации ввиду такого встраивания, и оптимистичный вариант обоснован как наиболее вероятный.</p>
<p>Об авторах: <i>Морозов В.М.</i>, к.и.н., доцент, кафедра дипломатии, проректор по кадровой политике, МГИМО МИД России e-mail: morozov_v_m@mgimo.ru <i>Хачирова А.Б.</i>, магистр международных отношений, МГИМО МИД России e-mail: kha4irova.aisha@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: ХАМАС; негосударственные акторы; Хизбалла; палестино-израильское урегулирование.</p>	

Сегодня научное сообщество сходится во мнении, что политическая система мира переживает глобальные изменения. Отход от Вестфальского понятия государства как единственного актора мировой политики, информационная революция и рост возможностей оказания политического воздействия на мировые процессы со стороны негосударственных акторов, которые практиче-

ски «бросают вызов» государствам, ставят новые угрозы безопасности. Более того, не существует никакого общего знаменателя, такого, как, например, национальный суверенитет (как в Вестфальской политической системе), который бы уравнивал как государственных, так и негосударственных акторов и создал возможность для их встраивания в мировую политическую систему и совмест-

ной выработки международно-правовой базы и, соответственно, актуальной системы международного права.

Эта лакуна в вопросах мировой политики прямо отражается на эффективности урегулирования региональных кризисов, так как заинтересованные государства зачастую не могут прийти к однозначному пониманию статуса участвующих в нем группировок. На Ближнем Востоке иллюстрацией этому в первую очередь служит палестино-израильский конфликт и противостояние между Хизбаллой и Израилем.

Так, ХАМАС (акроним арабского «Движение исламского сопротивления»), социально-политическое антиизраильское религиозно-националистическое движение, основанное в 1987 г.) в некоторых государствах признается террористическим (США, ЕС, Израиль) и, соответственно, не привлекается к урегулированию, а в большинстве арабских стран, Иране, Турции, России и др. таковым не считается. При этом ХАМАС действительно играет значительную роль на палестинских территориях: одержал победу на парламентских выборах 2006 г., пользуется большой поддержкой населения и после военного переворота 2007г. осуществляет безраздельную власть в секторе Газа. Непризнание ХАМАС и его неучастие в урегулировании до сегодняшнего момента приводило к срыву мирных договоренностей ФАТХ¹ с Израилем.

Что касается Хизбаллы («Партия Аллаха»), то это также антиизраильское социально-политическое движение в Ливане, официально оформившееся в 1985 г. Оно исторически занимает большое место в политической жизни страны и представлено в парламенте и правительстве. Хизбалла пользуется поддержкой среди населения, особенно после успешного отражения израильского вторжения в Ливан в июле-августе 2006 г., и опирается на представителей шиитской общины страны, составляющей более трети ее населения и являющейся

крупнейшей конфессиональной группой в стране. Хизбалла схожа с ХАМАС своей структурой и деятельностью, при этом к различиям можно отнести то, что Хизбалла является полностью официальной политической силой в масштабе всей территории Ливана, а не «вторым правительством» в границах палестинских территорий, как ХАМАС. Тем не менее, практически все государства, признающие ХАМАС террористической организацией, признают таковой и Хизбаллу. И это мешает ей участвовать в прямых переговорах с Израилем, выступать от имени Ливана на мировой арене, действовать в рамках международных организаций, форумов и т.д.

Двум этим движениям посвящены множество исследований, основанных на историческом подходе и использующих его методы, но они не изучались с позиций их акторности в рамках теории международных отношений. Отсутствие теоретического осмысления проблематики ХАМАС и Хизбаллы, по сути неопределенность их статуса и роли в региональной политической системе предопределяют необходимость их такого изучения для выработки взвешенных внешнеполитических подходов, поиска новых решений для урегулирования конфликтов и, более общо, для редукции анархии как применительно к международным отношениям, так и к региону Ближнего Востока.

Принимая во внимание все вышеназванное, можно сделать следующее предположение: ХАМАС и Хизболлу необходимо включить в политическую систему мира в контексте урегулирования региональных территориальных конфликтов. Эта формулировка предполагает неизбежное возникновение вопросов, связанных с западной трактовкой этих движений как террористических, что подразумевает закрытие опции такого встраивания. Предвосхищая это, хотелось бы оговориться, что, учитывая отсутствие единого мнения по определению терроризма, в рамках этой статьи мы будем исходить из сути анти-террористической резолюции 42/159 ГА ООН 1987 г., которая, определяя терроризм, имеет оговорку о том, что «ничто в настоящей резолюции не может наносить ущерб праву на самоопределение,

¹ ФАТХ – умеренная политическая партия, правящая на Западном берегу р. Иордан, но признанная международным сообществом в качестве представителя интересов всего палестинского народа

свободу, независимость народов, насильственно лишенных этого права» и далее в п.14: «в особенности народов, находящихся под гнетом колониальных и расистских режимов и иностранной оккупации или иных форм колониального господства; а также праву этих народов вести с этой целью борьбу и просить и получать поддержку»². Учитывая цели ХАМАС и Хизбаллы и опыт их реальной деятельности в соответствии с ними, в этой работе мы постараемся рассмотреть и оценить эти организации как субъектов региональной политики вне контекста терроризма.

Компаративный анализ акторности двух движений проводится на основе определенных критериев, составляющих понятие «актор». Так, под актором мировой политики в данной статье предполагается понимать субъекта структуры международных отношений, обладающего транснациональностью и способностью влиять на мировые политические процессы, ресурсами, целями, стратегией, задачами, интересами, внутренней структурой, самостоятельностью в принятии решений, пользующегося официальным или неофициальным признанием других акторов и принадлежностью к определенной группе. Изучение перспектив встраивания ХАМАС и Хизбаллы в мировой политический порядок происходит на основе выявления характера акторности этих движений.

Описание результатов исследования для наглядности представляется целесообразным начать с анализа определения акторности через призму характеристик ХАМАС и Хизбаллы и, соответственно, попутного сравнения степени их соответствия ему. По первой составляющей акторности – *способности влиять на мировые политические процессы и транснациональности* – в отношении ХАМАС следует констатировать существование его однозначного влияния на палестино-израильский переговорный процесс. Попытки урегулирования на двусто-

роннем уровне: ФАТХ – Израиль зачастую срывались из-за террористических актов со стороны ХАМАС, недовольного его участием в процессе. Особо показателен пример на более глобальном уровне – конференция, прошедшая в Аннаполисе в 2007 г. и собравшая более 40 государств для решения палестино-израильской проблемы, закончилась по сути безрезультатно, в том числе из-за того, что на нее не была приглашена важная внутривнутриполитическая палестинская сила – ХАМАС.

Тем не менее, утверждение о том, что палестино-израильское урегулирование – мировой политической процесс, вызывает сомнения. Можно рассматривать его с точки зрения вовлеченности «квартета» посредников (ЕС, ООН, США, Россия) в его урегулирование, однако, как представляется, это в первую очередь региональный процесс, а деятельность ХАМАС ограничена рамками палестинских территорий и Израилем.

Хизбалла – одна из основных политических сил Ливана, представленная в правительстве и парламенте, имеющая свое военное крыло, которое успешно противостоит Израилю. Однако ее деятельность не ограничивается ливано-израильскими отношениями. Являясь по сути проводником интересов Ирана в регионе, Хизбалла принимает активное участие в гражданской войне в Сирии на стороне Б. Асада и является одной из наиболее эффективных сил, противостоящих вооруженной суннитской оппозиции. Влияние ее на мировые или региональные политические процессы незначительно, а транснациональность движения в пределах региона не вызывает сомнений.

ХАМАС и Хизбалла *обладают обширными ресурсами*, которые можно объединить в три основные группы:

1) Силовой ресурс: ХАМАС, как и Хизбалла, имеет военизированное крыло и каналы поставок оружия. Нужно заметить, что как боевые группировки они представляют собой сетевые организации по типу «сложной матрицы», то есть сети, объединенные общими религиозными, этническими, идеологическими ценностями с элементами *SPIN (segmented, polycentric, ideologically integrated network)* структу-

² Резолюция 42/159 ГА ООН, принятая на 94-м пленарном заседании 7 декабря 1987 г. Резим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/518/49/IMG/NR051849.pdf>

ры – своего рода ячеечные структуры со множеством различных лидеров³. Важно заметить, что именно эти типы систем практически неуязвимы и их гораздо сложнее уничтожить⁴.

2) Финансовый ресурс – ХАМАС достаточно регулярно получает пожертвования из стран со сходной позицией по палестино-израильскому урегулированию – в первую очередь, из Ирана и от Катара, поддерживающего Братьев-мусульман (ответвлением которых является ХАМАС). Хизбалла, пользуясь помощью из Ирана и от шиитов многочисленной ливанской диаспоры во всем мире, покрывает часть своих расходов за счет собственной коммерческой и хозяйственной деятельности. Это мощная экономическая структура, которая вкладывает средства в производство, торговлю, недвижимость и располагает собственными предприятиями в Ливане.

3) Людской ресурс – радикальная идеология ХАМАС и Хизбаллы, их популярность среди жителей неизменно привлекают в их ряды маргинализованную часть многочисленного арабо-палестинского населения, беженцев; палестинцев, пострадавших, от действий Израиля; идейных и религиозных фанатиков.

Следующему критерию акторности – *наличию целей, стратегии, задач, интересов* – удовлетворяют и ХАМАС, и Хизбалла. Так, цель ХАМАС, согласно его Уставу⁵, – освобождение всей территории Палестины, установление шариатского правления. Похожей была и цель Хизбаллы на раннем этапе ее существования: создание в Ливане исламской республики по иранскому образцу (позже от этой цели отказались). Среди задач ХАМАС: пропаганда джихада «меча», джихада «души»⁶, ведение военных действий с

противником, мобилизация общественного мнения (особенно среди арабских стран) на борьбу с Израилем и т.д. Провозглашаемые приоритеты Хизбаллы – достижение общественной и межконфессиональной стабильности в стране, консолидация шиитов Ирана через сотрудничество с второй по значимости шиитской организацией «Амаль». Интересы обеих группировок – контроль за территорией и власть.

И ХАМАС, и Хизбаллу характеризует наличие схожей *внутренней структуры*. ХАМАС состоит из трех взаимосвязанных крыльев: социально-благотворительного, политического («теневое правительство»), отвечающего за административную и пропагандистскую работу и военного. ХАМАС по сути совмещает исламистское, национальное и социальное направления деятельности. Всей деятельностью ХАМАС руководит Маджлис аль-Шура (Консультативный совет). Ему подчиняются комитеты, ответственные за различные виды деятельности ХАМАС. На местном уровне действуют соответствующие местные комитеты ХАМАС, которые должны претворять в жизнь решения высших органов⁷.

Хизбалла фактически состоит из двух параллельных структур: официальной политической партии, проводящей курс на интеграцию в общественную жизнь Ливана, и военной организации, сохраняющей закрытый характер и обеспечивающей боевой потенциал партии для оказания, при необходимости, отпора Израилю.

В том, что касается такой составляющей акторности, как *самостоятельности в принятии решений*, представляется, что ХАМАС более независим, чем Хизбалла, так как не зависит от какого-то государства политически. Финансирование, безусловно, оказывает не-

через упорство мирной деятельности, например, в научной, образовательной или журналистской сфере

³ Megaterrorism: New Challenges for a New Century / Ed. by A. Fedorov. Moscow: Human Rights Publishers, 2003.

⁴ Janis, I.; Mann, L. Decision-Making. A Psychological Analysis of Conflict, Choice, Commitment. NY.: Free Press, 1977.

⁵ (سامح) في مجالس الا فتاوى كبري قاتيم (Мисак ХАМАС. Харакя-аль-мукавама аль-исламийя) // Aljazeera: web-site, Qatar. Mode of access: <http://www.aljazeera.net/specialfiles/pages/0b4f24e4-7c14-4f50-a831-ea2b6e73217d>

⁶ Если джихад «меча» – военная борьба, джихад «души» – способы противостоять агрессору

⁷ Олимпиев А.Ю. Международные проблемы Ближнего Востока. 1960-е – 2013г.: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – С. 242. [Olimpiev, A.Iu. Mezhdunarodnye problemy Blizhnego Vostoka. 1960-e – 2013g. (International Problems of the Middle East. 1960-2013). Moscow: IuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2013. P. 242.]

которое влияние, однако в случае с ХАМАС нельзя ничего утверждать однозначно. Нагляден пример с сирийским кризисом, когда ХАМАС поддержал арабийские монархии, осудив действия Хизбаллы на сирийской территории, и тем самым отстранился от традиционного донора – Ирана, что повлекло серьезное охлаждение отношений с этой страной. Также можно вспомнить эпизод с Иорданией, когда саботирование желаний Аммана по нормализации отношений между ХАМАС и Израилем привело к выдворению руководства и штаб-квартиры этой организации из столицы после более чем десятилетнего их пребывания там.

По вопросу *официального или неофициального признания ХАМАС и Хизбаллы другими акторами* международное сообщество не выработало единого подхода. К примеру, США и Израиль не признают ХАМАС в качестве полноправного политического субъекта, однако существуют страны типа Ирана, Саудовской Аравии, Катара, России, которые считают ХАМАС договороспособной стороной и выступают за его включение в региональную политическую подсистему. Эта лакуна в международном праве (отсутствие единого смыслового наполнения понятия «терроризма») неразрывна связана с разными политическими интересами в урегулировании палестино-израильского процесса.

Что касается последней составляющей акторности, а именно *принадлежности к определенной группе*, ХАМАС в своем Уставе причисляет себя к Братьям – мусульманам и, более широко, выражает волю радикальной части палестинского населения, в то время как Хизбалла видит себя как проводника интересов шиитов Ливана.

Проведенный анализ позволяет с некоторыми оговорками сделать допущение, что ХАМАС и в меньшей степени Хизбалла попадают под категорию негосударственных транснациональных акторов мировой политики. Утверждение о том, что они не принадлежат государству, является условным, так как создание различных структур, близких к государственным, появление «гибридных образований» делает границы между государственными и негосударственными акторами все более призрачными. Данный тезис нагляднее

проиллюстрировать на примере ХАМАС. Это квази-государственная сила в Секторе Газа, обладающая основными признаками государства: собственной территорией – Сектор Газа, полнотой суверенитета в нем, населением в более, чем полтора миллиона человек и демократической легитимностью. Эти черты даже позволяли некоторым исследователям после прихода ХАМАС к власти предполагать возможность создания некоего государства «Хамастан» на палестинских территориях (ввиду последовательности руководства организации в цели освобождения всей Палестины, это предположение не оправдалось).

Впервые о важности транснациональных акторов заявили широко известные западные политологи Р. Кохейн и Дж. Най еще в 1971 г.⁸ Они определили транснационального политического актора как «любого индивида или организацию, обладающих существенными ресурсами и транснационально находящимися в политических отношениях с другими акторами», со следующим пояснением: любое использование экономических санкций, захват самолета и т.д., «направленные на изменение поведения других акторов, являются политическим поведением». Затем они заявили о необходимости их изучения в контексте нелиберального институционализма⁹ (реалистская парадигма придавала мало значения негосударственным субъектам мировой политики), и исследования транснациональных акторов продолжились в работах многих известных профессоров, в том числе Т. Риссе, предпринявшего попытку сравнить акторов по ряду параметров (ресурсам, характеру организации)¹⁰. В российской политологии наибольшее внимание проблеме негосударственных акторов и их систематизации уделила М.М. Лебедева¹¹.

⁸ Keohane, R.; Nye, J. Translational Relations and World Politics. // *International Organization*, Vol. 25, No. 3, pp. 329-349.

⁹ Keohane, R.; Nye, J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. L.: The Book Service Ltd, 1977.

¹⁰ Risse, Th. Transnational Actors and World Politics / *Handbook of International Relations*. L.: Sage, 2002.

¹¹ Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 43. [Lebedeva, M.M.

Опираясь на ее типологию, можно сделать вывод о том, что ХАМАС и Хизбалла (в том числе и по смыслу вышеприведенной резолюции ООН¹²) удовлетворяют критериям, скорее, этнических и религиозных движений, нежели террористических, хотя радикальные методы достижения ими своих целей и привели к включению их в списки террористических организаций во многих странах. Этнические и религиозные движения зачастую образуются группами коренного населения, которое проживало на той или иной территории задолго до образования государства. Этих людей объединяет общность культуры, языка, принадлежность к одному этносу и как политический актор на мировой арене они представляют собой объединение людей в группы для реализации политических целей. Часто они образуют движения для борьбы за свои права вплоть до формирования собственного государства¹³. При этом «методы, используемые этно-религиозными движениями, могут быть различны, начиная от парламентских методов борьбы и заканчивая вооруженными террористическими действиями»¹⁴. Как показало исследование, эти характеристики применимы и к Хизбалле, и к ХАМАС. Важно отметить другой пример организации, которая также была этнополитическим движением, использовавшим террористические методы борьбы, но была признана полноправным субъектом мировой политики – Африканский национальный конгресс.

Mirovaia politika v XXI veke: aktry, protsessy, problem (World Politics in the XXI Century: Actors, Processes, Problems). Moscow: MGIMO-Universitet, 2009. P. 43.]

¹² Резолюция 42/159 ГА ООН, принятая на 94-м пленарном заседании 7 декабря 1987 г. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/518/49/IMG/NR051849.pdf> [UN Resolution 42/159 of December 7th, 1987. Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/518/49/IMG/NR051849.pdf>]

¹³ Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 43. [Lebedeva, M.M. Mirovaia politika v XXI veke: aktry, protsessy, problem (World Politics in the XXI Century: Actors, Processes, Problems). Moscow: MGIMO-Universitet, 2009. P. 43.]

¹⁴ Ibid.

Что касается террористических организаций, они в политологии выделяются в отдельную подкатегорию и отличаются целями – оказание влияния на сознание людей и формирование отношения к политическим событиям в глобальном масштабе¹⁵. Учитывая, что ХАМАС и Хизбалла имеют конкретные политические национальные цели и задачи в рамках своей страны или региона, эти движения могут быть рассмотрены, скорее, с позиций борьбы нации за самоопределение.

Говоря о проблеме встраивания ХАМАС и Хизбаллы как политических акторов в существующую архитектуру мирового порядка, необходимо для начала обосновать потребность в таком встраивании с позиций опыта применения «жесткой» и «мягкой» силы к этим организациям.

Как показывает история, вооруженная борьба с ХАМАС и Хизбаллой не была успешной. Нельзя не согласиться с Э.Г. Соловьевым в том, что «современные бюрократы не владеют технологиями борьбы с «сетевым» противником... Определяющим моментом тут выступает не различие потенциалов, а принцип организации»¹⁶. Практика подобных войн с местными группировками в Афганистане и Ираке показала, что военное превосходство не имеет определяющего значения в борьбе с подобным неформальным и негосударственным противником. Отказ от общения с враждебно настроенным правительством, декларативная дипломатия и санкции только углубляют конфронтацию и не имеют смысла, так как не разрешают существующих противоречий. Уинстон Черчилль замечал, что «дипломатические отношения устанавливаются не для обмена комплиментами, а для удобства»¹⁷.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Соловьев Э. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. – 2004. – № 2. – С. 75. [Solov'ev, E. Setevye organizatsii transnatsional'nogo terrorizma (Networks of Transnational Terrorism) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2004, No. 2, p. 75.]

¹⁷ Фриман Ч. Когда бессильна дипломатия // Россия в глобальной политике. – № 4, 03.09.2014. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kogda-bessilna-diplomatiya-16917> [Friman, Ch. Kogda bessil'na diplomatiia // *Rossia v global'noi politike*, No. 4, 03.09.2014.

Если же исключить применение военной силы, встает вопрос о переговорах, «мягкой силе». В изначальном варианте концепции Дж. Най «мягкая сила» была представлена односторонне, как монолог одного субъекта в отношении другого. Более правильным представляется понимание «мягкой силы» как диалога, то есть, по предложению культуролога М. Бахтина, «утверждение чужого «я» не как объекта, а как субъекта»¹⁸. В противном случае трудно достичь компромисса. Как точно отметил Ч. Фриман, старший научный советник Университета Брауна, «мало кого можно убедить изменить образ действий без тактичной и аргументированной беседы. Трудно заставить неприятеля сдаться, если он считает, что его политическое выживание и достоинство зависят от упрямого отстаивания своей позиции»¹⁹. Это то, что просматривается в случае с ХАМАС (в большей степени, чем Хизбаллы), и на наш взгляд, в этом заключается одна из ключевых проблем палестино-израильского урегулирования.

Возвращаясь к вопросу о включении ХАМАС и Хизбаллы в существующий политический миропорядок, важно отметить следующее: нужно выстраивать систему безопасности, вовлекая в нее негосударственных акторов (в данном случае ХАМАС и Хизбаллу), признавая их полноправными субъектами региональной политики, с которыми нужно вести диалог, в первую очередь, в интересах урегулирования палестино-израильского конфликта. Если говорить о существовании «квартета» по ближневосточному урегулированию, то можно констатировать, что этот формат

Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kogda-bessilna-diplomatiya-16917>

¹⁸ Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 44. [Lebedeva, M.M. *Mirovaia politika v XXI veke: aktoary, protsessy, problem* (World Politics in the XXI Century: Actors, Processes, Problems). Moscow: MGIMO-Universitet, 2009. P. 44.]

¹⁹ Фриман Ч. Когда бессильна дипломатия // Россия в глобальной политике. – № 4, 03.09.2014. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kogda-bessilna-diplomatiya-16917> [Friman, Ch. *Kogda bessil'na diplomatiia // Rossiia v global'noi politike*, No. 4, 03.09.2014. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kogda-bessilna-diplomatiya-16917>]

изживает себя. Представляется необходимым некая его модификация или замена, так как создание различных структур международной безопасности, которые обеспечиваются только государствами (вне зависимости от их числа и положения на международной арене), в сегодняшней политической системе оказывается недостаточным. Такие структуры должны быть заменены системой глобальной безопасности, где государства, оставаясь ключевыми звеньями, взаимодействуют с негосударственными акторами и учитывают их интересы, цели, модели поведения. В своей недавней публикации Дж. Най прямо заявляет, что революция в сфере интернет-коммуникаций приведет к тому, что все негосударственные акторы, начиная от корпораций и НПО и до преступников и террористов, смогут играть прямую роль в мировой политике, и мы уже начинаем ощущать эти последствия²⁰. Иными словами, новую реальность, над которой нельзя не задумываться.

О.А. Колобов выделяет две стратегии формирования новой политической системы мира. Первая стратегия предполагает, что государства как главные, хотя и уже и не единственные акторы на мировой арене, совместно с другими участниками планомерно выстраивают новую политическую систему через систему переговорных процессов. По его мнению, в действительности происходит реализация второй стратегии – стихийное и хаотичное выстраивание подобной системы повсеместно, что представляет угрозу международной и региональной политической стабильности в силу недостаточной изученности²¹.

Однако подобные предложения о встраивании негосударственных акторов в мировую политику неизменно наталкиваются на критику, по сути являющуюся вариантом негативного прогноза. По определению И.И. Кузнецова, субъекты типа ХАМАС – участники с

²⁰ Nye, J. *Understanding Global Conflict and Cooperation: an Introduction to Theory and History*. Boston: Pearson, 2017.

²¹ НАТО и Россия в глобальном гражданском обществе / Под ред. О.А. Колобова. – М.: АГПИ, 2005. – С. 16-20. [NATO i Rossiia v global'nom grazhdanskom obshchestve (NATO and Russia in Global Civil Society) / Ed. by O.A. Kolobov. Moscow: AGPI, 2005. Pp. 16-20.]

ограниченной ответственностью²². Контроль над территориями со стороны подобных квази-государственных объединений несет опасность действий вне рамок общепризнанного международного права, то есть, по его мнению, ответственность за свои действия у негосударственных акторов снижена по сравнению с государствами, исходящими из принципа вечного существования. Он делает вывод, что с такими участниками сложно строить длительные отношения, поскольку неочевидно, что принятые обязательства будут выполнены, но замечает, что краткосрочное сотрудничество может быть выгодным²³.

С этим сценарием нельзя всецело согласиться. Представляется вероятным более оптимистичный прогноз, что организация типа ХАМАС, уже десятый год сохраняющая контроль над определенной территорией, стараясь дистанцироваться от террористов и действительно являющаяся политическим актором, при установлении с ними диалога и учете их интересов будет дорожить таким признанием и репутацией. Вполне возможно, что и в долгосрочной перспективе она распушит военное крыло, как это произошло в Афганистане в случае с военной группировкой Г. Хекматияра, отказавшейся от вооруженной борьбы. Выгоды такого встраивания ХАМАС и Хизбаллы в региональную политическую систему бесспорны – как минимум во внутривосточном процессе начнутся подвижки к урегулированию, как максимум – глобальное сообщество получит надежду на мир с урегулированным палестино-израильским конфликтом.

²² Кузнецов И.И. Транснациональные отношения в системе государств: партнерство или новый виток соперничества? // Космополис. Альманах. – 1999. – с. 122-126. [Kuznetsov, I.I. Transnational'nye otnosheniia v sisteme gosudarstv: partnerstvo ili novyi vitok sopernichestva? (Transnational Relations in the System of States: Partnership or a New Round of Competition?) // *Kosmopolis. Al'manakh*. 1999, pp.122-126.]

²³ Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 40. [Lebedeva, M.M. Mirovaia politika v XXI veke: aktory, protsessy, problem (World Politics in the XXI Century: Actors, Processes, Problems). Moscow: MGIMO-Universitet, 2009. P. 40.]

Литература:

Кузнецов И.И. Транснациональные отношения в системе государств: партнерство или новый виток соперничества? // Космополис. Альманах. – 1999. – с. 122-126.

Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 40-44.

НАТО и Россия в глобальном гражданском обществе / Под ред. О.А. Колобова. – М.: АГПИ, 2005. – С. 16-20.

Олимпиаев А.Ю. Международные проблемы Ближнего Востока. 1960-е – 2013г.: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.

Резолюция 42/159 ГА ООН, принятая на 94-м пленарном заседании 7 декабря 1987 г. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/518/49/IMG/NR051849.pdf>

Соловьев Э. Сетевые организации транснационально-го терроризма // Международные процессы. – 2004. – № 2.

Фриман Ч. Когда бессильна дипломатия // Россия в глобальной политике. – № 4, 03.09.2014. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kogda-bessilna-diplomatiya-16917>

Janis, I.; Mann, L. Decision-Making. A Psychological Analysis of Conflict, Choice, Commitment. NY.: Free Press, 1977.

Keohane, R.; Nye, J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. L.: The Book Service Ltd, 1977.

Keohane, R.; Nye, J. Translational Relations and World Politics. // *International Organization*, Vol. 25, No. 3, pp. 329-349.

Megaterrorism: New Challenges for a New Century / Ed. by A. Fedorov. Moscow: Human Rights Publishers, 2003.

Nye, J. Understanding Global Conflict and Cooperation: an Introduction to Theory and History. Boston: Pearson, 2017.

Risse, Th. Transnational Actors and World Politics / Handbook of International Relations. L.: Sage, 2002.

Харакя-аль-мукавама аль-исламийя // Aljazeera: web-site, Qatar. Mode of access: <http://www.aljazeera.net/specialfiles/pages/0b4f24e4-7c14-4f50-a831-0a2b6e73217d>

References:

Friman, Ch. Kogda bessil'na diplomatiia // Rossiia v global'noi politike, No. 4, 03.09.2014. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kogda-bessilna-diplomatiya-16917>

Janis, I.; Mann, L. Decision-Making. A Psychological Analysis of Conflict, Choice, Commitment. NY.: Free Press, 1977.

Keohane, R.; Nye, J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. L.: The Book Service Ltd, 1977.

Keohane, R.; Nye, J. Translational Relations and World Politics. // *International Organization*, Vol. 25, No. 3, pp. 329-349.

Kuznetsov, I.I. Transnational'nye otnosheniia v sisteme gosudarstv: partnerstvo ili novyi vitok sopernichestva? (Transnational Relations in the System of States: Partnership or a New Round of Competition?) // *Kosmopolis. Al'manakh*. 1999, pp.122-126.

Lebedeva, M.M. Mirovaia politika v XXI veke: aktory, protsessy, problem (World Politics in the XXI Century: Actors, Processes, Problems). Moscow: MGIMO-Universitet, 2009. Pp 40-44.

Megaterrorism: New Challenges for a New Century / Ed. by A. Fedorov. Moscow: Human Rights Publishers, 2003.

NATO i Rossiia v global'nom grazhdanskom obshchestve (NATO and Russia in Global Civil Society) / Ed. by O.A. Kolobov. Moscow: AGPI, 2005. Pp. 16-20.

Nye, J. Understanding Global Conflict and Cooperation: an Introduction to Theory and History. Boston: Pearson, 2017.

Olimpiev, A.Iu. Mezhdunarodnye problemy Blizhnego Vostoka. 1960-e – 2013g. (International Problems of the Middle East. 1960-2013). Moscow: IuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2013.

Risse, Th. Transnational Actors and World Politics / Handbook of International Relations. L.: Sage, 2002.

Solov'ev, E. Setevye organizatsii transnatsional'nogo terrorizma (Networks of Transnational Terrorism) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2004, No. 2.

UN Resolution 42/159 of December 7th, 1987. Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/518/49/IMG/NR051849.pdf>

(سامح) قتيمة السالمة فمواقملا فففرح قاتيم (Харакя-аль-мукавама аль-исламийя) // Aljazeera: web-site, Qatar. Mode of access: <http://www.aljazeera.net/specialfiles/pages/0b4f24e4-7c14-4f50-a831-ea2b6e73217d>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-105-113>

HAMAS AND HEZBOLLAH AS ACTORS: COMPARATIVE ANALYSIS AND PROSPECTS OF INTEGRATION IN THE WORLD ORDER

Vladimir M. Morozov

MGIMO University, Moscow, Russia

Aysha B. Khachirova

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 8 January 2018</p> <p><i>Accepted:</i> 21 April 2018</p>	<p>Abstract:The article is devoted to the problem of non-state entities in a changing nature of world politics. Hamas and Hezbollah are seen as major non-governmental actors in the Middle East with great potential to influence regional political processes including the Palestinian-Israeli peace talks. The authors made an attempt to conduct comparative analysis of those movements' compliance with the benchmarks of an actor (drafted by J. Nye, R. Keohane and other prominent political scientists) so as to assess its roles and positions in the region. Suggestions on shaping foreign policy towards those non-state actors were made and strategies of its incorporation in the world order were investigated. The authors described negative and positive projections of such an engagement of Hamas and Hezbollah in the regional processes and gave their perspective on the feasibility of each scenario.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Vladimir M. Morozov</i>, Candidate of History, Associate Professor, Department of Diplomacy, Vice-Rector for human recourses, MGIMO University</p> <p>e-mail: morozov_v_m@mgimo.ru</p> <p><i>Aysha B. Khachirova</i>, MA in International Relations, MGIMO University</p> <p>e-mail: kha4irova.aisha@yandex.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>Hamas; non-state actors; Hezbollah; Palestinian-Israeli peace talks</p>	

Для цитирования: Морозов В.М., Хачирова А.Б. Компаративный анализ акторности ХАМАС и Хизбаллы и перспективы их встраивания в мировой политический порядок // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 105-113.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-105-113

For citation: Morozov, Vladimir M.; Khachirova, Aysha B. Komparativnyi analiz aktornosti KhAMAS i Khizbally i perspektivy ikh vstraivaniia v mirovoi politicheskii poriadok (Hamas and Hezbollah as Actors: Comparative Analysis and Prospects of Integration in the World Order) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 105-113.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-105-113

ИМИДЖ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ОБЪЕКТИВНОМ И СУБЪЕКТИВНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Ольга Сергеевна Пустошинская

*Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 ноября 2017 <i>Принята к печати:</i> 1 января 2018</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена проблематике регионального позиционирования как важнейшего фактора приращения символического потенциала государства, политическое и социальное сообщества которого заинтересованы в устойчивом и прогрессивном развитии своих территорий. Авторы, основываясь на результатах проведенного исследования, оценивают продвижение в смысловых полях аттрактивного имиджа Тюменской области. Рассматриваются имиджевые модели на предмет выявления сходства и различия выраженных в них характеристик. Установлено, что объективный образ интегрирует положительные и проблемные проявления региональной действительности. В субъективных построениях негативные аспекты не находят закрепления. Обнаружена динамика в восприятии Тюменской области населением России. В матрице ментального конструирования появляется множество новых ассоциатов, замещающих часть стержневого бренда углеводородной специализации и отсылающих к диверсификации экономики, ее инновационной перестройке, историко-культурному наследию, спортивным и научным достижениям, туристическим возможностям. В представлениях граждан стран СНГ уникальность Тюменской области связывается с экспортно-сырьевым предложением, а также емким трудовым рынком, благоприятными условиями для обучения, жизни, самореализации. В европейских государствах не обеспечен необходимый уровень узнаваемости региона. Нефтегазовая компонента в западных социумах в большей степени ассоциируется с образом Российской Федерации в целом как энергетической державы. Набор имиджевых черт редуцирован до пределов погруженности в деловые, образовательные, спортивные и другие коммуникации в рамках международного сотрудничества.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, кафедра новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет e-mail: pustoshinskayaolga@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: субъективные представления; объективный образ Тюменской области; внутренний и внешний имиджи Тюменской области</p>	

В мире глобальной связанности, критической нестабильности и всеобщего риска субнациональные единицы в рамках легализованной самостоятельности обречены агрессивно, наравне с политическими макросубъектами встраиваться в мировую систему конкурентного взаимодействия с вытекающими из этого издержками и одновременно преимуществами в плане доступа к инвестициям, активам, высоким технологиям, рынкам сбыта и услуг, природным и человеческим ресурсам. В условиях легкой конвертации экономического влияния в политические дивиденды усиливается рефлексирующая мотивация территорий к формированию, поддержанию и продвиже-

нию привлекательного имиджа в целевых группах, оказывающих воздействие на конфигурацию сил в сети локально-глобальных трансакций.

В данной связи в последнее десятилетие в Российской Федерации все большее значение приобретает деятельность по позиционированию ее составных частей. В случае корректно разработанной стратегии и ее эффективной реализации обеспечивается выгодная узнаваемость региона, завладение вниманием управленческих и бизнес-элит, представителей гражданского общества, формируется их устойчивое доверие к объекту как надежному партнеру с доверяющей массой конкурентоспособных

качеств. В свою очередь, конъюнктурный спрос срабатывает на повышение коммерческой и общественно-политической ценности территории.

Тюменская область вызывает особый интерес для изучения в рамках обозначенной предметной области. Интегрируя территории юга с аграрно-промышленной специализацией, Ханты-Мансийский автономный округ-Югру (далее – ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкий автономный округ (далее – ЯНАО) с топливно-производственным отраслевым направлением, она представляет собой крупнейшей, экономически успешный и социально благополучный регион России. Миссия области предопределена функционированием нефтегазового комплекса, финансовые поступления от экспорта продукции которого формируют значительную долю государственного бюджета. Кроме того, энергетический фактор выступает важнейшим рычагом давления во внешней политике. В свете радикально обострившегося в 2017 г. соперничества между США и Российской Федерацией вокруг европейского рынка потребления важность данного сегмента исследований многократно возрастает. Очевидно, что смыслы и символы интродуцированы в борьбу за сохранение партнеров и приумножение сторонников. Создание альтернативных союзов усиливает риски, связанные с переориентацией движения капитала, продукции, рабочей силы.

В русле логики российской национальной безопасности растет убежденность в востребованности на уровне властного реагирования в научно обоснованной информации о текущих имиджах Тюменской области, укоренившихся в ментальности разных аудиторий. Выявление проблемных аспектов в характере и объемах наполнения коллективного сознания представлениями о регионе отвечает общественному запросу по совершенствованию деятельности институтов, ответственных за имиджмейкинг и брендинг локального пространства.

Кроме того, полученные данные и сделанные выводы могут представлять интерес для специалистов, разрабатывающих тематику с точки зрения уточнения, пересмотра и приращения знания, о дефиците которого

свидетельствуют редкие монографические работы и отдельные статьи¹.

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования

Теоретико-методологическим ориентиром, задавшим рамку эвристического поиска, послужил компаративный подход, в соответствии с принципами которого выбрана ориентация на сопоставление имиджевых моделей Тюменской области. Логика строилась на презумпции множественности конструкторов, складывающихся в нетождественных средах в результате синтеза индивидуальных оценок и сложных комплексов коннотаций, исходящих от разнообразных информационных источников, в том числе посланий, искусственно производимых и навязываемых целевым аудиториям. С опорой на указанный подход обозначены уровни анализа: официальный и социальный. Последний, в свою очередь, дифференцирован на локальный, общенациональный и международный.

В качестве предпосылочного знания выступили идеи Д. Котирлеа², И. Мартин и

¹ См., например: Кузнецов А.В. Пути укрепления позиций Тюменской области на корпоративной карте мира // *Полития*. – 2016. – № 2. – С. 172-191. [Kuznetsov, A.V. Puti ukrepleniia pozitsii Tiimenskoi oblasti na korporativnoi karte mira (Ways to Strengthen Positions of Tyumen Region on Corporate World Map) // *Politia*, 2016, No. 2, pp. 172-179.]; Леканова А.С. Имидж региона в практике управления социально-экономическим развитием территории (на примере Тюменской области) // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. – 2016. – № 8. – С. 190-196. [Lekanova, A.S. Imidzh regiona v praktike upravleniia sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem territorii (na primere Tiimenskoi oblasti) (The Image of the Region in the Practice of Socio-Economic Development of the Territory (The Case of Tyumen Region)) // *Territoria novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2016, No. 8, pp. 190-196.]

² Cotirlea, D.A. Country Image VS Country Brand: Differences and Similarities. Mode of access: <http://www.ecoforumjournal.ro/index.php/eco/article/viewFile/265/158>

С. Ероглу³. Маркированные авторами факторы, определяющие имидж региона, сведены до регулятива, предписывающего выполнение замера изучаемого объекта, фокусируясь на кластерах когерентных переменных, обладающих безусловным и относительным влиянием. В конгломерате первых: микроэкономика, инновации, социокультурное развитие, природно-географическое положение, эффективность управленческих практик. Среди вторых важное место отведено деятельности по культивированию притягательного бренда территории.

В обозначенную систему координат органично встраиваются трактовки основного понятия со сложной семантической морфологией. Одно из наиболее фундированных определений принадлежит А. Панкрухину, который эксплицирует имидж территории как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта людей и слухов, влияющих на создание определенного образа»⁴. Солидарное понимание концепта репрезентируют, например, И. Татаркин⁵ и Е. Трофименко⁶.

В пользу указанной точки зрения свидетельствуют достижения в зарубежной науке. Так, у М. Рут и Дж. Ромео структура регионального имиджа интегрирует образные, рациональные и информационные элементы представлений о пространстве⁷.

Альтернативная научная позиция редуцирует денотат рассматриваемой категории до смыслового наполнения, подразумевающего запрограммировано формируемый образ с качествами, отвечающими ожиданиям реципиентов. Она представлена в работах Ю. Кудашовой⁸, М. Терских и Е. Маленовой⁹ и др.

Обнаруженные разночтения имплицитны на том основании, что теоретизирование предполагает академическую полемику, тем более, что большинство понятий являются сущностно спорными. Вопрос в другом: в какой мере каждый из предлагаемых вариантов удовлетворяет целям и границам конкретного исследования.

В данном проекте сместить интеллектуально-рефлексивный ракурс к группе развернутых интерпретаций убедили два аргумента.

Во-первых, в этом случае соблюдается этимологическая строгость, предполагающая

³ Martin, I.M.; Eroglu, S. Measuring a Multi-Dimensional Construct: Country Image // *Journal of Business Research*, 1993, Vol. 28, No. 3, pp. 191-210.

⁴ Цит. по: Панкрухин А.П. Маркетинг территорий: маркетинг региона // *Маркетинг в России и за рубежом*. – 2004. – № 2. – С. 9. [Pankrukhin, A.P. Marketing territorii: marketing regiona (Territorial Marketing: Marketing of the Region) // *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2004, No. 2, p. 9.]

⁵ Татаркин А.И. Конкурентное позиционирование регионов и территорий в пространственном развитии России // *Вестник Омского государственного университета*. – 2013. – № 8. – С. 150. [Tatarkin, A.I. Konkurentnoe pozitsionirovanie regionov i territorii v prostranstvennom razvitii Rossii (Competitive Positioning of Regions and Territories in the Spatial Development of Russia) // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, No. 8, p. 150.]

⁶ Трофименко Е.Ю. Имидж региона, как составляющая маркетинга территорий // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2015. – № 1. – С. 240. [Trofimenko, E.Yu. Imidzh regiona, kak sostavliaiushchaia marketinga territorii (The Image of the Region as a

Component of Marketing Territories) // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, No. 1, p. 240.]

⁷ Roth, M.S.; Romeo, J.B. Matching Product Category and Country Image Perceptions: A Framework for Managing Country-of-Origin Effects // *Journal of International Business Studies*, 1992, No. 23, p. 480.

⁸ Кудашова Ю.В. Позиционирование региона в политическом пространстве современной России: автореферат дисс. на соискание ученой степени докт. полит. наук. – М., 2011. – С. 29. [Kudashova, Yu.V. Pozitsionirovanie regiona v politicheskom prostranstve sovremennoi Rossii (Positioning the Region in the Political Space of Modern Russia) // *Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoi stepeni dokt. polit. nauk*, Moscow, 2011. P. 29.]

⁹ Терских М. В., Маленова Е. Д. Имидж региона: теоретический аспект (российский и зарубежный опыт) // *Политическая лингвистика*. – 2015. – № 2. – С. 204. [Terskih, M.V.; Malenova, E.D. Imidzh regiona: teoreticheskii aspekt (rossiiskii i zarubezhnyi opyt) (Image of a Region: Theoretical Aspect (Russian and Foreign Experience)) // *Politicheskaiia lingvistika*, 2015, No. 2, p. 204.]

неразрывность следующей логической цепочки. «Имидж» – заимствованное слово. Его русскоязычный аналог – «образ» – означает воспроизведение на когнитивно-эмоциональном уровне предметов, явлений, процессов материального мира. Следовательно, лексема имиджа агрегирует сложную совокупность представлений вне зависимости от механизма их внедрения в сознание: стихийно-произвольного или посредством суггестии.

Во-вторых, устраняется проблема эмпирического свойства. Невозможно в процессе прикладного измерения провести убедительные границы между комбинацией усвоенных контролируемых или спонтанно сформированных восприятий, которые сопрягаясь, конфликтуя и растворяясь друг в друге, на выходе образуют целостный облик территории.

Диффузное присутствие в каузальной системе таких переменных, как бренд и позиционирование региона, создало импульс для уточнения названных понятий. С опорой на авторитетные мнения¹⁰ выбраны рабочие версии терминов:

– бренд региона – система знаковых мессиджей, указывающих на качества, служащие условием для обособления террито-

рии в спектре однородных образований;

– позиционирование региона – вид управленческо-информационной активности, направленный на обеспечение субнациональной единице выгодной популярности, обуславливающей приток ресурсов и прогрессивное развитие.

На эмпирическом уровне для достижения цели по диагностике аспектов узнаваемости и восприятия объекта признана релевантной апелляция к опросным методам, позволяющим проникать в когнитивно-эмоциональную сферу личности.

В исследовании использовался массовый опрос жителей Тюмени, призванный раскрыть содержание ядра внутререгионального имиджа, его органичных приложений, их подверженности возможным изменениям, а также установить ценность имиджевых характеристик для населения в плане их номинальной идентификации и консолидации. Исследование осуществлено в феврале 2016 г. Выборочная совокупность при доверительной вероятности в 97% и доверительном интервале в +/- 10% составила 119 респондентов. Для компьютерной обработки массива исходных данных применялся пакет программ SPSS 23.0.

Следуя критериям сравнительного анализа, опрошено также 119 представителей аутсайдерской целевой группы. Их вербализованное мнение в кумулятивном итоге послужило раскрытию внешнего комплекса отношений к Тюменской области, включая исходные знания, ассоциативный ряд, степень благожелательности к чужой территории. Среди участников – 54 человека из субъектов Российской Федерации и 66 иностранных граждан из ближнего и дальнего зарубежья. В первом случае имело место экспресс-интервью с задействованием каналов Интернет-сети (январь-февраль 2017 г.), во втором – интервью в формате непосредственного контактирования с информантами, пребывающими в Тюмени по производственным и досуговым причинам (февраль 2017 г.).

Дополнительно в методический арсенал был включен анализ вторичных данных – рейтингов регионов, городов и губернаторов. Важный фактологический материал по-

¹⁰ Кудашова Ю. Позиционирование как технология формирования конкурентоспособной позиции региона в политическом пространстве // *Власть*. – 2010. – № 10. – С. 65. [Kudashova, Yu. Pozitsionirovanie kak tekhnologiya formirovaniia konkurentosposobnoi pozitsii regiona v politicheskom prostranstve (Positioning as a Technology to Create a Competitive Position of the Region in the Political Space) // *Vlast*, 2010, No. 10, p. 65.]; Шалыгина Н.П., Селюков М.В., Зенин Г.В., Шалыгина Т.О. Брендинг и его роль в повышении конкурентоспособности региона // *Научный журнал НИУ ИТМО*. – Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2013. – № 4. – С. 15. [Shalygina, N.P.; Seliukov, M.V.; Zenin, G.V.; Shalygina, T.O. Branding i ego rol' v povyshenii konkurentosposobnosti regiona (Branding and Its Role in Enhancing the Competitiveness of the Region) // *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO, Seriya «Ekonomika i ekologicheskii menedzhment»*, 2013, No. 4, p. 15.]; Bergman, E.; Maier, G. Network Central: Regional Positioning for Innovative Advantage // *The Annals of Regional Science*, 2009, Vol. 43, No. 3, p. 615.

лучен в результате изучения новостных лент порталов органов государственной власти Тюменской области¹¹. Благодаря рассмотрению фоновых сведений оформился объективный образ, видение по поводу реальной экономической, социальной и политической ситуации в сложносоставном субъекте.

В феврале-марте 2017 г. с целью ознакомления с деятельностью информационно-аналитических служб по формированию имиджа региона и его дальнейшей популяризации проведено глубинное интервью с главными экспертами в лице начальника информационно-аналитического управления Тюменской областной Думы А.Л. Чеблакова, начальника управления пресс-службы Губернатора Тюменской области А.И. Осипова, главного консультанта управления по обеспечению информационной политики Тюменской областной Думы С.Н. Трофимова.

Механизм и инструменты политики регионального позиционирования

Вопрос регионального позиционирования интегрирован на уровне исполнительной власти субнациональной единицы в функциональную нагрузку Департамента по общественным связям, коммуникациям и молодежной политике Тюменской области. В сферу его компетенции и ответственности входит в числе прочего обеспечение удовлетворения потребности населения в пол-

ной, достоверной и актуальной информации о ситуации и событиях в регионе, включая все сегменты жизненного пространства, тренды социально-экономической динамики, достижения и проблемы. Маркетинг имиджа Тюменской области – приоритетная составляющая работы пресс-службы Губернатора, освещающей деятельность агентов и органов управления. Аналогичные структуры действуют в ХМАО-Югре и ЯНАО.

Контроль над информационным полем позволяет наполнять его смыслопорождениями, согласующимися с заданным позиционным ракурсом и возводить экран, отражающий потоки шумов с нежелательной тональностью. Для решения задач по констелляции транслируемых конструкторов и резонирующих ментальных систем реципиентов задействуются все известные инструменты и каналы массовой коммуникации.

К примеру, притягательность для определенной части активных читателей такого традиционного вида СМИ, как газета, определяет выход на юге Тюменской области следующих изданий: «Тюменская область сегодня», «Ярковские известия», «Гольшмановский вестник», «Армизонский вестник», «Заводоуковские вести», «Сельский вестник», «Янарьш» (на татарском языке). В ХМАО-Югре зарегистрированы и предоставляют соответствующие услуги населению «Новости Югры», «Жизнь Югры», «Ханты ясанг» (на хантыйском языке), «Луима сэрипос» (на мансийском языке). В ЯНАО – это «Красный Север», «Северная вахта», «Лух авт» (на хантыйском языке), «Наръяна Нгэрм» (на ненецком языке).

На массовую аудиторию слушателей рассчитано эфирное время местных радиостанций. Среди них – «Викуловская волна», «Вагай», «Исетский эфир», «Радио-Уват», «Юргинская волна», «Ялуторовская волна».

Наиболее востребованным инструментом поддержки маркетинговых задач признаны телеканалы «УрФО 24», «Тюменское время», «Ямал-регион», «Север», «СургутИнформТВ», «Ямал-регион», «Вести. Ямал», а также телерадиоконпании «Регион-Тюмень», «Югра», «Югория».

Примерами электронных ресурсов могут служить: «NewsProm.Ru», «Вслух.ру»,

¹¹ Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. Режим доступа: https://admtymen.ru/ogv_ru/news/subj/all.htm [Official portal of the state authorities of the Tyumen Region. Mode of access: https://admtymen.ru/ogv_ru/news/subj/all.htm]; Единый официальный сайт государственных органов ХМАО-Югры. Режим доступа: <https://admhmao.ru/press-center/vse-novosti> [Edinyi ofitsial'nyi sait gosudarstvennykh organov KhMAO-Iugry (The Official Site of the State Agencies of Ugra). Mode of access: <https://admhmao.ru/press-center/vse-novosti>]; Официальный сайт органов власти ЯНАО. Режим доступа: <http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--plai/news/lenta> [Official site of the authorities of Yamalo-Nenetsky Avtonomnyy Okrug. Mode of access: <http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--plai/news/lenta>]

«Тобольск.ру», «Слово нефтяника», «Провинциальное агентство новостей», «Тюмень Сегодня». Кроме того, off-лайновую целевую аудиторию охватывают корпоративные сайты, сайты органов власти, в том числе их версии на иностранных языках – английском, немецком, китайском.

Широко используется презентационный план продвижения привлекательного образа имиджевых носителей. Форумы, конференции, симпозиумы, фестивали, конкурсы, различные спортивные мероприятия включены в процессы смысловой интервенции и формирования положительного отклика. Встречи политических и бизнес-субъектов, финансистов, интеллектуальной элиты, международные, общероссийские, городские, сельские выставки и ярмарки, шоу-репрезентации отвечают девизу Губернатора В.В. Якушева: «Быть, а не казаться!». В их ходе демонстрируется специфическое производственное, коммерческое, инновационно-технологическое, художественное, музыкальное, туристическое предложение, образующее совокупный ценностный капитал Тюменской области, позволяющий манифестировать и распространять дискурс ее успеха.

Шансы в решении маркетинговых задач уравниваются чередованием стационарных и выездных форм.

К примеру, фактором, катализирующим умножение заинтересованности официальных лиц и корпоративных групп в развитии экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества с регионом, становится проведение Тюменского нефтегазового и инвестиционного форумов, Недели инноваций, Дня экспортера, *Road-show* для инвесторов. В 2016-2017 гг. данные мероприятия посетили представители консульств, посольств, деловых кругов не только из стран-участниц СНГ, но и государств БРИКС, Европейского Союза, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

В обозначенный период в формате выездных миссий в Москве были организованы презентации экономического потенциала региона для американских компаний и бизнеса членов АСЕАН. Акции с мессиджем привлекательности области, ориентиро-

ванные на французского предпринимателя, проведены в Париже в рамках мероприятий «Road-show АСИ во Франции». В Токио и Сеуле визуально-аудиальный план продвижаемого предложения сопровождал переговоры с корейским и японским бизнесом по аспектам развития машиностроения и электроники, фармацевтического и химического производства.

Опора на бинوم «коммуницирование – позиционирование» оправдывается удельным весом легализованных двусторонних обязательств, подтверждающих установление контактов с Великобританией, США, Нидерландами, Бельгией, Швецией, Францией, ФРГ, Италией, Китаем, Южной Кореей, Японией, Республиками Беларусь и Казахстан. Перспективные проекты фиксируются на нефтегазохимии, реконструкции старых и возведении новых молочных ферм, высоких технологиях, энергосбережении, вузовском обмене, подготовке кадров для туристической индустрии и др.

Наибольший динамизм и масштабы инвестиционного интервенционализма демонстрируют немецкие, французские и белорусские партнеры, чьи производства, торговые и учебные центры, отели локализованы и эффективно функционируют на территории региона. Примерами могут служить компании и корпорации «Кнаuf», «Shlumberger», «Danone», «Bentec», «Auchan», «Могилев-лифтмаш», «МАЗ-сервис».

Спортивная переменная активно берется на вооружение для формирования имиджа места, обнаруживающего качества, предназначенные для завоевания общностей, которые исповедуют соответствующие поведенческо-стилевые принципы. Построенные в области спортивные сооружения рассчитаны на соревнования с международным статусом. Знаковость обретают традиционно проводимые в ГАУ ТО «Областной центр зимних видов спорта “Жемчужина Сибири”» чемпионатов Европы и мира по биатлону. В 2016 г. на подтверждение способности региона гарантировать потребителям высокий уровень предоставляемых услуг сработали такие мероприятия, как Международный турнир по дзюдо «Большой шлем», Международный турнир по во-

лейболу «Русская зима», Международный открытый турнир по футболу.

Культурно-исторический континуум легко встраивается в механизм производства новых точек регионального роста. Апелляция к артефактам прошлого и современному насыщенному событийному ряду подчинена императиву решения задач, связанных с просвещением, эстетическим и патриотическим воспитанием, а также обновлением регионального имиджа и переориентацией туристических потоков.

Показательны в этом отношении приобретающие брендовую ценность фестивали «Абалакское поле», «Наследники Ермака» и «Декабристские вечера».

Данные мероприятия отображают исторические события, имеющие символическое значение для Тюменской области. В первом случае в с. Абалак Тобольского района реконструируются боевые столкновения и поединки, распространенные во время раннего Средневековья, демонстрируются материальные и духовные особенности культуры славянского мира. Другое из указанных мероприятий проводится в Тобольске на «Князем лугу», где состоялась решающая битва между дружиной атамана Ермака и войском хана Кучума. В рамках «Декабристских вечеров» экспонируются музейные предметы, организуются встречи потомков декабристов, краеведов и литераторов, занимающихся соответствующей проблематикой.

Развертыванию символической атрибуции, присваиваемой Тюмени и Тобольску, способствуют обладающие синергизмом фестивали искусств «Лето в Тобольском кремле» и «Алябьевская музыкальная осень». Рассчитанные на ценителей классической музыки, оперы и балета, они отвечают в целом региональному запросу на видоизменение восприятия городской среды в сторону приобретения ярких смыслов.

В ХМАО-Югре также реализуются десятки проектов межрегионального и международного уровней, направленных на укрепление социально-экономического и геополитического положения округа. В 2016 г. механизм накопления влияния привел к подписанию более 50 документов о сотрудничестве в различных областях.

Важнейшее из профильных мероприятий научно-делового характера – VIII Международный IT-форум с участием стран БРИКС и ШОС. По его результатам принят ряд соглашений, связанных с созданием транснациональных телемедицинских систем, а также углублением контактов между технопарками государств.

Свидетельством продуктивности проведения Дней ХМАО-Югры в Совете Федерации стало Постановление от 29 июня 2016 г. № 445-СФ «О государственной поддержке социально-экономического развития ХМАО-Югры».

В гуманитарном, экологическом, спортивном, культурном блоках выделяются: I Международный гуманитарный форум «Гражданские инициативы регионов 60-й параллели», IX Международная экологическая акция «Спасти и сохранить» под эгидой ЮНЕСКО, финальный этап Кубка мира по биатлону сезона 2015-2016 гг., Международный фестиваль кинематографических дебютов «Дух огня».

Интересы прогрессивного развития ЯНАО, сохранения за субрегионом сильных позиций в газодобыче и экспорте углеводородного сырья, а также их укрепления в Арктике и при реализации мегапроекта Северного морского пути диктуют проведение политики участия округа в публичных мероприятиях разного уровня. Округ прочно интегрирован в презентационный модуль престижных международных и российских выставок: ANUGA (ФРГ), EXPO (Китай), SIA (Франция), Международно-промышленной выставки «Иннопром», Международной конференции Ямал Нефтегаз», Международного форума «Арктика – территория диалога», Международного форума «Арктика – настоящее и будущее».

Важное значение придается научно-практическим конференциям и семинарам, где озвучиваются результаты экспедиций и исследований по направлениям археологического поиска, а также мониторинга состояния климата и экосистем.

Персуазивной силой обладает привилегия ЯНАО представлять Россию на Арктических зимних играх, где ее соперника-

ми выступают США, Канада, Гренландия, Швеция, Финляндия, Норвегия.

Мощный ресурс позиционирования заключен в популяризации культуры коренных народов Севера. Детализировать контуры традиционности позволяют конкурсы, выставки, ярмарки художников, фотографов, мастеров искусства резьбы по кости, изготовления одежды и обуви из оленьих шкур.

Статус уникальности оправдывает фестиваль ледовой скульптуры «Полярная рапсодия» и реликтовый экспонат мамонтенка Любы, благодаря которому передвижная выставка «Мамонты: гиганты Ледникового периода» получила всемирную известность.

Все это призвано способствовать политике сотрудничества, сохранению связей с западными партнерами и расширению отношений с Южной Кореей, Китаем, Индонезией, ОАЭ. В фокусе интересов – реализация совместных энергетических, инфраструктурных, транспортно-логистических, геологоразведочных, сервисных, социальных, культурных проектов.

Тюменская область в рейтинговых оценках

Рейтинговые оценки, находящиеся в высокой степени корреляции со статистическими данными и экспертным мнением, составляют конкуренцию альтернативам в системе представлений, репрезентируя в аппроксимации объективный образ локальных пространств.

В большинстве рейтингов по состоянию на 2016-2017 гг. Тюменская область с северными округами, г. Тюмень и губернаторы территорий по агрегированным показателям занимают первые позиции либо входят в кластеры субъектов с достойным уровнем успешности.

Так, в «Рейтинге российских регионов по качеству жизни за 2016 г.»¹² Тюменская область и ХМАО-Югра оказались в десятке лидеров (10 и 8 места соответственно),

¹² Рейтинг российских регионов по качеству жизни-2016. Режим доступа: <https://ria.ru/infografika/20170220/1488209453.html> [Russian Regions Rating on the Quality of Life – 2016). Mode of access: <https://ria.ru/infografika/20170220/1488209453.html>]

ЯНАО – на 24 месте. В данном случае составителями в основу ранжирования были положены интегрированные в 11 обобщающих блоков 72 частных индикатора, которые охватили фундаментальные и факультативные сегменты, формирующие среду и условия человеческого существования. В комплекс параметров вписаны: эколого-климатический комфорт, характер экономической динамики, емкость рынка труда, материальное благополучие людей, их обеспеченность жильем, развитие социальной и транспортной инфраструктуры, безопасность жизнедеятельности и др.

Анализируемые территории продемонстрировали первенство по ряду статей в перечне. Речь идет, например, о размере инвестиций в основной капитал, уровне доходов населения, оснащенности автомобильными дорогами, обороте общественного питания и розничной торговли, естественном демографическом приросте.

В то же время, высветились слабые направления, требующие концентрации властного внимания, пересмотра принципов дистрибуции ресурсов. Формат для корректировки управления на уровне программной концептуализации и практического воплощения задают проблемы, связанные с жилищным фондом, аварийностью зданий общеобразовательных учреждений, обеспеченностью больничными койками, безопасностью проживания и экологическими условиями.

Рейтинги, раскрывающие ситуацию с инновационным развитием национальной экономики, обозначили отставание Тюменской области от других субнациональных единиц, показавших себя более оперативными в решении данной стратегической задачи. Однако если юг Тюменской области Экспертно-аналитическим комитетом Ассоциации инновационных регионов Российской Федерации совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации признан средне-сильным инноватором (26 место), то ХМАО-Югра и ЯНАО определены в группу средне-слабых инноваторов (67 и 77 позиции соответственно)¹³.

¹³ Рейтинг инновационных регионов России: версия 2016. Режим доступа: http://www.i-regions.org/images/files/presentations/AIRR_26.12.pdf

В разрезе по структурообразующим секторам Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ зарегистрирована положительная динамика на юге Тюменской области в плане приращення научно-технического потенциала и отмечены хорошие социально-экономические условия для инновационных перспектив в ХМАО-Югре и ЯНАО. В то же время, невысокую оценку получило качество инновационной политики, а также технико-цифровое обновление производств и процессов во всех составных частях сложноустроенного субъекта¹⁴.

Что касается статуса рассматриваемых территорий на национальном политическом рынке, то его маркером может служить привилегированная диспозиция, выделенная авторами «Рейтинга социально-политической стабильности регионов». В предложенной классификации в качестве ключевых переменных приняты внутриэлитная и гражданская конфликтность, лояльность федеральному Центру, электоральная прогнозируемость. В рамках установленной конфигурации Тюменская область и ЯНАО квалифицируются как единицы с максимальной устойчивостью, ХМАО-Югра закреплен за классом территорий с высокой устойчивостью. Для сравнения: экспертами, кроме указанных категорий, выделены также группы со средне выраженным, пониженным и слабым компонентами порядка и предсказуемости¹⁵.

Важнейшую репутационную нагрузку, углубляющую актуальные представления о регионе, несет образ столицы Тюменской области. В «Рейтинге городов-2017» Тюмень опередила прежних фаворитов –

[Rating of Innovative Regions of Russia: Version 2016. Mode of access: http://www.i-regions.org/images/files/presentations/AIRR_26.12.pdf]

¹⁴ Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. Выпуск 5. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/data/2017/06/09/1170533818/RIR2017.pdf>

¹⁵ Рейтинг Фонда «Петербургская политика» за июнь 2017 г. Режим доступа: <https://fpp.spb.ru/sites/fpp.spb.ru/files/fpp-rating-2017-06.pdf> [The Rating of Innovative Development of the Subjects of the Russian Federation. Mode of access: <https://issek.hse.ru/data/2017/06/09/1170533818/RIR2017.pdf>]

Краснодар, Екатеринбург, Казань, заняв первую позицию. По словам составителей, роль в этом сыграли не только высокие показатели общественной динамики. Важным фактором стала величина солидаристских установок тюменцев, степень их удовлетворенности властеорганизирующей, жизнеустроительной, экзистенциальной составляющими, возможностями творческого роста, профессиональной мобильности. Тюмень выделена в качестве процветающего города со скверами, парками, памятными местами, хорошими дорогами, объектами научно-образовательного, культурного, медицинского, спортивного, религиозного, торгового, досугового назначения. Отдельно акцентировано внимание на характере межличностных коммуникаций горожан, их открытости и приветливости. При этом отрицательные аспекты, например, связанные с высоким уровнем криминогенности, жителями не артикулированы¹⁶.

Эксклюзивным воздействием, работающим на подкрепление объективного образа Тюменской области, обладает фактор личности руководителей, несущих всю полноту ответственности распорядительного и контролирующего свойства за положение дел в пределах установленной юрисдикции. Неэквивалентность приобретенного политико-административного капитала персонифицированных носителей, варьирующаяся результативность их деятельности находят отражение в скольжении позиций по шкале эффективности в перманентно обновляемых выпусках рейтингов губернаторов. Последние являются продуктом систематизации сведений из разнородных источников, представленных экспертным и общественным мнениями, материалами государственной статистики, результатами мониторинга медийной активности глав региональной исполнительной власти.

Итог подчинен логике сопоставления фактов, тенденций, относящихся к хозяйственной, политической, социальной, куль-

¹⁶ Рейтинг городов – 2017. Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2017/07/rejting-gorodov-2017 [Cities ratings–2017]. Mode of access: http://expert.ru/russian_reporter/2017/07/rejting-gorodov-2017

турной, информационной сферам, области безопасности, элитных интеракций, отношений с бизнесом и населением. В процесс формирования рядов рангового распределения вводится вся палитра актуальных переменных в диапазоне от мобильности руководителя в привлечении иностранного капитала, формирования пакета перспективных проектов и поддержки высокотехнологичных стартапов, создания инновационных производственных площадок, расширения и модернизации агропромышленного комплекса до выполнения президентских майских указов, окончательного решения вопроса по переселению людей из ветхого жилья, организации предвыборного процесса.

Согласно обозначенному алгоритму, деятельность Губернатора Тюменской области В.В. Якушева и Губернатора ЯНАО Д.Н. Кобылкина за 2016 г. получила наивысшие оценки (96 и 95 баллов из 100 возможных). На 63 балла была оценена работа Губернатора ХМАО-Югры Н.В. Комаровой¹⁷.

При сравнении «Рейтинга эффективности губернаторов за 2016 г.» и «Национального рейтинга губернаторов за 2017 г.» не установлено критических колебаний значений по двум из персоналий. По лидерству Д.Н. Кобылкина наблюдается совпадение точек зрения. За ним сохранена вторая позиция. В.В. Якушев, несмотря на отрицательную динамику в три пункта, оставлен в группе наиболее влиятельных и результативных агентов регионального политического пространства¹⁸.

Объяснению подлежат расхождения по фигуре Н.В. Комаровой. Корректировка в отношении главы региона отличается трехкратным укреплением положения с перемещением с 42 позиции на 14 место. Специалисты рейтинга полагают, что ответ

¹⁷ Рейтинги эффективности губернаторов за 2016 г. Четырнадцатый выпуск. Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/101> [Rating of effective governors, 2016. Mode of access: <http://civilfund.ru/mat/101>]

¹⁸ Национальный рейтинг губернаторов (май-июнь, 2017 г.). Режим доступа: <http://russia-rating.ru/info/12425.html> [National Rating of Governors / May-June, 2017. Mode of access: <http://russia-rating.ru/info/12425.html>]

кроется в управленческой эклектике, обуславливающей, с одной стороны, выполнение программ экономического развития, а с другой – вносящей дисфункцию в систему властеотношений. В качестве основной причины называется нарушение в механизме однозначного прямого соподчинения, что связывается с руководством местным отделением партии «Единая Россия», осуществляемым председателем Думы ХМАО-Югры Б.С. Хохряковым. Подобная бифуркация регионального политического влияния обуславливает элитную конфликтность.

Не составляет труда заметить, что рейтинги определяют конвергенцию взгляда на региональных контрастах: позитивном и негативном, прогрессивном и стагнирующем. Принцип комплексного подхода способствует сокращению разрыва между реальным и воображаемым, напоминая о сложности и объемности объекта восприятия. Однако фиксируя превалирование повышательных трендов в общественном развитии, перекрывающих деструктивные проявления и сложности, они подтверждают высокую конкурентоспособность Тюменской области.

Тюменская область в представлениях социальных сообществ

Внутренний имидж

Специфика внутреннего имиджа Тюменской области, воспроизводимого в сознании локальных сообществ, свидетельствует об амбивалентности представлений, наложении друг на друга двух уровней саморефлексии: обще- и субрегионального, а также когерентности тенденций, связанных с преемственностью узловых символов и имплантацией в текущий образ актуальных характеристик.

Еще одна особенность заключается в непоследовательности выбора способа репрезентации олицетворяющих региональную метафизику сегментов. Одни из них подаются абстрактно, в рафинированном виде, другие – атомарно.

В отношении половины опрошенных регистрируется консервация перцепции региона как единого целого, несмотря на его

современную полицентричность и самостоятельность частей. Об этом свидетельствует тот факт, что традиция маркировать территорию с упором на потенциал рынка углеводородных продуктов не прерывается. Она лишь модифицируется путем обрастания концептуального каркаса иными образными элементами.

Большинство представителей целевой аудитории ассоциируют Тюменскую область с нефтью и газом (см. Таб. 1).

Таблица 1

Какие ассоциации у Вас возникают при упоминании Тюменской области?
(открытый вопрос)

Варианты ответов	%
нефть, газ	49,6
дом, Родина	15,4
хорошие ассоциации	2,8
гордость	2,6
уютный город	1,7
Сибирь, снег, холод	6,8
лес	2,0
большая территория	0,9
горячие источники	1,7
развитый регион	3,4
богатый регион	4,3
Тобольский Кремль и биатлон	5,1
герб Тюменской области	2,0
Тюмень – столица деревень	1,7

Table 1. What associations do you have when mentioning the Tyumen region? (open question)

Пространственно-идентификационная компонента, увязанная с мотивом Родины и обремененная чувством гордости, в общей совокупности оказалась определяющей для 22,5% опрошенных. Этой части представителей регионального социума свойственно восприятие Тюменской области безотносительно к фоновым условиям как идеализированного места дома, микрокосмоса гармонии и комфорта, где господствуют значимые идеалы близости, солидарности, стабильности.

Оставшаяся треть анкетированных (27,9%) выказала фрагментарность представлений, которые при математической формализации получили выражение в минимальных числовых значениях от 0,9% до 6,8%.

В частности, примитивизм, рожденный актуализацией природно-географического

индикатора, отличает фокус, замыкающийся на семах «Сибирь», «холод», «снег», «лес», «большая территория», «горячие источники».

В нескольких сообщениях наблюдается смещение акцента в сторону экономического благополучия региона. Отдельные смысловые ассоциации соотносятся с символическим комплексом, обеспеченным усилиями деятельности в сфере позиционирования спортивного и культурно-исторического сегментов, создания визуализированных знаковых систем в виде герба области.

Показательно, что ни одна из вновь сконструированных и культивируемых мифологем, например, «Тюменская область – настоящая Сибирь» или «Тюмень – центр Силы», в которых заключена главная идея регионального бренда, не была извлечена из коллективной памяти и озвучена. Репрезентирован иррационально сложившийся и укорененный ранее конструкт «Тюмень – столица деревень».

На контрольный вопрос «Какую роль, на Ваш взгляд, играют ХМАО-Югра и ЯНАО в формировании имиджа Тюменской области?» доминирующим стал ответ, отсылающий к убеждению в решающем вкладе северных округов в содержание обобщенного образа (88,2% респондентов). 9,8% участвующих в исследовании признали его незначительным, еще 2% затруднились дать ответ.

Обращает на себя внимание в кратной степени более упрощенная проекция в сознании целевых групп матрицы региональной современности по сравнению с позиционируемой моделью.

Существо проблемы может задаваться множеством переменных. Одна из них произрастает из специфического социального опыта. Для старшего поколения, принадлежащего эпохе, когда рассматриваемая отрасль специализации определяла общественные роли, консолидацию, тип ментальности и интеракций, нефтегазовая ось составляет главную ценность, все другое – не заслуживающую акцентации.

Что касается энергоцентричности, дополненной ограниченным набором компонентов, обогащающих воображение молодежи, то есть основания утверждать, что

в данном случае при примате усвоенного исторического взгляда не отторгается вариатив факторов. Однако они не получают серьезной легитимации как не набравшие массы, позволяющей им сравняться по значимости с ключевым конкурентом.

Следует учитывать также, что стратегия позиционирования макросубъекта нацелена на подкрепление его геополитической агентности. Это обуславливает сохранение устойчивой циркуляции сообщений, тиражируемых региональными СМИ, в которых продолжает муссироваться тема, связанная с базовой экономической парадигмой. Нельзя отбрасывать и возможные просчеты в соответствующей политике и практике, вызванные недостаточной отработанностью механизмов, в том числе в системе информационного межрегионального партнерства.

С другой стороны, генерируемые в повседневном дискурсе новые стереотипы, призванные соединить фундаментальное и инновационное, не всегда могут выбираться из общего потока и восприниматься реципиентами. Во многом это зависит от открытости массового сознания альтернативным смыслам, действия в нем инерционных сил и блокирующих рычагов. Немаловажную роль также играет клиповое мышление, позволяющее обрабатывать информацию, сосредотачиваясь на магистральных компонентах, прежде всего, с утилитарной ценностью, и игнорируя второстепенное, а также детали.

Отсюда скудные знания респондентов об объектах историко-культурного назначения и туристического интереса. Предметно они сведены к Тобольску и Ялutorовскому острогу, размыто – столичному конгломерату.

Тривиальным представляется восприятие Тобольска как города-музея. Диагностируемый результат – функция эффективно реализованного брендового проекта. Тезис справедлив и в отношении Ялutorовского острога. Озабоченность вызывает неосведомленность или ментальная анестезия исследуемых по поводу маркеров, выделяющих Тюмень. Речь может идти, по меньшей мере, о Царевом Городище – месте возведения сибирскими татарами форпоста ханов Чимги-Туры, откуда берет начало сегодняшний полумиллионник.

Кроме того, не артикулирована ни одна из опорных знаковых единиц югорского и ямальского презентационных комплексов.

Возвращаясь к проблеме имиджевой ловушки, выстроенной под давлением нефтегазового фактора, следует предположить, что выход из нее предопределен новым технологическим укладом, измененной логикой функционирования мирового хозяйственного рынка. Имидж не является раз и навсегда выкристаллизованный структурой. Как пластичный конструктор, он не вырабатывается вне объективных процессов и адаптирующегося под них информационно-коммуникационного поля.

Тот факт, что сознание тюменского населения находится в пограничном состоянии реформирования образа сложносоставного субъекта, подтверждается разбавлением монополии традиционного знания проявлениями эволюционирующей действительности. Данный процесс протекает медленно и распространяется не на весь социальный сектор, однако он необратим и имеет перспективу более масштабного охвата. На вопрос «На Ваш взгляд, чем известна Тюменская область?» 79% респондентов ожидаемо указали на добычу полезных ископаемых. В то же время, в качестве иных полюсов узнаваемости отмечены спорт и культура, сельское хозяйство, электроэнергетика, человеческий капитал (см. Таб. 2).

Таблица 2

На Ваш взгляд, чем известна Тюменская область?
(открытый вопрос)

Варианты ответов	%
добыча полезных ископаемых	79,0
спорт, культура	8,4
сельское хозяйство	5,9
электроэнергетика	1,7
известные личности	4,2
хорошие люди	0,8

Table 2. In your opinion, what is known about the Tyumen region? (open question)

В группе наиболее перспективных отраслей, исключая изолированное положение топливно-энергетического комплекса (57,1% опрошенных), названы: аграрная отрасль (17,6%), промышленность (12,6%), сфера услуг

(10,2%), туризм (2,5%). Это отражает переориентацию региона в направлении кумулятивно-диверсифицированного развития.

Подкрепленные масс-медийным воздействием собственные наблюдения, включенность в образовательную, деловую, коммерческую и иную практику, досуговые трансакции обеспечили основания для утвердительного ответа на вопрос о коррекции представлений о Тюменской области. Уверенность в этом выразили 91,6% респондентов, из которых 78,2% оценили эти изменения как значительные и 13,4% как несущественные. 1,7% склонны считать, что имидж Тюменской области за последнее десятилетие не изменился. 6,7% затруднились с ответом.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что имиджевые преобразования трактуются исключительно сквозь призму социально-экономических достижений. На периферию оттеснены иные сегменты региональной жизнедеятельности, в том числе политико-управленческий. В эпицентре признаний: наращивание общественного блага, концентрация активов и капитала, улучшение условий для ведения бизнеса, развертывание процессов градостроительства, развитие логистики, сервиса, инфраструктуры, индустрии развлечений. Элементы текущей прогрессивной динамики, комплекс преобразований обретают форму репутационных черт. Как имиджево значимые осмысливаются транспортные развязки, мосты, виадуки, новые заводы, агропромышленные предприятия, торговые центры, спортивные комплексы. Привлекательность для инвесторов, высокий уровень жизни, престижность образования – все возводится в разряд символов, указывающих на региональную самость (см. Таб. 3).

Таблица 3

Какие качественные изменения, произошедшие с имиджем Тюменской области, Вы можете назвать? (открытый вопрос)	
Варианты ответов	%
транспортные развязки, мосты, виадуки, новые жилые районы, торгово-развлекательные центры	51,6
строительство заводов, развитие сельского хозяйства, туризма, малого и среднего бизнеса	14,7

Варианты ответов	%
спортивные комплексы, международные соревнования	6,3
экономическая развитость региона	8,2
чистота улиц	3,2
рост численности населения региона	1,1
туризм и привлекательность региона для инвесторов	1,7
высокий уровень жизни населения региона	10,5
престижность образования в Тюменской области	2,7

Table 3. What qualitative changes that have occurred with the image of the Tyumen region, you can name? (open question)

Следовательно, предыдущий имидж Тюменской области, атрибутированный емкой, но однобокой характеристикой «нефтяной и газовый край», постепенно конвертируется в абстракцию «передовой, социально ориентированный регион с энергоресурсной и агропромышленной специализацией». Экономические скрепы определяют консолидацию населения, подпитываемую осознанием принадлежности к сообществу, деятельность которого служит приращению национального достояния.

Парадоксальным образом нахождение субъектов в эпицентре стремительно трансформирующегося мира влечет эффекты, противоположные ожидаемым. Перегруженное событиями, контактами, информационными сюжетами, маркетинговой продукцией пространство определяет дисперсность мышления. С одной стороны, происходит деформация в системе фиксации и воспроизведения знания, влекущая расплывчатость и поверхностность формулировок, с другой – актуализируется процесс складывания глубинного образа с отобранной комбинацией элементов.

Внешний имидж

Внешний имидж Тюменской области, представляющий собой взгляд со стороны, отличается многослойностью оценочно-интерпретационных образований. Они вырабатываются в социальных субстратах, дистанция между которыми обусловлена дивергенцией траекторий цивилизационной

эволюции, несовпадением моделей политической и уровня экономической динамики, нетождественностью паттернов миропонимания. Важнейшими обстоятельствами дифференциации выступают интенсивность и содержание вбрасываемых в локальные дискурсивные пространства отфильтрованной информации, определяющей репутационное обеспечение территории. Частичную каузальность демонстрирует удаленность от ее границ субъектов восприятия.

Полиобразность проявляется в оригинальности версий, репрезентируемых опрашиваемыми лицами, представляющими российские регионы, а также страны ближнего и дальнего зарубежья.

Общим в них является сохранение энергосырьевой универсалии, которая каждый раз ситуативно обыгрывается и в разных вариациях включается неотъемлемой частью в конструкты. Расхождения в перцепции прослеживаются также на внешнем радиусе смыслового ядра.

Формирование имиджа Тюменской области в социумах, не связанных фактором места жительства с изучаемым регионом, однако объединяющих граждан России, характеризуется снижением действия сенсетивной переменной и усилением аналитической ясности восприятия, хотя и вписывается в общенациональный бэкграунд. Непроницаемое для эмоций, вызываемых сопричастностью с территорией, логическое мышление определяет более рельефную проекцию с множественным преломлением и заостренностью на частностях.

Смысловая первооснова складывается под влиянием повторяющихся в средствах массовой коммуникации и участвующих в процессе регионального позиционирования во вне идеологем и событийных номинаций. Стимулы, влекущие когнитивную реконструкцию легитимированного образа Тюменской области, отсылают к энергетической проблематике, регулярно воспроизводимой в отечественном дискурсивном пространстве. Ее абсолютизация в качестве ключевого аспекта внутренней и внешней политики государства не может не способствовать активизации неосознанного образовательного процесса в данном направлении.

Насыщенность контента темами «тюменского экономического чуда» задает систему положительных аналогий. Рутинизация перманентно употребляемых лексических конструкций, отягощенных репрезентационными коннотациями, приводит к их закреплению на уровне ментальности с последующей артикуляцией как самостоятельно изобретенных концептов. В рамках настоящего исследования предъясняется их следующая констелляция:

- стратегический регион;
- регион-донор;
- регион, успешно реализующий социальные программы;
- регион с высоким качеством образовательной среды и наукоемких технологий;
- территория интенсивного развития олимпийских видов спорта.

Приватно ассоциируемая часть имиджевого целого структурируется фрагментами, хаотично запечатленными в памяти и на уровне душевного состояния индивидов в результате разнообразного ситуативного воздействия. При упоминании о Тюменской области интервьюируемые озвучивают соотнесения, имеющие для них определенную стоимость, связанные с практическим или чувственным опытом, а также мыслительной деятельностью. Полифония смысловых и иррациональных линий прочитывается в суждениях:

«В Тюменской области отличные дороги по сравнению с нашими, убитыми. Водка такая есть. «Ямал». Ну, Тюменская область – это еще и коренные народы Севера» (А. Поспелов, 43 года, Курганская область, г. Шадринск);

«В Вашей области не был. Сосед рассказывал, что его хорошо подлечили тюменские медики. Он сам из поселка Голышманово, где катают сибирские, теплые валенки» (С. Потураев, 31 год, Пермский край, г. Кунгур);

«Лично для меня Тюмень – годы студенчества. Тюменский государственный университет, набережная, Мост влюбленных, Аллея кошек – то, что буду вспоминать» (Н. Власова, 29 лет, Омская область, г. Исилькуль).

Знаковыми фигурами, вокруг которых сосредотачиваются субъективные пред-

ставления о регионе, выступают отдельные личности. Спонтанное вычленение их имен из психологически отрефлексированной структуры осуществляется будучи адаптированным к индивидуальному образу жизни. У одних информантов декодируются находящиеся в пассиве долговременной памяти знания, усвоенные в рамках школьного обучения. У других актуализируется информация общественно-политического характера, внедренная в ментальную сферу в процессе персуазивной интервенции. Третьи демонстрируют инклюзию в пространство корпоративной культуры моды и гламура. В список персоналий введены: Д.И. Менделеев – великий русский ученый, уроженец Тобольска, С.С. Собянин – мэр Москвы, бывший губернатор Тюменской области (2001-2005 гг.), Н.Ю. Комарова – действующий Губернатор ХМАО-Югры и А.Ю. Водонаева – российская модель, телеведущая и певица, родившаяся в Тюмени.

В разрезе социальных диспозиций и сквозь призму реализации собственных устремлений презентуются также публичные мероприятия, причисляемые к разряду участвующих в символической капитализации Тюменской области. Интервью фиксирует апелляцию к серии, аттрактивной с точки зрения спортивного, образовательного, художественно-эстетического интереса. Функция имиджевых усилителей приписывается таким проектам, как Чемпионат мира по биатлону – 2021, РДС «Урал», XV молодежные Дельфийские игры России, Всероссийский конкурс детского и юношеского творчества «Роза ветров в Тюмени», Международный театральный фестиваль «Живые лица».

Важный момент исследования – обнаружение конфликта позиций россиян по поводу отнесения изучаемого региона к одному из двух венчурных районов – Сибири или Уралу. Подобная двойственная идентификация обязана политико-административным преобразованиям, в результате которых Тюменская область была включена в 2000 г. в Уральский федеральный округ. Новация запустила механизм вытеснения из общественных представлений исторически выведенной аксиомы. Однако вопрос об ее

окончательном замещении альтернативой остается риторическим.

Логика построения образа Тюменской области у выходцев из стран-участниц СНГ задается, с одной стороны, потребительским отношением без вживания в среду, с другой – идеализацией объекта. Регион олицетворяется с рынком, гарантирующим избыточное и выгодное предложение. Параллельно он наделяется свойствами референта – носителя желательных жизненных стандартов, а акцепторное население – чертами рантье, источником благосостояния которого являются природные ресурсы.

Это подтверждают вербализированные суждения интервьюируемых:

«Тюменская область привлекательна большим количеством рабочих мест и уровнем образования, а также в плане места жительства, так как это постоянно развивающийся и богатый регион» (К. Агавни, 18 лет, Республика Армения, г. Севан);

«Тюмень – основа экономической России. Там есть нефть и газ... Тюменцы – самые счастливые из россиян, наверное, из-за развитой социальной и культурной жизни... Здесь здорово жить и строить свою семью» (Д. Ибраев, 22 года, Республика Киргизия, г. Бишкек).

«Тюменская область привлекательна для инвестиций... Тюменцы скупее, чем другие. Наличие денег меняет людей» (С. Закирьянова, 30 лет, Республика Узбекистан, г. Ташкент).

Приведенные представления выступают случаем, отражающим нарратив, построенный на авторитете социально-обыденной аргументации, разделяемой в рамках традиции родственно-земляческого доверия. Интеллектуально-чувственная рефлексия основывается на опыте прошлых миграций, реконструкции чужих впечатлений и переживаний, а также актуальном потребностно-мотивационном и эмоциональном самоопределении по отношению к познаваемой реальности. Мессидж о территории реализуемых интересов, передаваемый новому адресату, детерминирует возобновление миграционных волн в отработанном направлении.

Дальнее зарубежье отмечено низким уровнем узнаваемости Тюменской области,

а ее имидж – статичностью элементов семиотического комплекса.

Отличительная черта европейского коллективного интеллекта – традиция идентифицировать Российскую Федерацию в качестве северной страны и ведущего экспортера энергоносителей, не углубляясь в вопросы федерализации и районирования. Подавляющий общественный сегмент не располагает специальными знаниями по географии нефтяных и газовых месторождений – владение предметом демонстрируют лица, которые в силу разнородных факторов личной или групповой активности оказались охваченными сетью межнациональной коммуникации. Большинство опрошенных признались в пробельности собственной осведомленности по существу аспекта, имеющей место до события, повлекшего их пребывание в регионе.

Показательны в этом отношении следующие высказывания:

«В Сербии не знают про Тюменскую область, а если какая-то достопримечательность или бренд им известны, они это связывают с Россией вообще» (Н. Вуйко, 23 года, Республика Сербия, г. Белград);

«Я считаю, что руководство Тюменской области очень мало формирует имидж Тюмени за рубежом. По меньшей мере, в Европе Тюмень известна только из-за своих ресурсов... Должно быть больше соответствующих мероприятий или кампаний... Пока имидж области единственно создается журналистами и студентами, посетившими регион» (К. Ганцарчук, 24 года, ФРГ, г. Пассау).

Указанная проблема актуализирована и в других интервью.

Что касается количественной и качественной наполненности представлений иностранных граждан об изучаемом субъекте Российской Федерации, то если абстрагироваться от редких отклонений, общее видение не выпадает из мейнстрима. Для западного мира – это территория, выделяющаяся по четырем признакам: природно-климатическому, сырьевому, производственно-экономическому и социокультурному.

Основной природный символ – зима с низким температурным режимом и стойким

снежным покровом. Профильный бренд – регион, в энергопотенциале которого в силу объективной необходимости есть заинтересованность.

Конкурентоспособное геоположение Тюменской области соотносится с деятельностью всемирно известных финансово-промышленных групп, объединяющих российские и зарубежные капиталы, производственные активы, технологии, кадры.

Сообщество региона воспринимается без идеологической тенденциозности. Практика контактирования с местными жителями ведет к девальвации непривлекательного прототипа. Эпитеты «надежные», «спокойные», «гостеприимные, вежливые по отношению к иностранцам», интегрированные в идиому сибирского характера, очерчивают образ локального пространства – среды с комфортным социальным климатом.

Заключение

В итоге интеллектуального поиска выработано видение, отражающее вариативность имиджа Тюменской области, корреспондирующую привязке его формирования к конкретному пространству и времени. Выявленные закономерности могут быть положены в основу гипотез последующих, более масштабных разработок.

Генерализация и осмысление эмпирического материала позволяют выдвинуть ряд соображений.

1. Общим, что объединяет все конструкции, независимо от того, в каких социумах и на каком уровне – официальном или обыденном – они вырабатываются, является одноядерность смыслового поля. Нефтегазовая переменная очерчивает контур превосходства, смещая на второй план другие сегменты общественной жизнедеятельности. Однако если за рубежом сохраняется тренд на поддержание мифа о монотоваре, то в России актуализируется тенденция, связанная с продвижением идеи об имиджевой полицентричности Тюменской области. Это отвечает задачам синхронизации изменений в пространстве символов с эволюционирующей реальностью. Тем не менее, номинируемые на роль конкурентов аспекты пока

не обрели с точки зрения общественной значимости веса, позволяющего им потеснить ключевую территориальный бренд.

С другой стороны, оперирование доминантой в частных случаях осуществляется с искажающим эффектом, вызванным адаптацией под уникальный контекст. Как следствие, возникают полюса коннотативных размежеваний. Для россиян нефть и газ – фактор, определяющий уровень экономической мощи страны, а также потенциал инновационного развития. В восприятии европейского общества – это углеводородные ресурсы, внутренний дефицит обуславливает необходимый, но нежелательный импорт. Граждане стран СНГ тяготеют к прагматизму, предпочитая подходить к подобному энергетическому преимуществу в банальном ключе извлечения выгод из эффективного функционирования российских рынков.

2. Существенные различия между имиджевыми моделями кроются в несовпадении смыслопорождений. Последние представляют собой продукты ментально-психологической активности, где задействуются четыре вида компонентов: образы, стереотипы, когниции и концепты. В зависимости от превалирования тех или иных бинарных сочленений легко обнаруживаются четыре имиджевых типа. Когнитивно-концептуальный отличает тюменскую аудиторию, образно-концептуальный – представителей российских регионов. Образно-стереотипный и когнитивно-стереотипный специфицируют видение иностранных граждан из дальнего и ближнего зарубежья соответственно.

3. Дифференцируются уровни узнаваемости региона и компонентной наполненности имиджевых конструктов в разных обществах. Состояние сегментированности обнажает уязвимое направление в практике регионального позиционирования, которая оптимально охватывает отечественный дискурс, и бессистемно, спорадически, со слабой методичностью реализуется за пределами Российской Федерации. Индикатором, обуславливающим заявку на властное реагирование, выступает выпадение из ассоциативного комплекса политической сферы,

а также слабая представленность модулей, где объективированы ценности постматериалистической природы.

В то же время, безусловным достижением маркетинговой деятельности можно считать характер совокупного отношения к Тюменской области, который приобрел устойчиво положительную или нейтрально лояльную валентность.

4. В рамках российского пространства задача по выстраиванию запрограммированного ракурса позиционного свойства достигается легче при экзогенном векторе. В аудиториях, разомкнутых с имиджевым носителем, в двуедином процессе, сочетающем информационную суггестию и практический опыт индивидов, лидирует первый предиктор. Это проявляется в демонстрации интервьюируемыми более сбалансированного, не лишённого подробностей познавательного потенциала о рассматриваемом регионе.

В тюменском случае примат отдается собственным наблюдениям, которые верифицируют транслируемые сообщения на истинность. Отсюда социально-экономическая логика имиджевых построений. В них находит воплощение физический мир и преобразования в нем, доступные для визуализации страт с разной материальной самодостаточностью. Форсированный модернизационный процесс и интенсивные информационные потоки обуславливают дисперсность коллективного сознания. Это получает выражение в том числе в неоднозначности подходов к репрезентации разных сторон региональной жизни: с упором на обобщение или детализацию.

Литература:

Кузнецов А.В. Пути укрепления позиций Тюменской области на корпоративной карте мира // *Полития.* – 2016. – № 2. – С. 172-191.

Кудашова Ю.В. Позиционирование региона в политическом пространстве современной России: автореферат дисс. на соискание ученой степени докт. полит. наук. – М., 2011. – 48 с.

Кудашова Ю. Позиционирование как технология формирования конкурентоспособной позиции региона в политическом пространстве // *Власть.* – 2010. – № 10. – С. 65-68.

Леканова А.С. Имидж региона в практике управления социально-экономическим развитием территории (на примере Тюменской области) // *Территория новых*

возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – № 8. – С. 190-196.

Панкрухин А.П. Маркетинг территорий: маркетинг региона // Маркетинг в России и за рубежом. – 2004. – № 2. – С. 9-11.

Татаркин А.И. Конкурентное позиционирование регионов и территорий в пространственном развитии России // Вестник Омского государственного университета. – 2013. – № 8. – С. 148-158.

Терских М.В., Маленова Е.Д. Имидж региона: теоретический аспект (российский и зарубежный опыт) // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 199-204.

Трофименко Е.Ю. Имидж региона, как составляющая маркетинга территорий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 1. – С. 238-242.

Шалыгина Н.П., Селюков М.В., Зенин Г.В., Шалыгина Т.О. Брендинг и его роль в повышении конкурентоспособности региона // Научный журнал НИУ ИТМО. – Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2013. – № 4.

Bergman, E.; Maier, G. Network Central: Regional Positioning for Innovative Advantage // *The Annals of Regional Science*, 2009, Vol. 43, No. 3, pp. 615-644.

Cotirlea, D.A. Country Image VS Country Brand: Differences and Similarities. Mode of access: <http://www.ecoforumjournal.ro/index.php/eco/article/viewFile/265/158>

Martin, I.M.; Eroglu, S. Measuring a Multi-Dimensional Construct: Country Image // *Journal of Business Research*, 1993, Vol. 28, No. 3, pp. 191-210.

Roth, M.S.; Romeo, J.B. Matching Product Category and Country Image Perceptions: A Framework for Managing Country-of-Origin Effects // *Journal of International Business Studies*, 1992, No. 23, p. 480.

References:

Kuznetsov, A.V. Puti ukrepleniia pozitsii Tiimenskoi oblasti na korporativnoi karte mira (Ways to Strengthen Positions of Tyumen Region on Corporate World Map) // *Politiia*, 2016, No. 2, pp. 172-179.

Kudashova, Iu.V. Pozitsionirovanie regiona v politicheskom prostranstve sovremennoi Rossii (Positioning the Region in the Political Space of Modern Russia) // Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoi stepeni dokt. polit. nauk, Moscow, 2011. 48 p.

Kudashova, Iu. Pozitsionirovanie kak tekhnologiia formirovaniia konkurentosposobnoi pozitsii regiona v politicheskom prostranstve (Positioning as a Technology to Create a Competitive Position of the Region in the Political Space) // *Vlast'*, 2010, No. 10, pp. 65-68.

Lekanova, A.S. Imidzh regiona v praktike upravleniia sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem territorii (na primere Tiimenskoi oblasti) (The Image of the Region in the Practice of Socio-Economic Development of the Territory (The Case of Tyumen Region)) // *Territoria novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2016, No. 8, pp. 190-196.

Pankrukhin, A.P. Marketing territorii: marketing regiona (Territorial Marketing: Marketing of the Region) // *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2004, No. 2, pp. 9-11.

Tatarkin, A.I. Konkurentnoe pozitsionirovanie regionov i territorii v prostranstvennom razvitiu Rossii (Competitive Positioning of Regions and Territories in

the Spatial Development of Russia) // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, No. 8, pp. 148-158.

Terskikh, M.V.; Malenova, E.D. Imidzh regiona: teoreticheskii aspekt (rossiiskii i zarubezhnyi opyt) (Image of a Region: Theoretical Aspect (Russian and Foreign Experience)) // *Politicheskaiia lingvistika*, 2015, No. 2, pp. 199-204.

Trofimenko, E. Iu. Imidzh regiona, kak sostavliaiushchaia marketinga territorii (The Image of the Region as a Component of Marketing Territories) // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, No. 1, pp. 238-242.

Shalygina, N.P.; Seliukov, M.V.; Zenin, G.V.; Shalygina, T.O. Brending i ego rol' v povyshenii konkurentosposobnosti regiona (Branding and Its Role in Enhancing the Competitiveness of the Region) // *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO, Seriya «Ekonomika i ekologicheskii menedzhment»*, 2013, No. 4.

Bergman, E.; Maier, G. Network Central: Regional Positioning for Innovative Advantage // *The Annals of Regional Science*, 2009, Vol. 43, No. 3, pp. 615-644.

Cotirlea, D.A. Country Image VS Country Brand: Differences and Similarities. Mode of access: <http://www.ecoforumjournal.ro/index.php/eco/article/viewFile/265/158>

Martin, I.M.; Eroglu, S. Measuring a Multi-Dimensional Construct: Country Image // *Journal of Business Research*, 1993, Vol. 28, No. 3, pp. 191-210.

Roth, M.S.; Romeo, J.B. Matching Product Category and Country Image Perceptions: A Framework for Managing Country-of-Origin Effects // *Journal of International Business Studies*, 1992, No. 23, p. 480.

IMAGE OF THE TYUMEN REGION IN OBJECTIVE AND SUBJECTIVE MEASUREMENTS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Olga S. Pustoshinskaia

*Tyumen State University,
Tyumen, Russia*

<p>Article history</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">23 November 2017</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">1 April 2018</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the problems of regional positioning as the most important factor in the growth of the symbolic potential of the state, whose political and social communities are interested in the sustainable and progressive development of their territories. The authors, based on the results of the conducted research, assess the progress in the semantic fields of the attractive image of the Tyumen region. Image models are considered for the purpose of revealing the similarities and differences in the characteristics expressed in them. It is established that the objective image integrates positive and problem manifestations of regional reality. In subjective constructions, negative aspects do not find fixation. The dynamics in the perception of the Tyumen region by the population of Russia is revealed. In the matrix of mental design there are many new associates replacing part of the core brand of hydrocarbon specialization and referring to the diversification of the economy, its innovative restructuring, historical and cultural heritage, sports and scientific achievements, and tourism opportunities. In the representations of citizens of the CIS countries, the uniqueness of the Tyumen region is associated with the export-raw material supply, as well as a capacious labor market, favorable conditions for training, life, self-realization. The European countries do not have the necessary level of recognition of the region. The oil and gas component in Western societies is more closely associated with the image of the Russian Federation as a whole as an energy power. The set of image features is reduced to the limits of immersion in business, educational, sports and other communications within the framework of international cooperation.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Modern History and World Politics, Tyumen State University</p> <p>e-mail: pustoshinskayaolga@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: regional positioning policy; regional brand; regional competitiveness; rating evaluations; regional identity; subjective representations; objective image of the Tyumen region; internal image of the Tyumen region; external image of the Tyumen region</p>	

Для цитирования: Пустошинская О.С. Имидж Тюменской области в объективном и субъективном измерениях: компаративный анализ // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 114-132.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-114-132

For citation: Pustoshinskaia, Olga S. Imidzh Tjumenskoj oblasti v ob'ektivnom i sub'ektivnom izmerenijah: komparativnyj analiz (Image of the Tyumen Region in Objective and Subjective Measurements: A Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 114-132.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-114-132

THE ITALIAN GEOPOLITICAL CODE

Giovanbattista Varricchio

*Libera Università Internazionale degli Studi Sociali (LUISS University),
Rome, Italy*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">27 March 2018</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">28 April 2018</p>	<p>Abstract: The aim of the research is to outline the main features of the Italian geopolitical code, that is to say the manner in which a given country orientates itself toward the world. Our argument is that – even though a secondary one - also Italy has shaped its own way to approach international relations. The work takes into consideration relevant events in Italian history and contemporary geopolitical orientation as reported into official strategic documents. The final result is the profile of a country feeling its founding role of the main Western regional structures focusing mainly on regional interests. Nonetheless, its Italian friendly attitude toward outsider of Western bloc is a relevant peculiarity that brought Italy to be seen as a reliable partner by many global actors, even those opposing the West.</p>
<p>About the author:</p> <p>MA in International Relations (European Studies), LUISS University</p> <p>e-mail: giovanbattista.varricchio@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>Italy; geopolitical code; atlanticism; Mediterranean; diplomacy</p>	

The lack of studies about the Italian geopolitical code, clashes with the mosaic of histories, cultures and languages¹ that are connected with the peculiar geographical position of the peninsula. Even though in Italy foreign policy has never been a relevant matter of public discussions in both electoral campaigns² or in day-by-day politics, we want to argue that Italy effectively shaped a proper approach to international politics. In this research, our

aim is to define the main features of the Italian geopolitical code. To this extent, we want to give an input to its study and this is the reason why we want to deep the subject of Italian perception of geopolitics. Consequently, we will firstly present on the general definition of geopolitical code. Secondly, we will analyze the main features of the Italian history and political culture. We will define the priority geopolitical areas, which Italy considers of strategic relevance focusing on official documents by Ministries and academia. In this way, we will let emerge some long-standing attitudes of Italian foreign policy capable to influence the manner in which Italy behaves during the time. A relevant focus will be made on the nature of Italian Euroscepticism as understood by those Eurosceptic parties having parliamentary representation. Finally, we will underline Italian approach in dealing with countries that are opposed to the Western bloc in order to show a certain degree of Italian peculiarity. We will try to sum up some consistent conclusions and considerations.

The geopolitical code is an underestimated yet important analytical concept in the

¹ Interestingly, Italy is the country of many native national minorities. The most relevant are the French-speaking population in the region of Valle d'Aosta, the German-speaking population of South Tyrol, the different 'Ladin' languages diffused between the provinces of Trento, Bozen and Belluno. Finally, one could mention the Arbresh people in the deep South of Italy, made up of ancient Albanian community residing in Italy and preserving their cultural peculiarities, included the language.

² Teresa Coratella, "Italy Votes: Europe in the Italian Election," *European Council on Foreign Relations*, February 28, 2018, http://www.ecfr.eu/article/commentary_italy_votes_europe_in_the_italian_election.

comprehension of international relations and foreign policies. Quoting the political geographer Colin Flint, we can define the geopolitical code *sic et simpliciter* as “the manner in which a country orientates itself toward the world”.³ The same author together with professor Peter Taylor, operationalizes the concept of geopolitical code through five different assumptions:

1. Who are our current and potential allies?
2. Who are our current and potential enemies?
3. How can we maintain our allies and nurture potential allies?
4. How can we counter our current enemies and emerging threats?
5. How do we justify the four calculations above to our public, and to the global community?⁴

Furthermore, scale and orientation of such a code are of fundamental importance. Actually, in understanding geopolitics according to a given state one has to consider not only physical elements such as its geographical position. Importantly, we have to take into consideration what this country considers the scope of its foreign policy and its area of influence together with its belonging to geopolitical blocs. The scholar Igor Okunev has analyzed similar considerations. Specifically, he underlines how the contemporary historical context witnessed the collapse of the Soviet Union and the end of the Cold War. In such a context, the end of bipolar world has brought to the instability of geopolitical codes favoring – inter alia – the creation of *ad hoc* coalition into the international realm.⁵

The geopolitical code has found many applications in order to understand how a country perceives itself in the global arena

as well as its posture toward the challenges it faces. Most of the times, the Great Powers have been used as case studies. To this extent, outstanding examples of geopolitical codes are the UK’s policy of Decline during the first decades of the last century, the French *Grandeur*, or the more recent War on Terror promoted by the US.⁶ Finally yet importantly, one can mention Russian New Eurasianism in its Official declination.⁷

Generally, other countries’ geopolitical codes have not been analyzed in such an extensive way, for their lack of relevance in the world of international relations. Italy is not an exception. The first useful step to make in order to start this analysis is the collecting of historical facts that had outstanding consequences for Italy. This first historical part will allow the reader to understand in a proper way the roots of Italian-made geopolitics. In doing so, we have decided to take into account those events that are relevant to our aim. Firstly, the phenomena of migrations from Italy following the unification of the country in 1861 mainly toward Americas which has brought to the establishment of a sizeable Italo-American diaspora. The second historical process to consider is the power politics pursued by Italy until the fall of fascism that led to the establishment of Italy’s Empire with colonies in Cyrenaica, Tripolitania and in the Horn of Africa. The end of Second World War is the third element to consider. The tragedies of the war, the defeat of the Axis, and the vital need of external aid will persuade the Italian new ruling class to align with the Western bloc.⁸ Such an alignment suited the vested interests of Italy at various level. Externally, it provided a military guarantee against external aggressions while internally the

³ Flint, Colin. Introduction to Geopolitics. 3rd ed. London, New York: Routledge, 2016. P. 52.

⁴ Flint, Colin; Taylor, Peter J. Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. 6th ed. Harlow: Prentice Hall, 2011. Pp. 49-50.

⁵ Okunev, Igor. The New Dimension of Russia’s Geopolitical Code // Turkish Policy Quarterly 12, 2013, No. 1, pp. 67-75. Mode of access: <http://turkishpolicy.com/Files/ArticlePDF/the-new-dimensions-of-russias-geopolitical-code-spring-2013-en.pdf>

⁶ Naji, Saied; Jawan, Jayum A.; Soltani, Fakhreddin. The US Geopolitical Code and Its Global Objectives during the First Term of George W. Bush’s Presidency // *Pensee Journal* 76, 2014, No. 3, p. 178.

⁷ Smith, Graham. The Masks of Proteus: Russia, Geopolitical Shift and the New Eurasianism // *Transactions of the Institute of British Geographers* 24, 1999, No. 4, pp. 488-488.

⁸ In this case as Western bloc, we mean both NATO and European Coal and Steel Community, the first step in Western European integration process that will bring to the establishment of the European Union.

Marshall plan was the main tool for re-build the entire country. Moreover, the support of the West to Italy has granted the Democratic-Christian main party the national government for many decades, isolating the Italian Communist party, that together with the French one was one of the strongest in Western Europe.

More than seventy years have passed since the end of the Second World War and some thirty since the end of the Cold War. The *Belpaese* nowadays is one of the key countries in Western geostrategic framework with the third-largest economy of the Eurozone⁹ and the perception it has of itself seems pursue such direction. To this extent, it is enough to read official strategic documents such as the 2015 Italian White Paper and the Multi-annual Programmatic Document 2017-2019. Both of them document Italian official posture in international politics and are published by the Ministry of Defense. The former concerns security, defense and issues related with international cooperation. The latter explains the practical application of the White Paper and presents to the Parliament the foreseen expenditure for the period taken into consideration.

From this works, we can clearly get that Italian vision of the world on two fundamental pillars: the Euro-Atlantic dimension and the Euro-Mediterranean one.¹⁰

Starting from the Euro-Atlantic context, this is intended not bluntly as a geographic area but as a political space of shared values such as freedom, wealth, peace and development.¹¹ As far as the Euro-Atlantic dimension is concerned, it is recognized as a region “cornerstone of the

national interests”.¹² Consistently, the Italian commitment as NATO and European Union member is clearly recognizable. Effectively, the two aforementioned regional organizations made up the very basis of West as geopolitical bloc. It is easy to understand the reasons why of Italian commitment in the Western political and security structures. After the Second World War, Italy was left defeated and destroyed and was willing to show itself to the international community as a new democratic republic seeking to be part of the new European integration process. Actually, Italy has been among the founding members of both NATO in 1949 and ECSC 1951. Up to now, Italian membership in these organizations does not seem to be put in question.

In spite of rumors spread by mass media about the possibility for Italy to leave the European Union, such a scenario results to be unlikely. In fact, if one considers Euroscepticism just as a critical orientation towards EU and not as a demand of definite withdrawal, we can understand how the real possibility of “leave” for Italy are very low now. In order to understand the actual nature of Italian Euroscepticism and its aim, we decided to take into consideration the declared willingness of the parties represented today in the Parliament after the 4th March 2018 national elections.¹³ The two main Eurosceptic parties in Italy are the Five Star Movement and the League. Even though these parties strongly voiced in the past about leaving the Eurozone or even the European Union, the electoral programs of them both tells a different story. As for the former, Five Star Movement asked in the past for a referendum – impossible under the current Italian Constitution – for eventual withdrawal from Euro. Surprisingly, all questions related with the European Union and the currency are simply not present into the electoral program of the Movement.¹⁴ Moreover, the “political chief”

¹² Ibid. P. 42.

¹³ The decision to consider parties’ orientation and not the public opinion is due to the fact that article 75 of the Italian Constitution openly forbids referenda about *inter alia* matters related with international treaties.

¹⁴ Movimento 5 Stelle. Programma Elettorale Movimento 5 Stelle. Rome, 2018. Mode of access: <http://dait.interno.gov.it/documenti/trasparenza/>

⁹ Jones, Gavin. Italy’s Economic Renaissance Is Less than Meets the Eye // *Reuters*. November 8, 2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-italy-economy-analysis/italys-economic-renaissance-is-less-than-meets-the-eye-idUSKBN1D829Q>

¹⁰ Documento Programmatico Pluriennale 2017-2019 / Italian Ministry of Defense. Rome, 2017. Mode of access: https://www.difesa.it/Content/Documents/DPP/DPP_2017_2019_Approvato_light.pdf

¹¹ Libro Bianco per La Sicurezza Internazionale E La Difesa / Italian Ministry of Defense. Rome, 2017. Mode of access: https://www.difesa.it/Primo_Piano/Documents/2015/04_Aprile/LB_2015.pdf

of the party defined the European Union as “the natural home of Italy and of the Movement”¹⁵ during the electoral campaign.

League as well faced a certain degree of inconsistency in its Euroscepticism. In fact, on one end the official website “Salvini Premier” – promoting the premiership of the party’s leader Matteo Salvini – openly put into question Italy’s membership into the European Union in case radical reforms of the founding treaties are not going to be made.¹⁶ On the other hand, the League subscribed a binding common program with its center-right allies. The document is still claiming reforms of the founding treaties.¹⁷ Importantly, all the threats of Italy’s withdrawal from the EU disappear in what should have been the government program of the coalition as a whole.

Finally, we can state that Euroscepticism is on the rise in Italy for both Five Star Movement and League collected together more than 50% of the votes. Nonetheless, it seems to be inconsistent in its demands and ideologically heterogeneous. Moreover, the radical proposal of ‘Italexit’ is not a viable option for neither of the aforementioned parties. Thus, taking into account Hirschman categories,¹⁸ we can state that Italian Euroscepticism is still based on ‘voice’ rather than ‘exit’ option.

As for the other pillar of the West – NATO – no one of the political parties represented into the Parliament has made claims about the

possibility of abandoning the US-led military alliance. Indeed, Italy perceives itself as one of the cornerstone of integration and security in the region and NATO has a fundamental role “in contemporary and future scenarios of international security”.¹⁹ It is enough to mention that currently, Italy is hosting 59 US military basis on its soil.²⁰

The abovementioned White Paper does not take into account only the Euro-Atlantic region. The Euro-Mediterranean one is considered as well. Indeed, due to cultural and geographical reasons, Italy is described as the very center of this geopolitical area.²¹ It comes as no surprise for the Mediterranean Sea in Italy is traditionally called with the Latin name of *Mare Nostrum*²² since the ancient Rome. In the Ministry of Defense’s documents, the region is defined as the main area of national intervention²³ and is divided into five spheres: the EU member states, the Balkans, the Black Sea, the Mediterranean Middle-East and the Maghreb.²⁴ As many other European states, Italy seriously takes into consideration the Mediterranean basin, for this region is the source of many threats particularly as far as illegal migration and international terrorism are concerned.²⁵ Not

Doc/4/4_Prog_Elettorale.pdf

¹⁵ Barretta, Valerio; Tosiani, Romolo; Battiato, Marco; Fubini, Alice. #checkpolitiche2018 – Europa, I Punti Critici Dei Programmi – La Stampa // *La Stampa*. February 17, 2018. Mode of access: <http://www.lastampa.it/2018/02/17/italia/speciali/elezioni/2018/politiche/checkpolitiche2018/checkpolitiche-europa-i-punti-critici-dei-programmi-NMEjttNC3AVYO7faZEp9SK/pagina.html>

¹⁶ Salvini Premier – Programma Di Governo, 2018. Mode of access: https://www.salvinipremier.it/download/Programma_Lega-SalviniPremier_2018.pdf

¹⁷ Programma Elettorale Unitario Del Centro-Destra / Lega. Rome, 2018. Mode of access: http://dait.interno.gov.it/documenti/trasparenza/Doc/5/5_Prog_Elettorale.pdf

¹⁸ Hirschman, Albert Otto. *Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organisations and States.* Mass. Harvard University Press; Cambridge, 1970. P. 162.

¹⁹ Documento Programmatico Pluriennale 2017-2019 / Italian Ministry of Defense. Rome, 2017. P. 10. Mode of access: https://www.difesa.it/Content/Documents/DPP/DPP_2017_2019_Approvato_light.pdf

²⁰ Leone, Vincenzo. *Il Pentagono E Le Basi Militari Usa in Italia / Atlante Geopolitico Treccani*. October 14, 2013. Mode of access: http://www.treccani.it/magazine/atlanter/geopolitica/Il_Pentagono_e_le_basi_militari_Usa_in_Italia.html

²¹ Libro Bianco per La Sicurezza Internazionale E La Difesa / Italian Ministry of Defense. Rome, 2017. P. 43. Mode of access: https://www.difesa.it/Primo_Piano/Documents/2015/04_Aprile/LB_2015.pdf

²² *Mare Nostrum = Our Sea*

²³ Libro Bianco per La Sicurezza Internazionale E La Difesa / Italian Ministry of Defense. Rome, 2017. P. 71. Mode of access: https://www.difesa.it/Primo_Piano/Documents/2015/04_Aprile/LB_2015.pdf

²⁴ *Ibid.* P. 44.

²⁵ Documento Programmatico Pluriennale 2017-2019 / Italian Ministry of Defense. Rome, 2017. P. 6. Mode of access: https://www.difesa.it/Content/Documents/DPP/DPP_2017_2019_Approvato_light.pdf

being possible to establish a system of regional security, Italy's aim at a general stabilization of the area. The Italian White Paper highlights the willingness of the country to become leading nation in certain international operations into the Mediterranean region. Particularly, where the direct knowledge of the scenario results to be relevant due to historical reasons. Even though they have not been directly mentioned, the influence into the former colonies result to be an important element for Italy's regional strategy.²⁶

In this framework, we can better understand certain maneuvers – not always consistent and forward-looking – that Italy has put in place into the Mediterranean chessboard. Starting from the former colony of Libya, the ill-advised regime change in 2011 has brought Italy to promote the UN-backed Government of National Accord led by Fayeze al-Sarraj. Furthermore, Italy has reached agreements with both the official al-Sarraj government and with paramilitary organizations led by his competitor Khalifa Haftar in order to decrease the migration flux from Libya to Italy.²⁷

Another example of Italian action in the Mediterranean area is the UNIFIL operation in Lebanon. In this context, Italy is contributing with some 1100 soldiers. Moreover, it is the leading country of the Western sector of the operation.²⁸

Thus, it is easy to understand that the Euro-Atlantic dimension and the Euro-Mediterranean one are two prominent factors in shaping Italian geopolitical code. Anyway, there is a third feature of Italian foreign policy that we need to take into account. The attitude to deal

and establish friendly relations with most of the international actors – particularly with the outsiders – is an outstanding feature, avoiding the most of the times Schmitt's political dualism between friends and enemies.²⁹

The friendly presence in Lebanon, lead us to consider this peculiarity. The academia defines Italy's attitude as "friendship diplomacy" that for instance brought Italy to be seen as a historically reliable country by many Arab countries and their leaders.³⁰ The Sigonella crisis in 1985 can be a useful example to this extent.

A part from the Arab world, the friendship diplomacy of Italy has been clear in other recent scenarios of global crisis. For instance, Renzi government strongly opposed the renewal of sanctions against the Russian Federation over the case of Crimea.³¹ Moreover, Matteo Renzi has been the first Western leader paying official visit in Teheran since the reaching of the Iran Deal and the end of the international embargo against the Islamic Republic.³²

Trying to sum up the results of our research, Italy seems to perceive itself as a reliable pillar of the Western world, loyal member of both the EU and NATO. The Atlantic dimension of its linkages with Americas is not related just with international agreements and collective security. Indeed, the three main Italian communities abroad – excluding those residing in Europe – are residing in the Argentina (783.190 citizens), Brazil (373.665 citizens) and US (247.990 citizens).³³ Tens of thousands of Italian passport

²⁶ Libro Bianco per La Sicurezza Internazionale E La Difesa / Italian Ministry of Defense. Rome, 2017. Mode of access: https://www.difesa.it/Primo_Piano/Documents/2015/04_Aprile/LB_2015.pdf

²⁷ Tomasetta, Lara. Minniti: 'In Libia Non Possiamo Evitare Di Fare Accordi Con Haftar E Sarraj.' // *The Post Internazionale*. September 27, 2017. Mode of access: <https://www.tpi.it/2017/09/27/accordi-italia-libia-haftar-sarraj-minniti/>

²⁸ Libano – UNIFIL Operazione 'Leonte' – Esercito Italiano / Italian Army Official Website. Mode of access: http://www.esercito.difesa.it/operazioni/operazioni_oltremare/Pagine/Libano-UNIFIL-Operazione-Leonte.aspx

²⁹ Schmitt, Carl. *The Concept of the Political*. Expanded. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 26.

³⁰ Pizzigallo, Matteo. *Una Buona Politica Estera. Italia E Paesi Arabi*. Studi E Ricerche. Bordeaux Edizioni, 2015.

³¹ Burchard, Hans Von Der; Eder, Florian. *Renzi Blocks Smooth Extension of Russia Sanctions // Politico*, October 12, 2015. Mode of access: <https://www.politico.eu/article/renzi-blocks-extension-russia-sanctions/>

³² *Renzi a Teheran, È Il Primo Premier Occidentale Dopo Lo Stop Alle Sanzioni // AskaneWS*. April 11, 2016. Mode of access: http://www.askanews.it/esteri/2016/04/11/renzi-a-teheran-è-il-primo-premier-occidentale-dopo-lo-stop-alle-sanzioni-top10_20160411_143256/

³³ *Stastics Central Office – Italian Ministry of the Interior*. Anagrafe Degli Italiani Residenti

holders, a figure that does not take into account the far broader framework of millions of Italo-Americans that are oversea. Thus, in the Atlantic area Italy has strong human, cultural and political tie from which it is difficult to overlook.

The other relevant geopolitical dimension – the Euro-Mediterranean one – Italy seems to be aware of its geographically strategic position as well as of its history of former colonial empire. Consistently tries to promote regional stability in order to pursue the national interest.

Finally yet importantly, we have highlighted how Italy almost never used the friend/enemy rhetoric, preferring to deal with the outsiders and promoting the image of a generally friendly country.

A Euro-Atlantic and Euro-Mediterranean country, with mainly regional interests to defend, loyal member of the Western geopolitical bloc but able to establish good diplomatic ties with the most of the relevant external actors. This seems to be the Italian geopolitical code, through which the *Belpaese* orientates itself in the world.

References:

- Barretta, Valerio; Tosiani, Romolo; Battiato, Marco; Fubini, Alice.* #checkpolitiche2018 – Europa, I Punti Critici Dei Programmi – La Stampa // La Stampa. February 17, 2018. Mode of access: <http://www.lastampa.it/2018/02/17/italia/speciali/elezioni/2018/politiche/checkpolitiche2018/checkpolitiche-europa-i-punti-critici-dei-programmi-NMEjItNC3AVYO7faZE9SK/pagina.html>
- Burchard, Hans Von Der; Eder, Florian.* Renzi Blocks Smooth Extension of Russia Sanctions // Politico, October 12, 2015. Mode of access: <https://www.politico.eu/article/renzi-blocks-extension-russia-sanctions/>
- Coratella, Teresa.* Italy Votes: Europe in the Italian Election / European Council on Foreign Relations. February 28, 2018. Mode of access: http://www.ecfr.eu/article/commentary_italy_votes_europe_in_the_italian_election
- Documento Programmatico Pluriennale 2017-2019 / Italian Ministry of Defense. Rome, 2017. Mode of access: https://www.difesa.it/Content/Documents/DPP/DPP_2017_2019_Approvato_light.pdf
- Flint, Colin.* Introduction to Geopolitics. 3rd ed. London, New York: Routledge, 2016.
- Flint, Colin; Taylor, Peter J.* Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. 6th ed. Harlow: Prentice Hall, 2011.
- Hirschman, Albert Otto.* Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organisations and States. Mass. Harvard University Press; Cambridge, 1970.
- Jones, Gavin.* Italy's Economic Renaissance Is Less than Meets the Eye // Reuters. November 8, 2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-italy-economy-analysis/italys-economic-renaissance-is-less-than-meets-the-eye-idUSKBN1D829Q>
- Leone, Vincenzo.* Il Pentagono E Le Basi Militari Usa in Italia / Atlante Geopolitico Treccani. October 14, 2013. Mode of access: http://www.treccani.it/magazine/atlante/geopolitica/Il_Pentagono_e_le_basi_militari_Usa_in_Italia.html
- Libano – UNIFIL Operazione ‘Leonte’ – Esercito Italiano / Italian Army Official Website. Mode of access: http://www.esercito.difesa.it/operazioni/operazioni_oltremare/Pagine/Libano-UNIFIL-Operazione-Leonte.aspx
- Libro Bianco per La Sicurezza Internazionale E La Difesa / Italian Ministry of Defense. Rome, 2017. Mode of access: https://www.difesa.it/Primo_Piano/Documents/2015/04_Aprile/LB_2015.pdf
- Movimento 5 Stelle. Programma Elettorale Movimento 5 Stelle. Rome, 2018. Mode of access: http://dait.interno.gov.it/documenti/trasparenza/Doc/4/4_Prog_Elettorale.pdf
- Naji, Saied; Jawan, Jayum A.; Soltani, Fakhreddin.* The US Geopolitical Code and Its Global Objectives during the First Term of George W. Bush's Presidency // *Pensee Journal* 76, 2014, No. 3, pp. 178-194.
- Okunev, Igor.* The New Dimension of Russia's Geopolitical Code // *Turkish Policy Quarterly* 12, 2013, No. 1, pp. 67-75. Mode of access: <http://turkishpolicy.com/Files/ArticlePDF/the-new-dimensions-of-russias-geopolitical-code-spring-2013-en.pdf>
- Pizzigallo, Matteo.* Una Buona Politica Estera. Italia E Paesi Arabi. Studi E Ricerche. Bordeaux Edizioni, 2015.
- Programma Elettorale Unitario Del Centro-Destra / Lega. Rome, 2018. Mode of access: http://dait.interno.gov.it/documenti/trasparenza/Doc/5/5_Prog_Elettorale.pdf
- Renzi a Teheran, È Il Primo Premier Occidentale Dopo Lo Stop Alle Sanzioni // *Askaneews*. April 11, 2016. Mode of access: http://www.askaneews.it/esteri/2016/04/11/renzi-a-teheran-è-il-primo-premier-occidentale-dopo-lo-stop-alle-sanzioni-top10_20160411_143256/
- Salvini Premier – Programma Di Governo, 2018. Mode of access: https://www.salvinipremier.it/download/Programma_Lega-SalviniPremier_2018.pdf
- Schmitt, Carl.* The Concept of the Political. Expanded. Chicago: The University of Chicago Press, 2007.
- Smith, Graham.* The Masks of Proteus: Russia, Geopolitical Shift and the New Eurasianism // *Transactions of the Institute of British Geographers* 24, 1999, No. 4, pp. 481-494.
- Stastics Central Office – Italian Ministry of the Interior. Anagrafe Degli Italiani Residenti all'Estero – 2016, 2017. Mode of access: http://ucs.interno.gov.it/FILES/AllegatiPag/1263/TER_INT_00041_DAIT_AIRE_ed_2016.pdf
- Tomasetta, Lara.* Minniti: ‘In Libia Non Possiamo Evitare Di Fare Accordi Con Haftar E Sarraj.’ // *The Post Internazionale*. September 27, 2017. Mode of access: <https://www.tpi.it/2017/09/27/accordi-italia-libia-haftar-sarraj-minniti/>
- all'Estero – 2016, 2017. Mode of access: http://ucs.interno.gov.it/FILES/AllegatiPag/1263/TER_INT_00041_DAIT_AIRE_ed_2016.pdf

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-133-139>

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОД ИТАЛИИ

Джованбаттиста Варриккьо

*Свободный международный университет
социальных наук,
Рим, Италия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 27 марта 2018 <i>Принята к печати:</i> 28 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: Цель данного исследования – выявить основные особенности итальянского геополитического кода, то есть образ, отталкиваясь от которого данная страна идентифицирует себя в мире. Автор также доказывает, что Италия также сформировала свой собственный подход к международным отношениям. В работе учтены соответствующие события в истории Италии и особенности современной геополитической ориентации страны, которые отражены в официальных стратегических документах Италии. В частности делается вывод о том, что Италия по-прежнему опирается на позиционирование себя как страны-основателя ключевых региональных объединений. Тем не менее, конструктивный подход Италии к странам вне западных региональных блоков позволило Италии выступить в качестве надежного партнера со многими крупными мировыми державами, и даже теми, кто противопоставляет себя Западу.</p>
<p>Об авторе: магистр международных отношений (Европейские исследования), Свободный международный университет социальных наук, Италия e-mail: giovanbattista.varricchio@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: Италия; геополитический код; атлантизм; Средиземноморье; дипломатия</p>	

Для цитирования: Varricchio, Giovanbattista. The Italian Geopolitical Code // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 133-139.
DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-133-139

For citation: Varricchio, Giovanbattista. The Italian Geopolitical Code // *Comparative Politics Russia*, 2018,, No. 2, pp. 133-139.
DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-133-139

19 СЪЕЗД КПК: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМ В КИТАЕ

Предлагаем вниманию читателей материалы круглого стола, проведенного 19 декабря 2017 г в редакции журнала «Сравнительная политика» Центром комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России.

На круглом столе выступили с докладами: О.Н. Борох, к.э.н. в.н.с. Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; А.В. Виноградов, д.полит.н. руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, г.н.с. Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; А.Д. Воскресенский, проф. д.полит.н. директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Ю.М. Галенович, д.и.н. проф. г.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; К.А. Ефремова, к.полит.н. доц. каф. востоковедения, н.с. Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; А.Н. Карнеев, зам. директора, доц. каф. истории Китая ИСАА МГУ; А.В. Ломанов, д.и.н. проф. РАН г.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, г.н.с. Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; В.Я. Порятков, д.э.н. проф. зам.дир. ИДВ РАН; Е.Н. Румянцев, с.н.с. РИСИ.

В работе круглого стола также приняли участие: Е.В. Колдунова, к.полит.н доц. каф. востоковедения, зам. декана Факультета международных отношений, вед. эксперт Центра АСЕАН МГИМО МИД России; А.А. Киреева, к.полит.н. доц. каф. востоковедения, н.с. Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России.

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 22 января 2018</p> <p><i>Принята к печати:</i> 21 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: Редакция журнала «Сравнительная политика» публикует краткие материалы дискуссии, посвященной результатам 19 съезда КПК. На круглом столе выступили с докладами и приняли участие в дискуссии исследователи Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, Института Дальнего Востока РАН, Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ, Российского института стратегических исследований (РИСИ). Ведущие российские эксперты обсудили значение прошедшего в октябре 2017 г. 19 съезда КПК как с точки зрения анализа документов съезда и принятых на нем партийных документов, так и с точки зрения осмысления итогов первых пяти лет нахождения у власти нового поколения руководителей КНР. Были затронуты вопросы трансформации политической власти в КНР, проанализирован новый состав Политбюро ЦК КПК, оценено изменение идеологии и восприятия Китаем вызовов и целей социально-экономического развития, взвешены шансы разных моделей модернизации, проводимых правительством реформ и их эффективности, трансформации национальных интересов и внешнеполитических приоритетов КНР, отношений КНР и США, России, стран Восточной Азии.</p>
<p>Ключевые слова: КПК; Китай; КНР; 19 съезд КПК; российско-китайские отношения; китайско-американские отношения; Тихоокеанская Азия; авторитаризм; демократия; китайская модель развития; социализм с китайской спецификой, китайская мечта</p>	

А.Д. Воскресенский. Ситуация в преддверии и в ходе проведения съезда изменилась и Китай не только умело воспользовался этими изменениями, но и сумел часть из них переформатировать в свою пользу. Так

прежде всего была перехвачена инициатива у США во время выступления Си Цзиньпина на Даосском форуме, он в своем выступлении сконцентрировался на проблеме развития, заявил о необходимости защиты

международных институтов и конкретизировал эту программу в виде китайской модели развития уже на 19 съезде КПК, провозгласив необходимость общего выигрыша для всех участников международной жизни, выдвинув идею «общественного блага», которое может предоставить Китай миру в том числе и через реализацию мега-проекта «один пояс – один путь», одновременно сформулировав идею «сообщества общей судьбы» для всего человечества. Параллельно с этим Си Цзиньпин произвел ужесточение авторитарного характера внутренней политики, провозгласив необходимость внести поправки в конституцию, создав Государственную контрольную комиссию, которая должна получить возможность производить аресты помимо прокуратуры. Так, в частности на съезде Си сказал, что необходимо «...на государственном, провинциальном, городском и уездном уровнях создать контрольные комиссии, работающие на основе объединения служебных обязанностей совместно с партийными органами по проверке партийной дисциплины, – таким образом обеспечить всеохватный контроль над всеми госслужащими, исполняющими публичную власть». Необходимость этого на съезде была обоснована броским лозунгом «поставить власть в клетку закона». Кроме этого, была проведена жесткая компания борьбы с нелегальными мигрантами, которые проживали в пригородах Пекина, были ужесточены правила работы неправительственных организаций, в том числе и посредством закона об иностранных NGO, было проведено в жизнь решение о создании партийных ячеек во всех иностранных частных предприятиях, дающее им право влиять на политику инвестирования и осуществления права частной собственности. Были также предприняты меры для того, чтобы поставить под контроль западные IT компании в Китае, объявлено о введении «системы учета общественных дел» и многое другое. Все это вызвало жесткую реакцию ряда западных СМИ и даже заявление Торговой палаты Германии о том, что немецкие компании могут уйти с китайского рынка. Параллельно с этим Китай стал всемерно продвигать мега-проект «один пояс –

один путь» как инструмент общественного блага и расширения глобализации, а также успешно провел очередной Будапештский форум, собравший для обсуждения торгово-экономических вопросов 11 стран ЕС, 5 Балканских стран и Китай.

Для нас важно понять, как сочетаются провозглашенные ранее и вовремя работы съезда идеи китайского руководства, как эти идеи раскрыты в материалах 19 съезда КПК¹. Для этого важно проанализировать как происходит концентрация и распределение власти в политической системе Китая, какую роль будет играть новая система государственного контроля, что реально смогут сделать партийные ячейки на иностранных предприятиях, что означает критика иностранных элементов в образовательном процессе и повлияет ли это на сотрудничество России и Китая в научно-образовательной сфере, в каком направлении будет трансформироваться система социального порядка и модели модернизации Китая, построения системы правового регулирования.

Основным противоречием современного этапа развития Китая, обозначенным в документах съезда, является «противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой социально-экономического развития страны», а также потребностями в демократии, законности, равенстве, справедливости, безопасности, экологии и др. В то же время, остается открытым вопрос о пути, который Китай собирается избрать для дальнейшей модернизации и как он будет решать вопрос о стоящих перед ним вызовах:

- неравномерности и неполноты развития;
- недостаточно мощного инновационного потенциала;
- трудоемкостью процесса интенсивной ликвидации бедности;
- большого разрыва в уровне развития между городом и селом, между регионами Китая, в распределении доходов населения;

¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК см. http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

в решении трудностей в области занятости, образования, медобслуживания, жилья, обеспечения достойной старости и т.д.

Складывается впечатление, что для решения этих вопросов Китай собирается избрать сингапурский путь развития, стать «большим Сингапуром». Для России остается в основном реактивная (а некоторые аналитики считают даже, что только раздражительная) роль, поскольку Китай является самым сильным игроком мирового уровня на евразийском пространстве, а его влияние в Евразии только увеличивается, поскольку он формулирует проекты мирового уровня. Однако для России сотрудничество с Китаем представляется более выгодным, чем соперничество. Соответственно, сближение России с Китаем продолжается, не смотря на все международные сложности. Таким образом, перед нами сегодня стоит много сложных вопросов дискуссионного характера, которые потребуют от нашей дипломатии и аналитики новых нетривиальных решений комплексного характера.

Я предлагаю в нашей сегодняшней дискуссии сосредоточиться на следующих вопросах:

– Можно ли считать, что 19 съезд КПК маркировал новый этап развития партии и страны?

– О чем может свидетельствовать новый состав Политбюро ЦК КПК? Каковы возможные дальнейшие сценарии / варианты трансформации политической власти в КНР? Каковы могут быть последствия такой трансформации?

– Есть ли новые акценты в концепции социализма с китайской спецификой? С какими сложностями и вызовами социально-экономического развития может столкнуться Китай? Как может трансформироваться стратегия реформ в Китае при ответе на новые вызовы?

– Как будут трансформироваться национальные интересы и внешнеполитические приоритеты КНР? Как это может отразиться на отношениях Китая со странами Запада? С Россией?

В.Я. Портяков. Итоги и документы 19 съезда КПК довольно активно анализируются и комментируются российским

СМИ. Из серьезных материалов хотел бы упомянуть статью нашего бывшего торгпреда в КНР С.С. Цыплакова «Вождистская модернизация Китая. Заложённая Дэн Сяопином система коллективного руководства ушла в прошлое», опубликованную в «Независимой газете» от 16 декабря 2017 г. Автор правильно уловил существо решений съезда, поднявшего нынешнего лидера КНР Си Цзиньпина до политических и идеологических высот, сопоставимых с занятыми в свое время Мао Цзэдуном. Кроме того, Си добился существенного укрепления своих позиций во властных структурах. Многие члены нового состава Политбюро ЦК КПК являются его выдвинутыми и даже непосредственно работали с ним, в т.ч. в провинциях Фуцзянь и Чжэцзян.

Съезд также подкрепил сложившееся в китаеведческой среде мнение, что правление Си Цзиньпина может не ограничиться двумя пятилетними сроками. Во всяком случае, потенциальная пара преемников на высшие партийно-государственные посты никак обозначена не была. Как известно, в качестве таковых после 18 съезда КПК гонконгские СМИ называли Ху Чуньхуа и Сунь Чжэнцзя. Первый остался в составе Политбюро, однако сколько-нибудь заметной раскрутки в СМИ не получил. А второй и вовсе был смещен с поста руководителя парткома Чунцина.

В сфере международных отношений представляется важным закрепление в Уставе КПК двух главных новаций Си Цзиньпина – инициативы «пояса и пути» и положения о «человечестве как сообществе единой судьбы». На наш взгляд, второе положение служит теоретическим основанием декларируемого Пекином курса «мирного развития Китая».

В целом же в международном разделе Отчетного доклада Си Цзиньпина 19 съезду партии есть некоторые нюансы по сравнению с докладом Ху Цзиньгао 18 съезду в 2012 г. Так, если ранее тезис о «формировании международных отношений нового типа» однозначно адресовался Китаем Соединенным Штатам Америки, то теперь он носит менее определенный характер и ориентирован на все крупные государства мира.

Возможно, сохранение прежнего термина при некотором переформатировании его адресата стало попыткой «сохранить лицо» после отказа США принять предложенную Пекином формулировку.

Съезд продемонстрировал окончательный отход Китая от формулы Дэн Сяопина «*таогуан янхуэй*» – «стараться ничем не проявлять себя», «не выставлять напоказ свои способности». Напротив, Пекин во всеулышание заявил о международной ценности, особенно для развивающихся стран, его опыта экономического строительства. Любопытными в данном контексте выглядят заголовки ряда статей после съездовского номера журнала «Цюши» на английском языке (Qiushi, October–December 2017), например: «Сравнительный анализ порядка в Китае и беспорядка на Западе», «Западоцентризм скрывает нынешнее состояние беспорядка на Западе», «Китай – ключевая сила содействия всемирной стабильности, миру и развитию». Судя по этой напористой и даже назойливой пропаганде, Китай будет в следующем пятилетии заметно более активно, чем раньше, бороться за укрепление своей роли и места в глобальном управлении.

Хотел бы обратить внимание аудитории и на то обстоятельство, что на съезде констатируется вступление Китая в новый этап внешнеэкономической открытости. Его суть – все более глубокое проникновение китайских капиталов, товаров, услуг в ткань мирового хозяйства.

Ю.М. Галенович. Обратимся, прежде всего, к нашим двусторонним отношениям с Китаем. Здесь, прежде всего, важно проанализировать содержание обмена мнениями по итогам съезда между президентом РФ В.В. Путиным и генеральным секретарем ЦК КПК, председателем КНР Си Цзиньпином.

Агентство Синьхуа сообщило, что 26 октября 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин провел телефонный разговор с президентом России Владимиром Путиным. В. Путин тепло поздравил Си Цзиньпина с переизбранием на пост генерального секретаря ЦК КПК, а также с успешным проведением 19 съезда КПК. Он подчеркнул, что утверждение на съезде идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой но-

вой эпохи представляется крайне важным. Результаты работы съезда в полной мере продемонстрировали доверие и поддержку, которой пользуется возглавляемая Си Цзиньпином КПК со стороны широких масс народа Китая. Си Цзиньпин имеет высокий авторитет, как в КПК, так и среди граждан КНР. Президент России чистосердечно пожелал Си Цзиньпину вывести КПК – самую крупную политическую партию в мире – к новым успехам. Отношения между Россией и Китаем являются образцом мирного сосуществования крупных держав в современном мире. В.В. Путин также выразил намерение поддерживать тесные контакты с Си Цзиньпином, продвигать сотрудничество между Россией и Китаем по всем направлениям и поддерживать близкие связи и координацию по важным международным и региональным вопросам.

Си Цзиньпин поблагодарил В.В. Путина за поздравления и отметил, что только что завершившийся 19 съезд КПК утвердил общий курс и программу для будущего развития партии и государства, что отражает высокий уровень единства мнений 89 млн членов КПК. КПК обладает как уверенностью, так и возможностями для того, чтобы привести народ Китая к реализации цели в борьбе за великое возрождение китайской нации. Это исторический долг и миссия КПК.

Си Цзиньпин также подчеркнул, что развитие Китая невозможно отделить от мира. Китай и Россию связывают всесторонние отношения стратегического взаимодействия и партнерства, и Китай будет неизменно решительно углублять отношения с Россией вне зависимости от изменений международной обстановки. Китай намерен следовать по единой траектории с Россией, добиваться еще большего развития двусторонних отношений и еще больших результатов.

Обмен мнениями между президентом РФ и председателем КНР, обнародование содержания телефонного разговора между ними позволяет узнать, что именно подчеркивает каждый из собеседников. Эти высказывания создают атмосферу на высоком уровне в наших двусторонних отношениях. Эту атмосферу учитывают в своей практи-

ческой деятельности государственные деятели и чиновники на всех уровнях. В этой атмосфере занимаются изучением соответствующих вопросов китаеведы, специалисты в тех областях, где приходится иметь дело с Китаем.

Исходя из упомянутого обмена мнениями, китаеведам в России необходимо учитывать, что межгосударственные отношения РФ и КНР носят в настоящее время такой характер, что президент РФ, то есть глава государства, поздравляет руководителя правящей в Китае политической партии, Коммунистической партии Китая, с переизбранием его на пост генерального секретаря ЦК КПК и с успешным проведением съезда упомянутой партии. Соблюдение вежливости, уважения друг к другу – неперемнное условие поддержания отношений.

В настоящее время, судя по словам президента РФ, положительное отношение и к Коммунистической партии Китая и к ее руководителю – основа сохранения доброжелательной атмосферы в двусторонних отношениях России и Китая. Тем самым закладывается установка на одобрение в нашей стране, в частности, нашими специалистами по Китаю, а также СМИ, деятельности Коммунистической партии Китая.

Далее, из этого также вытекает, что в нашей стране при оценке политики современного руководства КПК-КНР следует считать крайне важным утверждение Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Из этого далее следует установка на положительное отношение и к самому генеральному секретарю ЦК КПК, и к термину «социализм с китайской спецификой в новую эпоху». Сюда включается и положительное отношение к терминам «самобытный китайский социализм», «китайская специфика», «новая эпоха» в трактовке всего этого Коммунистической партией Китая и ее генеральным секретарем. Безусловно следует считать доверие и поддержку со стороны широких масс народа Китая Коммунистической партии Китая во главе с Си Цзиньпином в качестве ее генерального секретаря. Следует также исходить из того, что Си Цзиньпин имеет высокий авторитет, как в КПК, так и среди граждан КНР. Далее, следует подчеркивать,

что Коммунистическая партия Китая – это самая крупная политическая партия в мире. Именно Си Цзиньпину следует желать привести партию к новым успехам.

Итак, официальная оценка президентом РФ итогов 19 съезда КПК заключается в полном одобрении деятельности лично Си Цзиньпина, Коммунистической партии Китая, которой он руководит, а также того, что отныне называется в Китае «идеей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху».

С этой точки зрения, следует одобрять и «современный китайский самобытный социализм» и мнение Си Цзиньпина о том, что настоящее время – это «новая эпоха». Именно с этих позиций следует оценивать и деятельность лично Си Цзиньпина, и внутреннюю и внешнюю политику КПК-КНР. Только такая позиция будет содействовать сохранению и развитию атмосферы мира, добрососедства, партнерских отношений между Россией и Китаем.

С этой же точки зрения, отношения между РФ и КНР представляют собой образец мирного сосуществования крупных держав в современном мире.

С нашей точки зрения, вечный мир во взаимоотношениях России и Китая – это одно из главных совпадений национальных интересов обоих народов и обеих стран.

Итак, Си Цзиньпин, судя по словам президента РФ, – это наш главный партнер в Китае; основой наших двусторонних отношений является принцип сотрудничества, следует ставить интересы сотрудничества во главу угла; наша сторона также стремится к согласованию позиций по проблемам внешней политики и в области двусторонних, многосторонних, региональных и глобальных отношений и проблем. Из этого следует положительное отношение в нашей стране к внешней политике КПК-КНР.

В целом, главным в этой позиции представляется признание значения сохранению ныне существующей, внешней или декоративной, стороны наших двусторонних отношений, поддержанию атмосферы доброжелательности в наших отношениях. Наша сторона заинтересована в сохранении такой атмосферы.

А.В. Ломанов. Стержневой идеей доклада на 19 съезде КПК стало провозглашение «новой эпохи социализма с китайской спецификой». Было заявлено, что китайская нация совершает «великий скачок» (*вэйда фойе*) от «вставания» (*чжаньцилай*) и «обогащения» (*фуцилай*) к «усилению» (*цянцилай*). В контексте политической истории КНР это означает, что главной темой правления Си Цзиньпина является укрепление китайской мощи. Нынешний период становится продолжением эпохи Мао Цзэдуна, в которую Китай «поднялся» и заложил основы экономической и военной независимости, а также эпохи Дэн Сяопина, когда реформы дали возможность для обогащения наиболее активных членов общества и страны в целом. Воплощением нового акцента на «усилении» стало двукратное использование иероглифа «мощь – сила» в стратегической программной цели построить к середине столетия «богатую сильную (*цян*) демократическую цивилизованную гармоничную красивую социалистическую модернизированную державу (*цянго*)».

Тезис о переходе от «обогащения» к «усилению» указывает, что былой приоритет увеличения богатства путем количественного приращения объема экономики уходит для Китая на задний план. Именно в этом ключе следует трактовать принятие на съезде новой трактовки основного противоречия китайского общества как противоречия «между растущей потребностью народа в хорошей жизни и неравномерным неполным развитием».

Появление этой формулировки знаменует окончательное отдаление официальной теории развития Китая от наследия советской политэкономии. Предложенный в СССР в середине XX в. «основной экономический закон социализма» требовал обеспечить «максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники». Прежние китайские трактовки основного общественного противоречия (1956 и 1981 гг.) следовали этому подходу и указывали на разрыв между потребностями

людей и отсталостью производства, что требовало сосредоточить усилия на развитии экономического потенциала.

Си Цзиньпин заявил на съезде, что по ряду направлений производства Китай уже вышел в мировые лидеры. И это соответствует тезису о переходе страны от «обогащения» к «усилению». Вместе с тем были унаследованы и сохранены прежние оценки Китая как самой большой в мире развивающейся страны, которая находится на «начальном этапе социализма». Эта констатация позволяет уравновесить чрезмерный оптимизм в трактовке «новой эпохи» Китая.

Традиционная для прежних съездов троичная схема взаимодействия с мировым сообществом (развитые страны – соседи – развивающиеся страны) в 2017 г. была модифицирована. На первое место вместо развитых стран была вынесена тема связей с «большими государствами» (*да го*), с которыми предполагается выстраивать устойчивые сбалансированные скоординированные отношения сотрудничества. В лексиконе китайской внешней политики последних лет формулировка «отношения нового типа между большими государствами» служила указанием на китайско-американские отношения. Даже если предположить, что на съезде эта формулировка была использована в расширенном контексте и указывала на «большие государства» помимо США, очевидно, что из новой классификации выпали небольшие развитые страны. Это может служить косвенным указанием на то, что новая китайская самооценка как страны разбогатевшей и по ряду направлений достаточно развитой привела к снижению интереса к развитым странам с небольшим международным влиянием.

Двойственность можно проследить и в отношении к мировому порядку и его правилам. В докладе подчеркнуто, что Китай будет вносить вклад в глобальное развитие и действовать как «защитник» международного порядка. Вместе с тем было сказано, что специфической чертой современной эпохи является «ускорение продвижения изменения глобального управления и мирового порядка». Китай хочет подчеркнуть, что он не стремится

расшатать или ликвидировать современный мировой порядок, однако тезис о необходимости преобразования глобальных правил с учетом интересов развивающихся стран остается в силе. В качестве большого ответственного государства Китай намерен активно участвовать в «реформировании и строительстве» системы глобального управления.

На съезде было заявлено, что китайский подход к глобальному управлению основан на «совместном обсуждении, совместном созидании и совместном использовании». Это положение получило нормативный статус и вошло в программный раздел устава КПК. Очевидная проблема заключается в том, что созданные Западом правила с Китаем не обсуждались и Китай не является равноправным участником поддерживающих функционирование этих норм институтов – даже если западные политики уверены в том, что использование этих правил и механизмов приносит Китаю существенные и «несправедливые» выгоды. В период «усиления» Китай намерен стать равноправным участником процесса разработки новых правил, что не находит поддержки у ведущих развитых стран.

Чтобы перейти от обсуждения частных проблем к формированию глобальной повестки дня, Китай предложил внешнему миру совместно поработать над «созданием сообщества судьбы человечества». Эта концепция стала частью канонизированных на 19 съезде КПК «идей Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой». В качестве ключевых компонентов «сообщества судьбы человечества» в докладе были упомянуты «длительный мир», «всеобщая безопасность», «совместное процветание», «открытость и инклюзивность», «чистый и прекрасный мир».

Этот набор идей получил развернутую трактовку в выступлении Си Цзиньпина 1 декабря 2017 г. в Пекине на форуме диалога высокого уровня КПК и политических партий мира. Китайский лидер от первого лица заявил, что именно он впервые в 2013 г. выдвинул инициативу строительства «сообщества судьбы человечества», пояснив, что его инициатива «один пояс, один путь» направлена на практическое осуществ-

ление идеи «сообщества». Си Цзиньпин также рассказал о традиционных концепциях «Поднебесная – одна семья» (*Тянься и цзя*) и прекрасном мире Великого единения (*Датун*), когда «шли по большому пути и Поднебесная принадлежала всем» (*да дао син е, Тянься вэй гун*). Эти рассуждения указывают на стремление привнести в проект «сообщества судьбы» китайские ценности и воззрения.

Си Цзиньпин сообщил, что на основании осмысления собственного опыта Китай готов делиться с внешним миром новыми трактовками закономерностей развития человеческого общества, но при этом не будет «экспортировать» «китайскую модель» либо требовать от других стран «копировать» китайские методы. Даже с учетом этих оговорок попытка Китая выйти на мировую сцену в качестве носителя набора незападных идей и ценностей, пригодных для создания «сообщества судьбы человечества», способна вызвать противодействие со стороны развитых стран.

На этапе «усиления» Китай хочет заявить о себе как создатель новой концепции организации взаимодействия внутри мирового сообщества. 19 съезд закрепил курс на превращение страны во влиятельного международного игрока, выдвигающего глобальные идеи и осуществляющего на практике серьезные трансрегиональные инициативы наподобие «пояса и пути».

Ю.М. Галенович. У наших двусторонних отношений есть и их суть, их главное внутреннее содержание. Определенное представление об этом дают и высказывания Си Цзиньпина в упомянутом телефонном разговоре с президентом РФ. Си Цзиньпин, прежде всего, подчеркнул, что прошедший съезд утвердил общий курс и программу для будущего развития партии и государства.

Это, по сути дела, означает требование признания в нашей стране именно такой оценки итогов съезда. При этом недопустимым оказывается какая бы то ни было критика и Си Цзиньпина, и КПК, и того, что Си Цзиньпин именует общим курсом и программой будущего развития партии и государства. По сути дела, перед нами новый генеральный курс КПК, главным и

единственным первым руководителем которой, «ядром» которой, ныне выступает Си Цзиньпин. Речь идет о признании и в нашей стране своего рода культа личности Си Цзиньпина, а также его «идеи» в качестве генерального курса партии и государства. Си Цзиньпин подчеркивает именно единство партии и государства в современном Китае. Никакие сомнения относительно единства и внутри партии, и внутри государства, с этой точки зрения, недопустимы. По сути дела, это требование не подвергать сомнению стабильность положения Си Цзиньпина, КПК, внутри страны, стабильность ситуации в Китае.

Си Цзиньпин особо подчеркнул утверждение о единстве мнений всех членов КПК. Это означает проявление желания, чтобы в этом ни у кого за пределами Китая, в том числе в нашей стране, не было, и не должно было быть, никаких сомнений.

Си Цзиньпин подчеркнул, что численность КПК приближается к 90 миллионам человек. Это – напоминание о том, что всем на планете приходится и придется иметь дело с самым многочисленным и самым большим партийно-государственным механизмом управления страной с самым многочисленным населением на Земле. Си Цзиньпин также доводит до нашего народа и нашей страны мысль о том, цель КПК – это великое возрождение китайской нации или нации Китая. Тут уже прямо употребляется термин «Великое Возрождение». Осуществление этой цели, по словам Си Цзиньпина, это исторический долг и миссия КПК. Следовательно, Си Цзиньпин предупреждает, что всем на Земле придется приспособливаться к выполнению КПК ее исторической миссии, ее исторического долга, то есть к действиям с целью возродить нацию Китая, заставить все остальные нации на Земле считаться с требованиями нации Китая, выполнять то, что от них требуется, если это трактуется в Китае как часть возрождения нации Китая.

Си Цзиньпин подтверждает характеристику состояния отношений между Россией и Китаем в настоящее время как отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства, и далее говорит, что такими эти отношения, с точки зрения Китая,

будут оставаться вне зависимости от изменений обстановки в мире. Здесь сквозит желание довести до нашей стороны мысль о том, что она должна удовлетворяться тем, что на нее в КПК-КНР смотрят как на «партнера» (но не союзника). При этом она должна, вне зависимости от изменений международной обстановки, то есть «всегда», «навечно», находиться «на обочине» мировой политики, в частности, взаимоотношений между Китаем и Америкой. Не вступать ни в какие союзы и альянсы, которые в Китае считают не нужными, и, собственно говоря, выполнять то, что от нее требуется в целях возрождения нации Китая.

Си Цзиньпин сказал на съезде, что Китай намерен следовать по единой траектории с Россией. Это все та же мысль Си Цзиньпина о том, что у человечества есть единая или общая судьба. Иными словами, каждая нация, в том числе Россия, должна следовать за нацией Китая. В целом оказывается, что сразу же после 19 съезда КПК в первом же разговоре с президентом РФ Си Цзиньпин очертил рамки и пределы действий России, что диктуется необходимостью выполнения КПК своего исторического долга – Великого Возрождения Великой Нации Китая.

О.Н. Борох. Экономический раздел доклада на 19 съезде включает основные концепции в сфере экономики, которые возникли за предыдущие годы при власти Си Цзиньпина. Это тезис о «решающей» роли рынка в размещении ресурсов, закрепленный на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.). Это концепция «структурной реформы предложения», которая начиная с 2015 г. служит ориентиром для осуществления комплекса мер по сокращению избыточных производственных мощностей, уменьшению запасов, реструктуризации долгов и снижению издержек. Тогда же власти предложили «новые концепции развития» (инновация, скоординированность, экологичность, открытость, общедоступность). В отчетном разделе доклада на съезде также была упомянута предложенная в 2014 г. концепция «новой нормальности», которая отразила реакцию китайского руководства на объективную тенденцию замедления темпов роста китайской экономики и ориентацию на качество роста.

В центре экономической политики КПК находится тезис о переходе от роста высокими темпами к высококачественному росту. В 2017 г. на партийном съезде впервые не была поставлена цель наращивания ВВП. Обоснованием для этой перемены служит появление новой трактовки основного противоречия китайского общества как противоречия «между стремлением людей к хорошей жизни и неравномерностью и неполнотой развития». Об отсталости производства в этой формулировке речь уже не идет, что позволяет снять задачу наращивания объемов экономики. Однако инерция погони за темпами столь велика, что китайские эксперты предупреждают о недопустимости рассматривать «неполноту» развития в отрыве от «неравномерности». В противном случае отсталые регионы будут ссылаться на свое «неполное развитие», требовать инвестиций и новых проектов, что в итоге приведет к стремлению к высоким показателям роста.

Экономические решения 19 съезда нацелены на решение структурных проблем, на повышение эффективности и качества развития. Сохранение рыночного курса реформ не вызывает сомнений. В докладе произошло небольшое стилистическое усовершенствование прежней формулировки о «решающей роли рынка в размещении ресурсов и лучшем развертывании роли правительства» (замена союза «и» на запятую), которое, по мнению китайских комментаторов, дополнительно подчеркивает важность роли рынка по сравнению с ролью правительства. Положение о «решающей роли рынка» было включено в обновленный устав КПК, заменив прежнюю характеристику роли рынка как «базовой». В материалах съезда содержится тезис о совершенствовании в процессе реформ системы прав собственности, включая новую формулировку о правах собственности как «эффективном механизме стимулирования» деятельности экономических субъектов. Речь идет о четком определении и защите прав собственности, включая интеллектуальную собственность.

В качестве важного аспекта экономических реформ на 19 съезде было указано на совершенствование рынка факторов произ-

водства. Китайские экономисты отмечают, что рынок факторов производства отстает в развитии от рынков товаров и услуг, а это препятствует рыночному обмену рабочей силой, землей, капиталом, техникой, информацией. Для решения проблем на рынке труда намечено реформировать систему прописки, улучшить трудовое законодательство, продолжить работу по сокращению разрывов между городом и деревней, между отдельными регионами и отдельными отраслями. Предполагается ускорить создание единого рынка использования земли в городе и деревне. Важной задачей было провозглашено реформирование финансового рынка, обеспечение его здорового и стабильного развития. Ответом на чрезмерные спекулятивные колебания на рынке ценных бумаг стали требования поставить финансовый рынок на службу реальной экономике и увеличить долю прямого финансирования. Если прежде официальная формулировка требовала, чтобы «государственные предприятия становились сильными, хорошими и большими», то на съезде эти требования были адресованы государственному капиталу. Предполагается, что это будет способствовать продвижению реформы госпредприятий, совершенствованию системы управления государственным имуществом и системы прав собственности в государственном секторе экономики.

Экономический раздел доклада на съезде отличается содержательностью и конкретностью. Все предложенные меры тесно связаны друг с другом. Ради закрепления уже достигнутых успехов в сокращении избыточных запасов и мощностей в рамках структурной реформы предложения власти хотят не только расширить роль рыночных механизмов конкуренции и банкротства, но и в максимальной степени взять под контроль угрозу возникновения финансовых рисков. Для повышения международной конкурентоспособности китайской экономики предложено расширить применение системы «негативного списка», который указывает, какие сферы закрыты для инвесторов, позволяя входить в остальные сектора, не запрашивая дополнительных разрешений. Эта система уже действует в Китае в 11 экспериментальных зонах свободной торговли.

Ю.М. Галенович. Си Цзиньпин на съезде сказал, что Китай приветствует глобализацию, а также понимает вызовы, которые приносит с собой глобализация. Всем странам следует объединить усилия и действовать в одном направлении, продвигать экономическую глобализацию на базе открытости, инклюзивности, благоприятствования, равновесия и обоюдного выигрыша.

Что касается глобализации, то КПК-КНР стремятся использовать в своих интересах экономическую глобализацию. Они претендуют на способность лучше всех в мире управлять делами земного шара, когда речь идет, прежде всего, об экономической глобализации. Призыв ко всем странам объединить усилия оборачивается при этом призывом признать руководящую, направляющую и управляющую роль Китая в ходе экономической глобализации. При этом на практике оказывается, что китайская сторона заботится при этом, прежде всего и главным образом, о выгоде для себя, и только для себя.

О.Н. Борох. С опорой на положения 19 съезда на заседании политбюро ЦК КПК в декабре 2017 г. были сформулированы направления экономической работы на 2018 г. Ключевыми тезисами стали «продвижение вперед в условиях стабильности», поддержание высокого качества роста, углубление структурной реформы предложения. Появился тезис о проведении в 2018 г. «трех ключевых сражений», нацеленных на предотвращение крупных рисков, адресную целенаправленную борьбу с бедностью, противодействие загрязнению окружающей среды. Был сделан акцент на развитии реальной экономики и ускорении темпов роста передовых производств ради того, чтобы Китай смог занять лидирующие позиции в глобальных цепочках создания добавленной стоимости.

Примечательным событием стало появление в конце 2017 г. на Центральном совещании по экономической работе понятия «экономические идеи Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой». Оно стало конкретизацией в экономической сфере «идей Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой», кото-

рые были включены на съезде в устав КПК. Новый термин вписан в контекст нормативной партийной идеологии, он пришел на смену рассуждениям китайских теоретиков о «политэкономии Си Цзиньпина» и «политэкономии социализма с китайской спецификой». Было отмечено, что при Си Цзиньпине происходило непрерывное углубление познания законов экономического развития.

Провозглашение на съезде «новой эпохи» социализма с китайской спецификой означает, что экономическое развитие Китая также вошло в новую эпоху перехода от ускоренного роста к высокому качеству. Эта констатация будет оказывать большое влияние на выбор приоритетов при формировании экономической политики. Осуществить намеченное будет непросто и китайской руководство понимает это. В китайской политической публицистике часто цитируют слова Си Цзиньпина о том, что если не сконцентрироваться на проведении в жизнь поставленных задач, то «даже самые лучшие цели и самые лучшие планы останутся цветами в зеркале и отражением месяца в воде».

Ю.М. Галенович. Для нас в этой связи важен еще один вопрос, который Си Цзиньпин затронул в своем докладе на съезде: как относиться к китайско-американскому соперничеству? Ключевым фактором является наличие глобальной перспективы.

Если посмотреть текст доклада, то получается, что китайская сторона предлагает американской стороне, Си Цзиньпин предлагает Д.Трампу, во-первых, считаться с Китаем, воспринимая его таким, каким он сам себя представляет. Во-вторых, исходить из того, что Китай предлагает единственно правильный путь развития человечества под своим руководством, исходить из того, что только приспособление к Китаю может принести выгоды США. Наконец, в-третьих, американцам китайцы предлагают считать, что для человечества существует только одна перспектива, то есть перспектива, трактовку которой предлагают КПК-КНР.

Эта перспектива складывается из двух частей. Во-первых, будучи крупнейшими экономикой в мире и постоянными членами СБ ООН, Китай и США имеют об-

ширные общие интересы в защите мира и стабильности на планете, стимулирования глобального развития и процветания; они несут на себе важную ответственность. Интересы двух стран глубоко пересекаются, они нужны друг другу. Китай не является соперником или врагом, как думают некоторые американцы.

Судя по тому, что было сказано на съезде, в том числе и в экономической части доклада, возможно, по инициативе и на условиях Китая, снова возникает перспектива возникновения на планете «большой двойки» из Китая и Америки.

А.Н. Карнеев. Одним из самых важных обстоятельств, мимо которого пожалуй не прошел ни один комментатор, стала консолидация власти Си Цзиньпина и его команды, стремительное превращение нынешнего генсека в фигуру, равную по значимости основателю КНР Мао Цзэду и «прорабу китайских реформ» Дэн Сяопину, а также потенциальная трансформация структуры высшей власти в КНР в некое новое качество. При том, что задолго до съезда более или менее было понятно, что все идет к тому, чтобы увенчать Си (который и так и уже сосредоточил в своих руках беспрецедентное количество инструментов контроля и управления) еще более звучной титулатурой, включение «идей Си Цзиньпина» в устав партии и другие документы всего лишь после пяти лет работы все равно выглядит как некая аберрация, не совсем понятная зарубежным наблюдателям. Удивление западных экспертов лучше всех выразил Эйван Ознос из Нью-Йоркера: «как так получилось, что мало кому известный партфункционер среднего уровня вдруг за несколько лет превратился в вожда, которого теперь ставят рядом с Мао?»

17-го ноября 2017 г. Агентство Синьхуа опубликовало редакционную статью под названием «Си Цзиньпин: лидер новой эпохи, указывающий путь вперед» (*Си Цзиньпин: синь шидай дэ линлужэнь*), в которой генсек назван «рулевым» корабля великой мечты, сердцевинным лидером «великой борьбы» против коррупции и разложения, слугой простого народа, беспрестанно думающим о счастье всех китайских граждан, главнокомандующим военной реформой, лидером

великой державы, «генеральным конструктором строительства в новую эпоху» и т.д. и т.п. Была также в одной из провинциальных парторганизаций (в Гуйчжоу) попытка вбросить в официальный лексикон термин «великий руководитель», однако она не получила поддержку сверху, вероятно по причине того, что могла провоцировать нелицеприятные сравнения с северокорейским лидером Ким Чэн Ыном.

Почти в открытую уже проскальзывают размышления партийных публицистов о том, что, мол, два предшествующих Си Цзиньпину генсека вообще были «слабыми лидерами», что дополнительно высвечивает значимость руководства со стороны Си Цзиньпина, как бы призванного самой историей стать кризисным менеджером в ситуации опасного процесса все более заметного отрыва партии от настроений и чаяний простых китайцев. Согласно публикации леворадикального ресурса «Красный Китай», в закрытых выступлениях неких высокопоставленных советников Си Цзиньпина следующим образом объясняют партактиву диалектику партийного руководства последних двадцати лет: «по сравнению с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином те же Цзян Цзэминь, Чжу Жунцзи, Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао были слабыми руководителями (*жоши линдао*), которые в целях сохранения единства в руководстве и приоритета экономического развития закрывали глаза или делали вид, что не замечают такие действия, которые содержали серьезные нарушения дисциплины или закона. Такое отношение позволило многим лицам широко практиковать коррупционные схемы и все это привело к появлению привилегированного слоя людей (*цюаньгуй цзецэн*), беззащитно пользовавшихся своим положением для отъема в свою пользу ресурсов и денег, что не только усугубляло проблему пропасти между бедными и богатыми, но и обусловило то, что экономическое развитие страны происходило в извращенной форме»².

² Юаньхан ихао. 习的指导思想完全是反动的新自由主义 Си дэ чжидао сысян ваньцюань ши фаньдун дэ цзыючжуй (Руководящие идеи Си Цзиньпина на самом деле являются неприкрытым неолиберализмом) / *Хунсэ чжунго*, 07.07.2014.

На этом фоне становится понятным, какое важное значение в укреплении авторитета Си играет антикоррупционная кампания, названная в отчетном докладе «великой борьбой». В преддверии съезда наиболее резонансным проектом партийной пропаганды в этой области стал 60-серийный фильм «Именем народа» (*И жэньминь дэ минь*), призванный внушить зрителям понимание того, насколько драматичной является борьба партийного руководства с вышеуказанными негативными явлениями. Как показатель сверхчувствительности данной темы в современных условиях отметим то обстоятельство, что данный сериал (в котором, кстати, в именах трех главных положительных персонажей зашифрована фамилия и имя Си Цзиньпина) после первоначальной пропаганды официальными СМИ, вдруг перестали упоминать и по итогам ушедшего года наиболее удачным кинематографическим проектом, отвечающим всем требованиям партийной пропаганды стал ультранационалистический боевик «Боевой волк 2» (*Чжаньлан 2*).

Еще один тренд съездовской и после съездовской работы – попытка наступательной стратегии в борьбе с разного рода неблагоприятными для КПК тенденциями в идейно-политической и информационной сфере, включая так называемые «ошибочные взгляды» и идеологию «враждебных сил». Не секрет, что весь первый срок нахождения Си и его соратников во власти характеризовался довольно заметным ужесточением контроля за идеологической сферой, в предшествующие годы (особенно в эру Ху Цзиньтао) развивавшейся в сторону большего плюрализма мнений и возможностей выражения самых разных идей. Это, без сомнения, отражало опасения партийного руководства что в эпоху информационной революции партия отнюдь не выигрывала в идейном противостоянии с оппонирующими взглядами. Лозунг о «четырех уверенностях», по мнению экспертов, как раз отражает эти опасения.

После прихода к власти в 2012 г. 5-го поколения китайских руководителей последовала явная «подморозка» идеологической сферы – ограничениям подверглись как силы,

выступающие за дальнейшую либерализацию политической атмосферы, так и группы публицистов и политических активистов, отстаивающие «левую перспективу» развития, закрывались журналы и сайты, были выдвинуты более строгие требования к регулированию виртуального пространства, арестовывались отдельные диссиденты и блогеры, снимались с полок магазинов те или иные книги. Многие китайские так называемые «публичные интеллектуалы», приобретшие известность в предшествующий период яркими выступлениями в СМИ и Интернете, теперь предпочитают молчание, хотя не вполне понятно, насколько долго продлится эта ситуация.

Складывается ощущение, что и после съезда так называемые «красные гены» Си Цзиньпина, проявившиеся в призыве «не забывать о тех принципах» (*бу ван чу синь*), с которыми КПК создавала свою власть, и причудливым образом сочетающиеся со вполне либерально-ориентированной повесткой дня в области углубления экономических реформ, проявят себя новыми идеями и инициативами, а ожидающих поворота к «универсальным ценностям» китайским интеллектуалам придется отложить свои надежды в долгий ящик.

Спустя неделю после завершения 19-го съезда КПК состоялось важное действие, призванное подчеркнуть неизменность конечных целей Коммунистической партии Китая. В сопровождении всех членов Постоянного комитета Политбюро ЦК генсек Си Цзиньпин прибыл в Шанхай для посещения дома-музея основания партии.

Члены Постоянного комитета Политбюро вслед за Си повторили клятву каждого, вступающего в партию, причем любопытно, что Си говорил по памяти, без всякой бумажки. «Запомнить наизусть клятву вступающего в партию несложно» – сказал в тот день Си Цзиньпин, выступая с речью в музее второй половины съезда (она проходила в Цзясине на озере Наньху). «Сложно всю жизнь сохранить преданность тем идеям, [с которыми человек вступал в партию]».

Ю.М. Галенович. КПК, ее руководство продолжают держать власть в своих руках. В то же время не происходит ничего существенного, если говорить о позволяющих

решать существующие проблемы политических и экономических реформах. Возможно, ситуацию можно было бы охарактеризовать, как положение, при котором верхи не могут начать и осуществить реформы, боясь вызвать движения, которые сотрясут их власть, а низы не хотят восставать, рисковать жизнью, предпочитая терпеть пока верхи сами разложатся и выпустят власть из рук.

Судя по тому, что сообщалось о съезде, в партии и в стране как будто бы и нет никаких проблем. Съезд не был посвящен реальным проблемам, их обсуждению. Не были предложены пути решения проблем.

Главная забота руководителей КПК – сохранение власти. При нормальной обстановке не было бы необходимости принимать меры с целью максимальной концентрации власти в руках одного руководителя. В свое время именно чрезвычайная ситуация, собственно говоря, переход к своего рода борьбе против ВКП(б)-СССР, необходимость мобилизации партии на эту борьбу и привела к созданию такого феномена, как появление «председателя Мао». В настоящее время в похожей ситуации возникла необходимость появления «ядра». Появление термина «ядро» или «главный представитель» – это проявление своего рода слабости руководства правящей партии, да и слабости самой партии, ненормальности обстановки в партии и в стране. В КПК нет демократии, нет выборов, нет дискуссии.

Выборов в Китае, в КПК, нет. Реальная политика определяется, кадровые вопросы решаются высшим руководством и аппаратом партии. Представляют собой согласование вопросов между группировками руководителей внутри партии.

Во всяком случае, говорить о действительном и реальном единовластии Си Цзиньпина нет оснований. Более того, главное в предшествовавшей пятилетней деятельности Си Цзиньпина – это усилия с целью закрепить его в власти. На самом деле, подлинного авторитета у него нет, всеобщей поддержки тоже нет.

Хотя ситуация в стране и в партии такова, проблем так много, что все, или большинство руководителей партии, сочли необходимым укрепить, по крайней мере,

номинальное первое место Си Цзиньпина в партийной иерархии. Партия, ее номенклатура, нуждается в этом, очевидно, ощущая, что без этого прочно удерживать власть в стране окажется невозможным.

Судя по докладу, членам партии предлагается считать главной целью следующее: не покладая рук, бороться за китайскую мечту (китайский сон, китайские грезы, мечту Китая), то есть за Великое возрождение нации Китая.

Главное, национальная идея – это возрождение. Великое возрождение нации Китая. Нация и ее возрождение – вот ключевые слова и понятия. Нация – это все китайцы и в Китае, и на Земле. Возрождение – это достижение главенствующего положения среди всех наций, по отношению ко всему человечеству.

Доклад на съезде КПК в определенном смысле представляется попыткой вместо марксизма с его упором на классовую борьбу предложить некие как бы общечеловеческие понятия в качестве идеологии: и как установки внутри Китая и как принципы внешней политики Китая.

А.Н. Карнеев. Обозреватели обратили внимание на то, что несмотря на масштабные ограничительные меры властей, стремящихся положить конец нарастающей поляризации китайского социума и публичного пространства, критикующие политику властей как слева, так и справа идеологические лагеря продолжают существовать и стараются периодически напоминать о себе, несмотря ни на какие меры по зачистке информационного пространства. Одним из таких вызовов для властей является участие части населения в не поощряемых сверху мероприятиях памяти Мао Цзэдуна.

Любопытно, что на съезде и после съезда была выдвинута в поле общественного обсуждения проблематика так называемого “китайского проекта” (*чужого взънянь*, другой вариант перевода – “китайское решение”) – реинкарнация темы “китайской модели” (*чужого моши*), дискуссия о которой активно велась в КНР с 2009 по 2012 гг. Однако если в дискуссиях по поводу «китайской модели» большая часть участников однозначно высказывалась против того, что-

бы экспортировать китайский опыт успешной адаптации к процессам глобализации, теперь акценты чуть заметно поменялись: в отчетном докладе говорилось о том, что «путь социализма с китайской спецификой, его теория, институты, культура беспрестанно развиваются, ... что предоставило странам, желающим ускорить собственное развитие и отстаивать свой суверенитет, новые возможности выбора...». «Китайский проект обладает собственной культурной субъектностью, и это есть пространство дискурса Китая. Идти собственным путем означает покончить с теорией западо-центризма, выйти за пределы бездумного копирования, узкой колеи культурной гегемонии Запада, когда «о чем ни скажи, тут тебе Древняя Греция, тут – эпоха Возрождения, а тут – Просвещение»³.

Е.Н. Румянцев. В одобренном на съезде Уставе компартии в число так называемых «руководящих идей» КПК включены «идеи Си Цзиньпина о самобытном китайском социализме новой эпохи». Такое решение в Пекине обосновывают заслугами Си Цзиньпина в развитии «самобытного китайского социализма» после 18-го съезда КПК (2012 г.), а также «грандиозными» задачами партии на десятилетия вперед, усложнением международной ситуации и интересами «приближения Китая к центру мировой арены». На практике оно, в частности, означает, что теперь выступление против Си Цзиньпина будет означать выступление против «линии партии». Заметно также стремление поставить нынешнего китайского лидера выше Дэн Сяопина и, по меньшей мере, наравне с Мао Цзэдуном. Создается впечатление, что частью населения КНР, особенно интеллигенцией и представителями ряда фракций в КПК, появление «идей Си Цзиньпина» встречено без особого энтузиазма.

А.В. Виноградов. 19 съезд КПК принял несколько стратегических решений, главным из которых стало обновление идеологической доктрины. Все предшественники Си

Цзиньпина на посту лидера партии вносили свой вклад в идейно-теоретическую платформу КПК. Но если «идеи Мао Цзэдуна» и «теория Дэн Сяопина» символизировали поворотные точки в развитии теории, поэтому определялись как результат соединения основных положений марксизма-ленинизма «с конкретной практикой китайской революцией» или «с практикой современного Китая и особенностями эпохи», соответственно. То идея «тройного представительства» 3-го поколения руководителей во главе с Цзян Цзэмином и «научная концепция развития» 4-го поколения во главе с Ху Цзиньтао были лишь «продолжением и развитием марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина», но не новой страницей. Явная тенденция к сокращению теоретического вклада лидеров КПК показывала, что в рамках существующих воззрений дальнейшее развитие теории затруднено и возможно лишь в виде уточнений и дополнений.

Ю.М. Галенович. Си Цзиньпин формально закрепил свое положение у власти. Проблемы Китая остались: разрыв между бедными и богатыми людьми, между регионами страны, отрыв партии от народа (прежде всего, от крестьянства), отрыв номенклатуры партии от ее рядового состава, проблема частной собственности, проблема владения землей для крестьян, проблема самоутверждения и обеспечения своих прав для национальностей, проблема политической и экономической свободы, проблема доверия в отношениях между людьми, проблема соотношения человека, человеческой личности, человеческого достоинства и государства, власти, партии, вождя или «ядра» и т.д. Существуют и другие проблемы, это: проблема оценки фигур Мао и Дэна; в частности их политики в отношении нашего народа и нашей страны; проблема оценки истории партии, в том числе событий 1989 года в Китае и событий на границе с нами в 1969 году.

Путей решения кардинальных проблем не найдено. Страна остается со своими проблемами в состоянии инерции. Вероятность внутривнутриполитических и внутривнутриэкономических внутринациональных протестов, и взрывов сохраняется.

³ Чэн Мэйдун. Чжунго фанъань дэ чжунго тэсэ (Китайская специфика «китайского проекта»). http://csr.mos.gov.cn/content/2017-11/29/content_56165.htm

А.В. Виноградов. Снижение темпов роста и моральное устаревание прежней социально-экономической модели, а также ее негативные социальные, экологические и др. последствия поставили в повестку дня вопрос о ее смене. На протяжении предшествующих 30 лет главным методом деятельности КПК было совершенствование и достраивание экономических и политических механизмов в рамках действующего курса, а главным инструментом – институализация позитивных изменений. Устаревание модели предопределило, что возможности совершенствования и институализации тоже исчерпаны.

На 19 съезде, первом после избрания генеральным секретарем, Си Цзиньпин констатировал вступление социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Согласно марксистско-ленинской традиции при смене эпох старые закономерности уходят и открывают путь новым. Осуществление новодемократической революции и начало строительства социализма было неразрывно связано с «идеями Мао Цзэдуна»; политика реформ и открытости и построение общества *сяокан* – с теорией строительства социализма с китайской спецификой Дэн Сяопина. На 19 съезде было заявлено, что к 2020 г. Китай выполнит задачу полного построения общества *сяокан*. Возникал вопрос: что дальше?

С самого начала Си Цзиньпин задал новый исторический ориентир - «великое возрождение китайской нации», т.е. завершение социалистической модернизации и выход в число первых держав мира. Поскольку возрождение Китая в качестве мирового лидера возможно пока не по всем показателям, в первую очередь надо было заново сформулировать цели развития и предложить новую идейно-теоретическую конструкцию, преемственную с прежней.

В марксизме характеристика эпохи является начальной точкой исторического анализа, результатом которого мог быть целый ряд не менее фундаментальных изменений. Таким образом, теоретическая схема доклада была предопределена: строительство социализма с китайской спецификой в Китае вошло в новую эпоху, новая эпоха предпо-

лагает появление нового главного противоречия, решение которого описывается новой руководящей идеологией.

Для понимания механизма развития центральное место в этой схеме занимает главная противоречия. Предыдущая смена главного противоречия с классовой борьбы на экономическую ознаменовала завершение «культурной революции» и начало этапа реформ. В Уставе КПК на 12 съезде было зафиксировано главное противоречие – «противоречие между растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством». На 19 съезде было провозглашено новое основное противоречие китайского общества – «противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития».

В соответствии с прежним противоречием основным направлением деятельности КПК был экономический рост. Негативные экологические и социальные последствия и невозможность увеличения внутреннего потребления до передового мирового уровня были учтены в новой формулировке. Из нее неизбежно следует смещение приоритета с экономического роста на повышение качества, т.е. на решение социальных проблем за счет совершенствования социальных отношений и государственного управления.

Этим идейно-теоретические новации не ограничились. Для достижения цели второго 100-летнего юбилея в 2049 г. были выделены 2 этапа. Первый – осуществление в основном социалистической модернизации к 2035, которое раньше намечалось на середину XXI в., и второй, абсолютно новый – полное осуществление социалистической модернизации, что, очевидно, предполагает устранение негативных последствий предыдущего этапа экономического развития. Ближайшие 3 года, таким образом, будут переходным периодом от одной задачи к другой. Его завершение и будет основным содержанием отчета нынешнего поколения, которое достигло цель полного построения общества *сяокан* и уже провозгласило новые стратегические цели, соответствующие по своим масштабам достигнутым. В этой

связи обращает на себя внимание использование Си Цзиньпином в заключительном абзаце своего выступления другого положения традиционной китайской философии – «*тянь ся вэй гун*».

В результате у КПК появилась новая теоретическая платформа, которая означает, что уходит старая эпоха – эпоха Дэн Сяопина. Именно эта теоретическая новация открывает широкие возможности для внесения изменений в экономику, внутреннюю и внешнюю политику, конкретное содержание которых еще предстоит определить.

Уже есть определенные указания на то, в каком направлении будут меняться курс и политика КПК. Для поддержания темпов экономического роста Китаю необходимо выработать новую внешнеполитическую стратегию, противодействовать тенденциям по сдерживанию и ограничению экономической глобализации, ставшей ключевым элементом его экономических успехов, и для этого взять на себя ведущую роль в ее продвижении, не акцентировать внимание на противоречиях в мире, а искать и создавать зоны сотрудничества. В отличие от предыдущего съезда в докладе ЦК не нашлось места ШОС и БРИКС, подчеркивавших разделение мира на глобальном уровне, и явно уступивших приоритет другим внешнеполитическим инициативам Китая – идее сообщества единой судьбы человечества на глобальном уровне и инициативе «Один пояс, один путь» на региональном, которые также были зафиксированы в Уставе КПК.

Е.Н. Румянцев. Первые пять лет правления Си Цзиньпина были для него, прежде всего, периодом борьбы за сохранение и укрепление своей власти. Соответственно, это было и главной задачей съезда. Состав новых руководящих органов партии и включение в Устав КПК положения об «идеях Си Цзиньпина о самобытном китайском социализме новой эпохи» указывают на то, что в основном эта задача была решена.

Несмотря на разного рода проекты реорганизации высших органов партии, информация о которых сливалась в предшествовавший съезду период в гонконгскую печать, их структура сохранилась. Осталась прежней численность Политбюро ЦК КПК

(25 чел.) и его Постоянного комитета (7 чел., из которых 5 – новые). Число секретарей Секретариата ЦК КПК увеличено с 5 до 7 (6 – новые). С 11 до 7 человек сокращена численность Центрального военного совета КПК. В ЦК КПК 19-го созыва избрано 204 члена, из которых 126 человек – впервые. Избраны также 172 кандидата в члены ЦК КПК и 133 члена Центральной комиссии по проверке дисциплины.

Из 376 членов и кандидатов в члены ЦК КПК 18-го созыва 38 (порядка 10%) подверглись чистке.

По подсчетам специалистов Брукингского института, ЦК КПК 19-го созыва обновился на 67,3% (ср.: 50,6% на 16-ом съезде в 2002 году и 48,7% на 18-ом съезде в 2012 году). Средний возраст членов и кандидатов в члены ЦК 19-го созыва – 57 лет, на 0,9 года больше, чем пять лет назад. Самым молодым по составу за последние 50 лет был ЦК КПК 17-го созыва (2007 г.). Средний возраст его членов и кандидатов в члены составлял 53, 5 лет. По возрасту ЦК 19-го созыва – самый старый за последние тридцать лет. В его составе только 28 членов и кандидатов в члены моложе 53 лет. В ЦК КПК 18-го созыва их было 71, в ЦК 17-го созыва – 96.

Два самых молодых члена ЦК 19-го созыва – кандидаты в члены ЦК Цай Сунтао (43 года) – секретарь парткома уезда Ланькао пров. Хэнань, и Чжоу Ци (47 лет) – директор Института зоологии Китайской академии наук. Эти кадровые работники символизируют два из числа важнейших направлений политики Си Цзиньпина: борьба с бедностью и инновации.

По оценкам ряда иностранных экспертов, Си Цзиньпин «сломал систему выдвижения кадров, сложившуюся за последние 20 лет, введя в состав ЦК КПК 19-го созыва большое число своих сторонников». То же относится и к новому составу Политбюро ЦК КПК, в котором из 25 членов 11 являются его земляками, однокашниками или работали под его началом.

Попала в опалу «комсомольская» фракция. В 2013 году во время встречи с руководством КСМК Си Цзиньпин обрушился на них с критикой за то, что они «не идут в

ногу со временем», за «бюрократизм», «высокомерие», «потерю связей с молодежью». В 2016 году руководство КСМК было подвергнуто критике Центральной комиссией по проверке дисциплины ЦК КПК. Некоторых кадровых работников КСМК обвинили в том, что они считают себя «политическими аристократами». Таким образом, линия на омоложение кадров, которую инициировал в начале 1980-х годов Дэн Сяопин, больше не является приоритетом для руководства КПК.

Членами Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК в настоящее время являются Си Цзиньпин, Ли Кэцян, Ли Чжаньшу, Ван Ян, Ван Хунин, Чжао Лэцзи, Хань Чжэн. Посты членов Постоянного Комитета Политбюро (ПКП) ЦК КПК по государственной линии, согласно существующей практике, будут окончательно согласованы на пленуме ЦК КПК и официально утверждены на сессиях Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) в марте 2018 года.

С точки зрения соотношения сил между внутривнутрипартийными фракциями состав Постоянного комитета Политбюро выглядит следующим образом: из семи членов двое (Ли Кэцян и Ван Ян) представляют «комсомольскую» группировку, Хань Чжэн – группу Цзян Цзяминя, а Ван Хунин является партийным теоретиком, работавшим в ЦК партии при трех генеральных секретарях. Наиболее близкими к Си Цзиньпину являются Ли Чжаньшу и Чжао Лэцзи. Ли Кэцян, судя по всему, в целом подчинился влиянию Си Цзиньпина. Ван Ян тоже сумел заслужить определенное доверие Председателя. Он был сопредседателем китайско-американского стратегического и экономического диалога. Кроме того, в качестве вице-премьера Ван курирует программу борьбы с бедностью, которая является для Си Цзиньпина приоритетной, поскольку связана с его личным престижем. Цзянцзэминевец Хань Чжэн, по некоторым оценкам, будет, скорее всего, оттеснен на второй план.

При этом среди вышеуказанных лиц не просматривается преемника нынешнего китайского лидера. Таким образом, Си Цзиньпин ликвидировал важный «партийный

институт», а именно назначение преемника действующего высшего руководителя через поколение, существовавший в КПК с 1997 года. Это еще раз подтверждает, что системы плановой смены руководителей в КНР и КПК на самом деле нет.

Сторонники Си Цзиньпина преобладают теперь и в руководстве ключевых подразделений аппарата ЦК КПК. Должности главы Канцелярии, заведующих отделами пропаганды, организационным, международных связей теперь занимают преданные ему Дин Сюэсян, Хуан Куньмин, Чэнь Си (все – члены Политбюро ЦК) и Сун Тао.

Таким образом, анализ указывает на резкое ослабление позиций «комсомольской» и цзянцзэминевской группировок. Достойно также внимания, что за прошедшие пять лет в КПК была отдалена от власти и практически лишилась влияния на высшее руководство группа представителей так называемой «партии наследников престола».

В ближайшие пять лет руководящее положение Си Цзиньпина в партии и государстве, на первый взгляд, представляется обеспеченным. При этом деятельность Си Цзиньпина и его окружения в первые пять лет пребывания у власти дает основания полагать, что значимых политических и экономических реформ в партии и стране и в предстоящие годы, скорее всего, не будет, хотя жизнь может заставить всерьез заняться и ими. Будет проводиться «напористая» внешняя политика, реализовываться программа наращивания военной мощи Китая. Внутри страны не исключено дальнейшее ужесточение политики в отношении СМИ, инакомыслящих и правозащитников, Синьцзяна и Тибета.

К.А. Ефремова. В своей программной речи 18.10.2017 Си Цзиньпин остановился на двух моментах, имеющих непосредственное отношение к региону Юго-Восточной Азии: это пункт 10 «Неуклонно идти по пути укрепления армии с китайской спецификой, всесторонне стимулировать модернизацию национальной обороны и армии» и пункт 12 «Неизменно идти по пути мирного развития, стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества». Эти два пункта задают основные контуры взаимоот-

ношений Пекина с его соседями на ближайшую перспективу и заслуживают особого рассмотрения.

В вопросах, касающихся оборонного и армейского строительства, Си Цзиньпин подчеркнул неизменность курса на создание мощных модернизированных вооружённых сил «с китайской спецификой». Председатель Военного совета ЦК КПК поставил цель «к 2035 году в основном осуществить модернизацию национальной обороны и армии, а к середине нынешнего века полностью превратить народную армию Китая в вооружённые силы передового мирового уровня». При этом «армия должна всегда быть готова к бою», следует «развертывать военное обучение, имитируя реальную войну». Эти слова звучат очень тревожно, учитывая, что они были сказаны после упоминания о китайской хозяйственной деятельности на островах и рифах в Южно-Китайском море, являющихся предметом территориальных споров между Китаем и странами АСЕАН (Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Брунеем).

Вместе с тем, в докладе Си Цзиньпина содержится отсылка к «пяти принципам мирного сосуществования», впервые выдвинутым китайским премьером Чжоу Эньлаем в декабре 1953 года и вошедшим в Конституцию КНР 1982 года. Эти принципы: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование — были зафиксированы в китайско-индийском соглашении по Тибету и китайско-бирманской декларации (июнь 1954 года), а затем вошли в итоговый документ Бандунгской конференции (апрель 1955 года). Таким образом, они являются основополагающими установками, которыми руководствуется Китай, выстраивая отношения со странами Юго-Восточной Азии (и с окружающим миром в целом).

Идея «сообщества единой судьбы человечества», безусловно, является ключевой в понимании глобальных притязаний Китая, позиционирующего себя как страну, которая под руководством компартии «борется за счастье народа и прогресс [всего] челове-

чества». Вместе с тем, Си Цзиньпин прямо заявил о том, что «Китай ни в коем случае не будет жертвовать интересами других стран ради собственного развития, и ни при каких обстоятельствах не будет отказываться от своих законных прав и интересов»*. Возникает закономерный вопрос, как поведёт себя Китай, если для осуществления его «законных прав и интересов» ему придётся пожертвовать интересами других стран, включая страны Юго-Восточной Азии? Этот вопрос остаётся открытым.

В целом, страны Юго-Восточной Азии не питают иллюзий относительно истинных намерений Китая в отношении их региона. Несмотря на слова о том, что, «какого бы уровня в своем развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии», Юго-Восточная Азия традиционно рассматривается пекинскими стратегами как особая, геополитически значимая зона приоритетных китайских интересов. В первую очередь, это касается Мьянмы, через которую Китай пытается получить выход в Индийский океан, минуя узкий Малаккский пролив. «Мягкое» давление со стороны Пекина — это реальность, в которой приходится жить странам АСЕАН и с которой они вынуждены так или иначе мириться.

В данном контексте инициатива «Один пояс и один путь» является тем «пряником», который Китай предлагает странам Юго-Восточной Азии в обмен на их готовность прислушиваться к китайским интересам. В рамках этой инициативы государства региона могут рассчитывать на инвестиции в строительство энергетических и инфраструктурных проектов, транспортных и экономических коридоров, которые позволят им решить их собственные проблемы. Вместе с тем, патронаж со стороны Китая нередко оборачивается китайским доминированием в экономике этих стран, что вызывает неизбежный рост националистических настроений среди юговостоазиатских элит.

В заключение нужно отметить, что 19 съезд КПК принципиально не изменил политику Китая в отношении Юговостоазиатского региона, поскольку идея «Экономиче-

ского коридора Шёлкового пути» и «Морского шёлкового пути XXI века» высказывалась ещё с осени 2013 года (характерно, что Си Цзиньпин впервые озвучил её, находясь с визитом в Индонезии). Кроме того, Китай и АСЕАН связывают общая зона свободной торговли (с 2010 года) и менее масштабные проекты экономического сотрудничества (например, в субрегионе Большого Меконга). Интересы Китая и этих стран настолько тесно взаимосвязаны, что, невзирая на объективные противоречия (такие, как недовольство «ползучей» китайской экспансией и территориальные споры), их отношения можно смело охарактеризовать как «доброжелательные и партнерские». Есть все основания полагать, что они останутся таковыми и впредь.

А.Д. Воскресенский. Суммирую наиболее важные моменты дискуссии. Во-первых, на 19 съезде КПК в отличие от принятой ранее системы передачи коллективного руководства не было выбрано и обозначено следующее поколение руководителей КНР, а в Политбюро было введено большое количество сослуживцев Си Цзиньпина, которые работали с ним ранее в различных провинциях. В этой связи важно отметить высокую интенсивность пропаганды в различных сферах социальной жизни КНР в период съезда и после его окончания. Эта пропаганда усиливает идею доклада Си, что его доклад возвещает достижение Китаем нового этапа своего развития, когда страна более активно участвует в формировании нового мирового порядка. Одновременно, наблюдается противоречие между тем, что Китай с одной стороны позиционирует себя как защитника миропорядка, а с другой – призывает реформировать глобальное управление.

Во-вторых, если судить по докладу, то руководство страны, видимо, считает Китай вполне развитой страной, и именно поэтому в материалах съезда внешнеполитический акцент делается на взаимодействие с развивающимися и соседними странами.

В-третьих, произошла консолидация КПК вокруг Си Цзиньпина под знаменем китайской мечты, что во многом стало возможно благодаря активной антикоррупционной компании в стране. На этом фоне председатель КНР предстает как великий руководи-

тель наравне с такими руководителями, как Мао Цзэдун и Дэн Сяопин на контрасте с более слабыми руководителями предыдущих двух поколений.

В-четвертых, экономическая повестка съезда продемонстрировала понимание вызовов, стоящих перед Китаем, и необходимость структурных реформ экономики. На первое место ставится роль рынка, и акцент переносится с темпов на качество экономического роста. Отмечается необходимость совершенствования прав собственности, рынка факторов производства, макроконтроля для преодоления финансовых рисков и т.д. По-видимому, ключевым вопросом успешности провозглашенной политики будут являться все же реальные результаты социально-экономических реформ.

В-пятых, КПК и партийная номенклатура продолжают концентрировать власть в своих руках, а в партии отсутствуют институты выборов, демократии и дискуссии. В тоже время, в КПК наличествует группа членов партии, выступающая против чрезмерной концентрации власти в руках Си Цзиньпина и полагающих, что текущий уровень пропаганды является чрезмерным.

В этой связи можно без преувеличения отметить, что Китай представляет собой в настоящее время сильное государство, которое проводит активную внешнюю политику, а значит отношения с Китаем являются одними из важнейших для внешней политики России. Для понимания социально-политических процессов, происходящих в Китае, важно участие в дискуссиях и экспертных обсуждениях как на российском, так и на международном уровне, а следовательно, повышается важность экспертного сопровождения принимаемых решений.

**Материал подготовлен
А.Д. Воскресенским**

*Prepared
by Alexei D. Voskressenski*

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-140-159>

19TH NATIONAL CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA: INTERNAL AND EXTERNAL EFFECTS AND PROSPECTS OF CHINA'S REFORMS

<p>Article history</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">22 January 2018</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">21 April 2018</p>	<p>Abstract: The Editorial Board of the journal Comparative Politics Russia publishes brief proceedings of the roundtable discussion on the 19th Congress of the Communist Party of China. The discussion gathered the researchers from the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Asian and African Studies (IAAS) of Moscow State University, and the Russian Institute for Strategic Studies. Leading Russian experts discussed the significance of the 19th Congress of the CPC held in October 2017, analyzing the documents of the Congress and assessing the results of the first five years in power of the new generation of Chinese leaders. The participants of the roundtable touched upon the transformation of political power in the PRC, analyzed the new Politburo of the CPC Central Committee, assessed the changing ideology and perception of China's social and economic development goals, discussed the prospects of different models of modernization carried out by the government and their effectiveness, transformation of China's national interests and foreign policy priorities, Chinese relations with the USA, Russia and the East Asian countries.</p>
<p>Key words: Communist Party of China; China; PRC; 19 Congress of the CCP; Russian-Chinese relations; China-US relations; Pacific Asia; authoritarianism; democracy; Chinese development model; socialism with Chinese characteristics; Chinese Dream</p>	

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-159-168>

КАК СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИИ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ПО-НОВОМУ ПОНИМАТЬ ИСТОРИЮ

Монография В.М. и М.В. Крюковых
«КВЖД 1929: Взрыв и эхо». –
М.: ИВ РАН, 2017.

Владимир Григорьевич Дацышен

*д.и.н., профессор,
Заведующий кафедрой всеобщей истории,
Сибирский федеральный университет,
профессор,
Хэбэйский педагогический университет*

Российский синолог Михаил Васильевич Крюков завершил начатый им совместно с сыном, Василием Михайловичем Крюковым, исследовательский проект «Документальная история советско-китайских отношений (1917-1929 гг.)». Первые два тома исследования,

под общим названием «Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской дипломатии в Китае», были опубликованы в Москве в 2015 г.¹. В 2017 г. в Отделе Китая Института вос-

¹ Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т.2.: 1917-1922. – М.: Памятники исторической мысли, 2015. – 615 с. [Kryukov, V.M.; Kryukov, M.V. Vesna i osen' revolyutsionnoy diplomatii: Pervoye desyatiletie sovetzskoy politiki v Kitaye (Spring and Autumn of Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Policy in China). Vol.2.: 1917-1922. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2015. 615 p.]; Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т.2.: 1922-1926. – М.: Памятники исторической мысли, 2015. – 608 с. [Kryukov, V.M.; Kryukov, M.V. Vesna i osen' revolyutsionnoy diplomatii: Pervoye desyatiletie sovetzskoy politiki v Kitaye (Spring and Autumn Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Policy in China). Vol.2.: 1922-1926. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2015. 608 p.]

токоведения РАН вышла монография В.М. и М.В. Крюковых «КВЖД 1929: Взрыв и эхо»².

В «Кратком предисловии» авторы дают историографический обзор советско-китайского конфликта 1929 г. Авторы выделили и сравнили 10 точек зрения (версий) событий 1929 г., представленных в отечественных и зарубежных публикациях. И в качестве последней, появившейся в XXI в. в российской и китайской историографии новой версии конфликта, называются «органические пороки системы совместного советско-китайского управления этим громоздким предприятием» (С. 30). В сравнительном историографическом обзоре рассматриваемого труда представлены яркие и многочисленные примеры непрофессионального подхода китайских и российских историков, писавших о данных событиях: грубые фактологические ошибки, отсутствие каких-либо ссылок на источники и проч. Здесь же отмечены и такие проблемы, как закрытость некоторых китайских архивов или ограниченность исследований документами собственных национальных архивов.

Далее, в своем «кратком предисловии» авторы просто и четко формулируют свой исследовательский принцип: «сегодня, когда ремесло историка в той или иной мере преодолело былую политическую заангажированность... надежной основой для решения проблемы исторических фактов является... скрупулезное изучение исторических источников» (С. 33). М.В. Крюков справедливо отмечает, что сегодня «воинствующие адепты идеи «партийности науки» выступают уже не столь сплоченными рядами» (С. 33). Но к этому стоит добавить, что и серьезного запроса российской элиты и общества на полноценные исторические исследования до настоящего времени так и не появилось. «Партийность науки» сегодня нередко заменяется «борьбой с фальсификацией истории», которой занимаются опять же в основном политики, а не профессиональные историки.

² Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо. – М.: ИВ РАН, 2017. – 624 с. [Kryukov, V.M.; Kryukov, M.V. KVZHD 1929: Vzryv i echo (CER 1929: Explosion and Echo). Moscow: IV RAN, 2017. 624 p.]

Говоря об источниковой базе своего исследования, авторы выделяют «следующие основные категории» источников: 1) официальные дипломатические документы; 2) переписка участников переговорного процесса и их современников; 3) мемуары и дневники; 4) материалы текущей прессы» (С. 37). В числе архивохранилищ, на неопубликованных документах которых было выполнено исследование, названы РГАСПИ, АВП РФ, Архив Министерства иностранных дел Китайской Республики, Национальный архив США и архив Комитета по изучению отечественной истории в Тайбэе. Конечно же, источниковая база представленного исследования далеко не ограничивается документами и материалами из указанных выше архивов. Авторы представляют в своей книге богатейшие материалы периодической печати, опираются на многочисленные новые публикации документов, мемуаров и проч. Здесь нам хотелось бы отметить, что указанные архивные фонды довольно определенно ограничивают рамки исследования. События развивались в отдаленном от столичных районов и политических центров двух государств регионе, и, несомненно, материалы региональных архивов позволили бы увидеть новые грани этого явления. Политический конфликт принял формы военного столкновения, и материалы военных и морских архивов помогут создать более полную картину событий. Так что исследование этой проблемы, по-видимому, еще не закончено. Но справедливости ради мы должны отметить, что если бы авторы долгое время не работали профессорами ряда тайваньских университетов и не имели доступа к иностранным архивам, а М.В. Крюков не являлся российским синологом с мировым именем и не занимал в тайваньских университетах крупных административных и исследовательских должностей, позволявших в течение долгого времени работать в зарубежных архивах, отечественная историческая наука и молодое поколение российских исследователей так, возможно, никогда бы и не узнали об истинной картине разворачивающихся в то время

между Россией и Китаем драматических событий.

Не скрывают ограниченности своего источниковедческого обзора и сами авторы, они справедливо замечают: «источники по истории советско-китайского конфликта 1929 г. – неистошимый кладезь фактов, который еще долго будет радовать исследователей все новыми находками. Практика показывает, что даже в архивах, казалось бы, уже хорошо освоенных специалистами-историками, продолжают обнаруживаться неизвестные доселе документы» (С. 46).

В завершающей части своего введения авторы приносят благодарность тем, кто помог им в создании книги. Здесь в первую очередь говорится об академике А.Н. Яковлеве, который еще в 1998 г. «поддержал идею монографического исследования, посвященного спорным проблемам конфликта на Китайско-Восточной железной дороге» и оказал «неоценимое практическое содействие в поисках архивных материалов, без которых... книга... никогда не была бы написана» (С. 47). Далее следует указание на помощь в сборе материала нескольких руководителей и сотрудников архивов. Здесь мы можем отметить, что в современной России по-прежнему сбор исторических документов для полноценного исследования крайне затруднен без привлечения к этому ресурса крупных политических деятелей. Что касается собственно коллег – историков и китайстов, то здесь автор выражает благодарность лишь троим коллегам, что косвенно указывает на то, что та важная составляющая науки, как тесное взаимодействие и сотрудничество исследователей, пока недостаточно развито, очевидно, в силу объективных и системных причин, не зависящих от самих ученых.

Первая глава рассматриваемой нами монографии В.М. и М.В. Крюковых, «Накануне главных событий», начинается с раздела «Год Великого Перелома», а затем включает в себя разделы «Гоминьдан показывает зубы», «Недолгое царствование Чжан Цзолия», «Новый властитель Маньчжурии», «Китайско-Восточную железную дорогу лихорадит». Ход рассматриваемых событий показателен, а логика исследователей вполне убедительная. Но авторы не останавли-

ваются на политических событиях в СССР в этот революционный год, что, вероятно, обусловлено уже достаточной изученностью темы и, в том, числе в предшествующем двух-томнике авторов рецензируемой книги. Здесь лишь кратко показаны «Перемены в Наркоминделе» и бюрократическое поражение Г.В. Чичерина. Далее доказывается взаимосвязь неудач китайской политики И.В. Сталина и китайской «революционной дипломатии». Противоречивость, как событий погрома советской миссии в Пекине и убийства Чжан Цзолия, так и их отражение в современной науке, хорошо представлены в разделе «Недолгое царствование Чжан Цзолия». Не менее противоречивыми представляются авторам и события первого периода правления Чжан Сюэяня. Раздел «Китайско-Восточную железную дорогу лихорадит» является в первой главе самым большим и насыщенным архивными документами. Авторы указывают, что советское руководство пошло на переговоры с китайской стороной с целью заключения нового договора по КВЖД. Яркие впечатления оставляют представленные в заключение главы факты «отвратительного хозяйствования» и материальной роскоши советских представителей в Харбине в те тяжелые для советского народа годы.

Вторая глава, «Период нарастания конфликта», посвящена периоду с декабря 1928 г. по июль 1929 г. Авторы приводят документальные основания китайской конфискации телефонной станции КВЖД и советские аргументы по поводу противозаконности этих действий. Здесь приводятся почти единодушные оценки событий, высказанные советскими представителями – «полоса мирного жития на КВЖД прошла, и мы вступили в полосу конфликтов» (С. 109); «Мы можем оказаться перед лицом новой серьезной агрессии китайцев в Маньчжурии» (С. 112) и др. Авторы вводят в научный оборот советские документы, раскрывающие содержание советско-китайских противоречий и позицию Москвы, когда в начале января 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение начать переговоры с азиатскими властями об урегулировании конфликта, пригрозив партнерам, в случае отказа от

переговоров, «отстаивать силой свои права и договоры» (С. 113).

Детальное описание советско-китайского противостояния в первой половине 1929 г., представленное в рассматриваемом исследовании, очень важно. В работе дословно представлены многочисленные документы, указывающие на предпринимаемые с обеих сторон попытки договориться, остановить развитие конфликта. Китайская сторона весной 1929 г. настаивала на установлении паритета в оперативном управлении дороги, что категорически отвергла советская сторона, готовая лишь на частичное расширение прав помощника Управляющего КВЖД. Авторы приводят документы, указывающие на то, что китайские руководители декларировали борьбу за усиление своей власти на КВЖД как часть общей антиимпериалистической борьбы. Авторы книги не согласны с мнением китайских исследователей о причинах тупика, в который зашли советско-китайские переговоры в мае 1929 г., они выразили так свою позицию: «переговоры весной 1929 г. могли завершиться компромиссом, который устранил бы почву возникновения следующего конфликта. В том, что компромисс так и не был достигнут, виновата прежде всего китайская сторона» (С. 137).

Отдельный раздел второй главы посвящен «налету на харбинское консульство» 27 мая 1929 г. Выявленные авторами документы не позволяют внести ясность в вопрос о том, совершалось ли что-либо незаконное в советском консульстве во время полицейской акции или нет. Более того, в работе отмечается, что Политбюро посчитало виновным в конфликте советского консула. Но авторы не нашли аргументов и в пользу китайской трактовки событий 27 мая.

Третья глава исследования, под ярким названием «Бикфордов шнур подожжен», начинается с рассмотрения борьбы между различными лидерами и группировками в окружении Чжан Сюэляна. Здесь много внимания уделено воспитаннику русской школы Чжан Гочэню, ставшему одним из лидеров «антисоветской партии» в Харбине. Из числа сторонников компромиссов при разрешении советско-китайских противоречий авторы

выделяют Чжан Цзосяна и Цай Юньшэна. Отдельный раздел посвящен Люй Жунхуаню. В следующем разделе, «Свой план предлагает Дональд», приводятся аналитические данные, сделанные Б.В. Остроумовым и указывающие на «резкое ухудшение финансового положения КВЖД», произошедшее «из-за неопытности руководящих российских чиновников и вследствие использования железной дороги в политических целях» (С. 173). Авторы пишут: «Для того, чтобы спасти дорогу, заключал Остроумов, китайское правительство должно взять ее в свои руки. Захватив с собой этот документ, Дональд нанес визит Чжан Сюэляну и высказался в том смысле, что необходимо принять радикальные меры для восстановления эффективности КВЖД...» (С. 173). Здесь же оказывается, что западные специалисты по Китаю пришли в то время к выводу, что: «Лю Жунхуань... присваивал казенные деньги вместе с представителями советской части администрации дороги и, узнав о намерении Мукдена создать комиссию по проверке финансов КВЖД, решил устранить своих российских сообщников» (С. 175).

Отдельный раздел 3-й главы посвящен рассмотрению проблемы в Нанкине. Авторы осветили три варианта решения проблемы, подготовленные министром путей сообщения Сунь Кэ, три варианта решения проблемы общественного деятеля Лэй Инь и мнение бывшего консула в Чите Цюань Шиэнь. Далее в монографии приводятся документы, раскрывающие картину переговоров между Чжан Сюэляном и министром иностранных дел Ван Чжэнтином по вопросу захвата КВЖД. В конечном итоге, как указывают авторы: «10 июля на встрече Чан Кайши, Ван Чжэнтина, Янь Сишаня и Чжан Сюэляна в Пекине было принято окончательное решение провести операцию по овладению Китайско-Восточной железной дорогой» (С. 188). Правда, здесь же указывается, что захват начался уже в 7 утра этого дня, сообщение об этом было направлено советским консулом в Москву еще 9 июля. Таким образом, несмотря на ввод научный оборот огромного числа документов, авторам не удалось выстроить до конца четкую, логическую и ясную картину событий

первой половины 1929 г. Расширение круга исторических источников позволит продолжить работу в этом направлении, но говорить о принципиальной возможности до конца разобраться в столь противоречивых событиях пока преждевременно.

В главе «Взрыв прогремел» дается краткая картина событий захвата КВЖД, начиная с 7 утра 10 июля 1929 г. Авторы приводят различные документы, раскрывающие позиции сторон, публикуют выдержки из дневника Чан Кайши, интервью руководителей МИДа Китайской Республики. В работе впервые в отечественной историографии дается подробное описание и глубокий анализ дипломатических действий китайских властей. Авторы показывают критические настроения китайской общественности в отношении китайской политики на КВЖД, в том числе и как реакцию на непоследовательную политику Чан Кайши. Ход событий уже в июле 1929 г. показал всю неспособность китайского правительства, о чем напрямую писал в своем дневнике сам Чан Кайши.

19 июля НКВД одобрил ряд «мероприятий в связи с разрывом с Китаем», и в работе дается полностью данный документ. Здесь же приводятся примеры, когда китайские власти сначала отказали в выдаче выездных виз советским дипломатам. В работе представлены различные документы, освещающие общественно-политическую обстановку в стране, как поддержку советского правительства со стороны населения, так и отрицательно отношение к действиям властей во время Конфликта на КВЖД. Авторы приводят многочисленные свидетельства, как поддержки китайской политики со стороны китайской либеральной прессы, так и появления в печати сомнений в искренности в части идейной антикоммунистической направленности этих действий. Следствием двуличности китайской политики, по мнению авторов, стали симпатии международной общественности к СССР. Авторы с разных сторон пытаются выяснить, что, собственно, послужило целью и побудительным мотивом к захвату КВЖД. Один из разделов так и называется – «Какова же все-таки была цель захвата дороги».

Выделяется несколько причин, озвученных в разных обстоятельствах: «Чан Кайши записал в своем дневнике, что на совещании в Пекине было решено овладеть КВЖД с тем, чтобы воспрепятствовать коммунистической пропаганде» (С. 245); «первым шагом на пути к отмене неравноправных договоров должна была стать национализация КВЖД» (С. 247); «события на КВЖД направлены на соблюдение имеющихся соглашений» (С. 249); «Поскольку русские продемонстрировали свою неспособность управлять дорогой, ради самой дороги Китаю не оставалось ничего, кроме как взять ее в свои собственные руки» (С. 254). Далее авторы приводят статью обозревателя «Дунфан цзачжи», в которой автор «попытался примирить... противоречивые объяснения» китайской стороны захвата КВЖД. В этой статье представлено 6 «непосредственных причин, породивших этот конфликт», в числе которых предотвращение продажи Советским Союзом дороги японцам и создание благоприятных условий для китайской колонизации Маньчжурии (С. 254-255).

Интересным представляется раздел «Неразбериха с состоянием дипломатических отношений», где показано переплетение проблем и противоречий на КВЖД и в межгосударственных отношениях. Далее, авторы отмечают, что из-за захвата КВЖД американские власти отказались от ликвидации своей экстерриториальности в Китае, до этого ни в одном русскоязычном учебнике или исследовании этот факт не упоминался. Что касается пропагандистского тезиса о развале на КВЖД после перехода дороги под китайский контроль, то авторы приводят свидетельство о несоответствии пропаганды реалиям.

Для рассмотрения главной советской версии причин конфликта выделена глава «Замышляли ли империалисты и их подручные войну против СССР». Авторы, рассматривая советскую историографию, указывают как на прямые голословные утверждения, так и на недобросовестное использование документов. Представленные здесь американские документы указывают на то, что США были против захвата китайцами КВЖД. То же отмечено и по другим

государствам. Опираясь на китайские документы, авторы убедительно доказывают, что и Китай не планировал нападения на советскую территорию.

Раздел «Чан Кайши и Чжан Сюэлянь» начинается с утверждения, что «благодаря тому, что в распоряжении историка есть сегодня вполне надежные источники», «позиция Чан Кайши в советско-китайском конфликте может быть реконструирована с достаточной степенью достоверности» (С. 288). Контент-анализ дневника Чан Кайши позволил авторам сделать вывод, что в первой половине 1929 г. этот политик не придавал КВЖД никакого значения. Авторы пишут: «Тема КВЖД возникла в последний момент по инициативе Ван Чжэнтин... В разговоре с Ван Чжэнтином Чан Кайши санкционировал его идею экспроприировать железную дорогу... для того, чтобы воспрепятствовать распространению красной пропаганды» (С. 296).

В.М. и М.В. Крюковы утверждают, что русские белоэмигранты в Маньчжурии «не только планировали нападение на Советский Союз, но и осуществили эти свои планы» (С. 303). Правда, здесь авторы опираются лишь на мнения двух российских исследователей, не приводя никаких документов или фактов.

Седьмая глава исследования называется «Переговоры так и не начались». В разделе «Миссия Мельникова» показаны противоречия между разными группировками в НКВДе, между Л.М. Караханом и М.М. Литвиновым. Далее, в разделе «Встречи на станции Маньчжурия», приведены публикации из китайских газет о переговорах Мельникова в августе 1929 г. и последующих событиях. Авторы указывают, что в 1929 г. в очередной раз встал вопрос, чьей же собственностью была КВЖД, приводятся документы, указывающие на то, что и в СССР, в Китае были представления о том, что КВЖД была китайской собственностью. Проанализировав документы, авторы монографии пришли к выводу, что: «по точному смыслу Пекинского и Мукденского соглашений единственным и полным собственником дороги... является правительство СССР» (С. 334). Обозначен-

ное расхождение взглядов сторон на проблему собственности КВЖД обусловило множественность вариантов возможного развития событий и содержания переговоров по урегулированию конфликта. Говоря о противоречиях между Литвиновым и Караханом по вопросу о путях урегулирования конфликта, авторы замечают, что Сталин вообще не считал необходимым урегулировать конфликт, давал установку на «подрыв авторитета правительства Чан Кайши» (С. 348), а всех, кто допускал возможности компромиссов с Китаем, считал «оппортунистами».

Авторы утверждают, что «советская сторона перешла от военных демонстраций на границе к рейдам на китайскую территорию». Но ссылаются они здесь лишь на тайваньские публикации, не обращаясь к российским документам. Что касается описания дипломатических маневров китайской стороны, поисков выхода из кризиса Чжан Сюэлянем, то в работе представлен большой массив документов китайского происхождения, без которых действительно невозможно исследование данной проблемы. Удачным представляется постоянное обращение к дневнику Чан Кайши, помогающее увидеть не только позицию, но и эмоции китайского национального лидера в то сложное время. По тексту исследования, говоря о поисках выхода из тупиковой ситуации на переговорах, авторы озвучивают такой тезис: «"Мукден осуществляет экспроприацию дороги, Нанкин ответственен за ведение дальнейших переговоров" – такой принцип взаимодействия Национального правительства и местных маньчжурских властей был оговорен с самого начала, и Чан Кайши неукоснительно следовал ему на протяжении первых трех месяцев конфликта. В октябре он неожиданно изменил свою линию поведения и передал право ведения переговоров с русскими Чжан Сюэляню» (С. 364).

Глава под эмоционально ярким названием «На сопках Маньчжурии» предполагает описание военных действий. Начинается она с тезиса «На протяжении 1922-1929 гг. советское правительство не раз и не два обсуждало планы использования военной силы для решения проблемы

КВЖД» (С. 370). Однако исследование этого вопроса проведено без использования журналов боевых действий и других документов военного ведомства и советских спецслужб. Отсюда картина представлена не полная и не точная. Например, авторы утверждают, что 11 августа во время боя на ст. Маньчжурия «китайские части отступили», а «14 августа был захвачен город Мишань» (С. 371). Гораздо больше внимание авторы уделяют проблемам деятельности КПК и Коминтерна в связи с подготовкой военных действий Красной Армии. Здесь указывается, «левацкие настроения» традиционно приписываемые Ли Лисаню, на самом деле должны ассоциироваться с именем Чжоу Эньлая. Здесь же авторы восстанавливают доброе имя Лю Шаоци, пострадавшего во время «Культурной революции», в том числе и за свои неудачные действия в августе 1929 г. в Мукдене. Описание трех наступательных операций Красной Армии осенью 1929 г. дается лишь с опорой на советскую мемуарную литературу, но и этого достаточно, чтобы сделать вывод о бессосновательности доставшихся нам от советской историографии выводов по этим проблемам. Нам представляется спорным утверждение, что противоречия, которыми пропитаны мемуары участников событий, указывают лишь на то, что командованию ОКДВА не ясно было, с кем они воевали (С. 395). «Мемуары военачальников», тем более написанные и изданные через пол века после описываемых событий, являются в основе своей исторической литературой, выполнявшей задачи политико-пропагандистского характера. Интересным и полезным представляется нам использование авторами в качестве исторических источников частушки, бытовавшие в красноармейской среде во время конфликта. В своей работе авторы приводят опубликованный в газете «Peking & Tientsin Times» «план боевых действий ОКДВА», они отмечают, несмотря на отсутствие «прямых доказательств аутентичности данного документа» есть основания считать данный план достоверным (С. 398). Таким образом, авторы рассмотрели политическую ситуацию в связи с советскими наступательными

операциями осенью 1929 г., включая проблему согласования советских действий с Японией, но, собственно, самим военным событиям внимания уделили мало.

Девятая глава называется «В поисках мира», и начинается она с даты 26 ноября. Показательно, но авторы напрямую не связывают наступательные операции советских войск и начало советско-китайских переговоров. В работе по китайским источникам описывает неизвестная ранее поездка на переговоры из Харбина во Владивосток 19-22 ноября переводчиков советского консульства Нечаева и Кокорина в сопровождении офицера по фамилии Ван. Затем авторы пишут, что лишь в конце ноября Чжан Сюэлян под давлением своего окружения вынужден был согласиться начать переговоры на советских условиях, чем вызвал гнев Чан Кайши и «удивление» в других странах. Подробно рассматривая советско-китайские переговоры в декабре 1929 г., а также активность зарубежной дипломатии в связи с этим, авторы вводят в научный оборот большой массив документов китайского и американского происхождения.

Глава, посвященная Хабаровскому протоколу, названа авторами «Договор, заключенный под стенами капитулировавшей крепости». Одиннадцатая глава называется «На КВЖД восстанавливается статус-кво». Опираясь на документы, в основном советского происхождения, авторы приводят различные точки зрения и позиции сторон на будущее КВЖД. Здесь отмечается, что местное китайское население и власти спокойно и доброжелательно отнеслись к возвращению дороги под советский контроль. Но Москва особое внимание обращала на необходимость равноправного и плодотворного сотрудничества сторон на дороге. Далее, авторы отмечают: «восстановление на КВЖД status quo означало ширококомасштабную перетряску всего ее личного состава, что не могло не сказаться на функционировании дороги» (С. 494). Именно в январе 1930 г. произошло первое выступление китайских рабочих против советской администрации КВЖД. При этом, как показывают авторы,

прошедшая встряска не остановила «процесса разложения» и «обуржуазивания» советского руководства и «на КВЖД началась война компроматов» (С. 500).

Небольшой раздел, под названием «Вынужденное отступление от темы» посвящен «проблеме острова Хэйсяцзы» (Большого Уссурийского), который «не имеет отношения к событиям 1929 г.», но, по мнению китайских авторов, «был захвачен» Советским Союзом в 1929 г. (С. 505). Авторы восстановили ход событий, в связи с проблемой пограничного столба в устье Усури, с 1860 г. и до настоящего времени, доказав ошибочность сложившейся в китайской историографии точки зрения о территориальных приобретениях СССР в 1929 г.

Последняя глава обобщающего исследования по истории конфликта на КВЖД, «Московская конференция», посвящена проблемам подготовки и проведения советско-китайских переговоров в Москве. Конференция начала свою работу много позже назначенного срока, лишь 11 октября 1930 г. Переговоры об урегулировании двухсторонних отношений на КВЖД плавно перетекли в переговоры о выкупе китайцами дороги. А затем наступила эпоха японской оккупации Северо-Восточного Китая и Маньчжоу-го, когда реальным партнером-противником СССР на КВЖД стали японцы.

Для своего «Эпилога» авторы выбрали красноречивое название – «Восстановление прав СССР на КВЖД оказалось Пирровой победой». В разделе «Сдвиг в механизме принятия решений» показывается, как ослабляется аппарат НКВД и «Генсек берет бразды руководства внешней политикой в свои руки» (С. 548). Красноречивыми представляются такие замечания, как «В октябре в Сочи закончился курортный сезон, и генсек после трехмесячного отсутствия возвратился в Москву... и после этого он продолжал напрямую руководить ходом переговоров о продаже КВЖД» (С. 581). В разделе «С КВЖД нужно было что-то делать» авторы прослеживают, как «в советском руководстве крепло убеждение, единственным средством предотвратить захват КВЖД была

ее немедленная продажа», а приоритетным покупателем всегда виделась Япония. Далее дается подробное описание переговоров между Л.М. Караханом и Ян Хуэйцином по вопросу возможной продажи Советским Союзом КВЖД властям Маньчжоу-го. Авторы указывают, что переговоры между СССР и Маньчжоу-го зашли в тупик, и новые маньчжурские власти стали проводить политику, аналогичную политике 1929 г. Авторы, опираясь в основном на опубликованные советские документы, рисуют детальную картину сложных переговоров и связанных с ними событий в Маньчжурии. В конечном итоге, по мнению авторов книги, советская дипломатия «сражение проиграла», отдав японцам КВЖД за бесценок. В последнем параграфе эпилога, «Дальнейшая судьба участников исторической драмы», подводится итог: «Почти никто из тех, кто принимал непосредственное участие в описанных нами событиях, не пережил лихолетья большого террора» (С. 585).

Завершили свое исследование В.М. и М.В. Крюковы разделом «Некоторые итоги исследования». В параграфе «Чичерин был все-таки прав» авторы еще раз напоминают о «возмутительной ерунде “Правды”», утверждавшей, что в советско-китайском противостоянии мировые державы были на стороне Китая или готовили войну против СССР, и заявляют: «вопрос со сталинской версией событий в Маньчжурии можно считать исчерпанным» (С. 590). В параграфах «О роли Чжан Сюэяна в конфликте 1929 г.» и «Прислушивался ли Чжан Сюэян к глазу народа» говорится, что нельзя снимать ответственность за конфликт на КВЖД и с китайских политических деятелей. Далее авторы подытоживают: «Порочная в своей основе идея совместного управления Китайско-Восточной железной дороги принадлежала руководителям советского внешнеполитического ведомства, но в этом «в равной мере повинны китайские дипломаты» (С. 593).

Для убедительности представленной картины событий авторы богато иллюстрировали свою книгу копиями архивных документов, фотопортретами активных

участников событий, картами и другим иллюстративным материалом. Большой интерес представляют биографические данные отдельных активных участников конфликта на КВЖД. Из книги мы узнаем, что один из организаторов и вдохновителей антисоветского выступления Чжан Гочэнь после создания КНР жил в Пекине и преподавал в Народном университете. Люй Жунхуань в 1945 г. был отправлен в Сибирь как пособник японцев, где и умер. Публикация по тексту исследования большого объема источников в переводе с китайского на русский язык делает данную работу уникальной для отечественной исторической науки.

При внимательном прочтении монографии, можно заметить лишь редкие «недочеты». Например, не всегда по тексту ясно, какой документ в данном случае цитируется. В частности, авторы цитируют «доклад о поездке Кокорина и Нечаева», в котором о русских и китайцах говорится в третьем лице (С. 409-410). В действительности же, поиск подобного рода «замечаний» здесь представляется делом непростым. Перед нами во всех смыслах очень профессионально выполненная работа, в которой практически нет опечаток. В числе редких исключений можно отметить, что под фотографией Леонида Петровича Серебрякова стоят инициалы Л.Н. (С. 313). В работе нередко авторы не могут избежать эмоций. Присутствие такого рода высказываний: «Захлебываясь от подбострастия, ответ на этот вопрос предложил известный советский журналист Кольцов (Фридлянд), посвятивший свой восторженный опус 50-летию вождя народов» (С. 400). Однако авторы этот прием используют всегда к месту, удачно, и отнести это к недостаткам монографического исследования нельзя.

Главным достоинством представленного исторического исследования, является то, что авторы вводят в научный оборот огромный массив документов из фондов российских, китайских (Тайвань) и западных (Великобритания, США) архивов и подвергают их высокопрофессиональному сравнительному историческому

анализу. Но краткость источниковедческой части и неполный список источников (в сносках есть ссылки на документы, не попавшие в список), не дают полного представления об источниковой базе исследования. Например, Национальный архив США (USDS) упоминается лишь во введении, но нет его в списке источников и литературы. Особо хотелось бы отметить, что документы таких важных для исследования конфликта архива, как РГВА, использованы фрагментарно. Авторы не обращались к материалам, хранящимся в региональных архивах России и в различных музеях, не получили они доступа к документам архивов КНР. Но все это не снижает ценности данного исследования, «нельзя объять необъятного», а привлеченные документы позволили не только выполнить целостное и законченное исследование, но заложить основу для будущих исследований по проблемам советско-китайского конфликта на КВЖД.

Таким образом, представленная на суд читателей монография В.М. и М.В. Крюковых «КВЖД 1929» является редким по широте источниковой базы и глубине анализа проблем историческим исследованием. Работа тщательно выверена, грамотно оформлена и богато иллюстрирована. При цитировании китайских документов, для корректности перевода важнейших терминов иногда приводятся иероглифы. Исследование В.М. и М.В. Крюковых можно считать рубежным не только в историографии советско-китайского конфликта на КВЖД, но всей отечественной исторической науки. Это блестящий образец для отечественных историков, как можно и нужно выполнять свою работу.

Литература

Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т.2.: 1917-1922. – М.: Памятники исторической мысли, 2015. – 615 С.

Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т.2.: 1922-1926. – М.: Памятники исторической мысли, 2015. – 608 С.

Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо. – М.: ИВ РАН, 2017. – 624 С.

References

Kryukov, V.M.; Kryukov, M.V. Vesna i osen' revolyutsionnoy diplomatii: Pervoye desyatiletie sovetskoy politiki v Kitaye (Spring and Autumn of Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Policy in China). Vol.2.: 1917-1922. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2015. 615 p.

Kryukov, V.M.; Kryukov, M.V. Vesna i osen' revolyutsionnoy diplomatii: Pervoye desyatiletie sovetskoy politiki v Kitaye (Spring and Autumn Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Policy in China). Vol.2.: 1922-1926. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2015. 608 p.

Kryukov, V.M.; Kryukov, M.V. KVZHD 1929: Vzryv i echo (CER 1929: Explosion and Echo). Moscow: IV RAN, 2017. 624 p.

How the Comparative Analyses of Archival Sources and Historiography Can Help for the New Understanding of History. "The Explosion and the Echo. CER 1929." Monograph by V.M. Kryukov and M.V. Kryukov

Vladimir G. Datsyshen

Dr. of History, Professor,

Head of Department for World History,

Siberian Federal University;

Professor,

Hebei Normal University

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-168-170>

НАСТОЯЩИЙ СЕВЕР, СВОБОДНЫЙ И СИЛЬНЫЙ

Рецензия на книгу: Максимова Д.Д., Соколов В.И. Север и Арктика в политике и хозяйстве Канады. – М.: ИСКРАН, 2015. – 140 с.

Михаил Борисович Башкиров

к.и.н., доцент, кафедра международных исследований, СВФУ

Марина Юрьевна Велижанина

к.ю.н., зав. кафедрой международных исследований, СВФУ

В заголовок данного текста вынесены знаменитые слова канадского гимна о «настоящем Севере, свободном и сильном». Несомненно, Север и Арктика занимают важное место не только для национальной канадской идентичности, но и, что особо заметно в последние годы, играют все большую роль во внутренней и внешней политике «страны кленового листа». Сегодня мало кто из федеральных канадских политиков обходит вниманием северные вопросы, а общество становится все более осведомленным о проблемах канадской Арктики.

При этом до последнего времени арктическим сюжетам в отечественном канадоведении уделялось незаслуженно мало внимания. Без преувеличения можно сказать, что

монография сотрудников отдела Канады ИСКРАН Д.Д. Максимовой и В.И. Соколова «Север и Арктика в политике и хозяйстве Канады» появилась очень своевременно и призвана закрыть этот пробел в российском канадоведении. Кроме того, важно отметить, что данная монография стала одной из последних работ крупного исследователя и руководителя отдела Канады ИСКРАН Василия Ивановича Соколова.

Актуальность данной работы для российских исследователей трудно подвергнуть сомнению. Достаточно напомнить, что Канада, помимо сходства географических и природно-климатических условий, является «соседом» Российской Федерации через Северный полюс. Не вызывает сомнений и сходство проблем обеих стран на северном направлении: статус Северо-Западного прохода и Северного морского пути; политика в Арктическом совете; добыча полезных ископаемых и сопряженные с этим экологические риски, транспортные проблемы, положение коренного населения и др. Влияние на арктическую политику обоих государств оказывает и международная обстановка, и сегодня на повестке дня вновь встает проблема милитаризации арктических территорий. К сожалению, сегодня сотрудничество между двумя странами, несмотря на совпадающие интересы, практически заморожено, так как в 2014 году Канада ввела против России санкции. Остается лишь надеяться, что со временем

ситуация изменится в лучшую сторону, однако не приходится рассчитывать, что произойдет это в ближайшие годы.

Будучи, безусловно, арктической державой, Канада обладает весьма богатым и ценным опытом в отношении освоения Арктики, это касается социальной, административной, промышленной, экологической и многих других сфер. Каждое правительство страны провозглашает весьма амбициозные цели и строит новые планы относительно освоения региона. Однако северные территории страны служат и постоянным источником проблем, которые не находят своего быстрого решения. Достаточно напомнить, что Юкон, Нунавут и Северо-Западные территории до сих пор не обрели статуса провинций и управляются напрямую федеральным правительством. Также по-прежнему актуальными остаются социальные проблемы коренного населения, в частности, криминал, алкоголизм, наркомания, безработица, отсутствие доступа к образованию и возможности улучшить жилищные условия, исчезновение традиционных промыслов. Еще одна проблема канадской Арктики – ее малонаселенность: лишь несколько лет назад население всех северных территорий превысило отметку в 130 000 человек.

Серьезным достоинством работы является ее комплексность: авторы анализируют основные тенденции развития государственного управления, экономики и приоритеты северной политики Оттавы. Большое внимание уделяется экономике канадской Арктики, особенностям ее развития и проблемам. Авторы анализируют структуру хозяйства канадского Севера, проблемы энергоснабжения, углеводородный и горнопромышленный сектор. Пока что условий, созданных правительством, для диверсификации экономики Севера недостаточно – львиная доля компаний, работающих в регионе, по-прежнему ориентируется на добычу природных ресурсов, в особенности, минерального сырья. Стоит отметить, что дополнительную трудность в этой области создает необходимость учитывать интересы коренного населения территорий. Механизм взаимодействия властей с аборигенными сообществами в Канаде основывается на договорном регулировании. При этом практика заключения соглашений по т.н. земельным искам не единообраз-

на, согласно части этих соглашений коренные сообщества получили права на самоуправление, в соответствии с другими – нет. Такая ситуация способствует возникновению разногласий между аборигенными правительствами и территориальными властями, а также создает трудности для работы добывающих компаний. Как отмечают авторы, «противоречия между «трайбалистской» системой управления, основанной на традициях коренных народов, и государственным управлением во многом остаются неурегулированными до сих пор. Все это мешает не только разрешению земельных споров, но и тормозит развитие хозяйства северного региона»¹.

Авторы также справедливо указывают, что отсутствие развитой социальной инфраструктуры ведет к недостатку квалифицированных кадров, что в свою очередь служит препятствием к дальнейшему освоению региона.

Для Канады, как и для России важнейшей задачей на настоящий момент является эффективная реализация государственной стратегии развития северного региона. При этом для России важнейшей целью является создание эффективного механизма финансового обеспечения стратегии развития Арктической зоны. С этой точки зрения канадский опыт бюджетного регулирования северных территорий представляется весьма интересным. Полезным является и изучение провинциальной политики управления северными делами. Семь из десяти провинций Канады реализуют собственные программы развития Севера, но более важно то, что субъекты канадской федерации при этом активно взаимодействуют между собой.

Значительное место в работе занимает анализ международной политики Оттавы в Арктике и, особенно, ее проблемных зон, таких как статус Северо-Западного прохода и пограничные споры. Авторы не ограничиваются сегодняшним днем и рассматривают в ретроспективе подходы, используемые разными правительствами страны. Один из наиболее интересных

¹ Максимова Д.Д., Соколов В.И. Север и Арктика в политике и хозяйстве Канады. – М.: ИСКРАН, 2015. – С. 39. [Maksimova, D.D.; Sokolov, V.I.. Sever i Arktika v politike i khoziaistve Kanady (North and Arctic in Politics and Economy of Canada). Moscow: ISKRAN, 2015. P. 39.]

сюжетов, проанализированных авторами, это проблема канадского суверенитета в Арктике. Фактически, все существующие на сегодня приграничные споры в Арктике между Канадой и ее соседями (статус Северо-Западного прохода, разграничение акваторий в море Бофорта, территориальный спор о принадлежности острова Ханс с Данией) в разной степени несут угрозу суверенитету страны. «Проблемы укрепления национального суверенитета над канадским Арктическим архипелагом и прилегающими акваториями, а также вопросы расширения национальных прав на использование ресурсов континентального шельфа в арктическом регионе – важнейшие приоритеты нынешнего внешнеполитического курса Канады. Из-за труднодоступности и неосвоенности арктического региона эти проблемы длительное время оставались нерешенными»². Есть основания предполагать, что уже в ближайшем будущем данные проблемы могут обостриться в связи с таянием ледникового покрова, новыми маршрутами для навигации и возможностями доступа к новым минеральным месторождениям.

Не без учета этого фактора практика делимитации морских пространств в Арктическом регионе становится объектом пристального внимания со стороны соседей. В монографии приводится реакция властей Канады на заключение в 2010 году между Россией и Норвегией договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном ледовитом океане, который был воспринят как пример грамотного решения территориальных вопросов на основе политики добрососедства и стимул для окончательного разрешения территориальных разногласий между Канадой и США в море Бофорта.

В последние годы канадская внешняя политика в Арктике заметно активизировалась и стала более жесткой. Авторы в качестве одного из объяснений этого факта, наряду с внутривнутриполитическими вопросами, указывают на постепенное снижение роли страны в традиционно канадских вопросах мировой повестки дня: миротворчество, гуманитарная политика, содействие развитию³.

В работе затронуты и перспективы российско-канадских отношений в Арктике,

рассмотрены существующие между странами противоречия, включая совпадающие претензии на подводные хребты Ломоносова и Менделеева, а также общий негативный фон, связанный с украинскими событиями. Несмотря на это, вслед за авторами, хочется утверждать, что в суровом северном регионе между нами больше общего, чем различий. Это касается, и общих подходов к роли и развитию центрального арктического форума – Арктического совета, и понимания необходимости сохранения действующей системы взаимоотношений в регионе, основанной на Конвенции ООН по морскому праву, и позиции относительно статуса Северо-Западного прохода и Северного морского пути.

Таким образом монография «Север и Арктика в политике и хозяйстве Канады» даёт целостное объёмное представление о различных аспектах деятельности Канады на Севере и в Арктике. К слову, авторы не обошли вниманием и проблему определения терминов «Север» и «Арктика» в Канаде, рассмотрев концепцию, предложенную известным исследователем Луи-Эдмоном Амленом. Несомненно, данная работа представляет собой важный вклад в отечественное канадоведение.

Литература:

Макимова Д.Д., Соколов В.И. Север и Арктика в политике и хозяйстве Канады. – М.: ИСКРАН, 2015. – 140 с.

References:

Maximova, D.D.; Sokolov, V.I. Sever i Arktika v politike i khoziaistve Kanady (North and Arctic in Politics and Economy of Canada). Moscow: Institute for the U.S. and Canadian Studies, 2015. 140 p.

**The True North, Strong and Free
Book review: Maximova, D.D.;
Sokolov, V.I. Sever i Arktika v politike i
khaziaistve Kanady (North and Arctic
in Politics and Economy of Canada).
Moscow: Institute for the U.S. and
Canadian Studies, 2015. 140 p.**

Mikhail B. Bashkirov,
Candidate of History,
Associate Professor, NEFU

Marina Yu. Velizhanina,
Candidate of Law,
Head of Department for International
Studies, NEFU

² Ibid. С. 81.

³ Ibid. С. 112.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «МИРОВОЕ КОМПЛЕКСНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ»

19 апреля 2018 года в МГИМО МИД России прошел инновационный научно-методический семинар «Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике». Мероприятие было приурочено к презентации вышедшего в свет двухтомного учебно-методического комплекса: «Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике: учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний / в 2 т. / под ред. А.Д. Воскресенского. Москва: МГИМО-Университет, 2018», продолжившего вышедшую ранее серию учебников и учебно-методических комплексов МГИМО Университета по комплексному регионоведению¹. Семинар прошел при информационно-организационной поддержке журнала «Сравнительная политика» (*Comparative Politics Russia*).

Семинар был организован в формате круглого стола, участие в котором приняли четыре группы участников. *Первая группа* была представлена сотрудниками МГИМО

Университета, включая авторов учебно-методического комплекса: проф. кафедры востоковедения А.Д. Воскресенский, доценты кафедры востоковедения Е.В. Колдунова, К.А. Ефремова, А.А. Киреева, доценты кафедры сравнительной политологии И.В. Кудряшова и И.Ю. Окунев, старший научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов А.В. Виноградов, преподаватель кафедры мировой экономики Е.А. Сергеев, преподаватель кафедры мировых политических процессов Д.А. Кузнецов. *Вторую группу* участников сформировали преподаватели и научные сотрудники других университетов России, реализующие программы по направлению «Зарубежное регионоведение»: проф. В.И. Журавлева (РГГУ), проф. С.А. Романенко (РГГУ), доц. М.А. Дьяконова (Государственный университет управления), доц. О.В. Зиневич (Новосибирский государственный технический университет), проф. М.Ю. Мартынова (Российский государственный социальный университет), проф. А.В. Митрофанова (Финансовый университет, РГГУ), доц. М.М. Сиротинская (РГГУ, Российская Академия Наук), Н.А. Черкасова (проректор Института стран Востока) и доц. Э.З. Ягнакова (Челябинский государственный университет). Инновационность научно-методического семинара также заключалась в том, что активное участие в дискуссии приняли не только две указанные группы препода-

¹ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2015, 2016, 2017, 2018. Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2014, 2015, 2016. Мировое комплексное регионоведение и международные отношения. Учебное пособие для гуманитарных факультетов Вузов. / под ред. А.Д. Воскресенского. Т.1-2. М.: МГИМО Университет МИД России, 2005.

давателей, но и *две другие*: ныне обучающиеся студенты по направлению «Зарубежное регионоведение», а также выпускники соответствующих программ, которые являются аспирантами и сотрудниками государственных, образовательных и аналитических учреждений, среди которых П.В. Осколков (МГУ) и Р. Мамедов (РСМД) и др. Участие в обсуждении четырех разных групп участников позволило осветить проблематику под разными углами, высветить наиболее важные вопросы и оценить степень их отражения в учебно-образовательных программах комплексного профиля.

Руководителем научно-методического семинара выступил директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, д.полит.н., проф. А.Д. Воскресенский, который открыл мероприятие, рассказал о структуре учебно-методического комплекса, а также о ключевых тенденциях и дискуссиях в рамках современных комплексных регионоведческих исследований, пригласив участников круглого стола обсудить наиболее актуальные вопросы организации учебного процесса по направлению «Зарубежное регионоведение», поделиться опытом и обрисовать дальнейшие перспективы.

Дискуссия началась с обсуждения вопроса, каким образом лучше всего объяснять студентам междисциплинарные особенности мирового комплексного регионоведения и как отразить эти особенности в лекциях, заданиях практических занятий и экзаменационных вопросах. Дискуссия о междисциплинарности и комплексности исследований затронула также вопрос о подготовке экспертов-профессионалов по конкретным проблемам международной проблематики, которые могут углубленно, комплексно, непредвзято и на глубоком научном уровне анализировать и объяснять усложняющийся круг международных проблем, в том числе и межрегионального взаимодействия. Участники круглого стола рассказали об опыте собственных образовательных программ, обсудили возможности использования методов сравнительного мирополитического анализа и межпарадигмального подхода, наработок политической теории и теории меж-

дународных отношений, соотношения количественных и качественных исследований. Затем коллеги остановили свое внимание на том, в каких формах эффективнее всего проводить лекционные и практические занятия, как организовать работу с основной и дополнительной литературой, какие форматы проверочных и экзаменационных работ наиболее обоснованы, как научить студентов готовить качественные аналитические работы, а также как понять, что необходимые компетенции действительно сформированы в ходе обучения. Участники семинара обсудили актуальные проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели, в частности проблемы отбора литературы, апробации новейших методик обучения, эффективных форм проверки остаточных знаний по мировому комплексному регионоведению, включая методику конструирования тестов и проведения компьютерного тестирования. Отдельно было отмечено важность создания в обсуждаемом учебно-методическом комплексе глоссария основных категорий и понятий мирового комплексного регионоведения. Студенты и выпускники поделились также своими впечатлениями и мнениями относительно реализации программы по направлению «Зарубежное регионоведение». Во время обсуждения не раз подчеркивалась необходимость создания онлайн-курса на основе наработок, многие из которых уже отражены в учебно-методическом комплексе и в серии учебников по мировому комплексному регионоведению, вышедшей в 2014-2015 году под редакцией А.Д. Воскресенского, и неоднократно переизданной.

Гости семинара поблагодарили коллектив авторов нового учебно-методического комплекса, а также организаторов круглого стола за возможность обсудить актуальные вопросы учебно-методического обеспечения образовательных программ по направлению «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» и выразили желание продолжить обсуждение этих проблем на дальнейших семинарах.

mgimo.ru/about/news/departments/nauchno-metodicheskij-seminar-mirovoe-kompleksnoe-regionovedenie-v-pedagogicheskoy/

НАШИ ПАРТНЕРЫ

Научный и информационный
гуманитарный журнал

«ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ»

<http://tsennosti.instet.ru>

Журнал включен в **Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК**, рекомендуемых для публикации научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещен на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru; в российские и международные базы данных, в том числе: OCLC Worldcat, BASE, ROAR, RePEc, OpenAIRE, Соционет, EBSCO A-to-Z, EBSCO Discovery Service.

СОДЕРЖАНИЕ №1(53)-2018

ТЕОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Е.Е. Балданмаксарова. Литературная классика в диалоге культур Востока и Запада (опыт межкультурного диалога Л.Н. Толстого и буддийского монаха Г. Гомбоева)

Н.В. Кольцова, Н.Л. Чулкина. Сопоставление концептуальных полей «богатство/бедность» в китайской и русской лингвокультурах: анализ результатов ассоциативного эксперимента и социологического опроса

Н.Н. Шатохина. Религиозный и художественный символ в системе культуры

Н.Е. Косовцов. Классическое вокальное образование в России в XIX веке. Теоретические основы и традиции

ИСТОРИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

О.Т. Лойко, С.В. Дрыга, В.В. Соболевская. Кантемиры: современность памяти

ДИАГНОСТИКА СОЦИУМА

Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. Мир ценностей молодого поколения россиян и казахов

А.Е. Левинтов, М.М. Шалашова. Педагогика третьего возраста

ТРИ «М»: МЕТОДОЛОГИЯ — МЕТОДИКА — МЕТОД

П.Л. Пеккер Ключевые профессиональные компетенции для преподавателей массовых открытых онлайн-курсов (МООК)

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

В.Л. Курабцев Отказ от бытия для самого себя. (Любовь и ее антипод)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОБЫТИЯ

КОНКУРСЫ

ПЕРВОИСТОЧНИК

ЖУРНАЛ «МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – 70542. Периодичность – 12 раз в год. Формат, объем – А4, 128 с.

Многогранность: большой стратегический отчет Страны Шанхай • Фактор роста на валютной торговле стран еврозоны • Новые аспекты интеграции и «реиндустриализации» Германии • Экономические кризисы в Китае и развивающемся мире

Ведущее издание в России и СНГ по актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам международной политики, мирохозяйственных связей, развития отдельных стран и регионов.

На страницах журнала находят отражение тенденции мирового развития; теория и практика международных отношений; проблемы без-

опасности, глобализации, миграции населения; актуальные вопросы экономики и экономической теории; инновации, научно-технический прогресс; экономические и политические проблемы отдельных стран и регионов; международный терроризм; экологические вызовы; ситуация на постсоветском пространстве.

Распространяется только по предварительной подписке,

в розничную продажу не поступает.

Возможные варианты подписки:

– на сайте Издательства «Наука»

<http://www.naukaran.com/zhurnali/podpiska-na-zhurnaly/>;

– по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС), раздел «АРСМИ», индекс журнала 70542;

– непосредственно в редакции (для льготных категорий подписчиков);

– подписка на электронную версию осуществляется на сайте libnauka.ru и портале Научной электронной библиотеки eLIBRARY.ru

ДАЙДЖЕСТ НОВОСТЕЙ «МОСТЫ»

Информационно-аналитическая публикация «Мосты» – русскоязычное издание в семействе бюллетеней «Bridges», которое предоставляет актуальную информацию по вопросам международной торговли и устойчивого развития. Бюллетень «Мосты» и Дайджест новостей «Мосты» издаются Международным центром по торговле и устойчивому развитию (ICTSD) совместно с Центром по окружающей среде и устойчивому развитию «Эко-Согласие» с октября 2007 года.

Всемирный банк прогнозирует рост цен на сырьевые товары в 2018 году

Всемирный банк представил доклад «Перспективы товарно-сырьевых рынков», в котором сделан прогноз о повышении цен на нефть.

Многосторонние банки развития представили совместный доклад о влиянии технологий на рабочие места

Четыре региональных многосторонних банка развития: Африканский банк развития,

Азиатский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития и Межамериканский банк развития представили совместное исследование «Будущее работы: региональные перспективы».

Правительство России одобрило проект временного соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Ираном

Председатель Правительства России Дмитрий Медведев подписал распоряжение, которым одобрен проект временного соглашения о создании зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Ираном сроком на четыре года.

Антониу Гутерриш призвал страны к устранению неравенства в мире и установлению справедливости в международной торговле

Выступая на Боаском азиатском форуме, глава ООН отметил необратимость процессов глобализации и призвал страны отказаться от протекционизма и осуществлять справедливый диалог в международной торговле. и многое другое...

Дополнительная информация и возможность подписки на сайте:

<https://ru.ictsd.org/bridges-ne>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редационный совет и редакция журнала рассматривают **авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа.** К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту svavnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакторский цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200–250 слов);
- ключевые слова (7–12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

- abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов);
- key words (7–12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Например: книга¹, статья², материал из Интернета³.

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

- ¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конвент-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].
- ² Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskressenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].
- ³ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI - Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal *Comparative Politics* in RSCI - Web of Science) / *Journal Comparative Politics Site*. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider **original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals**. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- .doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 cm, upper, lower and right – 2 cm;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);
- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. For example: a book⁴, an article⁵, Internet page⁶.

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

⁵ Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskresenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].

⁶ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI – Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal Comparative Politics in RSCI-Web of Science) / Journal Comparative Politics Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].